

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 9 № 4 / 2019

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 9 № 4 / 2019

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Исторические науки и археология: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Глухова Александра Викторовна, д-р полит. наук, профессор, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Курбанов Рашад Афатович, д-р юрид. наук, профессор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Ларина Ольга Григорьевна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Марковичева Елена Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, Россия)

Молокова Маргарита Александровна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Чубаров Вадим Витальевич, д-р юрид. наук, профессор, Торгово-промышленная палата Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя и издателя:

305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-44621 от 15.04.11).

ISSN 2223-1501 (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2019

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется по подписке. Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 02.09.19. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Усл.печ.л. 31,3.

Тираж 1000 экз. Заказ 76.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta
Seriya: Istoriya i pravo)

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Historical Studies and Archaeology: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Russia, Kursk)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Russia, Kursk)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo)

Aleksandra V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Russia, Moscow)

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Russia, Kursk)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Russia, Kursk)

Rashad A. Kurbanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Olga G. Larina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Elena V. Markovicheva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Russia, Moscow)

Margarita A. Molokova, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Russia, Kursk)

Larisa G. Tatyina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Russia, Izhevsk)

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Vadim V. Chubarov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

Official address of the Publisher:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-44621 of 15.04.11).

ISSN 2223-1501 (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Southwest State University, 2019

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,

305040, Russia, Kursk,

ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.

Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 02.09.19. Format 60x84/8.

Offset paper. Printer’s sheets: 31,3.

Circulation 1000 copies. Order 76.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	10
Феномен «теократической» государственности в политико-правовых взглядах Л. А. Тихомирова.....	10
<i>Алонцева Д. В.</i>	
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО	17
Охрана здоровья и социальная помощь: правовая архитектура в контексте обеспечения социального благополучия граждан.....	17
<i>Воронцова Е. В.</i>	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	27
Приобретение гражданства Российской Федерации жителями Луганской и Донецкой областей: проблемы и перспективы.....	27
<i>Гуторова А. Н.</i>	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	35
Особенности международно-правового регулирования правового статуса детей, оставшихся без родительского попечения.....	35
<i>Калинина Н. Н.</i>	
Медиативная оговорка в договорных правоотношениях: проблемы исполнения.....	44
<i>Сурков А. Н., Шашкина Е. А., Швырев Г. С.</i>	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	51
Качество и безопасность пищевой продукции как фактор общественного здоровья: социально-правовой анализ основных рисков.....	51
<i>Воронцова Е. В., Воронцов А. Л.</i>	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС.....	64
Современная политика противодействия преступности несовершеннолетних и её постулаты.....	64
<i>Назаренко Г. В.</i>	
Принцип состязательности и активность председательствующего в суде с участием присяжных заседателей: проблемы теории и практики.....	72
<i>Чистилина Д. О.</i>	
О соответствии мусульманского уголовного права общепризнанным правовым ценностям.....	82
<i>Шахбазов Р. Ф., Шатанкова Е. Н.</i>	
СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	97
Информационные технологии как фактор системной трансформации институтов судопроизводства.....	97
<i>Капустин О. А.</i>	
ПОЛИТОЛОГИЯ	108
Геополитический треугольник «Россия, Балканы, Евразия» в контексте евразийского проектирования... 108	
<i>Огнева В. В.</i>	
Уголовно-правовая политика в эпоху постмодерна.....	118
<i>Назаренко Г. В., Ситникова А. И.</i>	
К вопросу о визуальной составляющей политического просвещения.....	125
<i>Гогуадзе М. Г.</i>	

Приоритеты государственной политики в посланиях Президента России Федеральному Собранию.....	132
<i>Панова Е. С., Ястребов А. Е.</i>	
Политические партии как фактор эволюции политических процессов в Республике Южная Осетия.....	141
<i>Алборова Д. Г., Койбаев Б. Г.</i>	
Некоторые проблемы развертывания и трансформации миротворческих операций ООН с участием полицейского компонента.....	151
<i>Тишков С. А.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	163
Законотворческая деятельность государственных органов Российской империи в сфере военной гидрометеорологии (1876–1917 годы).....	163
<i>Жуматий В. И., Прямицын В. Н.</i>	
Разведывательные данные о японском флотоводце, контр-адмирале Сигэто Дева накануне Русско-японской войны 1904–1905 годов.....	173
<i>Гуринов С. Л.</i>	
Общества нетрезвости в России (XVII–XIX века).....	180
<i>Горюшкина Н. Е.</i>	
Внеклассная работа в средних специальных учебных заведениях Курской области в 1960–1980-е годы.....	189
<i>Сойников А. А., Масленников И. П.</i>	
Специфика устройства земских страховых пенсионных касс в Российской империи в начале XX века.....	200
<i>Кульчитцкий А. В.</i>	
Влияние Русско-японской войны 1904–1905 годов на призрение семейств нижних воинских чинов.....	208
<i>Чубаров А. И.</i>	
Общественно-политические выступления учащейся молодёжи за реформы системы народного образования в Российской империи в 1905 году (на примере Курской губернии).....	214
<i>Цуканова О. М., Карпова Г. Г.</i>	
Формирование и развитие системы российско-украинской взаимопомощи по борьбе с преступностью в приграничных районах на рубеже XX–XXI веков.....	226
<i>Кабанов Е. А., Еськова Л. К.</i>	
Зарождение воздушных десантов, их применение в начале Второй мировой войны и деятельность Осоавиахима по подготовке населения к их отражению.....	236
<i>Юдахин Ю. А.</i>	
Анонсы на страницах южнороссийской прессы как реклама в деле становления и развития театрального искусства в Крыму (XIX – начало XX века).....	248
<i>Шендрикова С. П.</i>	
Цыгане Российской империи (историографический обзор).....	259
<i>Шайдуров В. Н., Алешин П. Н.</i>	
К сведению авторов.....	259

CONTENT

ORIGINAL ARTICLES

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW	10
The Phenomenon of "Theocratic" State in Political and Legal Views of L. A. Tikhomirov.....	10
<i>Alontseva D. V.</i>	
CONSTITUTIONAL LAW	17
Health and Social Help: Legal Architectonics in the Context of Social Welfare Provision.....	17
<i>Vorontsova E. V.</i>	
INTERNATIONAL LAW	27
Acquisition of Citizenship of the Russian Federation by Residents of Lugansk and Donetsk Regions: Problems and Prospects.....	27
<i>Gutorova A. N.</i>	
CIVIL LAW	35
Features of the International Legal Regulation of the Legal Status of Children left Without Parental Care.....	35
<i>Kalinina N. N.</i>	
The Mediation Reservation in Contractual Legal Relationship: Execution Problems.....	44
<i>Surkov A. N., Shashkina E. A., Shvyrev G. S.</i>	
ADMINISTRATIVE LAW	51
The Quality and Safety of Food Products as a Factor in Public Health: a Socio-Legal Analysis of the Main Risks.....	51
<i>Vorontsova E. V., Vorontsov A. L.</i>	
CRIMINAL LAW AND PROCEDURE	64
The Modern Policy of Antijvenile Delinquency and its Postula-You.....	64
<i>Nazarenko G. V.</i>	
The Principle of Adversarial and the Activity of Presiding Judge in Court with Participation of Jurors: the Problems of Theory and Practice.....	72
<i>Chistilina D. O.</i>	
On Compliance of Muslim Criminal Law with Generally Recognized Legal Values.....	82
<i>Shahbazov R. F., Shatankova E. N.</i>	
JUDICIAL ACTIVITY	97
Information Technology as a Factor Systemic Transformation of Judicial Institutions.....	97
<i>Kapustin O. A.</i>	
POLITICAL SCIENCE	108
Geopolitical Triangle "Russia, the Balkans, Eurasia" in the Context of Eurasian Design.....	108
<i>Ogneva V. V.</i>	
Criminal Law Political in Postmodern Times.....	118
<i>Nazarenko G. V., Sitnikova A. I.</i>	
To the Question of Visual Component Political Education.....	125
<i>Gogvadze M. G.</i>	
State Policy Priorities in the President's Message to the Federal Assembly.....	132
<i>Panova E. S., Yastrebov A. E.</i>	
Political Parties as Factor of Evolution of Political Processes in South Ossetia.....	141
<i>Alborova D. G., Koybaev B. G.</i>	

Some Problems of Deployment and Transformation of un Peacekeeping Operations with the Police Component Participation.....	151
<i>Tishkov S. A.</i>	
HISTORICAL SCIENCES	163
Legislative Activity of the Russian Empire State Authority in the Sphere of Military Hydrometeorology (1876–1917).....	163
<i>Zhumatiy V. I., Pryamitsyn V. N.</i>	
Intelligence About the Japanese Naval Commanders, Rear Admiral Shigeto Deva on the Eve of the Russian-Japanese War of 1904–1905.....	173
<i>Gurinov S. L.</i>	
Societies of Non-Travelity in Russia (XVII–XIX Centuries).....	180
<i>Goryushkina N. E.</i>	
Extracurricular Activities in the Secondary Specialized Educational Institutions of the Kursk Region in 1960–1980 s.....	189
<i>Soynikov A. A., Maslennikov I. P.</i>	
The Specifics of the Device Zemstvo Insurance Pension Funds in the Russian Empire in the Early XX Century.....	200
<i>Kulchitsky A. V.</i>	
The Influence of Russian-Japanese War in 1904-1905 on the Care for Families of Lower Rank Military Men...208	
<i>Chubarov A. I.</i>	
Socio-Political Performance Students Youth for Reform Public Education in Russian Empire of 1905 (on Example of Kursk Province).....	214
<i>Tsukanova O. M., Karpova G. G.</i>	
The Formation and Development of Russian-Ukrainian Cooperation in the Fight Against Crime in Border Areas at the Turn of XX – XXI Centuries.....	226
<i>Kabanov E. A., Eskova L. K.</i>	
The Origin of Airborne Assault Forces, their USE at the Beginning of World War II and the Activities of Osoaviahim in Preparing the Population for their Reflection.....	236
<i>Yudakhin Y. A.</i>	
Announcements on the Pages of the South Russian Press as Advertisement in the Case of Formation and Development of Theater Art in Crimea (XIX – the Beginning of the XX Century).....	248
<i>Shendrikova S. P.</i>	
Gypsies of the Russian Empire (Historiographical Review).....	259
<i>Shaidurov V. N., Alyoshin P. N.</i>	
Information for authors	269

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 340.122

Феномен «теократической» государственности в политико-правовых взглядах Л. А. Тихомирова

Д. В. Алонцева¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина», Российская Федерация, 399770, Липецкая область, Елец, ул. Коммунаров, 28/1

✉ e-mail: dina.alontseva@mail.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена актуальным вопросам истоков идей теократической государственности в государственно-правовых взглядах русского философа, общественного деятеля Льва Александровича Тихомирова (1852–1923 гг.). Сделан акцент на том, что одной из господствующих идей политико-правовой мысли дореволюционной России была идея поиска оптимальных вариантов государственного развития.

Цель исследования состоит в рассмотрении феномена «теократической» государственности в политико-правовых воззрениях Л. А. Тихомирова.

Задачи обусловлены целью исследования и направлены на рассмотрение жизненного и творческого пути Л. А. Тихомирова, характеристику его взглядов на феномен «теократической» государственности.

Методология. При написании данной работы использовалась широкая методологическая база, характерная для теории государства и права, истории учений о праве и государстве. Основу составили три группы методов: всеобщие, общенаучные, специально-юридические.

Результаты проведенного исследования позволили автору реконструировать мировоззренческую позицию русского философа и общественного деятеля Л. А. Тихомирова на сущность теократической государственности.

Вывод. Феномен теократии рассматривался философом сквозь призму верховной власти, непосредственным атрибутом которой был принцип нравственности. Нравственность власти философ связывает с нацией, поскольку именно верования и идеалы народа составляют ключевой принцип реалии самой власти. Отдельного внимания в творчестве Л. А. Тихомирова заслуживает идея соотношения монархии и теократии. Если первая, по его мнению, представляет интерес с точки зрения формы государства, то вторая – с позиции оправдания существования самой государственности.

Ключевые слова: политико-правовая мысль; взгляды на государство; общественное устройство; теократическая государственность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Алонцева Д. В. Феномен «теократической» государственности в политико-правовых взглядах Л. А. Тихомирова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 10–16.

The Phenomenon of "Theocratic" State in Political and Legal Views of L. A. Tikhomirov

Dina V. Alontseva¹ ✉

¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University", 28/1, Kommunarov str., Lipetsk region, Yelets, 399770, Russian Federation

✉ e-mail: dina.alontseva@mail.ru

Abstract

Relevance. The article is devoted to the topical issues of the origins of the theocratic statehood ideas in the state-legal views of the Russian philosopher and public figure Lev Alexandrovich Tikhomirov (1852-1923). Emphasis is placed on the fact that one of the dominant ideas of political and legal thought of pre-revolutionary Russia was the idea of finding the best options for state development.

The purpose of the study is to examine the phenomenon of "theocratic" statehood in the political and legal views of L. A. Tikhomirov.

Objectives: determined by the purpose of the study and aimed at considering the life and career of L. A. Tikhomirov, the characteristics of his views on the phenomenon of "theocratic" statehood.

Methodology. In writing this work, we used a broad methodological framework characteristic of the theory of state and law, the history of the teachings of law and the state. The basis was made by three groups of methods: General, General scientific, special-legal.

The results of the study allowed the author to reconstruct the worldview of the Russian philosopher and public figure L. A. Tikhomirov on the essence of theocratic statehood.

Conclusion. The phenomenon of theocracy was considered by the philosopher through the prism of the Supreme power, the direct attribute of which was the principle of morality. The philosopher links the morality of power with the nation, since it is the beliefs and ideals of the people that constitute the key principle of the reality of power itself. Special attention in the works of L. A. Tikhomirov deserves the idea of the relationship between the monarchy and theocracy. If the first, in his opinion, is of interest from the point of view of the form of the state, the second from the position of justifying the existence of the state itself.

Keywords: political and legal thought; views on the state; social structure; theocratic statehood.

Conflict of interest. The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Alontseva D. V. The Phenomenon of "Theocratic" State in Political and Legal Views of L. A. Tikhomirov. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 10–16 (in Russ.).

Введение

Русская православная государственно-правовая традиция, на которой строится вся система взаимодействия институтов власти и религии, является правопреемницей Византийской империи. Так уж исторически сложилось, что религиозное сознание имманентно присуще человеческой истории, а православие было основой духовно-нравственного развития

государственности и способствовало воплощению в жизнь христианского религиозно-нравственного идеала. Начало XX века в истории нашего государства характеризуется коренными изменениями не только в структуре государственного механизма, но и во всех сферах общественной жизни. Политика религиозного атеизма, выбранная в качестве духовной основы развития государства, повлекла необратимые изменения во всей государ-

ственной системе, последствия которых остро ощущаются в настоящее время. Как отмечают современные ученые, «раскол общества, произошедший в тот период, заключался не столько в экономической, социальной и политической сферах жизнедеятельности, сколько в духовной сфере, поскольку духовный кризис, охвативший сознание людей той эпохи, определил мировоззренческие позиции населения страны на долгие годы» [1, с. 141]. Потеря духовных ценностей в сознании населения повлекла за собой духовно-нравственный кризис в мировоззрении граждан. В этой связи обращение к политико-правовым доктринам отечественной мысли начала прошлого столетия вполне оправданно и своевременно, поскольку ученые той эпохи пытались выстроить оптимальные варианты государственного развития.

Методология

При написании данной работы использовалась широкая методологическая база, характерная для теории государства и права, истории учений о праве и государстве. Основу составили три группы методов:

– всеобщие (диалектический метод, в рамках которого для исследования отдельных проблем темы применялись такие общелогические приёмы, как анализ, синтез, восхождение от конкретного к абстрактному);

– общенаучные (исторический, формально-логический, системный и др.);

– специально-юридические (формально-юридический, сравнительно-правовой, методы государственно-правовой экстраполяции и реконструкции правовых явлений прошлого).

Результаты и их обсуждение

Наиболее ярким представителем, разработавшим концепцию национальной идеи, был воспитанный в традициях духовной среды русский интеллигент Лев

Александрович Тихомиров (1852–1923 гг.). «Герой политического безвременья», так охарактеризовал ученого В. Невский на страницах книги «Воспоминания Льва Тихомирова» [2, с. 9]. Действительно, мировоззренческий путь мыслителя был двояким – от яростного противника самодержавного строя до разработки концепции монархической государственности.

В июне 1879 г. Л. А. Тихомиров принимал участие в работе Липецкого съезда тайного революционного общества «Земля и воля». Основным вопросом, обсуждаемый на съезде, касался политической борьбы с самодержавием методом террора. Терроризм, в понимании Л. А. Тихомирова, – это «попытка начать революцию с теми, которые имелись в наличии» [3, с. 104]. Совместно с А. Д. Михайловым, А. А. Квятковским, Н. А. Морозовым, А. И. Баранниковым, М. Н. Ошаниным, А. И. Желябовым, Н. И. Колодкевичем, Г. Д. Гольденбергом, С. Г. Ширяевым, М. Ф. Фроленко был создан Исполнительный комитет Социально-революционной партии, принят ее устав и разработана концепция деятельности. По воспоминаниям В. Н. Фигнера, Л. А. Тихомиров не принадлежал «к той группе народовольцев, которая немедленно превращала свое слово в дело» [4, с. 10]. Позиция философа в тот временной период базировалась на лозунге «борьба наша есть борьба за власть народа» [5, с. 13].

Революционные настроения в мировоззрении Л. А. Тихомирова преобладали недолго: поддержав ряд революционных идей, ученый был подвержен аресту в ноябре 1873 г. и осужден по «процессу 193-х». По его собственным воспоминаниям, «суд строго осудил людей безобидных и очень легко опасных <...> государь все это изменил, усилив наказание опасным <...> моя виновность была очень невелика, а просидел я в тюрьме 4 года 3 месяца и 6 дней <...> а затем меня сослали» [3, с. 112].

Однако Л. А. Тихомиров бежал от ссылки, начав жизнь в эмиграции, сначала в Швейцарии, а затем во Франции. Период жизни за рубежом можно охарактеризовать как сложное время не только в творчестве ученого, но и в личной (семейной) жизни. Молодой отец познал все невзгоды семейной жизни, нехватку материальных средств, отсутствие достойных жилищных условий, болезнь сына, неостребованность как общественного деятеля и ученого. Мысль о том, что делать в сложившейся ситуации, мучила Л. А. Тихомирова и стала поводом переосмысления его жизненного кредо. «И в одну такую минуту "мистического настроения", – по его собственным воспоминаниям, – ему дается ответ "И избавил его от всех скорбей его и даровал мудрость ему и благоволение царя египетского, фараона"» [6, с. 41]. Эта религиозная догма глубоко затрагивает его сознание, коренным образом меняет его революционное мировосприятие, зарождая идею о подаче прошения царю о возвращении в Россию.

В мае 1888 г. Т. А. Тихомиров заканчивает работу над своим научным трудом «Почему я перестал быть революционером» [7], публикует его и один экземпляр отправляет в департамент государственной политики с прошением об обращении к государю с целью возврата в Россию. Получив положительный ответ, Л. А. Тихомиров возвращается на Родину с ультра-монархическими воззрениями.

Рассмотрев некоторые этапы жизненного пути философа, поняв мировоззренческие истоки теократической государственности, постараемся дать характеристику феномена «теократической государственности» в политико-правовых взглядах мыслителя.

И для изучения феномена теократии необходимо обратиться к идеям русского мыслителя Л. А. Тихомирова, который считал, что основных типов, форм власти, которые существуют независимо от

их эволюции, три – монархия, аристократия и демократия: «Необходимо признать все три формы власти особыми, самостоятельными типами власти, которые не возникают один из другого, но сосуществуют постоянно рядом <...> в той или иной форме Верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни <...> как наивысший, этот принцип становится неограниченным, самодержавным <...> всякая верховная власть идеократична, т. е. находится единственно под властью своего идеала <...> эта нравственная или идеократическая подкладка Верховной власти настолько ощутительна, что многие исследователи политических учреждений старались установить связь между формой Верховной власти и нравственным состоянием нации <...> эта связь, мне кажется, может быть определена вполне точно <...> в различных формах Верховной власти выражается то, какого рода силе нация по нравственному состоянию своему наиболее доверяет <...> демократия выражает доверие к силе количественной <...> аристократия выражает преимущественное доверие к авторитету, проверенному опытом; это есть доверие к разумности силы <...> Монархия выражает доверие по преимуществу к силе нравственной» [8, с. 64–68]. Из приведенного рассуждения ученого прослеживается своеобразная интерпретация сущности власти исходя из ее типологии. Отрадно то, что высшей властью в государстве, по мнению Л. А. Тихомирова, является верховная власть, обладающая качеством нравственности. Нравственность власти философ связывает с нацией, поскольку именно верования и идеалы народа составляют ключевой принцип реалии самой власти.

Особенно значительное внимание русский философ уделяет определению термина «Верховная власть», который, по его словам, означает «выражение прин-

ципа, принимаемого нацией за объединительное начало <...> когда возникает государство – это означает, что возникает идея некоторой Верховной власти, не для уничтожения частных сил, но для их регулирования, примирения и вообще соглашения <...> смысл Верховной власти состоит в общем обязательном примирении» [8, с. 45], т. е. верховную власть, о которой говорит Л. А. Тихомиров, можно назвать также и мировоззренческой моделью, принципами которой руководствуется государство.

С этих позиций очевидной представляется связь теократии и монархии: «Если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является численная сила, количественная, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому <...> все эти формулы демократической дисциплины мы хорошо знаем по своим народным пословицам <...> если всеобъемлющие идеалы не сознаются достаточно ярко всеми, но при этом все-таки в народе имеется вера в существование разумного закона общественных явлений, то появляется господство аристократии, людей «лучших», способных по своей природе указать эту социальную разумность <...> если, наконец, в нации жив и силен некоторый всеобъемлющий идеал нравственности, всех во всем приводящий к готовности добровольного себе подчинения, то появляется Монархия» [8, с. 68–69].

Монархической государственности Российская империя обязана Византии. Философ детальным образом рассматривает вопрос о происхождении монархической власти, говоря о «царственном праве» на верховную власть, которым обладали представители правящей династии. Ученый, выделяя три типа монархии: самодержавную, абсолютистскую и

деспотическую, говорил о необходимости их сочетания, в случае преобладания какого-то одного возможны последствия как прогрессивного развития, так и регрессивного движения [8, с. 211]. Большое внимание при характеристике монархии, так же как и верховной власти, философ уделял ее нравственной сущности, полагая, что только при монархической государственности возможна реализация нравственного идеала нации. Исторической миссией (исторической идеей нации) Л. А. Тихомиров обосновывал существование монархического государства.

Теократия в мировоззрении Л. А. Тихомирова выступает в трех ипостасях: во-первых, как форма государства; во-вторых, как мировоззренческая модель; в-третьих, как вид верховной власти. По нашему мнению, на основании данного соединения трех элементов в единое целое происходит не только примирение человека и государства, но и оправдание смысла их существования. Сущность теократической мировоззренческой модели заключается в единстве индивидуальных и коллективных целей человека и государства и подчинения их нравственному закону, что является условием оправдания существования и государства, и человека [9].

6 апреля 2006 г. на заседании X-го Всемирного русского народного собора была принята «Декларация о правах и достоинстве человека», которая посвящена значению нравственного закона для человека, государства и общества. В частности, в Декларации отмечается: «Мы различаем две свободы: внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора. Свобода от зла является самоценной. Свобода же выбора приобретает ценность, а личность достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот избирает зло. Права человека

имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию ее достоинства. Именно поэтому содержание прав человека не может быть не связано с нравственностью. Отрыв этих прав от нравственности означает их профанацию, ибо безнравственного достоинства не бывает» [10].

Выводы

Соотнося мировоззренческие идеи русского философа Л. А. Тихомирова начала XX в. и позицию Русской православной церкви начала XXI в., можно провести некую параллель свойственности относительно нравственной составляющей государственного развития. По

мнению ученого, теократическая составляющая в структуре государства строится на идее нравственности, оправдывающей существование самого государства, и на основании Декларации о правах и достоинстве человека, содержание прав, которыми наделены граждане, также основаны на идее нравственности, поскольку безнравственных прав не существует.

Таким образом, феномен «теократической государственности» в политико-правовых взглядах Л. А. Тихомирова раскрывается в идее нравственного оправдания существования и государства, и человека.

Список литературы

1. Алонцева Д. В. С. Н. Булгаков о сущности русской революции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 2(23). С. 141–146.
2. Невский В. И. Герой политического безвременья // Воспоминания Льва Тихомирова. М.: Гос. изд-во, 1927. С. III–XXI.
3. Тихомиров Л. А. Эпоха «Земли и Воли», «Исполнительского комитета» и «Народной Воли» // Воспоминания Льва Тихомирова. М.: Гос. изд-во, 1927. С. 83–136.
4. Фигнер В. По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.: Гос. изд-во, 1927. С. XXII–XXXVI.
5. Тихомиров Л. А. Чего нам ждать от революции? СПб.: Изд. группы типографчиков Народной воли, 1885. 29 с.
6. Тихомиров Л. А. За границей (1882) // Воспоминания Льва Тихомирова. М.: Гос. изд-во, 1927. 515 с.
7. Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни / отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 139–141.
8. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб.: АО «Комплект», 1992. 244 с.
9. Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером = Pourquoi je ne suis plus revolutionnaire / ed. Alberte Savine. Paris: Nouvelle Librairie Parisienne, 1888. 39 с.
10. Декларация о правах и достоинстве человека [Электронный ресурс]: [принята X Всемирным Русским Народным Собором 6 апреля 2006 г.]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 25.05.2019).

Поступила в редакцию 12.07.19

Подписана в печать 07.08.19

References

1. Alonцева D. V. S. N. Bulgakov o sushchnosti russkoj revolyucii. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2017, vol. 7, no. 2(23), pp. 141–146.
2. Nevskij V. I. Geroj politicheskogo bezvremen'ya. *Vospominaniya L'va Tihomirova*. Moscow, Gos. Izd., 1927, pp. III–XXI.
3. Tihomirov L. A. Epoha "Zemli i Voli", "Iсполnitel'skogo komiteta" i "Narodnoj Voli". *Vospominaniya L'va Tihomirova*. Moscow, Gos. izd., 1927, pp. 83–136.
4. Figner V. Po povodu zapisok L. Tihomirova. *Vospominaniya L'va Tihomirova*. Moscow, Gos. izd., 1927, pp. XXII–XXXVI.
5. Tihomirov L. A. Chego nam zhdat' ot revolyucii? St. Petersburg, Izd. gruppy tipografshchikov Narodnoj voli, 1885. 29 p.
6. Tihomirov L. A. Za granicej (1882). *Vospominaniya L'va Tihomirova*. Moscow, Gos. Izd., 1927. 515 p.
7. Tihomirov L. A. Rukovodyashchie idei russkoj zhizni; ed. by O. Platonov. Moscow, In-t russkoj civilizacii Publ., 2008, pp. 139–141.
8. Tihomirov L. A. Monarhicheskaya gosudarstvennost'. St. Petersburg, AO "Komplekt" Publ., 1992. 244 p.
9. Tihomirov L. A. Pochemu ya perestal byt' revolyucionerom = Pourquoi je ne suis plus revolutionnaire; ed. by Alberte Savine. Paris, Nouvelle Librairie Parisienne, 1888. 39 p.
10. Deklaraciya o pravah i dostoinstve cheloveka: [prinjata X Vsemirnym Russkim Narodnym Soborom 6 aprelya 2006 g.]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (accessed 25.05.2019).

Received 12.07.19

Accepted 07.08.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Алонцева Дина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина», Елец, Российская Федерация
e-mail: dina.alontseva@mail.ru

Dina V. Alontseva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University", Yelets, Russian Federation
e-mail: dina.alontseva@mail.ru

УДК 342

Охрана здоровья и социальная помощь: правовая архитектура в контексте обеспечения социального благополучия граждан

Е. В. Воронцова¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: proskyrinae@mail.ru

Резюме

Актуальность. Здоровье является одним из решающих факторов достижения человеком социального благополучия. Именно состояние здоровья во многом определяет возможности человека в социуме, обуславливая варианты его самореализации и само качество человеческой жизни. Исходя из этого, охрана здоровья и ее правовое обеспечение являются одним из основных направлений социальной политики любого государства, в том числе Российской Федерации, которая на конституционном уровне провозгласила себя социальным государством и закрепила положения, юридически гарантирующие охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом охрана здоровья в России исторически носила характер социальной помощи, то есть обеспечения государственной поддержки тем категориям граждан, которые в ней нуждаются. Вместе с тем практика здравоохранительной деятельности и ее законодательное обеспечение на современном этапе свидетельствуют о попытках изменения социальной роли данного вида деятельности и ее объективирования вне рамок социальной помощи, оказываемой государством. В нашей стране активно продвигается мнение о якобы различном характере медицинской и социальной помощи как таковых. Это актуализирует вопрос о соотношении понятий охраны здоровья (медицинской помощи) и социальной помощи.

Цель. Определить взаимосвязь понятий «социальное благополучие», «социальная помощь», «здоровье», «охрана здоровья» как основополагающих понятий здравоохранительной деятельности российского государства как государства социального.

Задачи: провести анализ доктринальных точек зрения российских и зарубежных ученых относительно содержания и взаимодействия обозначенных понятий; в контексте достижения цели исследования проанализировать содержание российского конституционного законодательства, а также международных правовых актов, затрагивающих вопросы охраны здоровья и социального обеспечения.

Методология. Общими принципами исследования являлись научность, объективность, детерминизм, максимальный учет имеющихся точек зрения. В качестве конкретных методов использовались метод логического и формально-юридического анализа, лингвистического анализа, метод сопоставления, теоретического обобщения.

Результаты. Архитектура взаимодействия понятий «социальная помощь», «социальное благополучие», «здоровье», «охрана здоровья» говорит о наличии системных связей между ними, что, в свою очередь, обуславливает комплексный характер выражающей данные понятия государственной деятельности. Выявленный автором механизм взаимодействия обозначенных понятий находит свое подтверждение в актах международного и российского конституционного права. В рамках социальной политики государства охрана здоровья представляет собой элемент социальной помощи и является неотъемлемой частью механизма социального обеспечения.

Выводы. Акты международного права и национального законодательства России рассматривают охрану здоровья в первую очередь как часть социального обеспечения граждан, то есть охрана здоровья как комплекс определенных действий носит характер социальной помощи со стороны государства. Российское и международное право юридически закрепляют основополагающую роль охраны здоровья в структуре социальной помощи, что объясняется наибольшей значимостью здоровья среди всех общественных благ. В рамках социальной политики государства охрана здоровья не может быть выделена из целостного механизма социального обеспечения. Попытки такого разделения противоречат сути данных понятий как проявлений социальной помощи.

© Воронцова Е. В., 2019

Ключевые слова: здоровье; охрана здоровья; социальная помощь; социальное благополучие; социальное обеспечение; социальное государство; акты международного права; государственная политика.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Воронцова Е. В. Охрана здоровья и социальная помощь: правовая архитектура в контексте обеспечения социального благополучия граждан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 17–26.

UDC 342

Health and Social Help: Legal Architectonics in the Context of Social Welfare Provision

Elena V. Vorontsova¹ ✉

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: proskyrinae@mail.ru

Abstract

Relevance. Health is one of the decisive factors for achieving social well-being. It is the state of health that in many respects determines a person's potential in society, determining the options for his self-realization and the very quality of human life. Proceeding from this, health protection and its legal support are one of the main directions of the social policy of any state, including the Russian Federation, which, at the constitutional level, proclaimed itself as a social state and consolidated provisions legally guaranteeing health and medical care. At the same time, health protection in Russia historically had the character of social assistance, i.e. providing state support to those categories of citizens who need it. Herewith, the practice of healthcare and its legislative support at the present stage testifies to attempts to change the social role of this type of activity and its objectification outside the framework of social assistance provided by the state. In our country, the idea of the allegedly different nature of medical and social assistance as such is actively promoted. This brings up the question of the relationship between the concepts of health protection (medical care) and social assistance.

Purpose. To define the interrelation of the notions "social well-being", "social assistance", "health", and "health protection" as the basic concepts of the healthcare activity of the Russian state as a social state.

Objectives. To analyze the doctrinal points of view of Russian and foreign scientists on the content and interaction of these concepts. To analyze the content of the Russian constitutional legislation in the context of achieving the research goal, as well as international legal acts affecting the issues of health protection and social security.

Methodology. The general principles of the research were scientific nature, objectivity, determinism, maximum consideration of existing points of view. The method of logical and formal legal analysis, linguistic analysis, comparison method, and theoretical generalization were used as specific methods.

Results. The architectonics of the interaction of the concepts of "social assistance", "social well-being", "health", "health care" indicates the presence of systemic links between them, which in turn determines the complex nature of expressing these notions of state activity. The mechanism of interaction of the designated concepts revealed by the author is confirmed in acts of international and Russian constitutional law. Within the framework of the social policy of the state, health protection is an element of social assistance and is an integral part of the social security mechanism.

Conclusions: Acts of international law and national legislation of Russia consider health protection primarily as part of the social security of citizens, i.e. health protection as a complex of certain actions is in the nature of social assistance from the state. Russian and international law legally enshrines the fundamental role of health protection in the structure of social assistance, which is explained by the greatest importance of health among all public goods. Within the framework of the state's social policy, health protection cannot be separated from the holistic mechanism of social security. Attempts at such separation contradict the essence of these concepts as manifestations of social assistance.

Keywords: *health; health protection; social assistance; social well-being; social security; social state; acts of international law; public policy.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Vorontsova E. V. Health and Social Help: Legal Architectonics in the Context of Social Welfare Provision. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 17–26 (in Russ.).

Введение

Стремление к социальному благополучию является имманентной характеристикой деятельности любого нормального человека. С данным утверждением навряд ли поспоришь, поскольку для подавляющего большинства из нас свободная жизнь в достойных материальных условиях (именно так, как правило, трактуется социальное благополучие) является естественным желанием.

Объективная необходимость в отражении данного интереса общества порождает социальную направленность государственной политики, которая в настоящее время в той или иной степени характерна для любого из государств. Суть данной политики заключается в создании равных возможностей для достижения социального благополучия, при этом очевидно, что их реализация каждым из нас зависит от целого ряда факторов, способствующих либо мешающих этому процессу. Здоровье является одним из таких факторов. Более того, именно состояние здоровья во многом определяет возможности человека в социуме, обуславливая варианты его самореализации и само качество человеческой жизни.

В современной России данное обстоятельство осознается на высшем государственном уровне. Об этом, помимо прочего, говорит конституционное декларирование охраны здоровья в качестве одного из основных направлений социальной политики нашего государства (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ). Напомним, что ч. 1 этой же статьи провозглашает Российскую Федерацию социальным госу-

дарством, т. е. государством, стремящимся обеспечить своим гражданам социальное благополучие путем создания «условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Таким образом, позиция российского законодателя очевидна: охрану здоровья он рассматривает в качестве необходимого условия достойной жизни российских граждан. При этом как направление государственной политики охрана здоровья упоминается им в первую очередь в контексте оказания социальной помощи, т. е. обеспечения государственной поддержки тем категориям граждан, которые в ней нуждаются: дети, инвалиды, пожилые граждане и др. Это не говорит о знаке равенства между охраной здоровья и иными мерами социальной поддержки населения, перечисленными в ст. 7 Конституции Российской Федерации. Однако следует обратить внимание на то, что охрана здоровья в тексте конституционной статьи указывается в череде государственных мероприятий, составляющих суть «социальной защиты» (ст. 7 Конституции РФ). И этому не стоит удивляться – охрана здоровья в России изначально носила характер общественной поддержки, достаточно вспомнить историю становления медицинской деятельности в нашей стране [1, с. 14–20].

Восприятию охраны здоровья в качестве одного из направлений социальной помощи способствуют и положения ст. 41 Конституции РФ, которые, хотя и провозглашают право «каждого» (т. е. не только социально уязвимых групп населения) на охрану здоровья и медицинскую помощь, однако гарантируют граж-

данам бесплатность оказания медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, что следует воспринимать не иначе как обеспечение минимально необходимого уровня социальной поддержки в деле охраны такого социального блага, как здоровье. При этом практика здравоохранительной деятельности и ее законодательное обеспечение в современной России свидетельствуют о попытках изменения социальной роли данного вида деятельности и его «выводе» за рамки социальной помощи, оказываемой государством. Активно обсуждается мнение о якобы различном характере медицинской и социальной помощи как таковых.

На наш взгляд, подобная тенденция носит искусственный характер и малопродуктивна по своей сути, поскольку нарушает естественную связь данных видов деятельности. При этом вопрос о соотношении и взаимодействии охраны здоровья и социальной помощи носит не только теоретический характер. В рамках социальной политики государства данный вопрос приобретает очевидную практическую значимость с учетом особенностей организации в нашей стране медико-социальной работы и здравоохранительной деятельности в целом. Последнее обстоятельство существенно актуализирует предпринятое нами исследование.

Целью данной работы является определение правовой архитектуры понятий «охрана здоровья» и «социальная помощь», которые в рамках социальной политики российского государства являются основополагающими понятиями здравоохранительной деятельности наряду с понятиями «здоровье» и «социальное благополучие».

Для достижения поставленной цели нам потребуются решение следующих исследовательских задач: 1) посредством анализа доктринальных точек зрения выяснить позицию научного сообщества относительно содержания и системного

взаимодействия обозначенных понятий; 2) на основе анализа актов международного права, а также российского конституционного законодательства и материалов судебной практики доказать основополагающую роль охраны здоровья в структуре социальной помощи, а соответственно, их неразрывную связь как юридических понятий и видов деятельности.

Методология

Широта и многоаспектность исследуемой темы обусловила особенность использования методологии, основу которой составили общенаучные и частнонаучные методы. Данная особенность состояла в комплексном использовании различных способов научного познания применительно к отдельным аспектам исследуемой темы. Вместе с тем в ряде случаев исследовательский процесс строился на основе применения конкретного метода, позволяющего в наибольшей степени решить исследовательские задачи. Так, использование приемов формальной логики было максимально эффективным при установлении причинно-следственных связей в ходе изучения эволюции понятий «социальная помощь» и «социальное благополучие», а также в ходе выяснения позиции российского законодателя относительно социальной роли охраны здоровья. Формально-юридический анализ являлся основным методом при изучении содержания нормативно-правовых актов. При этом использование приемов сопоставления позволило установить сходство подходов в регулировании вопросов охраны здоровья и социальной помощи в различных актах международного права. Для уяснения смысла некоторых понятий нами применялся метод лингвистического анализа, предполагавший в том числе использование толковых словарей. Это позволило более точно оперировать понятийным аппаратом науки. Кроме того, определение исходного значения ключевых (родовых)

понятий, лежащих в основе используемых в законодательстве юридических терминов, способствовало более полному осмыслению содержания данных терминов. Метод теоретического обобщения являлся ведущим при формулировании конечных выводов.

Общими принципами исследования являлись: научность, объективность, детерминизм, максимальный учет имеющихся точек зрения.

Результаты и их обсуждение

Общее содержание понятия «помощь» в русском языке может быть выражено как участие в каком-либо деле, представляющем затруднение для другого лица (группы лиц, коллектива и т. д.) с целью облегчить совершение чего-либо. Толковый словарь русского языка толкует слово «помощь» как «содействие кому-нибудь в чем-нибудь, участие в чем-нибудь, приносящее облегчение» [2, с. 560]. Объективно предполагая различные формы проявления, помощь в любом случае представляет собой определенный вид социального взаимодействия, обусловленный теми или иными общественными потребностями (как на личностном, так и на общественном уровнях). С учетом этого помощь, оказываемая в рамках человеческого социума (социальная помощь), обладает всеми основными признаками социального взаимодействия, которое совершенствуется по мере развития самого общества. При этом, на каком бы уровне развития не находилось общество, социальное взаимодействие, по мнению ведущих специалистов, в любом случае будет представлять собой процесс взаимообмена [3, с. 17–19], взаимный обмен опытом, знаниями, понятиями [4, с. 526–527]. В свою очередь, именно деятельностное взаимодействие связывает отдельные личности в общество [5, с. 3–11].

С учетом того, что социальная помощь является одним из видов социального взаимодействия, тем более сугубо

позитивного взаимодействия, можно сказать, что социальная помощь делает общество обществом. Данное утверждение не является новым. В качестве фактора человеческой эволюции взаимная помощь рассматривалась еще П. А. Кропоткиным (1842–1921 гг., русский революционер-анархист, учёный географ и геоморфолог). Более того, взаимная помощь возводилась им в ранг всеобщего закона природы: «взаимная помощь – настолько же закон природы, как и взаимная борьба» [6, с. 35]. Таким образом, можно сделать вывод, что социальная помощь выступает самостоятельной формой социального взаимодействия, при которой один субъект действует в интересах другого субъекта в целях достижения последним полезного для него результата. При этом обязательным условием такого взаимодействия является неспособность одного из субъектов (субъекта получения помощи) достичь полезного для него результата собственными силами.

Выше мы уже говорили о том, что социальная помощь как определенный вид социального взаимодействия обусловлена теми или иными потребностями. В этом смысле потребность в здоровье является одной из ведущих как для отдельного человека, так и для общества в целом. Именно здоровье является ведущим компонентом того самого «social well-being», к которому стремится в своей жизни каждый человек и достижение которого провозглашено в конституции любого социального государства.

Затронув категорию социального благополучия, отметим, что в состав данной категории здоровье стало включаться еще с 50-х годов XX века. Представители различных отраслей научного знания, как в России, так и за рубежом, стали отмечать необходимость должного уровня охраны здоровья как обязательного условия достижения социального благополучия. Со временем в западной социологии и психологии понятие социального благополучия стало практически идентич-

ным понятию счастья. При этом здоровье выступало в качестве главной характеристики социального благополучия и счастья, наряду с материальным благосостоянием [7]. Возможно, такая тенденция берет свое начало еще с А. Шопенгауэра, который в XIX веке сформулировал важность здоровья следующим образом: «девятнадцать десятых нашего счастья зависят от здоровья» [8].

Что касается России, то медицинский (здравоохранительный) компонент социального благополучия в трудах ряда ученых вообще стал доминирующим (Н. М. Амосов [9], Г. Л. Апанасенко [10], И. А. Аршавский [11]). В современной российской доктрине здоровье человека выступает высшей ценностью для общества, с учетом которой определяются все остальные ценности и блага в социуме [12]. Подобную доктринальную трактовку воспринял и российский правоприменитель. Так, Конституционный суд Российской Федерации в одном из своих определений указал, что «здоровье человека – высшее неотчуждаемое благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности» [13]. На неразрывную связь здоровья и социального благополучия указывает и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Напомним, что Устав данной организации включает социальное благополучие в содержание самого понятия «здоровье», т. е. фактически ставит между ними знак равенства (по принципу «одно невозможно без другого») [14].

В свете вышеизложенного можно сделать вывод о том, что особая роль и значимость здоровья в структуре социального благополучия не подвергается сомнению ни в России, ни за рубежом. Соответственно, очевидной представляется и первостепенная роль охраны здоровья в структуре социальной помощи (социального обеспечения) как одного из инструментов достижения социального благополучия.

Таким образом, архитектоника взаимодействия понятий «социальное благополучие», «социальная помощь», «здоровье» и «охрана здоровья» может быть выражена следующим образом:

1. Здоровье является неотъемлемой частью социального благополучия, достижение которого, в свою очередь, является целью всего общественного развития.

2. Если социальное благополучие является целью, то социальная помощь по отношению к нему (социальному благополучию) выступает в качестве средства достижения данной цели.

3. Социальное благополучие представляет собой ряд благ, обладание которыми позволяет говорить о его наличии. В структуре данных благ здоровье занимает основополагающее место, поскольку без него многие другие блага просто утрачивают свое значение. В свою очередь, социальная помощь представляет собой комплекс действий, направленных на обеспечение упомянутых благ. Если здоровье является необходимым благом, то его охрана как комплекс определенных действий представляет собой необходимое средство его обеспечения. Таким образом, охрана здоровья не может рассматриваться вне контекста социальной помощи и наоборот. Более того, в механизме социальной помощи охрана здоровья (в первую очередь, в качестве медицинской помощи) занимает ведущее место.

Обозначенная нами цепочка взаимодействия основных понятий находит свое подтверждение в актах международного права. Примечательно, что в основополагающих актах ООН и других международных организаций право на охрану здоровья и медицинскую помощь закрепляется, как правило, в контексте обеспечения социальной помощи (социального обеспечения). В качестве примера можно привести положения ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, предоставляющей каждому право на та-

кой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния самого человека и его семьи; право на особое попечение и помощь, в том числе медицинскую помощь, которые связаны с материнством и младенчеством [15]. Как можно заметить, в приведенной выше формулировке понятия «медицинский уход» и «социальное обслуживание» употребляются как парные (неразрывные) категории, что лишний раз доказывает их неразрывную связь в глазах международного сообщества.

В контексте оказания социальной помощи право на охрану здоровья и медицинскую помощь закрепляется и в Конвенции ООН о правах ребенка, закрепляющей право ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и восстановления здоровья, в том числе посредством обеспечения предоставления необходимой медицинской помощи и охраны здоровья всех детей (ст. 24) [16]. Схожий подход наблюдается и в Конвенции ООН о правах инвалидов, в частности в ст. 25, предусматривающей право инвалидов на наивысший достижимый уровень здоровья без дискриминации по признаку инвалидности, включая обеспечение доступа инвалидов к услугам в сфере здравоохранения, обеспечение инвалидам того же набора, качества и уровня бесплатных или недорогих услуг и программ по охране здоровья, что и другим лицам [17].

Как часть социального обеспечения охрана здоровья рассматривается и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, который декларирует право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, включая создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую по-

мощь и медицинский уход в случае болезни (ст. 12) [18].

Характер социальной помощи со стороны государства носит и пособие на медицинскую помощь, которое государства обязаны предоставлять своим гражданам согласно Конвенции МОТ №102 «О минимальных нормах социального обеспечения» (1952 г.) [19]. Можно назвать и другие акты.

Что касается России, то наша страна, присоединившись к Всемирной организации здравоохранения, взяла на себя обязательство «принятия соответствующих мероприятий социального характера в области здравоохранения» (Устав ВОЗ) [14]. Это нашло свое отражение в конституционной гарантии бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения (ст. 41 Конституции РФ).

Изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что акты международного права и национального законодательства России юридически закрепляют основополагающую роль охраны здоровья в структуре социальной помощи. Реализуясь в первую очередь через оказание медицинской помощи, охрана здоровья выступает в качестве фундамента всего механизма социального обеспечения.

Выводы и рекомендации

Обобщение результатов проведенного исследования позволило нам сделать следующие выводы:

1. В России охрана здоровья всегда выступала в качестве одного из направлений социальной помощи. В настоящее время она является неотъемлемой частью социального обеспечения, что обусловлено социальным характером нашего государства и конституционным закреплением охраны здоровья в качестве одного из основных направлений социальной политики. Как часть социального обеспечения охрана здоровья рассматривается и в актах международного права, что толь-

ко способствует ее восприятию в качестве деятельности, носящей характер социальной помощи со стороны государства.

2. В современной юридической доктрине здоровье человека выступает высшей ценностью для общества, с учетом которой определяются все иные социальные блага и ценности. Подобную доктринальную позицию разделяет российский и международный законодатель. Международные правовые акты и российское конституционное законодательство юри-

дически закрепляют основополагающую роль охраны здоровья в структуре социальной помощи.

3. С учетом неразрывной связи здоровья и социального благополучия охрана здоровья как направление социальной политики государства не может быть выделена из целостного механизма социального обеспечения. Попытки такого разделения противоречат сути данных понятий как проявлений социальной помощи.

Список литературы

1. Воронцов А. Л., Воронцова Е. В. Развитие медицинской деятельности во второй половине XVI – начале XVII века: о роли иностранных медиков в становлении государственной медицины в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 4. С. 14–20.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред. и предисл. А. Ю. Союмонов; пер. с англ. С. А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
5. Бороноев А. О., Смирнов П. И. О понятиях «общество» и «социальное» // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 3–11.
6. Кропоткин П. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков: Тип. В. Г. Шеншелевича, 1919. 232 с.
7. Аргайл М. Психология счастья: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. М. В. Кларина. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
8. Schopenhauers A. Aphorissmen zur Lebensweisheit. Leipzig: Insel-Verlag, 1917. 256 p.
9. Амосов Н. М. Раздумья о здоровье. М.: Молодая гвардия, 1978. 192 с.
10. Апанасенко Г.Л. Эволюция биоэнергетики и здоровье человека. СПб.: МГП Петрополис, 1992. 123 с.
11. Аршавский И. А. Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития. М.: Наука, 1982. 270 с.
12. Морозова К. П. Конституционно-правовые основы обеспечения права граждан на охрану здоровья в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2013. № 2 (2). С. 21–45.
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002. №115-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2003. № 1.
14. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) [Электронный ресурс]: [принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MED&n=7787#036007012573047215> (дата обращения: 14.05.2019).

15. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.05.2019).

16. Конвенция о правах ребенка: [одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990] // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

17. Конвенция ООН о правах инвалидов: [принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 № 61/106; вступила в силу для Российской Федерации 25.10.2012] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 6, ст. 468.

18. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]: [принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения: 14.05.2019).

19. Конвенция Международной Организации Труда (МОТ) № 102 о минимальных нормах социального обеспечения (Женева, 28 июня 1952 г.): [ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 03.10.2018 № 349-ФЗ] // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956. Т. I. Женева, Международное бюро труда, 1991.

Поступила в редакцию 02.07.19

Подписана в печать 06.08.19

References

1. Voroncov A. L., Voroncova E. V. Razvitie medicinskoj deyatel'nosti vo vtoroj polovine XVI – nachale XVII veka: o roli inostrannyh medikov v stanovlenii gosudarstvennoj mediciny v Rossii. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2014, no. 4, pp. 14–20.

2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. 4th ed. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 939 p.

3. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1997. 270 p.

4. Sorokin P. A. *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo*; ed. by A. Yu. Soyumonov; translator S. A. Sidorenko. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p.

5. Boronoev A. O., Smirnov P. I. O ponyatijah "obshchestvo" i "social'noe". *Sociologicheskie issledovaniya*, 2003, no. 8, pp. 3–11.

6. Kropotkin P. *Vzaimnaya pomoshch' kak faktor evolyucii*. Har'kov, Tip. V. G. Shenshelevicha, 1919. 232 p.

7. Argajl M. *Psihologiya schast'ya*; ed. by M. V. Klarin. Moscow, Progress Publ., 1990. 336 p.

8. Schopenhauers A. *Aphorismen zur Lebensweisheit*. Leipzig, Insel-Verlag, 1917. 256 p.

9. Amosov N. M. *Razdum'ya o zdorov'e*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1978. 192 p.

10. Apanasenko G. L. *Evolyuciya bioenergetiki i zdorov'e cheloveka*. St. Petersburg, MGP Petropolis Publ., 1992. 123 p.

11. Arshavskij I. A. *Fiziologicheskie mekhanizmy i zakonomernosti individual'nogo razvitiya*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 270 p.

12. Morozova K. P. *Konstitucionno-pravovye osnovy obespecheniya prava grazhdan na ohranu zdorov'ya v Rossijskoj Federacii*. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2013, no. 2 (2), pp. 21–45.

13. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Martynovoj Evgenii Zaharovny na narushenie ee konstitucionnyh prav punktom 2 stat'i 779 i punktom 2 stat'i 782 Grazhdanskogo kodeksa RF: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 06.06.2002 No 115-O. *Vestnik Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii*, 2003, no. 1.

14. Ustav (Konstituciya) Vsemirnoj organizacii zdavoohraneniya (VOZ): [prinyat v g. N'yu-Jorke 22.07.1946]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MED&n=7787#036007012573047215> (accessed 14.05.2019).

15. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka: [prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed 14.05.2019).

16. Konvenciya o pravah rebenka: [odobrena General'noj Assambleej OON 20.11.1989: vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990]. *Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR*, 1993, is. XLVI.

17. Konvenciya OON o pravah invalidov: [prinyata Rezolyuciej General'noj Assamblei OON ot 13.12.2006 No 61/106: vstupila v silu dlya Rossijskoj Federacii 25.10.2012]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*, 2013, no. 6, art. 468.

18. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskikh, social'nyh i kul'turnyh pravah: [prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496 plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (accessed 14.05.2019).

19. Konvenciya Mezhdunarodnoj Organizacii Truda (MOT) No 102 o minimal'nyh normah social'nogo obespecheniya (Zheneva, 28 iyunya 1952 g.): [ratificirovana Rossijskoj Federaciej Federal'nym zakonom ot 03.10.2018 No 349-FZ]. *Konvencii i rekomendacii, prinyatyje Mezhdunarodnoj Konferenciej truda. 1919–1956. Vol. I. Zheneva, Mezhdunarodnoe byuro truda*, 1991.

Received 02.07.19

Accepted 06.08.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Воронцова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: proskyrinae@mail.ru

Elena V. Vorontsova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Jurisdictions, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: proskyrinae@mail.ru

УДК 342

Приобретение гражданства Российской Федерации жителями Луганской и Донецкой областей: проблемы и перспективы

А. Н. Гуторова¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: allagutorova@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы предоставления в упрощенном порядке гражданства Российской Федерации лицам, постоянно проживающим на территории Луганской и Донецкой республик, и юридические последствия его приобретения.

Целью настоящего исследования является анализ юридических последствий предоставления гражданства РФ в упрощенном порядке.

Задачи. Именно состояние в гражданстве дает возможность человеку реализовывать предусмотренные права и требует от государства исполнять обязанности в отношении своего гражданина. Поэтому задачей настоящего исследования является анализ проблемных аспектов не только предоставления гражданства, но и следующих за этим действием юридических последствий.

Методы. В процессе работы над исследованием использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты. Конституционное право устанавливает перечень прав и свобод гражданина. Приобретение гражданства России влечет за собой возникновение взаимных прав и обязанностей государства и человека. Российская Федерация должна обеспечить соблюдение прав граждан своего государства, постоянно проживающих за пределами территории РФ, обеспечить их защиту, предоставить все права, предусмотренные законодательством РФ.

Вывод. В законодательстве требуется установление четко определенного понятия «граждане, постоянно проживающие за пределами территории РФ», что позволит более адекватно определить их правовой статус. Нормативно-правового решения требуют вопросы, связанные с соблюдением политических прав новых граждан РФ (постоянно проживающих на территории Луганской и Донецких областей), так как данные лица не смогут реализовать свое активное избирательное право. Принимая во внимание тот факт, что эти лица так и будут проживать за пределами РФ, определенные сложности будет вызывать их защита государством гражданства.

Ключевые слова: гражданство; приобретение гражданства; права гражданина РФ; обязанности государства; политические права.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Гуторова А. Н. Приобретение гражданства Российской Федерации жителями Луганской и Донецкой областей: проблемы и перспективы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 27–34.

Acquisition of Citizenship of the Russian Federation by Residents of Lugansk and Donetsk regions: Problems and Prospects

Alla N. Gutorova¹ ✉

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: allagutorova@mail.ru

Abstract

Relevance. This article discusses actual issues of granting citizenship of the Russian Federation in a simplified procedure to persons permanently residing in the territory of the Lugansk and Donetsk Republics, and the legal consequences of its action.

The purpose of this study is to analyze the legal consequences of granting Russian citizenship in a simplified manner.

Tasks. It is the state of citizenship that gives a person the opportunity to exercise the rights stipulated and requires the state to fulfill obligations with respect to its citizen. Therefore, the objective of this study is to analyze the problematic aspect of not only the provision of citizenship, but also the legal consequences that follow it.

Methods. There were formal legal and comparative legal methods used in the process of working.

Results. Constitutional law establishes a list of rights and freedoms of a citizen. The acquisition of Russian citizenship entails the emergence of mutual rights and obligations of the state and the individual. The Russian Federation must ensure the observance of the rights of citizens of its state who permanently reside outside the territory of the Russian Federation, ensure their protection, and grant all rights provided for by the legislation of the Russian Federation.

Conclusion. The law requires the establishment of a clearly defined concept of “citizens permanently residing outside the territory of the Russian Federation”, which will make it possible to more adequately determine their legal status. Regulatory decisions require issues related to the observance of the political rights of new citizens of the Russian Federation (permanently residing in the territory of Lugansk and Donetsk regions), since these persons will not be able to exercise their active electoral right. Taking into account the fact that these people will still live outside of the Russian Federation, their protection by the state of citizenship will cause certain difficulties.

Keywords: citizenship status; acquisition of citizenship; rights of a citizen of the Russian Federation; obligation of the State; political rights.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Gutorova A. N. Acquisition of Citizenship of the Russian Federation by Residents of Lugansk and Donetsk Regions: Problems and Prospects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 27–34 (in Russ.).

Введение

Гражданство – это устойчивая политико-правовая связь государства с индивидом, соответственно влекущая взаимные права и обязанности как для государства, так и для физического лица [1; 2]. С момента получения гражданства возни-

кают обоюдные права и обязанности и их исполнение зависит от воли и способности субъектов. Предоставление гражданства РФ лицам, постоянно проживающим на территории Донецкой и Луганской областей, вызывает неоднозначную реакцию как политиков разных стран, так и ученых. И вызвано это определенными

сомнениями в возможности и способности субъектов реализовать весь объем прав и обязанностей, предусмотренных институтом гражданства, а не только политическими мотивами.

Материалы и методы

Институт гражданства в РФ регулируется Конституцией РФ, Федеральным законом от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», Указами Президента РФ и другими нормативно-правовыми актами. В 2019 г. Президентом Российской Федерации были подписаны Указ №187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» и Указ №183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке».

В процессе работы над темой исследования были использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, которые и позволили сформулировать следующие выводы.

Результаты и их обсуждение

Вышеуказанными документами регулируется упрощенный порядок предоставления гражданства Российской Федерации лицам, постоянно проживающим на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины.

В соответствии с Федеральным законом от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» в компетенцию Президента РФ входит определение категорий лиц, которым предоставляется гражданство РФ в упрощенном порядке. В данном случае именно Указом Президента определяются категории лиц, которые могут получить гражданство Российской Федерации без учета выпол-

нения ими требований вышеуказанного закона, таких как: определенный срок проживания на территории России, наличие законного источника существования, отказ от гражданства иностранного государства и владение русским языком.

В результате предоставления гражданства Российской Федерации появится достаточно многочисленная группа граждан России (спустя 10 дней с начала работы пунктов приема заявления подали уже более 2 тысяч человек), постоянно проживающая за пределами территории своего государства. Это вызвано, в частности, трудностями, которые испытывают жители ДНР и ЛНР в связи с наличием у них только внутренних паспортов республик [3]. С получением паспорта гражданина РФ люди получают возможность въезжать на территории иностранных государств, оформлять банковские карты и т. п.

В нормах российского права отсутствует четко определенное понятие «гражданин РФ, постоянно проживающий за пределами территории РФ». При этом сам термин встречается в ряде нормативно-правовых актов, например: «Обзор практики рассмотрения в 2017 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации» (с 2012 г. Президиум ежегодно утверждал подобный обзор); в главе IV «Усыновление гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации...» Постановления Правительства РФ от 29.03.2000 г. № 275 «Об утверждении правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями

Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства»; в Приказе МИД России от 13.03.2018 № 3507 «Об утверждении Административного регламента Министерства иностранных дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по государственной регистрации актов гражданского состояния граждан Российской Федерации, проживающих за пределами территории Российской Федерации»; в федеральных законах от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» и др.

Существует несколько мнений, кого следует понимать под данной категорией лиц. По мнению К. О. Егорочкиной, таким лицом можно считать гражданина РФ, который, во-первых – не состоит на регистрационном учете на территории РФ, т. е. не имеет регистрации по месту жительства на территории РФ и, во-вторых, зарегистрирован по месту постоянного проживания в иностранном государстве (в соответствии с законодательством иностранного государства) [4, с. 53]. Пенсионный фонд России в своих пояснениях дает следующее определение гражданина РФ, постоянно проживающего за пределами территории РФ: «...граждане Российской Федерации, выехавшие на постоянное место жительства за пределы территории Российской Федерации и не имеющие подтвержденного регистрацией места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации» [5]. При этом, по их мнению, доказательством постоянного проживания на территории иностранного госу-

дарства будет справка, выданная консульством РФ, о постановке на постоянный консульский учет. Обобщая указанные позиции, можно сделать вывод, что «гражданин РФ, постоянно проживающий за пределами территории РФ» – это лицо, состоящее в гражданстве РФ, имеющий доказательства постоянного проживания на территории иностранного государства и не имеющего регистрации на территории РФ.

Лица, постоянно проживающие на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины, в соответствии с Указом Президента №183, подают заявления в территориальный орган Министерства внутренних дел РФ, соответственно совершенно логично следует вывод, что для совершения данного действия они должны находиться на территории РФ. Так как Указом Президента РФ от 14.11.2002 г. № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» прямо предусмотрено, что заявления и соответствующие документы в территориальный орган Министерства внутренних дел Российской Федерации подаются лицами, проживающими на территории Российской Федерации, в то время как лица, проживающие за пределами территории РФ подают заявление и документы в дипломатическое или консульское представительство РФ, расположенное на территории иностранного государства – государства пребывания такого лица.

В рассматриваемом нами случае подача документов происходит на территории республик ЛНР и ДНР, несмотря на то обстоятельство, что на территории этих республик нет ни дипломатических, ни консульских учреждений России. Поэтому подача документов организована на территории республик местными органами власти, которые затем передают документы в территориальные органы

МВД РФ. После положительного решения России лица, подавшие документы и заявления на получение гражданства, должны будут прибыть на территорию Российской Федерации для принесения присяги гражданина РФ и получения паспорта, с этой целью на территории Ростовской области организованы дополнительные пункты.

Но получение гражданства Российской Федерации предоставит не только определенные преимущества данным лицам, но может вызвать и проблемы в части обеспечения соблюдения их прав как человека и гражданина. Учитывая, что лица, получившие гражданство РФ, проживают и будут проживать на территории иностранного государства, несомненно возникнет проблема реализации данными лицами активного избирательного права, т. к. в данном случае руководство ЛНР и ДНР не смогут обеспечить возможность указанным лицам голосовать на территории проживания. Граждане РФ, проживающие за пределами территории России, в обычной ситуации голосуют на специально созданных избирательных участках, располагающихся на территориях дипломатических и консульских представительств России. Данная практика распространена достаточно широко. Согласно п. 3 ст. 41 Венской Конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., «Помещения представительства не должны использоваться в целях, не совместимых с функциями представительства, предусмотренными настоящей Конвенцией или другими нормами общего международного права, или же какими-либо специальными соглашениями, действующими между аккредитуемым государством и государством пребывания». Подобное положение содержит и Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. В соответствии с этими международными договорами, учитывая, что территории дипломатического или консульского представительства Россий-

ской Федерации юридически является территорией России, там и создаются избирательные участки.

При проведении выборов Президента РФ в 2018 г. избирательные участки были открыты на территориях дипломатических представительств и генеральных консульств в Германии, Франции, США, Узбекистане, Азербайджане, Армении и т. д., по соглашению между РФ и рядом стран избирательные участки открывались также на территориях общественных центров, центров российской культуры и тому подобных местах, всего голосование проходило в 145 странах, где были созданы порядка 400 избирательных участков.

Для голосования граждан РФ за рубежом на выборах в Государственную Думу РФ в 2016 г. были созданы 372 избирательных участка на территории Германии, США, Казахстана и других стран. Выборы Президента Украины в 2019 г. также проводились с учетом интересов граждан, находящихся за пределами государства гражданства, избирательные участки были открыты в Германии, Польше. Но в этих и других случаях на территории иностранного государства имеется дипломатическое или консульское представительство, т. е. имеет место быть международный договор и согласованное волеизъявление государств на проведение выборов на данной территории. А в сложившейся ситуации, когда ЛНР и ДНР не являются признанными государствами, Россия не может заключать с ними каких-либо международных соглашений, а Украина не может (т. к. лишена фактического контроля на данной территории), а учитывая ситуацию с последними выборами Президента Украины в 2019 г. (когда Украина не предоставила возможность своим гражданам, находящимся на территории РФ, принять участие в голосовании, а ранее граждане России, находящиеся на территории

Украины, были лишены возможности участвовать в выборах) и не хочет. При подобном положении лица, постоянно проживающие на территории ЛНР или ДНР, получив гражданство РФ, будут лишены права избирать, т. е. их политические права в данной части будут нарушены.

При этом в определенной мере будут страдать и государственные интересы России, т. к. следует согласиться с мнением А. Г. Хабибулина и Р. А. Рахимова о том, что граждане, проживающие за пределами территории своего государства, фактически утрачивают связь со своим государством [6, с. 5]. Подобным образом высказывался и И. А. Кузнецов говоря о том, что лица, преимущественно проживающие на территории государства, имеют с ним фактическую связь [7, с. 66]. А в рассматриваемом нами случае лица, проживающие на территории ЛНР и ДНР, и не имели такой связи. Соответственно, если Российская Федерация обязана независимо от места жительства своего гражданина выполнять в отношении него установленные обязанности: выплаты пенсий, социальных пособий, правовую защиту и т. п., то лица, проживающие за пределами территории своего государства, имеют право не выполнять весь объем обязанностей, установленных для граждан РФ [8].

Кроме того, негативно будет влиять и неучастие таких лиц в выборах в органы государственной власти РФ. А ведь как справедливо отмечает ряд ученых, «именно в качестве граждан люди становятся членами политического сообщества и субъектами специфических прав и обязанностей» [9]. Так как выборы – это основание функционирования системы народного представительства, то, не принимая в них участия, такие лица: во-первых, устраняются от управления делами государства, а во-вторых, их мнение

не учитывается ни политическими партиями, ни кандидатами. Ведь политические партии проводят опросы общественного мнения, анализируют текущее состояние гражданского общества с тем, чтобы учесть это в дальнейшем и предложить пути развития государства с учетом этих обстоятельств. А учитывая постоянное отсутствие данных лиц на территории РФ, они не принимают участия ни в социологических опросах, проводимых для данной цели, и не принимают участия в политической жизни страны. Хотя, как справедливо отмечает Ю. Е. Курилюк, «наличие российского гражданства предопределяет возможность участия человека в политической жизни государства» [10, с. 122].

Еще одной возможной проблемой станет исполнение обязанности России по защите своих граждан, находящихся за пределами территории государства гражданства. В соответствии с нормами как международного, так и внутреннего права Российская Федерация (впрочем, как и любое другое государство) обязана защищать права и свободы собственных граждан, как на своей территории, так и на территории иностранного государства. Правовая защита собственных граждан, находящихся на территории иностранного государства, осуществляется через дипломатические и консульские представительства этого государства, аккредитованные на территории государства пребывания физического лица. В ст. 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. одной из функций дипломатического представительства и в ст. 5 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. одной из функций консульского представительства соответственно определена защита граждан своего государства на территории государства пребывания. Соответственно, мы опять возвращаемся к проблеме отсут-

ствия дипломатических и консульских представительств России на территориях Луганской и Донецкой областей Украины.

Вывод

Таким образом, новые граждане Российской Федерации не смогут полноценно и в полном объеме пользоваться правами, предоставляемыми гражданам Рос-

сии, такими как политические права и право на защиту со стороны государства своего гражданства. В то же время, к сожалению, у самого государства появятся проблемы в сфере обеспечения прав и свобод граждан России, постоянно проживающих на территориях Донецкой и Луганской областей.

Список литературы

1. Донская М. В. Право человека на гражданство в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 2. С. 52–54.
2. Прудников А. С. Гражданство как институт права: конституционно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 127–129.
3. Гулина С. Н. Гражданство в международном праве для граждан ДНР и ЛНР // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы III Международной научной конференции. Т. 8: Юридические науки / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк: Изд-во Донецкого нац. ун-та, 2018. С. 59–61.
4. Егорочкина К. О. О некоторых новеллах Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» // Правовая система России: сборник материалов IV заочной научно-практической конференции / отв. ред.: С. В. Чердаков. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. С. 51–56.
5. Информация ПФ РФ «Об особенностях оформления заявления о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и необходимых документов для граждан, постоянно проживающих за пределами территории Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305196 (дата обращения: 11.05.2019).
6. Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности // Государство и право. 2000. № 5. С. 5–11.
7. Кузнецов И. А. Гражданство Российской Федерации: понятие, сущность и юридическая природа // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2017. № 2 (35). С. 66–73.
8. Новиков А. С. К вопросу о конституционности ограничений некоторых политических прав лиц с двойным гражданством // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 137–139.
9. Кивисто П., Резаев А. В., Жихаревич Д. М. Расовая демократия, гражданство и иммиграция: опыт США в сравнительной перспективе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 29–46.
10. Курилюк Ю. Е. Об оценке некоторых новелл законодательства Российской Федерации о гражданстве с точки зрения их конституционно-правового смысла // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 7. С. 121–129.

Поступила в редакцию 07.06.19

Подписана в печать 10.07.19

References

1. Donskaya M. V. Pravo cheloveka na grazhdanstvo v Rossijskoj Federacii. *Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava*, 2018, no. 2, pp. 52–54.
2. Prudnikov A. S. Grazhdanstvo kak institut prava: konstitucionno-pravovoj aspect. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 1, pp. 127–129.
3. Gulina S. N. Grazhdanstvo v mezhdunarodnom prave dlya grazhdan DNR i LNR. *Doneckie chteniya 2018: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Vol. 8: Yuridicheskie nauki; ed. by S. V. Bespalova. Doneck, Doneck. nac. univ. Publ., 2018, pp. 59–61.
4. Egorochkina K. O. O nekotoryh novellah Federal'nogo zakona "O grazhdanstve Rossijskoj Federacii". *Pravovaya sistema Rossii: sbornik materialov IV zaochnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*; ed. by S. V. Cherdakov. Blagoveshchensk, Amurskij gos. univ. Publ., 2017, pp. 51–56.
5. Informaciya PF RF "Ob osobennostyah oformleniya zayavleniya o vydache gosudarstvennogo sertifikata na materinskij (semejnyj) kapital i neobhodimyh dokumentov dlya grazhdan, postoyanno prozhivayushchih za predelami territorii Rossijskoj Federacii". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305196 (accessed 11.05.2019).
6. Habibulin A. G., Rahimov R. A. Gosudarstvennaya identichnost' kak element pravovogo statusa lichnosti. *Gosudarstvo i pravo*, 2000, no. 5, pp. 5–11.
7. Kuznecov I. A. Grazhdanstvo Rossijskoj Federacii: ponyatie, sushchnost' i yuridicheskaya priroda. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tekhnologij)*, 2017, no. 2 (35), pp. 66–73.
8. Novikov A. S. K voprosu o konstitucionnosti ogranichenij nekotoryh politicheskikh prav lic s dvojnym grazhdanstvom. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 2017, no. 4 (107), pp. 137–139.
9. Kivisto P., Rezaev A. V., Zhiharevich D. M. Rasovaya demokratiya, grazhdanstvo i imigraciya: opyt SSHA v sravnitel'noj perspective. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2017, no. 1, pp. 29–46.
10. Kurilyuk Yu. E. Ob ocenke nekotoryh novell zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o grazhdanstve s tochki zreniya ih konstitucionno-pravovogo smysla. *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya*, 2018, no. 7, pp. 121–129.

Received 07.06.19

Accepted 10.07.19

Информация об авторах / Information about the authors

Гуторова Алла Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: allagutorova@mail.ru

Alla N. Gutorova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: allagutorova@mail.ru

УДК 347.163

Особенности международно-правового регулирования правового статуса детей, оставшихся без родительского попечения

Н. Н. Калинина¹ ✉

¹ Советский районный суд г. Астрахани, Российская Федерация, 414024, Астрахань, Набережная Приволжского затона, 136

✉ e-mail: nady_1188@mail.ru

Резюме

Актуальность настоящего научного исследования обусловлена необходимостью совершенствования международно-правовой регламентации правового статуса ребенка ввиду его физической и умственной незрелости, требующей предоставления особых прав и дополнительной защиты.

В настоящей статье на основе международных договоров автор анализирует особенности международно-правового статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Целью данного исследования выступает разработка теоретических положений, раскрывающих особенности международно-правового статуса детей, оставшихся без родительского попечения, а также научно-практических рекомендаций по совершенствованию специального механизма по принудительной реализации международно-правовых положений Конвенции о правах ребенка 1989 г.

Задачи: исследовать основные международные правовые акты, содержащие нормы о правах ребенка; дать общую характеристику Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., проанализировать ее правовую природу; раскрыть отличительные особенности международно-правового статуса ребенка, лишённого родительского попечения; сформулировать ряд положений по совершенствованию механизма обеспечения соблюдения прав ребенка на международном уровне.

Методология. В процессе исследования были использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, а также частнонаучные (сравнительно-правовой и формально-юридический) методы познания.

Результаты. В статье отмечается, что Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 г. представляет собой сложносоставную компиляцию, включающую в себя как комплекс прав, принадлежащих ребенку, так и комплекс обязанностей государств, и других лиц, воспитывающих ребенка, имеющее прямое действие на территории государств-участников Конвенции, призванных обеспечить достижение наилучших интересов ребенка во всех сферах жизни.

Выводы. На межгосударственном уровне необходима разработка концепции по расширению полномочий Комитета по правам ребенка с одновременным превращением его из квазисудебного в судебный орган, чьи решения по итогам рассмотрения и разрешения жалоб становились бы юридически обязательными для участников спора.

Ключевые слова: международно-правовой статус ребенка; Конвенция о правах ребенка; материальные права ребенка; дети-сироты и дети; оставшиеся без попечения родителей; Комитет по правам ребенка.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Калинина Н. Н. Особенности международно-правового регулирования правового статуса детей, оставшихся без родительского попечения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 35–43.

Features of the International Legal Regulation of the Legal Status of Children left Without Parental Care

Nadezhda N. Kalinina¹ ✉

¹ Soviet District Court of Astrakhan, 13b, Quay of the Volga backwater, Astrakhan, 414024, Russian Federation

✉ e-mail: nady_1188@mail.ru

Abstract

The relevance of this scientific study is due to the need to improve the international legal regulation of the legal status of the child in view of his physical and mental immaturity, which requires the granting of special rights and additional protection.

In this article, on the basis of international treaties, the author analyzes the features of the international legal status of orphans and children left without parental care.

The purpose of this study is the development of theoretical provisions that reveal the features of the international legal status of children left without parental care, as well as scientific and practical recommendations for improving the special mechanism for the enforcement of the international legal provisions of the 1989 Convention on the Rights of the Child.

Objectives: to explore the main international legal acts containing norms on the rights of the child; to give a general description of the 1989 UN Convention on the Rights of the Child, to analyze its legal nature; to reveal the distinctive features of the international legal status of a child deprived of parental care; formulate a number of provisions for improving the mechanism for ensuring the observance of the rights of the child at the international level.

Methodology. In the process of research, such general scientific methods as analysis and synthesis, as well as private scientific (comparative legal and formal legal) methods of cognition were used.

Results. The legal nature of the Convention on the Rights of the Child of November 20, 1989 is analyzed. The article notes that the international agreement under study is a complex compilation that includes both a set of rights belonging to a child and a set of obligations of states and other persons raising a child who has direct action on the territory of the States Parties to the Convention, designed to ensure the achievement of the best interests of the child in all spheres of life.

Conclusions. At the intergovernmental level, it is necessary to develop a concept to expand the authority of the Committee on the Rights of the Child while simultaneously transforming it from a quasi-judicial into a judicial body, whose decisions on the basis of the consideration and resolution of complaints would become legally binding on the parties to the dispute.

Keywords: international legal status of the child; Convention on the Rights of the Child; substantive rights of the child; orphans; children left without parental care; Committee on the Rights of the Child.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kalinina N. N. Features of the International Legal Regulation of the Legal Status of Children left Without Parental Care. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 35–43 (in Russ.).

Введение

Международное право прав человека является относительно молодой отраслью, получившей свое развитие лишь по-

сле окончания Второй мировой войны, когда права человека были признаны в качестве фундаментальной ценности, а их международно-правовое регулирование приобрело системный характер [1, с. 691].

На вышеуказанном этапе международно-правовой статус ребенка регулировался исключительно универсальными международными договорами, лишь фрагментарно регулируемыми права и законные интересы ребенка. К таким международно-правовым актам можно отнести Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 г., Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г., а также Международный пакт ООН о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.

Однако постепенно в международном праве начинает прослеживаться тенденция обособленного конвенционного регулирования международной защиты прав ребенка.

Данный процесс, по верному утверждению Н. Г. Нугаевой, был вызван рядом объективных причин, среди которых особенно следует отметить физическую и умственную незрелость ребенка, требующую предоставления особых прав и дополнительной защиты [2, с. 68].

Согласно отчету Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) в 2017 г. умерло около 6,3 млн детей и подростков в возрасте до 15 лет преимущественно от предотвратимых или поддающихся лечению причин, таких как осложнения во время родов, пневмония, диарея, сепсис у новорожденных и малярия [3].

По современным тенденциям по прогнозам 56 млн детей до 5 лет умрет между 2018 и 2030 годами, половина из них будут новорожденные [3].

Если государства достигнут цели политики по выживанию детей к 2030 г. 10 млн жизней детей в возрасте до 5 лет могут быть спасены. Основные медицинские услуги, такие как вакцинация, лечение, адекватное питание, чистая вода и санитария, становятся вопросами жизни и

смерти, когда дети и подростки не имеют к ним доступа [3].

Официальные статистические данные обуславливают актуальность выбранной автором темы научного исследования и необходимость развития и совершенствования международно-правового статуса ребенка.

Методологическая основа

В работе преимущественно используются частнонаучные методы познания, в частности сравнительно-правовой и формально-юридической. Сравнительно-правовой метод позволяет оценивать соответствие российского законодательства в области прав ребенка основным международным конвенциям в данной области, а также позволяет оценивать уровень имплементации международно-правовых норм в национальное законодательство в исследуемой сфере.

Результаты и обсуждения

К основным источникам международного права прав ребенка можно отнести: источники мягкого права, закрепляющие права ребенка и не имеющие обязательную юридическую силу (Женевская декларация прав ребенка, принятая Лигой Наций в 1924 г.; Декларация прав ребенка 1959 г.; Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1986 г.), специальные международные договоры в области защиты прав ребенка универсального характера (Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 г., Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления от 29.05.1993 г.); специальные международные договоры в области защиты прав ребенка регионального характера (Евро-

пейская конвенция об усыновлении детей от 27.11.2009 г., Европейская конвенция об осуществлении прав детей от 25.01.1996 г., Конвенция о личных контактах с детьми от 15.05.2003 г., Европейская конвенция о правовом положении внебрачных детей от 15.10.1975 г.), а также двусторонние межгосударственные соглашения.

Фундаментальным международно-правовым актом в исследуемой области выступает Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 г., которая была инкорпорирована в российскую правовую систему после ее ратификации СССР 13 июня 1990 г. [4] Российская Федерация участвует как правопреемник СССР.

Конвенция о правах ребенка, выступающая «Мировой Конституцией прав ребенка», играет решающую роль в современном развитии законодательства в области прав ребенка в Российской Федерации [5, с. 33].

Из самого названия международного договора следует, что международно-правовой статус ребенка предполагает наличие у последнего исключительно только прав [6, с. 48].

Основной целью Конвенции выступает то, «чтобы максимально защитить права и интересы детей. Все положения Конвенции по своей сути можно свести к четырем основным требованиям, соблюдение которых должно, по мнению международного сообщества, обеспечить права детей: выживание; развитие; защита; обеспечение активного участия в жизни общества» [7, с. 23].

В качестве основного гаранта закрепленных в Конвенции прав выступает государство, в пределах юрисдикции которого находится ребенок. Вследствие чего в Конвенции не раз используются словосочетания: «государства-участники обязуются», «государства-участники обеспечивают», «государства-участники признают» и др.

На основании вышеизложенного положения в доктрине высказывается точка зрения, что положения Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. целесообразнее рассматривать не как перечень прав, а как «компиляцию обязанностей государств по отношению к детям» [8, с. 378].

На наш взгляд, с данным утверждением трудно согласиться по ряду причин.

Во-первых, основной массив статей в Конвенции закрепляет комплекс гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, принадлежащих ребенку, которые характеризуются неделимостью и взаимозависимостью.

Среди них представляется необходимым выделить как универсальные права, принадлежащие каждому человеку независимо от возраста на протяжении всей его жизни, но с учетом реализации данных благ в период детства, так и специальные права, принадлежащие исключительно ребенку.

К первым можно отнести: право на жизнь, право на имя и гражданство, право свободно выражать свои взгляды и мнение, право на свободу мысли, совести и религии, право на свободу ассоциаций и свободу мирного собрания, право на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища и личной корреспонденции, право доступа к информации, право на образование, право на социальное обеспечение, право на пользование услугами здравоохранения.

К специальным же правам, закрепленным Конвенцией 1989 г., можно отнести: право знать своих родителей, право на заботу, право на сохранение своей индивидуальности, включая семейные связи, право на неразлучение со своими родителями, право на воссоединение семьи, право на поддержание на регулярной основе личных отношений и прямых контактов с обоими родителями, право на уровень жизни, необходимый для физи-

ческого, умственного, духовного, нравственного и социального развития.

Во-вторых, в силу закрепления материальных прав ребенка Конвенцию по правам ребенка следует отнести к международным договорам непосредственного действия, главной характеристикой которых на основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [9] служит способность порождать права и обязанности для субъектов национального права, а также отсутствие необходимости после ратификации Конвенции и ее опубликования издания внутригосударственного акта для применения международного договора.

Прямое действие Конвенции подтверждает такой международный договорной орган, как Комитет по правам ребенка, который в рамках Замечаний общего порядка о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов, рассматривая более детально право на обеспечение наилучших интересов ребенка, закрепленное в п. 1 ст. 3 Конвенции по правам ребенка, подчеркнул, что данная норма, закрепившая исследуемое материальное право, является нормой прямого действия [10].

В-третьих, нормы Конвенции обязуются обеспечивать не только государства-участники, но также родители, опекуны и иные лица, воспитывающие ребенка. Например, согласно ст. 18 исследуемого акта родители, а также законные опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Именно наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы.

Таким образом, природа Конвенции является весьма сложной, вследствие чего ее следует рассматривать как сложно-

составную компиляцию, включающую в себя как комплекс прав, принадлежащих государству, и других лиц, воспитывающих ребенка, имеющую прямое действие на территории государств-участников Конвенции, призванных обеспечить достижение наилучших интересов ребенка во всех сферах жизни.

Среди всего комплекса материальных прав следует выделить те права, которые связаны с обеспечением семейного окружения и альтернативного ухода.

К правам в сфере обеспечения семейного окружения, на наш взгляд, можно отнести следующие:

1) право ребенка не разлучаться со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка (ст. 9 Конвенции);

2) право на воссоединение семьи (ст. 10 Конвенции);

3) право на обеспечение восстановления содержания ребенка родителями или другими лицами, несущими финансовую ответственность за ребенка (п. 4 ст. 27 Конвенции);

4) право ребенка на защиту от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке.

Что же касается прав, связанных с обеспечением альтернативного ухода, то они закреплены в ст. 20, 21 Конвенции о правах ребенка 1989 г.

Статья 20 указанного международно-правового акта закрепляет специальное право в отношении особой категории де-

тей, а именно детей, которые временно или постоянно лишены своего семейного окружения или которые в их собственных наилучших интересах не могут оставаться в таком окружении. К данной категории детей следует отнести детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые в силу анализируемой статьи Конвенции 1989 г. имеют право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством, выражаемую преимущественно в замене ухода за такими детьми.

В качестве альтернативы в замене ухода в Конвенции указывается: передача на воспитание в семью, «кафала» по исламскому праву, усыновление, помещение в соответствующие учреждения по уходу за детьми. Главными критериями вышеуказанной замены выступают преимущественность воспитания ребенка, его этническое происхождение, религиозная и культурная принадлежность, а также родной язык. Обязанность вышеуказанной замены ухода возлагается на государства – участников данной Конвенции.

Очень важным, на наш взгляд, источником международного права, который раскрывает содержание ст. 20 и 21 Конвенции о правах ребенка 1989 г., выступают Руководящие указания по альтернативному уходу за детьми, принятые Генеральной Ассамблеей в рамках Резолюции от 18.12.2009 г. [11]

В преамбуле указанного источника мягкого права указано, что Руководящие указания содержат желательные ориентиры как для политики, так и для практики, призванные активизировать осуществление не только Конвенции о правах ребенка, но также и иных международных договоров, регулирующих вопросы защиты и благополучия детей, лишенных родительского ухода или рискующих его лишиться.

Согласно исследуемому документу при изъятии детей из-под опеки семьи,

которое всегда должно рассматриваться как крайняя мера, должны обеспечиваться: стабильный дом, основная потребность в безопасной и устойчивой связи с теми, кто обеспечивает уход за ними, а также ближайшее расположение к месту обычного проживания ребенка в целях его полного и гармоничного развития.

Преимущественной формой устройства детей выступает устройство детей на базе семьи, что же касается использования учреждений интернатного типа, то оно должно быть ограничено теми случаями, когда это окружение является особенно подходящим, необходимым и конструктивным для данного конкретного ребенка и отвечает его наилучшим интересам с обязательным решением вопроса о дальнейшей реинтеграции в семью.

Следует отметить, что РФ ратифицировала также два факультативных протокола к Конвенции о правах ребенка 1989 г., которые касаются проблемы торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, а также участия детей в вооруженных конфликтах.

Кроме того, 19 декабря 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, который вступил в силу в апреле 2014 г. [12] Однако Российская Федерация по состоянию на июнь 2019 г., к сожалению, не является участником данного Факультативного протокола.

Вместе с тем благодаря последнему Факультативному протоколу полномочия Комитета по правам ребенка существенно расширяются за счет возможности рассмотрения индивидуальных и межгосударственных жалоб на нарушение прав ребенка, а также проведения расследований по заявлениям о серьезных или систематических нарушениях прав, закрепленных в Конвенции о правах ребенка, а также в двух Факультативных протоколах к ней.

Основная причина принятия третьего факультативного протокола изложена в преамбуле последнего, где подчеркивается, что ребенок, как субъект прав и как человеческое существо с присущим ему достоинством и с развивающимися возможностями, находится в особом и зависимом положении, которое зачастую может создавать для него реальные трудности в использовании средств правовой защиты в случае нарушений их прав.

Следует отметить, что компетенция Комитета по правам ребенка по рассмотрению жалоб на нарушение прав ребенка государствами носит субсидиарный характер, что обуславливает обязательное признание государством компетенции Комитета в данной области посредством ратификации исследуемого Факультативного протокола. Неучастие того либо иного государства в данном Протоколе является безусловным основанием для отказа в приеме жалобы.

Кроме того, при рассмотрении межгосударственных жалоб требуется также дополнительное заявление государства-участника о признании компетенции Комитета на получение и рассмотрение данного вида сообщений.

По итогам рассмотрения жалобы Комитет представляет свои соображения по данному сообщению, которые могут в том числе содержать рекомендации государству-участнику.

Указанные акты Комитета на основании ст. 11 Факультативного протокола 2011 г. государство должно обязательно рассмотреть, а также направить в адрес Комитета в срок не позднее 6 месяцев письменный ответ о любых действиях, которые были предприняты или которые предполагается предпринять в свете соображений и рекомендаций Комитета.

Присоединение РФ к данному Протоколу, на наш взгляд, лишь повысит гарантии обеспечения прав ребенка, испытывающего трудности в использовании

средств правовой защиты в рамках внутрисударственного права.

Однако нельзя не отметить, что в третьем Факультативном протоколе 2011 г. отсутствует механизм принудительного исполнения соображений и рекомендаций договорного органа, что является одним из главнейших факторов, снижающих эффективность принимаемых им мер.

Выводы и рекомендации

Представляется, что выделение в международном праве международно-правового статуса ребенка с предоставленными ему правами и гарантиями должно обязательно обеспечиваться специальным механизмом по принудительной реализации международно-правовых положений Конвенции о правах ребенка 1989 г. с учетом специфики исследуемого субъекта, который, находясь в зависимом положении, всегда нуждается в заботе и защите.

Таким образом, физическая и умственная незрелость ребенка, требующая предоставления особых прав и дополнительной защиты, предопределила самостоятельное регулирование на межгосударственном уровне правового статуса ребенка, основным источником которого служит универсальная Конвенция ООН о правах ребенка от 20.11.1989 г.

На основании международно-правовых стандартов прав ребенка особая категория детей, которые временно или постоянно лишены своего семейного окружения, обладают наряду с универсальными правами также специальным правом на альтернативный уход, обеспечивающий их наилучшие интересы, что позволяет говорить о выделении в международном праве специального международно-правового статуса указанной категории детей.

Сейчас особенно насущной проблемой, на наш взгляд, выступает отсутствие специализированного судебного органа,

чьих решения по делам о защите прав ребенка в рамках Конвенции о правах ребенка 1989 г. имели бы обязательную юридическую силу для участников спора. Вследствие этого полагаем, что на межгосударственном уровне необходима разработка концепции по расширению пол-

номочий Комитета по правам ребенка с одновременным превращением его из квазисудебного в судебный орган, чьи решения по итогам рассмотрения и разрешения жалоб становились бы юридически обязательными для участников спора.

Список литературы

1. Толстых В. Л. Курс международного права. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1056 с.
2. Международная и внутригосударственная защита прав человека / А. Х. Абашидзе, З. Г. Алиев, К. Ф. Амиров [и др.]; под ред. Р. М. Валеева. М.: Статут, 2011. 830 с.
3. Доклад ЮНИСЕФ об уровне и тенденциях в детской смертности за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <https://data.unicef.org/wp-content/uploads/2018/10/Child-Mortality-Report-2018.pdf> (дата обращения: 04.03.2019)
4. О ратификации Конвенции о правах ребенка: постановление ВС СССР №1159-1 от 13.06.1990: [вступило в силу для России 15.09.1990] // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. №26, ст. 497.
5. Матвеева М. В. Права ребенка в семейном праве: проблемы законодательства, теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 208 с.
6. Легова Н. В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.
7. Борисова Н. Е., Дмитриев Ю. А., Захаров С. В. Конституционно-правовой статус ребенка в Российской Федерации. М.: Манускрипт, 1998. 107 с.
8. Cantwell N. The history, content, and impact of the Convention on the rights of the child. Chent: University Press, 1998. 426 p.
9. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2003. № 12.
10. Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3) [Электронный ресурс]: [принято Комитетом на его шестьдесят второй сессии, 14 января – 1 февраля 2013 г.]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fGC%2f14&Lang=en (дата обращения: 13.03.2019)
11. Руководящие указания по альтернативному уходу за детьми [Электронный ресурс]: резолюция 64/142, принятая Генеральной Ассамблеей 18 декабря 2009 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/64/142> (дата обращения: 16.03.2019).
12. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений [Электронный ресурс]: [принят от 19.12.2011 резолюцией 66/138 Генеральной Ассамблеи ООН]. URL: https://www.on.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml (дата обращения: 13.03.2019).

Поступила в редакцию 25.06.19

Подписана в печать 26.07.19

References

1. Tolstyh V. L. Kurs mezhdunarodnogo prava. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 1056 p.
2. Abashidze A. H., Aliev Z. G., Amirov K. F., eds. Mezhdunarodnaya i vnutrigosudarstvennaya zashchita prav cheloveka; ed. by R. M. Valeev. Moscow, Statut Publ., 2011. 830 p.
3. Doklad YUNISEF ob urovne i tendenciayah v detskoj smertnosti za 2018 god. URL: <https://data.unicef.org/wp-content/uploads/2018/10/Child-Mortality-Report-2018.pdf> (accessed 04.03.2019).
4. O ratifikacii Konvencii o pravah rebenka: postanovlenie VS SSSR No 1159-1 ot 13.06.1990: [vstupilo v silu dlya Rossii 15.09.1990]. *Vedomosti SND i VS SSSR*, 1991, no. 26, art. 497.
5. Matveeva M. V. Prava rebenka v semejnom prave: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktik. Diss. kand. yurid. nauk. Moscow, 2017. 208 p.
6. Letova N. V. Semejnyj status rebenka: problemy teorii i praktiki. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 144 p.
7. Borisova N. E., Dmitriev Yu. A., Zaharov S. V. Konstitucionno-pravovoj status rebenka v Rossijskoj Federacii. Moscow, Manuskript Publ., 1998. 107 p.
8. Cantwell N. The history, content, and impact of the Convention on the rights of the child. Chent, University Press, 1998. 426 p.
9. O primenении sudami obshchej yurisdikcii obshchepriznannykh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh dogovorov Rossijskoj Federacii: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10.10.2003 No 5. *Byulleten' Verhovnogo Suda Ros. Federacii*, 2003, no. 12.
10. Zamechanie obshchego poryadka No 14 (2013) o prave rebenka na udelenie pervoocherednogo vnimaniya nailuchshemu obespecheniyu ego interesov (punkt 1 stat'i 3): [prinyato Komitetom na ego shest'desyat vtoroj sessii, 14 yanvarya – 1 fevralya 2013 g.]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2fC%2fGC%2f14&Lang=en (accessed 13.03.2019).
11. Rukovodyashchie ukazaniya po al'ternativnomu uhodu za det'mi: rezolyuciya 64/142, prinyataya General'noj Assambleej 18 dekabrya 2009 g. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/64/142> (accessed 16.03.2019).
12. Fakul'tativnyj protokol k Konvencii o pravah rebenka, kasayushchijsya procedury soobshchenij: [prinyat ot 19.12.2011 rezolyuciej 66/138 General'noj Assamblei OON]. URL: https://www.on.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml (accessed 13.03.2019).

Received 25.06.19

Accepted 10.06.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Калинина Надежда Николаевна,
помощник судьи Советского районного суда
г. Астрахани, Астрахань,
Российская Федерация
e-mail: nady_1188@mail.ru

Nadezhda N. Kalinina, Assistant Judge
of the Soviet District Court of Astrakhan,
Astrakhan, Russian Federation
e-mail: nady_1188@mail.ru

УДК 34.096

Медиативная оговорка в договорных правоотношениях: проблемы исполнения

А. Н. Сурков¹, Е. А. Шашкина¹, Г. С. Швырев¹ ✉

¹ ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, 50-лет Октября, 94

✉ e-mail: german14@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье рассмотрена значимость включения медиативной оговорки в условия гражданско-правового договора, а также актуальные проблемы, которые сдерживают распространение процедуры медиации в Российской Федерации.

Целью настоящего исследования является получение новых знаний об эффективности использования медиативной оговорки в гражданско-правовых договорах Российской Федерации.

Задачи. Рассмотреть процедуру медиации в договорных правоотношениях. Выявить положительные стороны включения в договор медиативной оговорки еще на стадии его разработки. Кроме того, рассмотреть и провести анализ проблем, из-за которых применение процедуры медиации в Российской Федерации происходит не так активно, как могло бы происходить.

Методы. В процессе работы над исследованием использовались формально-юридический, исторический и сравнительно-правовой методы.

Результаты проведенного исследования позволили авторам предложить обоснованные предложения по решению выявленных проблем, которые сдерживают распространение процедуры медиации.

Вывод. Авторы в своем исследовании приходят к выводу о том, что процедура урегулирования споров между сторонами с участием третьего, независимого, участника является альтернативной формой судебного разбирательства, которая позволяет участникам разрешить возникший между ними конфликт при помощи медиатора. Принимая во внимание тот факт, что институт медиации относительно недавно получил свое правовое закрепление, необходимо его активное использование в гражданско-правовых договорах различными способами, в том числе указанием на медиативную оговорку как существенное условие договора, что позволит частично снизить нагрузку на судебные органы, переложив ее на медиаторов.

Ключевые слова: медиация; медиативная оговорка; договор; конфликт; соглашение; медиатор; посредник; спор.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Сурков А. Н., Шашкина Е. А., Швырев Г. С. Медиативная оговорка в договорных правоотношениях: проблемы исполнения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 44–51.

© Сурков А. Н., Шашкина Е. А., Швырев Г. С., 2019

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2019; 9(4): 44–51

The Mediation Reservation in Contractual Legal Relationship: Execution Problems

Aleksander N. Surkov¹, Elena A. Shashkina¹, German S. Shvyrev¹ ✉

¹ Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: german14@mail.ru

Abstract

Relevance. In the present article the importance of inclusion of the mediation reservation in conditions of the civil contract and also current problems which constrain distribution of the procedure of mediation in the Russian Federation is considered.

The purpose of the real research is obtaining new knowledge of efficiency of the mediation reservation in civil contracts of the Russian Federation.

Tasks. To consider the procedure of mediation in contractual legal relationship. To reveal positive sides of inclusion in the contract of the mediation reservation at a stage to its development. Besides, to consider and carry out the analysis of problems because of which application of the procedure of mediation in the Russian Federation happens not so actively as could occur.

Methods. In the course of work on a research legalistic, historical and comparative and legal methods were used.

Results of the conducted research allowed authors to offer reasonable offers on the solution of the revealed problems which constrain distribution of the procedure of mediation.

Conclusion. Authors in the research come to a conclusion that the procedure of settlement of disputes between the parties with participation of the third, independent participant is an alternative form to judicial proceedings which allows participants to resolve the conflict which arose between them by means of a mediator. In view of the fact that the institute of mediation relatively recently received the legal fixing its active use in civil contracts in various ways, including the instruction on the mediation reservation as the essential term of the contract is necessary that will allow to lower partially load of judicial authorities, having shifted it on mediators.

Keywords: mediation; mediation clause; contract; conflict; agreement; mediator; intermediary; dispute.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Surkov A. N., Shashkina E. A., Shvyrev G. S. The Mediation Reservation in Contractual Legal Relationship: Execution Problems. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 44–51 (in Russ.).

Введение

Способ разрешения конфликтов между спорящими сторонами с участием третьей стороны – помощника (медиатора) имеет большую историю. Еще в Средние века на Руси предпринимались попытки разрешить миром княжеские междоусобицы с помощью посредников. Медиация в ее современном представлении начала развиваться в англо-

саксонских странах во второй половине XX века, постепенно распространяясь в европейских странах [1, с. 21, 30]. В последующем институт медиации претерпевал некоторые изменения, но не потерял свою актуальность и в наши дни. Институт медиации в РФ регулируется Федеральным законом № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации).

Методология

В процессе работы над указанной темой исследования были использованы формально-юридический, исторический и сравнительно-правовой методы, которые позволили рассмотреть процедуру медиации в Российской Федерации и сформулировать выводы.

Результаты и их обсуждение

Поскольку вышеуказанный Федеральный закон был принят в Российской Федерации не так давно, процедура медиации не так распространена в нашей стране. Закон о медиации должен способствовать расширению сферы применения института урегулирования споров между сторонами с участием посредника. В нем заложены культурные и коммуникативные принципы разрешения споров, что позволяет наиболее мирным способом найти точки соприкосновения между спорящими.

При этом необходимо отметить, что до принятия указанного закона в нашей стране проводились различные мероприятия, которые были направлены на процесс разработки основных положений и адаптации данного института урегулирования споров сторон в российском законодательстве. Одним из таких мероприятий было проведение правового эксперимента на базе Уральского федерального округа в 2009 г. [2]

Согласно ст. 2 Закона о медиации под процедурой медиации понимается способ урегулирования споров при помощи медиатора на основе добровольного согласия сторон. Данная процедура может использоваться и после того, как споры уже возникли, и рассматривались в порядке гражданского судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах. Другими словами, на стадии рассмотрения дела в судебном порядке стороны вправе принять решение о передаче данного спора на рассмотрение медиатора. Базисной основой института медиации является то, что стороны с помощью

медиатора должны достичь взаимного соглашения и прийти к консенсусу.

Институт медиации, прежде всего, направлен на то, чтобы спор урегулировать для всех удобным средством. Ведь иногда очень трудно сторонам конфликта посмотреть на эту ситуацию объективно. Привлечение медиаторов позволяет преодолеть указанную проблему. Такой вариант разрешения спора позволяет выйти наиболее эффективно и без потерь из сложившейся конфликтной ситуации. Помимо этого, отдельные виды споров весьма сложны с юридической точки зрения, что их судебное разрешение отнимет много времени и средств, а результат совершенно непредсказуем [3].

Из этого следует, что процедура медиации является действенным способом разрешения возникших, или возможных, разногласий. В договорных правоотношениях, основываясь на принципе свободы договора, стороны вправе включить в условия контракта медиативную оговорку, по которой в случае возникновения разногласий в процессе исполнения договора они обратятся за разрешением спора к медиатору. Данная оговорка становится обязательной для исполнения контрагентами в случае заключения договора в письменной форме. Таким образом, стороны еще до возникновения разногласий договариваются об использовании процедуры медиации, не передавая возникший спор на разрешение судебных органов.

Рассматривая структуру любого гражданско-правового договора, медиативная оговорка не изменяет предмета договора, т. к. не является основанием для изменения существа правоотношений договаривающихся сторон. Ее следует расценивать как инструмент, к которому стороны вправе прибегнуть в ходе исполнения договора.

Включение в текст договора условия о медиации должно быть согласовано сторонами и не может одна из сторон настаивать на применении процедуры медиации при отсутствии согласия на то

другой стороны. Е. Г. Стрельцова, в частности, отмечает, что медиация «не входит в систему защиты права, а находится в положении отдельных от правосудия процедур и никак с правосудием не связана» [4, с. 49].

Несмотря на преимущества использования медиативной оговорки в договорных правоотношениях, существует ряд проблем, которые тормозят активное развитие данного института.

Во-первых, люди плохо осведомлены о наличии данной процедуры.

Проблема заключается в недостаточной информированности, непонимании роли медиатора, обрывочных и недостоверных знаниях о медиативном урегулировании конфликтов и его особенностях. Да и практикующие юристы иногда обладают ошибочным представлением о сути процедуры медиации и своей роли в ней [5, с. 117].

С целью развития практики применения процедуры медиации представляется необходимым более широкое привлечение средств массовой информации к участию в соответствующих мероприятиях, что позволит содействовать популяризации института медиации, а также увеличению круга представителей профессионального сообщества юристов, адвокатов, нотариусов, вовлеченных в реализацию досудебных примирительных процедур [6].

Развитие правового просвещения участников гражданского оборота может являться одним из способов продвижения медиативных процедур в разрешении споров, возникающих в деловом обороте.

Для информирования граждан об альтернативном способе урегулирования спора суды и медиаторы предпринимают разнообразные меры, например, размещают поясняющую информацию на стендах и публикуют ее на сайтах судов. Но, несмотря на эту работу, ее недостаточно для информирования людей. Поэтому целесообразно продвигать в обществе идею медиации как способа разрешения споров, в том числе через СМИ, а

также используя рекламу. Наибольший эффект может произвести информирование о положительном опыте применения медиации [7, с. 12].

Кроме того, медиативные процедуры в сфере договорных правоотношений в России в настоящий момент осуществляются на основе принципа добровольности. При этом в российском юридическом сообществе ведется дискуссия о возможности организации обязательной процедуры медиации. В данном случае на стороне гражданского спора до обращения в суд будет возложена предусмотренная законом обязанность совершить некие действия по участию в медиативной процедуре [8, с. 130–131].

Во-вторых, высокая стоимость услуг медиаторов.

О данной проблеме, как одной из экономических причин низкой популярности примирительных процедур, отмечалось на практике [9].

Теоретически на стоимость услуг медиации может оказать влияние предоставление медиаторам и их организациям государственной поддержки, введение для них льготного налогообложения, создание конкурентной среды среди медиаторов и т. д.

В-третьих, решение, которое было принято в результате рассмотрения спора медиацией, исполняется сторонами самостоятельно [10]. Неисполнение решения одной стороной может привести к обращению в суд и развитию нового конфликта. Ведь, как указано в ст. 12 Закона о медиации, защита прав, нарушенных в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения медиативного соглашения, осуществляется способами, предусмотренными гражданским законодательством. Только медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено судом или третейским судом в качестве мирового соглашения. В данном случае наиболее остро стоит вопрос

о проблеме исполнения достигнутого сторонами консенсуса в споре, контроле и возможности его принудительного исполнения. Представляется целесообразным распространить возможность утверждения медиативного соглашения судом до передачи рассмотрения спора на его разрешение.

В-четвертых, проблема касается самих медиаторов. В статье 15 Закона о медиации перечислены общие требования к медиаторам, а именно: дееспособность, отсутствие судимости, достижение восемнадцатилетнего возраста. Но чтобы оказывать данный вид услуги, недостаточно только этих качеств. Также в Законе говорится просто о высшем образовании, но о каком конкретно не указано. А если дополнить данный Закон о медиации более конкретными качествами медиатора, создать организации, в которых будут обучать их, люди чаще начнут обращаться за данным видом услуги. В развитии института медиации обоюдно заинтересованы как государство, так и сами медиаторы. Интерес государства сводится к возможности снизить нагрузку на судебную систему, а медиаторов – к увеличению спроса на их услуги.

Проблемой также является то, что многие медиаторы не являются профессиональными юристами, а являются психологами, конфликтологами или специалистами из смежных отраслей. Между тем среди практикующих юристов достаточно примеров деятельности специалистов, успешно сочетающих роли адвокатов и (или) арбитров с ролью медиатора. Все зависит в первую очередь от деловых и личных качеств, кругозора и жизненного опыта того или иного эксперта [11, с. 6]. При этом в своей деятельности ме-

диатор сталкивается с разрешением правовых проблем, т. е. необходимость в юридическом образовании не вызывает сомнений.

Анализ судебной практики судов общей юрисдикции Курской области свидетельствует о том, что институт медиации начинает внедряться в повседневную жизнь, т. к. у него присутствует ряд достоинств, как альтернативного способа урегулирования конфликтов, в отличие от судопроизводства [12].

Вывод

Несмотря на ряд сложностей в применении на практике процедуры медиации, она остается весьма актуальной. Как указано в решении Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 19 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2019 год», одним из перспективных направлений деятельности по вопросам сотрудничества Евразийского экономического союза и Европейского союза будет развитие и углубление системного взаимодействия на экспертном уровне по вопросам правового регулирования экономических торговых споров (медиации) [13]. Это подчеркивает актуальность развития и совершенствования процедуры медиации не только внутри государства, но и на межгосударственном уровне. Кроме того, включение медиативной оговорки в договор при выстраивании правоотношений с контрагентом является целесообразным и позволяет сторонам заранее в случае возникновения споров упростить их разрешение.

Список литературы

1. Нигматулина Т. А., Терновая Л. О. Политическая медиация. Уфа: Изд-во Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2016. 370 с.

2. Концепция правового эксперимента по внедрению примирительных процедур на базе Уральского федерального округа [Электронный ресурс]. URL: <http://fasuo.arbitr.ru/node/1746> (дата обращения: 28.04.2019).
3. Кославская О. В. Что такое медиация? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/blog/mirposrednik/> (дата обращения: 28.04.2019).
4. Стрельцова Е. Г. Организация медиации как элемента государственной политики в сфере защиты прав и интересов (на основе российского исторического и современного зарубежного опыта) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 47–56.
5. Бюллетень Федерального института медиации. 2013 год / науч. ред. Ц. Шамликашвили. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2014. 290 с.
6. Справка по вопросу применения судами Саратовской области в 2018 году Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс]. URL: <http://oblsud.sar.sudrf> (дата обращения: 28.04.2019).
7. Нестеренко А. Верю, что нет ничего невозможного, нужна смелость и все получится! // Медиация и право. Посредничество и примирение. 2013. №29. С. 8–12.
8. Князев Д. В. Действия сторон гражданского спора в случае обязательности медиации: анализ опыта США // LexRussic. 2018. № 10. С. 130–145.
9. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71329664/> (дата обращения: 28.04.2019).
10. Лукьянова Е. В., Худойкина Т. В. Проблемы реализации медиации в России [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. 2014. №2. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/problemu-realizacii-mediacii-v-rossii> (дата обращения: 28.04.2019).
11. Суспицына И. Союзники в медиации // Адвокатская газета. 2019. № 1. С. 6–7.
12. Пресс-служба Курского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.krs.sudrf.ru/modules.php?did=167&name=press_dep&op=1 (дата обращения: 28.04.2019)
13. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 19 «Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2019 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения: 28.04.2019)

Поступила в редакцию 13.07.19

Подписана в печать 10.08.19

References

1. Nigmatulina T. A. Ternovaya L. O. Politicheskaya mediatsiya. Ufa, Bashkirskij institut sotsial'nykh tekhnologiy (filiala) Obrazovatel'nogo uchrezhdeniya profsoyuzov vysshego obrazovaniya "Akademiya truda i sotsial'nykh otnosheniy", 2016. 370 p.
2. Kontseptsiya pravovogo eksperimenta po vnedreniyu primiritel'nykh protsedur na baze Ural'skogo federal'nogo okruga. URL: <http://fasuo.arbitr.ru/node/1746> (accessed 28.04.2019)
3. Koslavskaya O. V. Chto takoye mediatsiya? URL: <https://www.b17.ru/blog/mirposrednik/> (accessed 28.04.2019).
4. Strel'tsova Ye. G. Organizatsiya mediatsii kak elementa gosudarstvennoy politiki v sfere zashchity prav i interesov (na osnove rossiyskogo istoricheskogo i sovremennogo zarubezhnogo opyta). *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2012, no. 6, pp. 47–56.

5. Byulleten' Federal'nogo Instituta Mediatsii. 2013 god; ed. by T. S. Shamlikashvili. Moscow, OOO "Mezhregional'nyy tsentr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniya", 2014. 290 p.
6. Spravka po voprosu primeneniya sudami Saratovskoy oblasti v 2018 godu Federal'nogo zakona ot 27 iyulya 2010 goda No 193-FZ "Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiyem posrednika (protsedure mediatsii)". URL: <http://oblsud.sar.sudrf> (accessed 28.04.2019)
7. Nesterenko A. Veryu, chto net nichego nevozmozhnogo, nuzhna smelost' i vse poluchitsya! *Mediatsiya i pravo. Posrednichestvo i primireniye*, 2013, no. 29, pp. 8–12.
8. Knyazev D. V. Deystviya storon grazhdanskogo spora v sluchaye obyazatel'nosti mediatsii: analiz opyta SSHA. *LexRussic*, 2018, no. 10, pp. 130-145.
9. Spravka o praktike primeneniya sudami Federal'nogo zakona ot 27 iyulya 2010 g. No 193-FZ "Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiyem posrednika (protsedure mediatsii)" za period s 2013 po 2014 god. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71329664/> (accessed 28.04.2019).
10. Luk'yanova Ye. V., Khudoykina T. V. Problemy realizatsii mediatsii v Rossii. *Ogarov-Online*, 2014, no. 2. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/problemy-realizacii-mediatsii-v-rossii> (accessed 28.04.2019)
11. Suspitsyna I. Soyuzniki v mediatsii. *Advokatskaya gazeta*, 2019, no. 1, pp. 6–7.
12. Press-sluzhba Kurskogo oblastnogo suda. URL: http://oblsud.krs.sudrf.ru/modules.php?did=167&name=press_dep&op=1 (accessed 28.04.2019).
13. Resheniye Vysshego Yevraziyskogo ekonomicheskogo soveta ot 6 dekabrya 2018 g. No 19 "Ob Osnovnykh napravleniyakh mezhdunarodnoy deyatel'nosti Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza na 2019 god". URL: <https://docs.eaeunion.org> (accessed 28.04.2019).

Received 13.07.19

Accepted 10.08.19

Информация об авторах / Information about the authors

Сурков Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: KSTUcivillaw@yandex.ru

Alexander N. Surkov, Doctor Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: KSTUcivillaw@yandex.ru

Шашкина Елена Анатольевна, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: KSTUcivillaw@yandex.ru

Elena A. Shashkina, Postgraduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: KSTUcivillaw@yandex.ru

Швырев Герман Сергеевич, преподаватель кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: german14@mail.ru

German S. Shvyrev, Lecturer of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: german14@mail.ru

УДК 342

Качество и безопасность пищевой продукции как фактор общественного здоровья: социально-правовой анализ основных рисков

Е. В. Воронцова¹✉, А. Л. Воронцов¹

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: proskyrinae@mail.ru

Резюме

Актуальность. Качественные и безопасные продукты питания являются важнейшим фактором общественного здоровья, обеспечивая нормальное развитие социума. Отсюда обеспечение качества и безопасности пищевой продукции выходит в разряд актуальных государственных задач, решение которых требует комплексных организационно-правовых и технических мер. Дополнительную актуальность проблеме обеспечения качества и безопасности продуктов питания добавляет то обстоятельство, что в настоящее время сфера производства и оборота пищевой продукции в России подвержена целому ряду потенциальных рисков, каждый из которых может создавать значительную угрозу общественному здоровью. Анализ данных рисков чрезвычайно востребован в юридической науке и практике с учетом того, что их значительная доля возникает из-за несовершенства правовой базы, регулирующей пищевой рынок.

Цель: с позиций социально-правового анализа охарактеризовать основные потенциальные риски общественному здоровью, возникающие на рынке производства и оборота пищевой продукции в России.

Задачи: выделить специфические факторы российского пищевого рынка, создающие угрозы общественному здоровью; проанализировать причины, способствующие возникновению потенциальных рисков в сфере производства и оборота пищевой продукции; сформулировать авторские рекомендации, позволяющие совершенствовать механизм обеспечения качества и безопасности пищевой продукции.

Методология: логический и формально-юридический анализ, статистический метод, метод обобщения, компаративный метод.

Результаты. Сфера производства и оборота пищевой продукции в России подвержена целому ряду потенциальных рисков, каждый из которых может создавать значительную угрозу общественному здоровью. Несовершенный правовой механизм обеспечения качества и безопасности пищевой продукции является детерминантой распространения угроз общественному здоровью на российском пищевом рынке. Решение проблемы качества и безопасности пищевой продукции лежит в области установления правового консенсуса между интересами производителей данной продукции и интересами ее потребителей.

Выводы: Для минимизации рисков общественному здоровью, возникающих в сфере производства и оборота пищевой продукции, необходимо совершенствовать правовую базу, обеспечивающую ее качество и безопасность. Для некоторых групп товаров (алкоголь и др.) целесообразно использование индивидуальных цифровых кодов, автоматически вносимых в единую электронную базу данных, позволяющих безошибочно определять подлинность реализуемой продукции. Требуется ужесточить ответственность производителей и продавцов пищевой продукции за нарушение правил о ее производстве и обороте. Необходимо активизировать разработку методической и нормативной базы, содержащей критерии оценки безопасности для здоровья людей ряда материалов, используемых в пищевом производстве. Интересы охраны природы и общественного здоровья требуют законодательной корректировки регламентов применения пестицидов и других агрохимикатов. Кроме того, должны быть ужесточены требования, предъявляемые к экспертизе результатов регистрационных испытаний химических и биологических препаратов, подлежащих применению в сельском хозяйстве.

© Воронцова Е. В., Воронцов А. Л., 2019

Ключевые слова: качество и безопасность пищевой продукции; контрафакт и фальсификат; биологически активные добавки к пище; угрозы общественному здоровью; здоровье человека; пищевая продукция; агрохимикаты; пестициды; риски для здоровья; правовой механизм; правовое регулирование; производство и оборот пищевой продукции.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00926\19.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Воронцова Е. В., Воронцов А. Л. Качество и безопасность пищевой продукции как фактор общественного здоровья: социально-правовой анализ основных рисков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 51–63.

UDC 342

The Quality and Safety of Food Products as a Factor in Public Health: a Socio-Legal Analysis of the Main Risks

Elena V. Vorontsova¹ ✉, Andrej L. Vorontsov¹

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: proskyrinae@mail.ru

Abstract

Relevance. High-quality and safe food products are the most important factor of public health, ensuring the normal development of society. Hence, ensuring the quality and safety of food products goes into the category of urgent state tasks, the solution of which requires complex organizational, legal and technical measures. Additional relevance of the problem of ensuring the quality and safety of food products is added by the fact that currently the sphere of production and turnover of food products in Russia is subject to a number of potential risks, each of which can pose a significant threat to public health. The analysis of these risks is in great demand in legal science and practice, taking into account the fact that their significant share arises due to the imperfection of the legal framework governing the food market.

Purpose. From the standpoint of social and legal analysis to characterize the main potential risks to public health arising in the market of production and turnover of food products in Russia.

Objectives: to identify specific factors of the Russian food market, creating threats to public health; to analyze the causes that contribute to the emergence of potential risks in the production and turnover of food products; to formulate the author's recommendations, allowing to improve the mechanism of ensuring the quality and safety of food products.

Methodology: logical and formal legal analysis, statistical method, generalization method, comparative method.

Results. The sphere of production and turnover of food products in Russia is subject to a number of potential risks, each of which can pose a significant threat to public health. Imperfect legal mechanism to ensure the quality and safety of food products is a determinant of the spread of threats to public health in the Russian food market; The solution to the problem of quality and safety of food products lies in the establishment of a legal consensus between the interests of producers of these products and the interests of its consumers.

Conclusions. To minimize the risks to public health arising in the production and circulation of food products, it is necessary to improve the legal framework that ensures its quality and safety. For some groups of goods (alcohol, etc.) it is advisable to use individual digital codes, automatically entered into a single electronic database, allowing you to accurately determine the authenticity of the products sold. It is required to toughen the responsibility of producers and sellers of food products for violation of the rules on its production and turnover; It is necessary to intensify the development of methodological and regulatory framework containing criteria for assessing the safety of human health of a number of materials (including nanomaterials) used in food production; The interests of nature protection and public health require legislative amendments to the regulations on the use of pesticides and other agrochemicals. In addition, the requirements for the examination of the results of registration tests of chemical and biological products to be used in agriculture should be tightened.

Key words: *quality and safety of food products; counterfeit and falsification; biologically active food additives; threats to public health; human health; food products; agrochemicals; pesticides; health risks; legal mechanism; legal regulation; production and turnover of food products.*

Acknowledgements: *The study was performed with financial support RFBR, research project No. 19-011-00926\19.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Vorontsova E. V., Vorontsov A. L. The Quality and Safety of Food Products as a Factor in Public Health: a Socio-Legal Analysis of the Main Risks. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 51–63 (in Russ.).

Введение

Наличие продуктов питания является главным условием биологической жизни человека. Их недостаток приводит к деградации и уменьшению человеческой популяции, лишая любой социум возможности необходимого воспроизводства и развития. Осознавая данное обстоятельство и стремясь обеспечить себя достаточным питанием, человечество использовало в производстве пищевой продукции последние достижения науки и техники, что позволило нарастить объем продовольствия и решить проблему голода во многих регионах Земного шара. Однако даже продуктовое изобилие развитых стран не избавило население этих государств от проблем, связанных с пищей. Более того, развитие рынка пищевой продукции и используемых в ее производстве технологий способствовало возникновению новых проблем, которые, как и проблема голода, способны вызвать регресс человечества.

Одна из таких проблем – снижение качества и безопасности пищевой продукции, которая в настоящее время приобрела глобальный характер и затрагивает население практически каждой страны. Обусловленная законами рынка борьба за потребителя, стремление получить конкурентные преимущества путем снижения себестоимости продукта и его скорейшего доведения до прилавка побуждают производителей пищевой продукции к замене традиционных технологий ее изготовления на более дешевые, что отрицательно сказывается на качестве

последней. В сочетании с невысокой потребительской культурой и отсутствием должного контроля со стороны государственных органов это создает благоприятную почву для возникновения на рынке пищевого производства целого ряда рисков для общественного здоровья, что не может не беспокоить здравомыслящего человека с учетом важности здоровья для каждого из нас.

Для российских граждан потенциальные угрозы здоровью, связанные с качеством и безопасностью продуктов питания, обостряются в связи с наличием целого ряда неблагоприятных факторов – экономических, политических, правовых. Сравнительно низкая платежеспособность населения, введенные в отношении нашей страны экономические санкции (что приводит к монополизации пищевого производства российским производителем), инертность организационно-правовых регуляторов – все это выступает общими доминантами снижения качества и безопасности пищевой продукции. При этом, на наш взгляд, было бы неверным рассматривать указанные факторы в качестве единственных, создающих потенциальную угрозу общественному здоровью [1, с. 65–71; 2, с. 70–76]. Помимо этих факторов, существенные риски здоровью граждан создают и специфические факторы российского пищевого рынка: значительное количество контрафакта и фальсификата, использование новых пищевых технологий без должной апробации, неконтролируемое применение

пестицидов и др. Все эти факторы требуют отдельного социально-правового анализа, что и будет нами сделано в представленной статье.

Целью настоящего исследования явилась характеристика возникающих в сфере производства и оборота пищевой продукции рисков, создающих угрозу общественному здоровью. Достижение поставленной цели предполагало решение следующих исследовательских *задач*:

1) определить основные факторы российского пищевого рынка, наличие которых создает потенциальные опасности для здоровья россиян;

2) выявить и проанализировать причины, способствующие распространению данных факторов в России;

3) сформулировать рекомендации, направленные на повышение качества и безопасности пищевой продукции.

Методология

Специфика предмета исследования обусловила особенности используемой авторами методологии. В целом при анализе проблемы использовался вероятностный подход, основанный на оценке возможных (потенциальных) рисков, возникающих в результате действия выделенных авторами факторов. В то же время имеющийся эмпирический материал позволил включить в исследовательский аппарат ряд общенаучных и частнонаучных методов: статистический метод, метод обобщения, логический метод, формально-юридический и компаративный методы.

Результаты и их обсуждение

Не секрет, что перспективы развития любого общества во многом зависят от качества человеческого потенциала. Именно качество человеческого потенциала определяет приспособительные возможности социума к возникающим изменениям, именно данное «качество» явля-

ется движущей силой многих социокультурных трансформаций и достижений. В свою очередь, качество человеческого потенциала напрямую зависит от здоровья населения – состояния чрезвычайно уязвимого и непостоянного, зависящего от множества факторов. Одним из таких факторов является качество и безопасность продуктов питания.

Подтверждением вышеизложенному тезису является то, что около 85% всех токсичных веществ попадают в организм человека пищевым путем, а потребляемые в пищу вода и продукты питания относятся к числу основных причин большинства заболеваний [3, с. 219]. Воистину, прав был Л. Фейербах, сказавший, что «человек есть то, что он ест» [4]. Отрицать эту мысль немецкого философа не имеет смысла, с учетом априорной значимости продуктов питания для физиологии человека.

Однако выступить условием, обеспечивающим человеку возможность быть здоровым, способна только **качественная и безопасная** (выделено нами. – *Авт.*) пища. Данное обстоятельство прекрасно осознается российским законодателем, который нормативно закрепил положение о том, что охрана здоровья обеспечивается в том числе производством и реализацией продуктов питания соответствующего качества (ст. 18 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [5]. С учетом того, что охрана здоровья является деятельностью, напрямую связанной с обеспечением национальной безопасности страны (об этом можно судить исходя из того, что в Стратегии национальной безопасности охрана здоровья названа среди стратегических национальных приоритетов, обеспечивающих национальные интересы Российской Федерации [6]), вопрос обеспечения качества и безопасности пищевой продукции, по нашему мнению, следует рас-

смаывать как вопрос, лежащий в этой же плоскости. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что обеспечение качества и безопасности пищевой продукции относится к числу задач по обеспечению национальной безопасности, от решения которых зависит наше будущее.

Анализ данной проблемы убеждает нас в том, что сфера производства и оборота пищевой продукции в России подвержена целому ряду потенциальных рисков, каждый из которых может создавать значительную угрозу общественному здоровью. Основными из них, на наш взгляд, являются: 1) присутствие на российском пищевом рынке значительного объема контрафактной и фальсифицированной продукции; 2) широкое распространение биологически активных добавок к пище; 3) непродуманное использование в сельскохозяйственном производстве агрохимии и пестицидов; 4) отсутствие достаточной информации о биологических эффектах наноматериалов при их использовании в производстве продуктов питания. Помимо этого, существенные риски общественному здоровью создает и несовершенный правовой механизм обеспечения качества и безопасности пищевой продукции. Отметим, что последний из указанных нами факторов во многом обуславливает все предыдущие, поскольку, по нашему мнению, именно недостатки правового регулирования создают возможность неконтролируемого распространения угроз общественному здоровью на пищевом рынке.

Как нам представляется, среди факторов пищевого рынка, представляющих угрозу общественному здоровью, наибольшие риски создает контрафактная и фальсифицированная продукция. По данным целого ряда источников [7; 8; 9; 10] ее количество в 2018 г. возросло по сравнению с предыдущим годом.

Сферой наибольшего распространения фальсификата является производство и оборот алкогольной продукции. Для нашей страны данная проблема стала уже традиционной. Случаи выявления фальсифицированной алкогольной продукции регистрируются практически ежедневно, так же как и случаи отравлений суррогатным алкоголем, причем в ряде регионов Российской Федерации нередки массовые отравления. Как утверждают эксперты рынка алкогольной продукции, более половины продаваемого в России алкоголя является фальсификатом. В подтверждение этого приведем слова главного редактора портала «алкоголь.ру» Михаила Смирнова: «У нас поддельного алкоголя в магазинах продается процентов 40. В реальности подделки гораздо больше, потому что существует не только официальная система продаж через магазины, но уже создана подпольная система реализации, так что у нас подделывают около 60% выпиваемого алкоголя» [11].

По нашему мнению, подобной ситуации в значительной степени способствует не вполне совершенный механизм правового регулирования сферы производства и оборота алкогольной продукции. Существующая система маркировки не позволяет с достаточной степенью уверенности идентифицировать товар, а меры юридической ответственности, на наш взгляд, не являются вполне эффективными в деле борьбы с фальсификатом. Напомним, что в большинстве случаев за производство либо оборот этилового спирта, не соответствующего требованиям государственных стандартов (равно как и алкогольной продукции), использование данного спирта и спиртосодержащей продукции, произведенной из пищевого сырья, для приготовления пищевой алкогольной продукции, а также за нарушения правил продажи алкоголя

российское законодательство предусматривает штраф. Такое же наказание грозит продавцу и за нарушение прав потребителей на получение необходимой и достоверной информации о реализуемом товаре [12].

Как нам представляется, необходимо в кратчайшие сроки совершенствовать нормы, регулирующие производство и оборот алкогольной продукции. Во-первых, необходимо ввести в действие индивидуальные цифровые коды, автоматически вносимые в единую электронную базу данных, что позволит всегда и везде определять подлинность реализуемой алкогольной продукции. Во-вторых, необходимо ужесточить ответственность производителей и продавцов алкоголя за нарушение правил о его производстве и обороте. Российское законодательство в данной области, по нашему мнению, является слишком мягким. В то же время законодательство стран Евросоюза и США за нарушение правил производства и оборота алкогольной (и не только) продукции предусматривает ответственность куда как более строгую. К примеру, американское законодательство только за неправильную маркировку предусматривает уголовную ответственность до трех лет лишения свободы, помимо серьезного денежного штрафа. Думается, что подобный опыт мог бы быть полезен и в России.

На рынке продуктов питания серьезную угрозу здоровью населения может создавать и неконтролируемое распространение биологически активных добавок (БАД). В настоящее время они активно используются жителями нашей страны, чему в немалой степени способствует реклама данных продуктов в СМИ. Объем рынка БАДов в России только за 10 лет вырос почти в 15 раз – с 1,3 млрд руб. в 2002 г. до 20,3 млрд руб. в 2011 г.

Согласно исследованию агентства РБК research, ежегодный рост потребления БАДов в мире составляет 3–5%, а в России этот показатель почти втрое выше [13]. По данным **DSM Group**, за 2017 г. через аптечную сеть было реализовано 340,7 млн упаковок БАД на сумму 51,2 млрд рублей в розничных ценах. За 12 месяцев 2017 г. рынок БАД увеличился на 4,6% в рублях и на 1,7% в упаковках по сравнению с 2016 г. [14] При этом результаты проверок Роспотребнадзора говорят о том, что реализуемые на российском рынке БАДы далеко не всегда соответствуют установленным требованиям по санитарно-химическим, микробиологическим и иным показателям, в том числе по содержанию самих биологически активных веществ [15; 16]. Нередкими являются и случаи фальсификации данной продукции.

В то же время столь значимая сфера пищевого потребления регулируется предельно обобщенно. Весь «массив» правовых актов, посвященных данной теме, сводится к Федеральному закону «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [17], в котором содержится определение понятия «биологически активные добавки», а также «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок» [18]. В этой связи огромное значение приобретают разрабатываемые органами Роспотребнадзора методические рекомендации, направленные на выявление фальсифицированных биологически активных добавок, что способствует освобождению от них рынка пищевой продукции. Однако эти меры не способ-

ны полностью устранить возможные угрозы, связанные с распространением некачественных БАД, поскольку рынок данной продукции постоянно пополняется огромным количеством новых образцов, системные эффекты которых для здоровья человека не вполне ясны в связи с объективным в данном случае недостатком времени для клинических наблюдений.

Сходная проблема возникает и при использовании в производстве пищевой продукции нанотехнологий. Несмотря на то, что использование нанотехнологий, вне всякого сомнения, является перспективным направлением науки и техники, тем не менее их использование в пищевой индустрии несет, по нашему мнению, значительные риски. Все дело в пока еще слабой изученности потенциальной опасности наноматериалов при их поступлении в организм человека. Несмотря на то, что в России и ряде других стран ведется активная работа по разработке методической и нормативной базы, содержащей критерии оценки безопасности наноматериалов для здоровья людей, тем не менее эмпирического материала явно недостаточно. При этом наименее изученными являются возможные физиологические эффекты наноматериалов, попадающих в организм человека вместе с пищей. Это создает риски для здоровья, поскольку имеется информация, говорящая о том, что ряд веществ и материалов при переводе их в форму наночастиц может значительно изменять свои физико-химические свойства, что может отразиться на их физиологических эффектах в процессе всасывания в пищеварительном тракте и усвоении в организме [19; 20].

В подобной ситуации вполне логичной превентивной мерой могло бы служить правовое обязывание производителей пищевой продукции размещать на

этикетках (упаковке) информацию о наличии в составе продукта наноматериалов или использовании нанотехнологий при его производстве. Пока же правовое регулирование вопросов, связанных с оценкой безопасности наноматериалов, ограничивается приказом Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 12 октября 2007 г. №280 [21]. Данный приказ помимо прочего содержит определение понятий «наноматериалы» и «нанотехнологии», что, конечно же, имеет важное значение для разработки специализированной нормативной базы в данной области, однако на сегодняшний день она крайне ограничена. Указанные в методических рекомендациях физические, химические и молекулярно-биологические особенности наночастиц являются, пожалуй, единственным критерием в ходе оценки возможных рисков для здоровья при использовании нанотехнологий в пищевом производстве.

Следующая угроза общественному здоровью в сфере производства и оборота пищевой продукции связана с химизацией сельского хозяйства. Широкое внедрение в процесс сельскохозяйственного производства агрохимикатов оправдывается вполне объективными причинами: необходимость в повышении урожайности культур, снижение плодородия почв, распространенность возбудителей болезней и вредителей. При этом результаты современных медико-биологических исследований указывают на очевидный вред общественному здоровью, происходящий под влиянием интенсивного использования минеральных удобрений, пестицидов, а также используемых в животноводстве антибиотиков.

Факты ухудшения здоровья людей под влиянием вышеуказанных факторов наблюдаются повсеместно. Согласно данным ВОЗ, ежегодно в мире происходит от 500 тыс. до 1 млн отравлений пе-

стицидами. До 20 тыс. человек в результате интоксикации погибает. Около 50% отравлений и 75% смертей приходится на людей, которые непосредственно контактируют с пестицидами (в основном работников сельского хозяйства). Известны и бытовые случаи, связанные с неправильным применением средств для борьбы с вредителями в домах и на приусадебных участках [22]. Так, к примеру, в Украине за последние 20 лет официально регистрируются преимущественно массовые отравления пестицидами, которые составляют 14,7–43,6% в общей структуре профессиональной патологии в сельской местности [23, с. 52]. В Российской Федерации же в последние годы (по данным социально-гигиенического мониторинга) количество острых отравлений пестицидами составляет около 1000 случаев в год, со смертельным исходом – около 40 случаев [24, с. 6].

Непродуманное использование в сельскохозяйственном производстве агрохимии, пестицидов и антибиотиков, вне всякого сомнения, негативно влияет и на качество и безопасность производимой в данной отрасли продукции. В этой связи интересы общественного здоровья требуют изменения правовой базы, регулирующей применение агрохимии. Многие специалисты в области охраны окружающей среды указывают на то, что действующие в агропромышленном секторе регламенты применения пестицидов и других агрохимикатов допускают явно завышенные концентрации данных веществ в объектах окружающей природы. Кроме того, агропроизводителем повсеместно нарушается технология их внесения в окружающую среду, что приводит к не менее (а часто и к более) пагубным последствиям. Достаточно вспомнить массовую гибель медоносных пчел в целом ряде регионов Российской Федерации летом 2019 г., произошедшую в результате неправильного использования пестицидов производителями зерновых культур. Помимо экономического удара

по целой отрасли, возникновению рисков для здоровья человека в результате возможного содержания пестицидов в произведенном меде, подобные действия могут привести к экологической катастрофе поистине глобального масштаба с учетом роли этого вида насекомых в биосферных процессах. При этом со стороны государственных органов какого-либо контроля за применением пестицидов в настоящее время не осуществляется: в 2011 г. функция надзора в данной области была исключена из ведения Россельхознадзора, однако не была возложена ни на какой иной государственный орган. Таким образом, налицо системно-функциональное несовершенство существующего механизма контроля за использованием агрохимикатов, что не может не сказаться на качестве и безопасности сельскохозяйственной продукции. Необходима организационно-управленческая корректировка данного механизма, а также обновление регламентов применения агрохимии с целью определения наиболее оптимальных (безопасных) объемов ее содержания на единицу площади. Этого требуют интересы охраны природы и общественного здоровья. Пока же контролировать пестициды, как и их содержание в овощах и фруктах, можно только на стадии их поступления в продажу. Однако органы Роспотребнадзора, которые контролируют качество готовой продукции, просто физически не способны снять все непригодные партии товара с прилавков. Кроме того, соответствующей корректировке должны подвергаться требования, предъявляемые к экспертизе результатов регистрационных испытаний химических и биологических препаратов, подлежащих применению в сельском хозяйстве. Все эти меры, несомненно, будут способствовать повышению качества и безопасности производимого конечного продукта.

Таким образом, одним из путей минимизации рисков общественному здоровью, возникающих в сфере производства

и оборота пищевой продукции, является совершенствование правовой базы, обеспечивающей ее качество и безопасность. Помимо этого, необходимо совершенствовать и пищевые технологии (что сейчас активно происходит), однако их применение должно диктоваться в том числе общественной потребностью в качественной и здоровой пище, а не только интересами производителя. Таким образом, решение проблемы качества и безопасности пищевой продукции лежит в области установления правового консенсуса между интересами производителей данной продукции и интересами ее потребителей. Задача архисложная, и в этом нас убеждает опыт правового регулирования сферы производства и оборота пищевой продукции не только в России, но и в других странах. Нормотворческая деятельность в данной области повсеместно идет как бы параллельными курсами – каждая из сторон (потребитель и производитель продукции) стремится закрепить в правовом поле свою часть преимуществ. Подобный «сопоставительный» подход весьма распространен в юридической практике, однако в сфере обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов он не является, на наш взгляд, лучшим, поскольку даже универсальный экономический регулятор – цена – не всегда способен выступить эффективным инструментом обеспечения качества и безопасности продукта. Все это заставляет задуматься о необходимости пересмотра подходов, применяемых в сфере производства и оборота пищевой продукции при установлении соотношения спроса (как отражения потребности в продукте) и предложения.

Выводы и рекомендации

Обобщив результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Для российского рынка пищевой продукции характерен ряд факторов, создающих угрозы общественному здоро-

вью. Такими факторами, на взгляд авторов, являются: значительный объем контрафактной и фальсифицированной продукции; фактически неконтролируемое распространение биологически активных добавок к пище; неквалифицированное использование агрохимии в сельском хозяйстве; использование в производстве продуктов питания наноматериалов при отсутствии достаточной информации об их биологических эффектах.

2. Важнейшей причиной, способствующей возникновению потенциальных рисков в сфере производства и оборота пищевой продукции, является несовершенный правовой механизм обеспечения ее качества и безопасности. Данное обстоятельство носит характер самостоятельного фактора российского пищевого рынка, детерминирующего остальные угрозы.

Исходя из этого, для минимизации рисков общественному здоровью, возникающих в сфере производства и оборота пищевой продукции, необходимо совершенствовать правовую базу, обеспечивающую ее качество и безопасность.

Сделанные авторами выводы позволили им сформулировать следующие рекомендации по совершенствованию механизма обеспечения качества и безопасности пищевых товаров:

– для некоторых групп товаров (алкоголь и др.) целесообразно использование индивидуальных цифровых кодов, автоматически вносимых в единую электронную базу данных, позволяющих безошибочно определять подлинность реализуемой продукции;

– требуется ужесточить ответственность производителей и продавцов пищевой продукции за нарушение правил о ее производстве и обороте;

– необходимо активизировать разработку методической и нормативной базы, содержащей критерии оценки безопасности для здоровья людей ряда материалов (в том числе наноматериалов), используемых в пищевом производстве;

– интересы охраны природы и общественного здоровья требуют законодательной корректировки регламентов применения пестицидов и других агрохимикатов. Кроме того, должны быть

ужесточены требования, предъявляемые к экспертизе результатов регистрационных испытаний химических и биологических препаратов, подлежащих применению в сельском хозяйстве.

Список литературы

1. Богдан В. В., Воронцова Е. В., Воронцов А. Л. Общественный и личный интерес в сфере охраны здоровья: диалектика взаимодействия и дисбаланс правового обеспечения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 65–71.
2. Богдан В. В., Воронцова Е. В. Общественный и личный интерес в праве на охрану здоровья: некоторые вопросы теории // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 70–76.
3. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2011 году». М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2012. 316 с.
4. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 852 с.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ [ред. от 29.05.2019]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 16.06.2019).
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.
7. Государственный доклад «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2018 году» [Электронный ресурс]. URL: https://rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=12054 (дата обращения: 15.06.2019).
8. Россельхознадзор назвал фальсификатом каждый пятый молочный продукт [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/876069/2019-05-07/rosselkhoz nadzor-nazval-falsifikatom-kazhdyi-piatyi-molochnyi-produkt> (дата обращения: 15.06.2019).
9. Необъяснимо, но контрафакт [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/04/22/minpromtorg-v-rossii-kontrafakt-realizuetsia-cherez-legalnye-magaziny.html> (дата обращения: 15.06.2019).
10. ФТС сообщила о росте выявленного контрафакта в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.retail.ru/news/fts-soobshchila-o-roste-vyyavlennogo-kontrafakta-v-2018-godu/> (дата обращения: 15.06.2019).
11. Эксперт: 40% продаваемого в российских магазинах алкоголя – подделка [Электронный ресурс]. URL: https://life.ru/t/новости/426537/ekspiert_40_prodavaiemogho_v_rossiiskikh_maghazinakh_alkogholia_--_poddielka (дата обращения: 15.06.2019).
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: [ред. от 29.05.2019]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_34661 (дата обращения: 16.06.2019).
13. Рынок БАДов в России растет намного быстрее, чем в мире [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/05/15/bad.html> (дата обращения: 15.06.2019).

14. Российский рынок БАД в 2017 году увеличился на 4,6% [Электронный ресурс]. URL: <https://gmpnews.ru/2018/02/rossijskij-gynok-bad-v-2017-godu-uvlichilsya-na-46/> (дата обращения: 15.06.2019).
15. О контроле за оборотом биологически активных добавок к пище [Электронный ресурс]. URL: https://rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=11071 (дата обращения: 15.06.2019).
16. БАДы – на контроле Роспотребнадзора [Электронный ресурс]. URL: http://b-m.info/bady_na_kontrolе_rospotrebnadzora/ (дата обращения: 15.06.2019).
17. О качестве и безопасности пищевых продуктов [Электронный ресурс]: федер. закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ: [ред. от 23.04.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_25584 (дата обращения: 16.06.2019).
18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок [Электронный ресурс]: федер. закон от 31.12.2014 № 532-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_173202 (дата обращения: 16.06.2019).
19. О надзоре за продукцией, полученной с использованием нанотехнологий и содержащей наноматериалы: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 23.07.2007 № 54 // Бюллетень нормативных и методических документов Госсанэпиднадзора. 2007. № 4.
20. О надзоре за продукцией, полученной с использованием нанотехнологий и содержащей наноматериалы [Электронный ресурс]: постановление главного санитарного врача по Курской области от 23.08.2007 №13. URL: <https://base.garant.ru/21311789/> (дата обращения: 15.06.2019).
21. Об утверждении и внедрении методических рекомендаций «Оценка безопасности наноматериалов» [Электронный ресурс]: приказ Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 12.10.2007 № 280. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408510/> (дата обращения: 15.06.2019).
22. Pesticides: classification, uses and toxicity. Measures of exposure and genotoxic risks / F. P. Garcia, S. Y. Cortés Ascencio, J. C. Gaytan Oyarzun [et al.] // Journal of Research in Environmental Science and Toxicology. 2012. Vol. 1. P. 279–293.
23. Особенности острых отравлений пестицидами в условиях города: карбаматы, пиретроиды, неоникотиноиды / Н. В. Курдиль, О. В. Иващенко, В. Ф. Струк [и др.] // Медицина неотложных состояний. 2015. №4 (67). С. 51–57.
24. Ракитский В. Н. Прогностический риск токсического воздействия пестицидов на здоровье работающих // Медицина труда и промышленная экология. 2015. № 10. С. 5–8.

References

1. Bogdan V. V., Voroncova E. V., Voroncov A. L. Obshchestvennyj i lichnyj interes v sfere ohrany zdorov'ya: dialektika vzaimodejstviya i disbalans pravovogo obespecheniya.

Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 65–71.

2. Bogdan V.V., Voroncova E.V. Obshchestvennyj i lichnyj interes v prave na ohranu zdorov'ya: nekotorye voprosy teorii. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 70–76.

3. Gosudarstvennyj doklad "O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Rossijskoj Federacii v 2011 godu". Moscow, Federal'nyj centr gigieny i epidemiologii Rospotrebnadzora, 2012. 316 p.

4. Serov V. V. Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij. Moscow, Lokid-Press, 2005. 852 p.

5. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 21.11.2011 No 323-FZ: [red. ot 29.05.2019]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_121895/ (accessed 16.06.2019).

6. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 No 683. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*, 2016, no. 1, pt. II, art. 212.

7. Gosudarstvennyj doklad "Zashchita prav potrebitelej v Rossijskoj Federacii v 2018 godu". URL: https://rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=12054 (accessed 15.06.2019).

8. Rossel'hoznadzor nazval fal'sifikatom kazhdyj pyatyj molochnyj produkt. URL: <https://iz.ru/876069/2019-05-07/rosselkhoznadzor-nazval-falsifikatom-kazhdyi-piatyi-molochnyi-produkt> (accessed 15.06.2019).

9. Neob'yasnimo, no kontrafakt. URL: <https://rg.ru/2018/04/22/minpromtorg-v-rossii-kontrafakt-realizuetsia-cherez-legalnye-magaziny.html> (accessed 15.06.2019).

10. FTS soobshchila o roste vyyavlenogo kontrafakta v 2018 godu. URL: <https://www.retail.ru/news/fts-soobshchila-o-roste-vyyavlenogo-kontrafakta-v-2018-godu/> (accessed 15.06.2019).

11. Ekspert: 40% prodavaemogo v rossijskih magazinah alkogolya – poddelka. URL: https://life.ru/t/novosti/426537/ekspert_40_prodavaemogho_v_rossiiskikh_maghazinakh_alkogolia_--_poddielka (accessed 15.06.2019).

12. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: feder. zakon ot 30.12.2001 No 195-FZ: [red. ot 29.05.2019]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_34661/ (accessed 16.06.2019).

13. Rynok BADov v Rossii rastet namnogo bystree, chem v mire. URL: <https://rg.ru/2012/05/15/bad.html> (accessed 15.06.2019).

14. Rossijskij rynek BAD v 2017 godu uvelichilsya na 4,6%. URL: <https://gmpnews.ru/2018/02/rossijskij-rynek-bad-v-2017-godu-uvelichilsya-na-46/> (accessed 15.06.2019).

15. O kontrole za oborotom biologicheskij aktivnyh dobavok k pishche. URL: https://rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=11071 (accessed 15.06.2019).

16. BADy – na kontrole Rospotrebnadzora. URL: http://b-m.info/bady_na_kontrole_rospotrebnadzora/ (accessed 15.06.2019).

17. O kachestve i bezopasnosti pishchevyh produktov: feder. zakon ot 02.01.2000 No 29-FZ [red. ot 23.04.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_25584/ (accessed 16.06.2019).

18. O vnesenii izmenenij v ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti protivodejstviya oborotu fal'sificirovannyh, kontrafaktnyh, nedobrokachestvennyh i nezaregistri-

rovannyh lekarstvennyh sredstv, medicinskih izdelij i fal'sificirovannyh biologicheski aktivnyh dobavok: feder. zakon ot 31.12.2014 No 532-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_173202/ (accessed 16.06.2019).

19. O nadzore za produkciej, poluchennoj s ispol'zovaniem nanotekhnologij i so-derzhashchej nanomaterialy: postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 23.07.2007 No 54. *Byulleten' normativnyh i metodicheskikh dokumentov Gossanepidnadzora*, 2007, no. 4.

20. O nadzore za produkciej, poluchennoj s ispol'zovaniem nanotekhnologij i so-derzhashchej nanomaterialy: postanovlenie glavnogo sanitarnogo vracha po Kurskoj oblasti ot 23.08.2007 No 13. URL: <https://base.garant.ru/21311789/> (accessed 15.06.2019).

21. Ob utverzhdenii i vnedrenii metodicheskikh rekomendacij "Ocenka bezopasnosti nano-materialov": prikaz Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitelej i blagopo-luchiya cheloveka ot 12.10.2007. No 280. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408510/> (accessed 15.06.2019).

22. Garcia F. P., Cortés Ascencio S. Y., Gaytan Oyarzun J. C., eds. Pesticides: classifica-tion, uses and toxicity. Measures of exposure and genotoxic risks. *Journal of research in envi-ronmental science and toxicology*, 2012, vol. 1, pp. 279–293.

23. Kurdil' N. V., Ivashchenko O. V., Struk V. F., eds. Osobennosti ostryh otravlenij pesti-cidami v usloviyah goroda: karbamaty, piretroidy, neonikotinoidy. *Medicina neotlozhnyh sos-toyanij*, 2015, no. 4 (67), pp. 51–57.

24. Rakitskij V. N. Prognosticheskiy risk toksicheskogo vozdejstviya pesticidov na zdorov'e rabotayushchih. *Medicina truda i promyshlennaya ekologiya*, 2015, no. 10, pp. 5–8.

Информация об авторах / Information about the Authors

Елена Владимировна Воронцова, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: proskyrinae@mail.ru

Elena V. Vorontsova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Jurisdictions, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: proskyrinae@mail.ru

А. Л. Воронцов, кандидат исторических наук, доцент кафедры административного и трудового права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: vorontsov.a.l@mail.ru

Andrej L. Vorontsov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Administrative and Labour Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: vorontsov.a.l@mail.ru

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

УДК 343.01

**Современная политика противодействия преступности
несовершеннолетних и её постулаты****Г. В. Назаренко¹ ✉**

¹ ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: orcrimpravo@yandex.ru

Резюме

Актуальность настоящей статьи определяется тем, что политические представления и установки законодателя первичны по отношению к уголовно-правовым средствам противодействия преступности несовершеннолетних, а последняя является криминальным резервом общей преступности в будущем.

Целью настоящего исследования является формирование постулатов современной уголовно-правовой политики противодействия преступности несовершеннолетних.

Задачи состоят в исследовании состояния уголовной политики, её содержания и тенденций в отношении несовершеннолетних на фоне пурификации уголовно-правовой доктрины, а также в выявлении причин, которые привели к неоправданной психологизации уголовно-правовых проблем, касающихся несовершеннолетних, и как результат – ограничивших сферу исследования уголовно-правовой политики рамками общих вопросов.

Методы. Таковыми выступают историко-правовой подход к возрасту наступления уголовной ответственности, сравнительно-правовой метод, позволяющий провести аналогию между уголовно-правовыми предписаниями отечественного и зарубежного законодательства, которые регулируют ответственность несовершеннолетних, и метод логико-юридического анализа уголовной политики противодействия преступности несовершеннолетних.

Результаты: текущие изменения уголовного законодательства России, касающиеся возраста уголовной ответственности, производны от уголовно-правовой политики и не зависят от рекомендаций психологов и представителей других гуманитарных наук. Соответственно, современная политика противодействия преступности несовершеннолетних должна исходить из уголовно-правовых и криминологических постулатов.

Вывод. Уголовно-правовая политика выступает решающим фактором при установлении возрастных границ субъекта преступления; повышенная общественная опасность преступлений не является единственным критерием при установлении минимального возраста субъекта, так как криминальное ядро преступности несовершеннолетних образуют наиболее часто совершаемые; ограничение количества несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности, за счёт оптимизации перечня преступлений, указанных в части 2 статьи 20 УК РФ, является позитивной политико-правовой мерой.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-правовая политика; возраст уголовной ответственности; ядро преступности несовершеннолетних; постулаты уголовной политики.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Назаренко Г. В. Современная политика противодействия преступности несовершеннолетних и её постулаты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 64–71.

© Назаренко Г. В., 2019

The Modern Policy of Antijvenile Delinquency and its Postula-You

Gennady V. Nazarenko¹ ✉

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: orcrimpravo@yandex.ru

Abstract

The relevance of this article is determined by the fact that the political views and attitudes of the legislator are primary in relation to the criminal law means of combating juvenile crime, and the latter is a criminal reserve of General crime in the future.

The purpose of this study is the formation of post-LVL modern criminal-legal policy of counteraction of crime of minors.

The objectives are to study the state of criminal policy, its content and trends in relation to minors against the background of the reformation of criminal law doctrine, as well as to identify the reasons that led to the unjustified psychologization of criminal law problems relating to minors, and as a result limiting the scope of the study of criminal law policy to the framework of General issues.

Methods. Such are the historical and legal approach to the rise of criminal liability, the comparative legal method that allows to carry out analogy between the criminal law requirements of domestic and foreign legislation, which regulate the responsibility of minors, and the method of legal analysis of the criminal policy of combating juvenile crime.

Results: the current changes in the Russian criminal legislation concerning the age of criminal responsibility are derived from the criminal law policy and do not depend on the recommendations of psychologists and representatives of other Humanities. Accordingly, the current policy of combating crime is imperfect-they must come from the criminal law and criminological posts-lats.

Conclusion: criminal law policy acts as a decisive factor in establishing the age limits of the subject of the crime; increased social danger of crimes is not a single criterion in establishing the minimum age of the subject, as the criminal core of juvenile crime is the most frequently committed; limiting the number of minors brought to criminal responsibility by op-timization of the list of crimes specified in part 2 of article 20 of the criminal code, is a positive political and legal measure.

Keywords: criminal policy; criminal law policy; age of criminal responsibility; core of juvenile delinquency; postulates of criminal policy.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nazarenko G. V. The Modern Policy of Antijvenile Delinquency and its Postula-You. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 64–71 (in Russ.).

Введение

Политика противодействия преступности несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами не имеет однозначного определения, так как, будучи одним из направлений уголовной (уголовно-правовой) политики, она включает

в себя всю совокупность мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. При этом уголовно-правовая политика является сложным понятием, которое содержит несколько концептов: «политика», «правовая политика» и «уголовная (уголовно-правовая) политика». Указанные концеп-

ты по-разному трактуются в понятийном, содержательном и сущностном аспектах. В результате внимание уделяется различным направлениям уголовной политики (уголовно-правовому, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному), а также формам реализации уголовной политики и другим её аспектам, а политика противодействия преступности несовершеннолетних остаётся вне поля зрения уголовно-правовой доктрины.

Данная статья призвана актуализировать проблему современной политики противодействия преступности несовершеннолетних, т. к. существует научная и практическая потребность в создании политической доктрины борьбы с преступностью несовершеннолетних, направленной на дальнейшее совершенствование уголовного законодательства применительно к несовершеннолетним.

Методология

Материалы и методы составляют базовые положения и выводы ведущих специалистов по уголовному праву, касающиеся общих представлений об уголовной политике, её видах, содержании, принципах, состоянии, криминализации и декриминализации опасных форм поведения. В совокупности с апробированными методами исследования указанная методологическая база дает возможность выработать постулаты уголовно-правовой политики противодействия преступности несовершеннолетних.

Результаты и их обсуждение

В современной уголовно-правовой литературе политике противодействия преступности несовершеннолетних уделяется минимальное внимание либо не уделяется совсем. В фундаментальном академическом курсе уголовного права, третий том которого посвящен уголовной

политике, об уголовно-правовой политике в отношении несовершеннолетних не сказано ни одного слова [1, с. 4–436], а в диссертационных исследованиях уголовно-правового характера, связанных с преступлениями подростков, имеются фрагментарные высказывания о политике, которые сводятся к упоминанию политики как таковой и не касаются ее содержания, тенденций и прочих особенностей [2, с. 6; 3, с. 4].

Сложившееся в науке уголовного права положение можно объяснить тем, что современный законодатель не использует в Уголовном кодексе Российской Федерации понятие «уголовная политика» в отношении несовершеннолетних правонарушителей и не декларирует принципов соответствующей политики. Ранее УК РСФСР 1926 г. в разделе третьем содержал «Общие начала уголовной политики РСФСР», закреплявшие законодательные предписания политико-правового характера и определявшие правовой статус несовершеннолетнего правонарушителя, а также основания его уголовной ответственности. Законодательные установления стимулировали научные исследования проблем уголовной политики. В 1929 г. был опубликован первый коллективный труд, в котором рассматривались основные положения советской уголовной политики [4, с. 3–124], а в последующих работах были обоснованы положения о неразрывной связи уголовного права с уголовной политикой и о соответствии норм уголовного права требованиям уголовной политики [5, с. 3–8, 12–36].

В дальнейшем проблемы уголовной политики не разрабатывались из-за опасений, что политические средства могут быть использованы в ущерб правовым. В начале 1970-х гг. вновь появился интерес к уголовной политике. Однако и в идеологизированном Уголовном кодексе Рос-

сийской Федерации 1996 г. глава об уголовной политике так и не появилась, поскольку его разработчики ограничились изложением задач и принципов УК РФ, не имеющих политического характера. Соответственно, политика противодействия преступлениям несовершеннолетних оказалась на периферии уголовно-правовых исследований. В результате в настоящее время проблемы, касающиеся несовершеннолетних правонарушителей, в доктрине уголовного права рассматриваются в учении о субъекте преступления применительно к возрастным признакам субъекта вне рамок уголовной политики. Исследователи отмечают, что, устанавливая возраст уголовной ответственности субъекта преступления, законодатель учитывает данные медицины, психологии, педагогики и других наук [6, с. 22]. При этом авторы, которые психологизируют проблему возраста уголовной ответственности, не смущает, что возраст наступления уголовной ответственности в уголовном законодательстве других стран существенно отличается, несмотря на одинаковые возрастные особенности несовершеннолетних [7, с. 105]. Так, в Египте, Иране, Ливии в соответствии с уголовной политикой этих государств уголовная ответственность предусмотрена с 7 лет, в ряде штатов США, Франции и других странах – с 13 лет, в Японии, Норвегии, ФРГ, Румынии – с 14 лет, в Дании, Финляндии, Швеции – с 15 лет, а в большинстве стран – с 16 лет. Не принимаются во внимание также идеологические причины изменения уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних, а лишь констатируется, что возраст как признак лица, совершившего преступление, по-разному устанавливается в уголовном законодательстве на различных исторических этапах развития государства и подвержен значительным изменениям в зависимости от осо-

бенностей развития общества [8, с. 18–19, 28, 31–32].

Формально-юридический подход к возрастным границам уголовной ответственности является результатом пурификации (освобождения) уголовно-правовой науки от разработки уголовной политики. Затем вполне логично следует этап, направленный на обособление политической составляющей уголовного права и придание ей статуса самостоятельной науки. Но и при таком подходе к уголовной политике в ней не нашлось места для уголовно-правовых исследований современной политики противодействия преступности несовершеннолетних, предметом которой являются предписания уголовного закона, связанные с уголовно-правовой политикой в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Считается, что «уголовно-правовая политика первична по отношению к уголовному праву» [9, с. 36], но, тем не менее, политический аспект возрастных границ субъекта преступления, связанных с несовершеннолетием, в юридической литературе не разрабатывается. При формальном подходе к уголовно-правовым явлениям упускается из виду, что текущие изменения уголовного законодательства, касающиеся возраста уголовной ответственности, производны от проводимой государством уголовно-правовой политики, а не от комментариев действующего уголовного законодательства, которые дают психологи задним числом, и не зависит от педагогических представлений об интеллектуально-волевых потенциях девиантных подростков.

Именно политические взгляды и установки законодателя в отношении мер противодействия преступности несовершеннолетних обусловили установление минимального возраста уголовной ответственности с 14 лет, в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г., а в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. – с

16 лет. Затем из политических соображений минимальный возраст уголовной ответственности в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. был снижен до 14 лет, а в период усиления и расширения репрессий уголовная ответственность несовершеннолетних предусмотрена с 12 лет за совершение краж, причинение насилия, телесных повреждений, а также за убийства и покушение на убийство. Тем самым законодатель стремился предупредить наиболее часто совершаемые малолетними преступления (кражи, насилие, причинение телесных повреждений) и деяния, представляющие повышенную общественную опасность (убийства и покушения на убийство). Политические преобразования в стране привели к принятию Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., которые установили минимальный возраст уголовной ответственности субъекта преступления с 14 лет, а общий возраст наступления ответственности – с 16 лет. В соответствии с проводимой уголовно-правовой политикой законодатель ограничил перечень преступлений, за которое лицо подлежало уголовной ответственности с 14 лет двадцатью видами преступлений, в основном составлявшими структуру преступности несовершеннолетних. В последующие годы этот перечень расширялся с учетом количественных и качественных изменений преступности несовершеннолетних. В перечень были включены такие преступления, как похищение человека, хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, хищение наркотических веществ.

Современная уголовно-правовая политика оставила неизменными возрастные границы наступления уголовной ответственности (14 и 16 лет), несмотря на предложения о снижении и повышении

возрастных порогов ответственности [10, с. 57], что свидетельствует о стабильности уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Вместе с тем законодатель неоднократно расширял и уточнял перечень преступлений, ответственность за которые предусмотрена с 14 лет, поскольку федеральные законы множество раз вносили в Уголовный кодекс Российской Федерации изменения, уточнения, дополняли его новыми статьями и объявляли утратившими силу уголовно-правовые предписания, которые не соответствовали тенденциям современной уголовной политики, направленным на модернизацию уголовного законодательства. В результате указанный перечень увеличился почти в два раза: с 20-ти преступлений до 32-х. При этом в соответствии с политикой усиления уголовной ответственности несовершеннолетних законодатель включил в указанный перечень деяния, связанные с терроризмом (ст. 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ) и другие наиболее опасные преступления.

Такого рода уголовно-правовую политику в отношении несовершеннолетних и связанные с ней изменения Уголовного кодекса РФ трудно признать обоснованными, поскольку ранее законодатель ориентировался на структуру преступности несовершеннолетних и предусматривал уголовную ответственность с 14 лет прежде всего за те преступления, которые малолетние совершают наиболее часто. Соответственно такому подходу в ч. 3 ст. 20 УК РФ фигурируют не только тяжкие и особо тяжкие преступления, но и преступления небольшой и средней тяжести, за которые максимальное наказание не превышает трех либо пяти лет лишения свободы.

Существенное расширение перечня преступлений, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет, свидетельствует об ужесточении ответвен-

ности малолетних и неблагоприятных изменениях в уголовной политике, т. к. законодатель фактически криминализовал общественно опасные деяния лиц, не достигших 16 лет, и тем самым системно изменил особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, предусмотренные уголовно-правовыми институтами, образующими главу 14 УК РФ. Соответственно, в настоящее время малолетние в возрасте 14–15 лет подлежат уголовной ответственности за общественно опасные деяния, которые ранее не считались преступлениями до достижения подростками шестнадцатилетнего возраста. В результате малолетним лицам назначается лишение свободы на срок до шести лет (ч. 6 ст. 88 УК), при этом нижний предел наказания в виде лишения свободы не может быть менее половины срока, предусмотренного статьей Особенной части Уголовного кодекса (ч. 6.1 ст. 88 УК). К таким лицам не применяются принудительные меры воспитательного воздействия, т. к. указанные меры предусмотрены только за совершение преступлений небольшой и средней тяжести (ст. 90, 92 УК). Кроме того, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания к ним применяется после отбывания не менее двух третей срока наказания (п. «в» ст. 93 УК).

Вместе с тем ужесточение уголовной политики в отношении малолетних не соответствует «Руководящим принципам ООН для предупреждения преступлений среди несовершеннолетних» 1990 г., п. 5 которого предусматривает *проведение прогрессивной политики* предупреждения преступности среди несовершеннолетних и отказ от избыточной криминализации и наказания детей, не причинивших серьезного ущерба себе и другим лицам. О несоответствии такого рода уголовно-правовой политики принципу гуманизма, закрепленному ст. 7 Уголовного кодекса

Российской Федерации, свидетельствует значительное расширение круга лиц, подлежащих уголовной ответственности с 14 лет, и применение карательных средств в отношении малолетних, которые не причинили никому своим поведением реального ущерба, несмотря на то, что их действия заключали в себе потенциальную опасность для общества (ст. 205.3, 205.4, 205.5, 205.6 и др.). Отступление от принципа гуманизма в отношении несовершеннолетних отчётливо проявляется на фоне тех изменений, которые содержит первоначальная редакция ч. 2 ст. 20 УК РФ. Уголовный кодекс РФ 1996 г. повысил возраст уголовной ответственности с 14 до 16 лет за все виды убийств (за исключением ст. 105 УК) в сравнении с предшествовавшим Уголовным кодексом 1960 г. Кроме того, из УК РФ исключена ответственность с 14 лет за все виды мошенничества и умышленное причинение вреда здоровью, квалифицируемое по ч. 1 либо ч. 2 ст. 115 УК РФ.

Тем не менее ряд авторов высказываются за дальнейшее ужесточение уголовной ответственности несовершеннолетних, т. к. психологизация уголовно-правовых норм в доктрине уголовного права набирает свои обороты. В юридической литературе высказываются предложения снизить возраст наступления уголовной ответственности до 13, 12 и даже 11 лет. Свою позицию минимизаторы возраста уголовной ответственности аргументируют с психологических позиций тем, что дети способны осознавать характер и общественную опасность преступных деяний и руководить ими в раннем возрасте [11, с. 23].

Выводы

Уголовно-правовая политика противодействия преступности несовершеннолетних должна исходить не из психологических потенциалов лиц, совершающих запрещенные уголовным законом деяния,

и представлений теоретиков, которые ведут к увеличению круга несовершеннолетних, подлежащих уголовной ответственности, а из трех постулатов:

1. Уголовно-правовая политика выступает решающим фактором при установлении возрастных границ субъекта преступления. При этом интеллектуально-волевые потенции несовершеннолетних раннего возраста являются признаками, которые законодатель может учитывать наряду с другими обстоятельствами, имеющими уголовно-правовое значение, но не в качестве доминирующего фактора.

2. Критерий повышенной общественной опасности преступлений при установлении минимального возраста уголовной ответственности не является главенствующим, поскольку криминаль-

ное ядро преступности несовершеннолетних образуют те преступные деяния, которые подростки совершают наиболее часто. Соответственно, в перечень преступлений, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет, наряду с особо тяжкими и тяжкими преступлениями включены деяния, не представляющие высокой общественной опасности.

3. Ограничение количества несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности и подвергаемых наказанию в виде лишения свободы, является политико-правовой мерой, способной не только обеспечить реализацию принципа гуманизма, закреплённого уголовным законом, но и оказать положительное воздействие на последующее состояние преступности.

Список литературы

1. Уголовное право: академический курс: в 10 т. Т. 3: Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 752 с.
2. Байбарин А. А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 27 с.
3. Павлов В. Г. Субъект преступления (история, теория и практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 45 с.
4. Основы и задачи советской уголовной политики. М.: РАНИОН, 1929. 127 с.
5. Крыленко Н. В. Предисловие к книге // Эстрин А. Я. Развитие советской уголовной политики М.: Советское законодательство, 1933. 224 с.
6. Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность: монография. СПб.: Лань, 2000. 192 с.
7. Синяева М. И. Понятие «возраст» и его уголовно-правовая регламентация // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 2 (31). С. 102–107.
8. Ситникова А. И. Субъект преступления: исторический аспект // Назаренко Г. В., Ситникова А. И., Байбарин А. А. Субъект преступления в отечественном уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 6–39.
9. Лопашенко Н. А. Уголовная политика: монография. М.: Волтерс Клувер, 2008. 609 с.
10. Бородин С. В., Носкова Н. А. К вопросу совершенствования законодательства об ответственности несовершеннолетних // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М.: Изд-во ИГПАН РАН, 1994. С. 57–59.

11. Байбарин А. А. Уголовно-правовая дифференциация возраста: монография. М.: Высшая школа, 2009. 254 с.

Поступила в редакцию 19.07.19

Подписана в печать 17.08.19

References

1. Uголовное право: akademicheskij kurs. Vol. 3: Uголовnaya politika. Uголовnaya otvetstvennost'; ed. by N. A. Lopashenko. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 752 p.
2. Bajbarin A. A. Uголовno-pravovaya differenciaciya vozrasta. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2009. 27 p.
3. Pavlov V. G. Sub"ekt prestupleniya (istoriya, teoriya i praktika). Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk. St.-Petersburg, 2000. 45 p.
4. Osnovy i zadachi sovetskoj uголовnoj politiki. Moscow, RANION Publ., 1929. 127 p.
5. Krylenko N. V. Predislovie k knige. Estrin A. Ya. Razvitie sovetskoj uголовnoj politiki Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ., 1933. 224 p.
6. Pavlov V. G. Sub"ekt prestupleniya i uголовnaya otvetstvennost'. St. Petersburg, Lan' Publ., 2000. 192 p.
7. Sinyaeva M. I. Ponyatie «vozzrast» i ego uголовno-pravovaya reglamentaciya. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo, 2019, vol. 9, no. 2 (31), pp. 102–107.
8. Sitnikova A. I. Sub"ekt prestupleniya: istoricheskij aspect. G. V. Nazarenko, A. I. Sitnikova, A. A. Bajbarin. *Sub"ekt prestupleniya v otechestvennom uголовnom prave*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017, pp. 6–39.
9. Lopashenko N. A. Uголовnaya politika. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 609 p.
10. Borodin S. V., Noskova N. A. K voprosu sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti nesovershennoletnih. Sovremennye tendencii razvitiya uголовnoj politiki i uголовного zakonodatel'stva. Moscow, IGPAN RAN Publ., 1994, pp. 57–59.
11. Bajbarin A. A. Uголовno-pravovaya differenciaciya vozrasta. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2009. 254 p.

Received 19.07.19

Accepted 17.08.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Назаренко Геннадий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, академик Российской академии юридических наук, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация, e-mail: orcrimpravo@yandex.ru

Gennady V. Nazarenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: orcrimpravo@yandex.ru

УДК 343.131

Принцип состязательности и активность председательствующего в суде с участием присяжных заседателей: проблемы теории и практики

Д. О. Чистилина¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена проблеме сочетания принципа состязательности уголовного судопроизводства и активности председательствующего в суде с участием присяжных заседателей. Автор исследует существующий объем полномочий профессионального судьи в суде с участием присяжных заседателей и различные подходы процессуалистов к данной проблеме.

Актуальным является вопрос о реформировании производства в суде с участием присяжных заседателей. До сих пор окончательно не определена роль председательствующего в данном суде. Существование принципа состязательности во многом способствует развитию суда с участием присяжных заседателей. Однако довольно остро стоит вопрос о роли и объеме полномочий профессионального судьи.

Целью является изучение проблем, связанных с сочетанием принципа состязательности в уголовном процессе и активности председательствующего в суде с участием присяжных заседателей.

Задачи: изучение сущности принципа состязательности в уголовном процессе, определение объема полномочий председательствующего в суде с участием присяжных заседателей, исследование различных подходов к рассмотрению вопроса о степени активности председательствующего в суде с участием присяжных заседателей, анализ перспектив развития теории и практики в рамках рассматриваемой проблемы.

Методология. В процессе исследования были использованы следующие методы: диалектический метод, системный подход, общенаучные методы, формально-логический метод, структурно-функциональный метод и другие.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования уголовно-процессуальной науки и законодательства в части, относящейся к полномочиям председательствующего в суде с участием присяжных заседателей, а также в последующих научных исследованиях.

Вывод. Автор приходит к выводу о том, что принцип состязательности и активность председательствующего в суде с участием присяжных заседателей хотя, на первый взгляд, и входят в концептуальное противоречие друг с другом, однако могут успешно сочетаться при разумном подходе к определению полномочий профессионального судьи в таком суде.

Ключевые слова: принцип состязательности; председательствующий; суд с участием присяжных заседателей; активность; уголовно-процессуальные функции.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Чистилина Д. О. Принцип состязательности и активность председательствующего в суде с участием присяжных заседателей: проблемы теории и практики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 72–81.

The Principle of Adversarial and the Activity of Presiding Judge in Court with Participation of Jurors: the Problems of Theory and Practice

Daria O. Chistilina¹ ✉

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article is devoted to the problem of combining the principle of adversarial of criminal proceedings and the activity of the presiding judge with the participation of jurors. The author examines the existing scope of powers of a professional judge in court with the participation of jurors and different approaches to this problem.

The question of reforming the criminal proceedings in court with the participation of jurors is relevant. The role of the presiding judge of the court has not yet been defined. The existence of the adversarial principle contributes to the development of jury. However, the issue of the role and scope of the powers of a professional judge is quite acute.

The purpose of research is to study the problems associated with the combination of the principle of adversarial in criminal proceedings and the activity of the presiding judge in court with the participation of jurors.

Objectives. the study of the essence of the principle of adversarial in criminal proceedings, determining the scope of powers of the presiding judge in court with the participation of jurors, the study of different approaches to the consideration of the degree of activity of the presiding judge in court with the participation of jurors, analysis of prospects for the development of theory and practice in the framework of the problem.

Methodology. The following methods were used in the research: dialectical method, systematic approach, general scientific methods, formal logical method, structural and functional method and others.

The results of the research can be used to improve the criminal procedure science and legislation in the part relating to the powers of the presiding judge with the participation of jurors, as well as in subsequent research.

Conclusion. The author comes to the conclusion that the principle of adversarial of criminal proceedings and the activity of the presiding judge with the participation of jurors, although, at first glance, are in conceptual contradiction with each other, but can be successfully combined with a reasonable approach to determining the powers of a professional judge in this court.

Keywords: principle of adversaria; presiding judge; court with participation of jurors; activity; criminal procedure functions.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Chistilina D. O. The Principle of Adversarial and the Activity of Presiding Judge in Court with Participation of Jurors: the Problems of Theory and Practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 72–81 (in Russ.).

Введение

Принцип состязательности уголовного судопроизводства нашел свое отражение не только в Конституции РФ, но и в Уголовно-процессуальном кодексе Рос-

сийской Федерации (далее – УПК РФ), что подчеркивает его особую значимость для уголовного процесса. Только благодаря данному принципу сторона защиты получила равные правовые возможности по участию в уголовном судопроизвод-

стве, а обвиняемые и подозреваемые могут полноценно отстаивать свои права и законные интересы.

Однако принцип состязательности в чистом виде предполагает, что основное предназначение суда – это вынесение приговора, поэтому именно стороны должны действовать активно, а профессиональному судье стоит занять пассивную позицию. Однако далеко не все процессуалисты согласны с таким положением дел.

Особенно актуальна эта проблема, когда уголовное дело рассматривается в суде с участием присяжных заседателей. Эта форма судопроизводства предполагает коллегиальное разрешение уголовно-правового спора. Причем председательствующий должен не только разрешать правовые вопросы, но и руководить процессом, а также давать необходимые разъяснения присяжным заседателям. Более того, именно профессиональный судья правомочен в ходе судебного следствия повлиять на ход исследования доказательств. Однако в состязательном процессе это представляет собой некоторые сложности, связанные с концептуальным противоречием действия принципа состязательности и активности председательствующего в суде с участием присяжных заседателей.

Целью данного исследования является изучение теоретических и практических проблем сочетания принципа состязательности в уголовном процессе и активности председательствующего в суде с участием присяжных заседателей, а также разработка теоретических предложений по совершенствованию уголовно-процессуальной системы.

К основным задачам исследования относятся: изучение концептуальных основ принципа состязательности в уголовном процессе, рассмотрение полномочий председательствующего в суде с участием присяжных заседателей, исследование различных подходов к рассмотрению во-

проса о степени активности председательствующего в суде с участием присяжных заседателей.

Методология

К основным методам исследования относятся: диалектический метод научного познания, отражающий взаимосвязь теории и практики, системный подход к рассматриваемым проблемам, общенаучные методы – исследование, сравнение, эксперимент. Для достижения цели исследования и разрешения поставленных задач были использованы такие более частные методы, как формально-логический метод, структурно-функциональный метод и др.

Результаты и их обсуждение

Принцип состязательности закреплен в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, которая регламентирует, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности, причем этот постулат касается всех форм судопроизводства. Тем самым провозглашается фактическое разделение процессуальных функций сторон и суда. Статья 15 УПК РФ конкретизирует это положение применительно к специфике уголовного процесса.

В теории уголовного судопроизводства существует такое понятие, как «уголовно-процессуальные функции», которое означает основные направления процессуальной деятельности субъектов, обусловленные их ролью, назначением и целью участия в деле. Таким образом, можно выделить три основные функции: обвинение (уголовное преследование), защита и разрешение дела по существу. Выполнение названных функций возложено на различных участников уголовного процесса. Причем один орган или должностное лицо не может осуществлять все три функции одновременно. Такое разделение способствует установлению некоего баланса интересов стороны обвинения и защиты, т. к. данный прин-

цип неразрывно связан с принципом равноправия сторон [1, с. 116–119]. Это означает, что функции сторон не только разделены, но и то, что законом им предоставляются равные возможности по их реализации, что должно исключать превалирование одних участников уголовного судопроизводства над другими.

Появление принципа состязательности связывают с демократизацией уголовного процесса. Если исследовать исторические типы уголовного процесса, то мы приходим к выводу о том, что принцип состязательности появился из потребности непрофессиональных участников уголовного процесса, особенно обвиняемого, подозреваемого, отстаивать свои права и законные интересы, имея для этого равные процессуальные возможности со стороны обвинения. Исторически первым типом процесса был частно-исковой, который предоставлял обширные права потерпевшему, но при этом возлагал на него ответственность по расследованию дела. Инквизиционный (розыскной) тип процесса фактически попирает права обвиняемого, подозреваемого, ставя на первое место цель искоренения преступности любыми средствами. Однако в последующем с приходом идей просвещения и демократии появился принцип состязательности, который был закреплен Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., благодаря судебной реформе Александра II. Логичным было то, что с приходом состязательности обрели смысл такие институты, как принцип презумпции невиновности, адвокатура, суд с участием присяжных заседателей и т. д. [2, с. 354–355] Только ввиду существования этого принципа судопроизводства регламентация прав участников уголовного процесса приобрела не только теоретическое, но и практическое применение.

Более того, считается, что реализация данного принципа способствует установлению объективной истины, достижение которой в настоящее время не

названо законодателем в качестве цели уголовного процесса. Однако очевидно, что для корректного разрешения уголовно-правового спора просто необходимо установить реальные обстоятельства произошедшего, что, безусловно, удовлетворяет законные интересы сторон, с помощью чего будет исполнено назначение уголовного процесса [3, с. 56–60], причем К. Б. Калиновский отмечает, что равноправие сторон должно обеспечивать победу того, на чьей стороне истина [4, с. 37–38], что представляется нам вполне разумным с точки зрения предназначения уголовного судопроизводства.

В настоящее время принцип состязательности назван в качестве основного принципа уголовного процесса, действующего на всех его стадиях, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и заканчивая исключительными стадиями. Однако многие процессуалисты не согласны с таким положением дел и считают, что действие данного принципа все же в наибольшей степени проявляется на стадии судебного разбирательства, где у стороны защиты появляются реальные возможности реализации своих прав [5, с. 235–240]. Однако и в этом вопросе возникают определенные проблемы, связанные с ролью и степенью активности суда в процессе судебного следствия.

Особо остро этот вопрос стоит в суде с участием присяжных заседателей. Эта форма судопроизводства появилась практически одновременно с введением в действие принципа состязательности благодаря Судебной реформе 1864 г. Основным предназначением данного суда была демократизация уголовного процесса и борьба с беспределом чиновников. За образец был взят классический английский суд с участием присяжных заседателей, предполагающий обеспечение участия в коллегии представителей всех слоев населения. Данный суд состоит из двух коллегий: присяжные заседатели, которые решают фактические вопросы о виновности лица, и профессиональный су-

дья, разрешающий правовые вопросы. Такое разделение способствует непредвзятости суда в целом.

Суд с участием присяжных заседателей является коллегиальной формой принятия решения. Такая форма представляется более предпочтительной, т. к. позволяет каждое обстоятельство оценить с разных сторон. Кроме того, обеспечивается взаимный контроль, который способствует сведению до минимума вероятности ошибки и исключению обвинительного уклона. В свою очередь, у каждой из сторон появляется смысл активно и добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности [6, с. 27–31]. Кроме того, присяжные заседатели рассматривают правосудие как индивидуальную справедливость, в то время как профессиональный судья склонен отождествлять свои задачи с задачами правоохранительных органов [7].

Однако все больше вопросов вызывает степень активности председательствующего в таком суде. С одной стороны, судья должен сохранять нейтралитет и не оказывать давление на присяжных своим авторитетом, с другой стороны, он должен предпринять все возможные меры для того, чтобы присяжные получили полную и объективную информацию о произошедшем, что особенно важно, т. к. сами граждане профессиональными судьями не являются, поэтому не имеют достаточных знаний и возможностей для восполнения «белых пятен» в процессе судебного следствия [8, с. 70–73]. Принцип состязательности хорошо сочетается с судом присяжных заседателей в теоретическом и практическом плане, однако невозможно себе представить, что председательствующий в таком суде будет занимать пассивную позицию.

Принцип состязательности в чистом виде предполагает активность сторон по предоставлению суду доказательств и пассивность суда в процессе доказывания. Кроме того, суд связан позицией

стороны обвинения, представленной государственным обвинителем, и не вправе выходить за рамки, очерченные обвинением. В связи с чем П. Н. Шабанов считает главной движущей силой состязательного процесса спор сторон по поводу предъявленного обвинения. Если суд будет действовать вопреки позиции стороны обвинения, то он не только нарушит принцип состязательности и равноправия сторон, но и принцип независимости суда. По сути своей, именно сторона обвинения изначально задает тон всему процессу, а суд при принятии решения и сторона защиты при формировании своей позиции должны отталкиваться от официальной версии, представленной государственным обвинителем [9, с. 19–25].

Суд должен выполнять единственную функцию, заключающуюся в разрешении дела по существу. Однако на практике возникают ситуации, когда обе стороны или одна из сторон не проявляют активности в установлении обстоятельств произошедшего. В связи с этим возникает вопрос: что в такой ситуации делать суду? С одной стороны, российский законодатель наделил суд правами по участию в доказывании. Суд по собственной инициативе может назначить производство экспертизы, допросить эксперта, произвести следственный эксперимент, осуществить осмотр местности и помещения и т. д. С другой стороны, это кажется неприемлемым, т. к. полученные доказательства не могут быть нейтральными, что неизбежно приведет к тому, что суд будет выступать на стороне одной из сторон, нарушая при этом принцип состязательности [2, с. 354–355].

Однако в этом вопросе мнения ученых-процессуалистов расходятся. Интересны позиции некоторых из них. Так, В. М. Шинкарук и В. Н. Перекрестов считают, что в теоретическом споре по вопросу об активности суда имеет место подмена таких понятий, как доказывание по уголовному делу и доказывание вины.

Они полагают, что это совершенно разные категории, обосновывая это тем, что если в отношении доказывания вины подсудимого суд действительно ограничен в своих возможностях, то в доказывании по уголовному делу суд занимает активную позицию, которая проявляется в совершении им следственных действий, направленных на проверку представленных суду доказательств, которая может завершиться установлением новых обстоятельств [10, с. 195–201]. По сути, здесь говорится о возможности суда устанавливать объективную истину по уголовному делу.

Сторонниками пассивности суда в процессе доказывания являются Н. Григорьева, В. С. Шадрин, С. А. Тумашов, В. И. Зажицкий, М. К. Свиридов, которые считают, что основной задачей суда является постановление законного, справедливого и обоснованного приговора. Председательствующий должен выполнять лишь роль арбитра при разрешении спора, а не подменять сторону защиты или обвинения [11, с. 241–244]. С. А. Пашин занимает и обосновывает более мягкую позицию, отмечая, что суд, не зная заранее тактику сторон и проявляя при этом инициативу в собирании доказательств, может навредить сторонам. Более того, С. А. Пашин не является сторонником установления объективной истины в уголовном процессе, считая, что суд должен основывать свои выводы исключительно на доказательствах, представленных сторонами [12, с. 198]. Однако если некоторые факты, которые можно было установить в ходе судебного следствия, останутся неизвестны участникам процесса, то высока вероятность того, что суд вынесет неправосудное решение, в связи с чем вся предыдущая деятельность будет обесценена. Кроме того, Н. А. Развейкина считает, что активность председательствующего в суде с участием присяжных заседателей является правовой предпосылкой неправомерного воздействия на присяжных заседателей [13,

с. 65–70]. Однако это не совсем так. Председательствующий и коллегия присяжных заседателей имеют одни и те же целевые установки, обусловленные назначением уголовного судопроизводства, поэтому, подозревая в предвзятости профессионального судью, есть риск проявить неуважение к правосудию в целом.

Правосудие, по толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля, – это правый суд, справедливый приговор, решение по закону, по совести или правда, а право судить – значит судить по всей правде, творить суд и правду, суд по правде, быть праведным судьей [14, с. 380]. Отметим, что суд как орган правосудия осуществляет не просто проверку материалов поступившего уголовного дела, но и создает необходимые условия для разбирательства уголовного дела, что имеет непосредственную связь с разрешением уголовного дела по существу, поэтому судье в данном случае должен быть предоставлен достаточно широкий спектр полномочий. Таким образом, все действия суда оказывают влияние на приговор и, по сути, направлены на осуществление правосудия.

Сторонниками же активности суда в уголовном процессе являются М. С. Строгович, Ю. К. Орлов, утверждающие, что суд таким образом направляет исследование дела в сторону, способствующую установлению истины и восполнению пробелов, допущенных сторонами [15, с. 47–48]. Более того, С. А. Насонов, С. А. Шейфер считают, что судья не может быть пассивным арбитром, а должен обладать полномочиями, позволяющими ему активно участвовать в процессе доказывания наряду со сторонами [16, с. 256–267]. Немаловажно и то, что законодатель причислил суд к субъектам доказывания, наделив его полномочиями проводить следственные действия в ходе судебного разбирательства по собственной инициативе. Кроме того, Ж. С. Сенькина счита-

ет, что «активность участия суда в доказывании имеет задачей обеспечение баланса публичных и частных интересов в целях обеспечения легитимности судебной власти и государственной власти в целом», однако все его действия должны быть обоснованы с точки зрения целесообразности их осуществления для интересов правосудия [17, с. 15–16]. Более того, по мнению А. Ю. Астафьева, судья должен иметь возможность предпринять все необходимые меры для устранения разумных сомнений, препятствующих вынесению обоснованного решения по делу [18, с. 10]. Однако действия председательствующего, на наш взгляд, не должны иметь основной целью установление новых обстоятельств произошедшего. Действия профессионального судьи должны быть направлены на уточнение некоторых обстоятельств уголовного дела, что в последующем поможет ему принять справедливое решение [19, с. 10–11].

Более того, согласно позиции Европейского суда по правам человека принцип состязательности не нарушается, когда отдельные доказательства собираются по инициативе суда [20, с. 21–23].

Относительно суда с участием присяжных заседателей изначально предполагается, что профессиональный судья знает правовые нормы и умеет их применять, а предоставленная ему законом возможность в любой момент судебного следствия получить по собственной инициативе любое необходимое доказательство для выяснения требующихся ему для разрешения дела фактических обстоятельств, используя судебные следственные инструменты по собиранию доказательств, в полной мере обуславливает его активность. В совокупности эти обстоятельства, по мнению Л. В. Головки, поз-

волят профессиональному судье осуществлять надлежащее правосудие по уголовным делам [21, с. 27–38].

Таким образом, деятельность председательствующего должна сводиться к разрешению ходатайств сторон, направленных на получение нового доказательственного материала; активизации деятельности сторон по собиранию доказательств; созданию судом организационно-процессуальных условий и оказание процессуальной помощи сторонам для того, чтобы обеспечить реальные условия реализации их права на состязание с помощью собранных доказательств; собирание судом доказательств непосредственными способами, но исключительно в целях проверки доказательств, имеющих в деле [22, с. 12–13].

Выводы

В заключение отметим, что принцип состязательности является одним из достижений Судебной реформы 1864 г., предоставивший сторонам равные правовые возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов. Однако его действие в чистом виде предполагает пассивность суда в установлении обстоятельств произошедшего. Такое положение дел, на наш взгляд, может негативно сказаться на законности, обоснованности и справедливости приговора, что особенно актуально в суде с участием присяжных заседателей, где профессиональный судья не только сам исследует доказательства, но и должен организовать этот процесс для коллегии. В связи с вышеизложенным предлагаем позволить председательствующему в суде с участием присяжных заседателей проявлять некоторую степень активности, направленную на уточнение имеющихся в уголовном деле фактов.

Список литературы

1. Чеботарева И. Н. К вопросу о реализации состязательных начал в уголовно-процессуальном доказывании // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. №5-1 (44). С. 116–119.
2. Конин В. В. Некоторые проблемные вопросы состязательности и равноправия в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2008. №1. С. 354–355.
3. Рябков Е. М. Объективная истина и состязательность в уголовном процессе: конфронтация или взаимодополнение // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2 (23). С. 56–60.
4. Калиновский К. Б. Права человека и проблема равноправия сторон обвинения и защиты в уголовном процессе // Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры: междунар. науч.-практ. конф.: тез. выступлений / С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации; отв. ред. Б. В. Волженкин. СПб., 1998. С. 37–38.
5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 469 с.
6. Грищенко А. В. Установление истины в суде присяжных // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8). С. 27–31.
7. Смирнов А. В. Публичность (открытость) судебной власти как условие демократии в России [Электронный ресурс]. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/smirnov2004.htm> (дата обращения: 06.04.2019).
8. Козявин А. А., Чистилина Д. О. Уголовное судопроизводство и институты гражданского общества: взаимодействие и его перспективы: монография. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. 124 с.
9. Шабанов П. Н. Состязательность и гласность как гарантии справедливости уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. №4. С. 19–25.
10. Шинкарук В. М., Перекрестов В. Н. Роль суда по установлению объективной истины по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. №2. С. 195–201.
11. Андриющенко Т. И. Суд обязан доказывать обстоятельства по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 241–244.
12. Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. Дискуссии о правовой журналистике / отв. ред. Л. М. Карнозова. М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1995. 491 с.
13. Развейкина Н. А. Злоупотребление правом как способ неправомерного воздействия председательствующего на присяжных заседателей и средства защиты от него: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 202 с.
14. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Рус. яз., 2003. 555 с.
15. Кемпф Н. Г. Проблемные вопросы исследования фактических обстоятельств дела в суде с участием присяжных заседателей: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2006. 228 с.
16. Развейкина Н. А. Роль председательствующего в суде присяжных – предмет для дискуссий // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самар. гос. ун-т, 2007. С. 256–267.
17. Сенькина Ж. С. Активность суда в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. 246 с.
18. Астафьев А. Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. 237 с.

19. Абдулвалиев А. Ф. Суд как участник уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. 247 с.

20. Баранова Е. В. Современные правовые позиции Конституционного суда РФ по вопросу о соотношении принципа состязательности и активности суда в уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2013. № 2. С. 21–23.

21. Головкин Л. В. Влияние профессионального статуса суда на степень его активности в уголовном судопроизводстве // Закон. 2016. № 1. С. 27–38.

22. Плашевская А. А. Собираение судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 241 с.

Поступила в редакцию 17.06.19

Подписана в печать 22.07.19

References

1. Chebotareva I. N. K voprosu o realizacii sostyazatel'nyh nachal v ugovolno-processual'nom dokazyvanii. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 5-1 (44), pp. 116–119.

2. Konin V. V. Nekotorye problemnye voprosy sostyazatel'nosti i ravnopraviya v ugovolnom processe. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 2008, no. 1, pp. 354–355.

3. Ryabkov E. M. Ob"ektivnaya istina i sostyazatel'nost' v ugovolnom processe: konfrontaciya ili vzaimodopolnenie. *Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii*, 2014, no. 2 (23), pp. 56–60.

4. Kalinovskij K. B. Prava cheloveka i problema ravnopraviya storon obvineniya i zashchity v ugovolnom processe. *Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka i pravozashchitnaya funkciya prokuratury: mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: tez. vystuplenij*; ed. by. B. V. Volzhenkin. St. Petersburg, St.-Peterb. yurid. in-t Gener. prokuratury Ros. Federacii, 1998, pp. 37–38.

5. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. Moscow, Nauka Publ., 1968. 469 p.

6. Grishchenko A. V. Ustanovlenie istiny v sude prisyazhnyh. *Ugovolnaya yusticiya*, 2016, no. 2 (8), pp. 27–31.

7. Smirnov A. V. Publichnost' (otkrytost') sudebnoj vlasti kak uslovie demokratii v Rossii. URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/st/smirnov2004.htm> (accessed 06.04.2019).

8. Kozyavin A. A., Chistilina D. O. Ugovolnoe sudoproizvodstvo i instituty grazhdanskogo obshchestva: vzaimodejstvie i ego perspektivy. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga" Publ., 2017. 124 p.

9. Shabanov P. N. Sostyazatel'nost' i glasnost' kak garantii spravedlivosti ugovolnogo sudoproizvodstva. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process*, 2016, no. 4, pp. 19–25.

10. Shinkaruk V. M., Perekrestov V. N. Rol' suda po ustanovleniyu ob"ektivnoj istiny po ugovolnym delam v svete konstitucionnogo principa sostyazatel'nosti. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 195–201.

11. Andryushchenko T. I. Sud obyazan dokazyvat' obstoyatel'stva po ugovolnomu delu. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 2010, no. 4, pp. 241–244.

12. Sudebnaya reforma: problemy analiza i osveshcheniya. Diskussii o pravovoj zhur-

nalistike; ed. by L. M. Karnozova. Moscow, Rossijskaya pravovaya akademiya MYU RF, 1995. 491 p.

13. Razvejkina N. A. Zloupotreblenie pravom kak sposob nepravomernogo vozdejstviya predsedatel'stvuyushchego na prisyazhnyh zasedatelej i sredstva zashchity ot nego. Diss. kand. jurid. nauk. Samara, 2007. 202 p.

14. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Vol. 3. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2003. 555 p.

15. Kempf N. G. Problemnye voprosy issledovaniya fakticheskikh obstoitel'stv dela v sude s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej. Diss. kand. jurid. nauk. Barnaul, 2006. 228 p.

16. Razvejkina N. A. Rol' predsedatel'stvuyushchego v sude prisyazhnyh – predmet dlya diskussij. *Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo processa Rossii: mezhvuz. sb. nauch. st.*; ed. by V. A. Lazarevoj. Samara, Samar. gos. univ. Publ., 2007, pp. 256–267.

17. Sen'kina Zh. S. Aktivnost' suda v ugolovno-processual'nom dokazyvanii. Diss. kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2014. 246 p.

18. Astaf'ev A. Yu. Processual'nye garantii effektivnosti osushchestvleniya pravosudiya po ugolovnym delam sudom pervoj instancii. Diss. kand. jurid. nauk. Voronezh, 2013. 237 p.

19. Abdulvaliev A. F. Sud kak uchastnik ugolovnogo sudoproizvodstva. Diss. kand. jurid. nauk. Tyumen', 2010. 247 p.

20. Baranova E. V. Sovremennye pravovye pozicii Konstitucionnogo suda RF po voprosu o sootnoshenii principa sostyazatel'nosti i aktivnosti suda v ugolovnom processe. *Ugolovnaya yusticiya*, 2013, no. 2, pp. 21–23.

21. Golovko L. V. Vliyanie professional'nogo statusa suda na stepen' ego aktivnosti v ugolovnom sudoproizvodstve. *Zakon*, 2016, no. 1, pp. 27–38.

22. Plashevskaya A. A. Sobiranie sudom dokazatel'stv pri rassmotrenii dela po pervoj instancii v ugolovnom processe Rossii. Diss. kand. jurid. nauk. Tomsk, 2006. 241 p.

Received 15.05.19

Accepted 10.06.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Дарья Олеговна Чистилина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Daria O. Chistilina, Senior Lecturer of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

УДК 343.2/.7

О соответствии мусульманского уголовного права общепризнанным правовым ценностям

Р. Ф. Шахбазов¹, Е. Н. Шатанкова¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: shatankova.elena@mail.ru

Резюме

Актуальность статьи заключается в акцентировании внимания на соответствии мусульманского уголовного права общепризнанным правовым ценностям, на которых основывается уголовное законодательство каждого государства, провозгласившего себя в качестве правового и демократического.

Затронутая тема отвечает критерию актуальности, поскольку на сегодняшний день ислам выступает в качестве одной из мировых религий, приверженцами которой являются миллионы людей по всей планете, в частности и граждане Российской Федерации.

Целью настоящего исследования является комплексный научный анализ соответствия мусульманского уголовного права общепризнанным уголовно-правовым принципам.

Задачи: выявление фундаментальных общепризнанных принципов уголовного права; анализ положений Корана как основного источника мусульманского уголовного права; формулирование выводов относительно соответствия либо несоответствия мусульманского уголовного права общепризнанным правовым принципам.

Методология. В основу исследования был положен общепризнанный диалектический метод научного познания. Кроме того, были использованы частнонаучные методы, а именно: историко-правовой, системно-структурный, формально-логический и др.

Результаты. В Российской Федерации значительная часть граждан имеет одновременно юридическую обязанность соблюдать положения национального законодательства и священный для них долг следовать предписаниям ислама, а соответственно и мусульманского уголовного права. В России имеется нормативно-правовая основа для сочетания обязанности по соблюдению мусульманами положений национального законодательства и священного для них долга следовать предписаниям ислама.

Наличие у России статуса светского государства не является обстоятельством, исключающим актуальность вопроса о потенциале конвергенции норм российского и мусульманского уголовного права.

Принципы мусульманского уголовного права не вступают в противоречие с основными началами уголовного права современных демократических правовых государств, в том числе и Российской Федерации.

Выводы. Внимательное ознакомление с текстом основного источника мусульманского права – Корана позволило прийти к выводу о содержании в нем основных начал уголовного права, отражение которых можно заметить в уголовном законодательстве РФ, а также иных демократических государств. Приведенные обстоятельства дают повод для признания наличия у норм мусульманского права определенного потенциала к конвергенции с российским уголовным законодательством. В свою очередь, рекомендуется в дальнейшем продолжать исследования на предмет соотношения российского и мусульманского уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право; уголовная ответственность; принципы; уголовное законодательство; Коран; Уголовный кодекс Российской Федерации; мусульманское уголовное право.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шахбазов Р. Ф., Шатанкова Е. Н. О соответствии мусульманского уголовного права общепризнанным правовым ценностям // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 82–96.

© Шахбазов Р. Ф., Шатанкова Е. Н., 2019

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2019; 9(4): 82–96

On Compliance of Muslim Criminal Law with Generally Recognized Legal Values

Ramiz F. Shahbazov¹, Elena N. Shatankova¹✉

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: shatankova.elena@mail.ru

Abstract

The **relevance** this article focuses on the compliance of Muslim criminal law with the generally recognized legal values on which the criminal laws of each state proclaiming itself to be right and democratic are based.

The topic meets the criterion of relevance, because today Islam acts as one of the world religions, adherents of which are millions of people around the world, in particular, citizens of the Russian Federation.

The **purpose** of the study is to determine the compliance of Muslim criminal law with generally recognized criminal principles.

Objectives: identification of the fundamental universally recognized principles of criminal law; analysis of the provisions of the Koran as the main source of Muslim criminal law; formulation of conclusions on compliance or non-compliance of Muslim criminal law with generally recognized legal principles.

Methodology. The study was based on the General philosophical dialectical method of scientific knowledge. In addition, private scientific methods were used, namely: historical-legal, system-structural, formal-logical, etc.

Results. In the Russian Federation, a significant part of citizens has, at the same time, a legal obligation to comply with the provisions of national legislation and a sacred duty for them to follow the instructions of Islam, and, accordingly, the Muslim criminal law. In Russia there is a legal framework for combining the obligation to comply with the provisions of national legislation and the sacred duty for them to follow the instructions of Islam.

The fact that Russia has the status of a secular state is not a circumstance precluding the relevance of the question of the potential convergence of the norms of Russian and Muslim criminal law.

The principles of Muslim criminal law do not contradict the basic principles of criminal law of modern democratic legal States, including the Russian Federation.

Conclusions. Careful reading of the text of the main source of Muslim law – the Koran, has led to the conclusion about the content of the basic principles of criminal law, the reflection of which can be seen in the criminal legislation of the Russian Federation, as well as other democratic States. These circumstances give rise to the recognition of the existence of the norms of Muslim law a certain potential for convergence with Russian criminal law. In turn, it is recommended to continue further research on the relationship between Russian and Muslim criminal law.

Keywords: criminal law; criminal liability; principles; criminal law; Koran; Criminal code of the Russian Federation; Muslim criminal law.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shahbazov R. F., Shatankova E. N. On Compliance of Muslim Criminal Law with Generally Recognized Legal Values. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 82–96 (in Russ.).

Введение

Уголовное право является самой репрессивной по своему характеру отраслью права в любом государстве, поскольку предметом его регулирования являются уголовные правоотношения, т. е. те

общественные отношения, возникновение которых связано с совершением самого опасного с точки зрения причинения обществу вреда видом девиантного человеческого поведения.

Любая отрасль права направлена, прежде всего, на регулирование общественного поведения в той или иной сфере общественных отношений. Инструментом обеспечения своего регулирующего воздействия, как правило, служат санкции, и в уголовном праве они выступают в качестве наиболее карательных.

Уголовные правовые санкции влекут наиболее радикальные лишения и правоограничения, чем санкции, которые применяются в иных отраслях права.

Вместе с тем, несмотря на объективную необходимость и потребность общества в существовании уголовных правовых норм, последние не должны вступать в противоречие с признанными международной общественностью правовыми демократическими ценностями, к формулированию и закреплению которых человечество пришло в результате преодоления многолетнего жизненного опыта, подвигнувшего людей на признание приоритетного значения человека, а также его прав, свобод и законных интересов [1, с. 85].

В свою очередь, затрагивая вопрос соответствия мусульманского уголовного права данным ценностям, следует отметить, что на сегодняшний день ислам выступает в качестве одной из мировых религий, приверженцами которой являются миллионы людей по всей планете, в частности и граждане Российской Федерации. Если говорить более точно, то мусульмане составляют около 23% населения Земли [2].

Слово «ислам» в переводе с арабского означает покорность, подчинение. Слово «мусульманство» (от арабского «муслим») переводится как «тот, кто покоряется». Эти слова часто взаимозаменяют, но стоит отметить, что изначально религия называлась ислам. Возникла она в начале VII века на территории Аравийского полуострова. Появлению этой религии способствовало множество факто-

ров, как политических, так и социально-экономических.

На рубеже VI–VII веков Аравия переживала серьезный кризис, который затронул множество важных сфер общественной жизни. Одной из главнейших причин можно назвать отсутствие единого политического центра, вследствие чего происходили частые междоусобные войны, разлагающие родовой строй кочевников.

Сильнейшее недопонимание было и в религиозных вопросах. Верования жителей Аравии были неоднородны. Это сильно мешало объединению всех племен и превращению их в единую народность. Все эти факторы в совокупности стали решающими, и появление единой монотеистической религии становилось неизбежным.

Появление религии ислам неразрывно связано с именем Пророка Мухаммада. О нем известно то, что он осиротел в раннем возрасте, работал пастухом, а повзрослев, начал заниматься торговлей в Мекке. Около 610 г. Муххамад произнес первые аяты (стихи) Корана. С этого момента Муххамад начал свои выступления, в которых убеждал людей, что нужно отказаться от многобожия. Он призывал к вере в одного единого Бога-Аллаха, призывал к чтению молитв, к совершенному добру и полному отказу от зла. Изначально вся эта вера не нашла отклика в сердцах людей. Приняли ее только сам Муххамад, его жена, а также брат.

Впоследствии ислам приняли еще 40 человек, которые стали ближайшими сподвижниками Пророка. К концу же своей жизни Мухаммаду удалось создать исламское теократическое государство, называемое Арабским Халифатом

Мусульманское право – это право мусульманской религии, являющееся ее неотъемлемой частью и возникающее вместе с Шариатом. Шариат – это свод

религиозных и правовых норм, составленный на основе Корана и Сунны (священных преданий мусульман), содержащий нормы государственного, наследственного, уголовного, гражданского и семейного права. Шариат в переводе означает «путь следования», именно на нем базируется все мусульманское право. Его история начинается с Пророка Мухаммада. Он от имени Аллаха адресовал некоторые нормы и правила поведения верующим. Религиозная основа мусульманского права не вызывает никаких сомнений, т. к. можно рассуждать о том, что ислам уточняет, во что мусульманин должен верить, а шариат показывает ему,

что он должен делать, а что нет. «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас».

Шариат основан на идее обязательств, возложенных на человека, а не на правах, которые он может иметь.

Санкцией за невыполнение обязанностей, возлагаемых на верующего, является грех того, кто их нарушает.

В рейтинге стран с самой большой численностью мусульман Российская Федерация занимает 21-е место, поскольку на ее территории проживает около 20 млн людей, исповедующих ислам (рис. 1) [3].

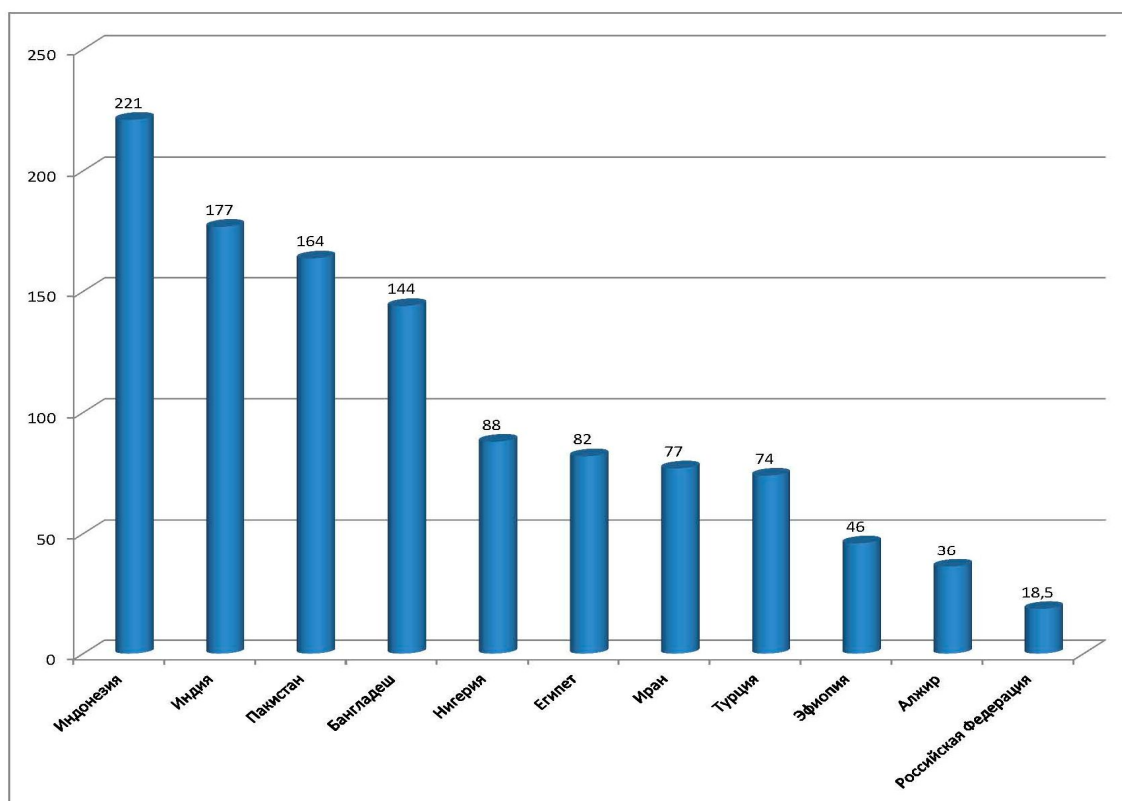

Рис. 1. Рейтинг стран с самой большой численностью мусульман, млн чел

Вопросы, связанные со взаимодействием и сосуществованием российской, а также исламской правовой культуры, следует признать весьма значимыми не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Страны, принадлежащие мусульманской правовой семье, можно отличить друг от друга не только лишь по их собственным политическим и экономическим показателям, но и по такому критерию, как степень влияния религии ислам,

а вместе с тем и различных отраслей мусульманского права на их развитие.

В свою очередь, все же можно констатировать наличие у ислама как мировой религии реальных широких возможностей по оказанию влияния на политику, право и культуру современных стран.

Для Российской Федерации ислам является религией, которая, наряду с христианством, буддизмом, иудаизмом и другими конфессиями, внесла свой вклад в формирование национально-культурного самосознания народов России, что было отмечено Президентом Российской Федерации в своем Указе от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной и культурной политики».

Исходя из вышеизложенного, представляется разумным полагать, что ислам оказывал и оказывает по настоящее время немаловажное влияние на правовую культуру, а также на правосознание существенной части населения российского государства, представители которого должны соблюдать законодательство Российской Федерации и религиозные каноны.

Таким образом, вышесказанное дает основание для утверждения о недопустимости пренебрежения исламским верованием при разработке политики Российской Федерации, поскольку оно представляет собой религию, являющуюся наряду с российским законодательством основой жизнедеятельности порядка двадцати миллионов ее жителей.

Известно, что Россия – это многонациональная страна с федеративным территориальным устройством, что обусловлено проживанием в ней множества народов с различными традициями, ценностями и мировоззрением.

Однако различия в самобытности российского населения не должны способствовать его разобщению и самоизо-

ляции. Если говорить в перспективе, то это и не должно способствовать зарождению, и уж тем более усилению сепаратистских настроений, особенно с учетом того, что в российской истории представляется возможным наблюдать пример событий подобного характера [4, с. 35].

Из 85 субъектов Российской Федерации 20 являются наиболее исламизированными регионами (рис. 2) [5].

Цель исследования – определение соответствия мусульманского уголовного права общепризнанным уголовно-правовым принципам.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) выявление фундаментальных общепризнанных принципов уголовного права;
- 2) анализ положений Корана как основного источника мусульманского уголовного права;
- 3) формулирование выводов относительно соответствия либо несоответствия мусульманского уголовного права общепризнанным правовым принципам.

Методология

Методологической основой настоящего исследования является общепризнанный философский диалектический метод научного познания. Кроме того, использовались такие методы частнонаучного характера, как историко-правовой, системно-структурный, формально-логический и др.

Результаты и их обсуждение

Обращая внимание на историю российского государства, можно заметить, что после того, как произошел Октябрьский переворот в 1917 году, было очень сложно мгновенно обеспечить на территории Северного Кавказа реализацию большевистской политики по причине многолетнего соблюдения местными народами мусульманского образа жизни.

В. И. Лениным уделялось большое внимание событиям, которые происходили на Северном Кавказе. Им учитывалась сложность, а также особенность работы с населением, исповедующим мусульманское вероучение.

Несмотря на имевшуюся у советской власти в первый год возможность уничтожения всей предшествовавшей судебной системы, ликвидация местных национальных судов была чревата негативными последствиями. Соответствующий процесс, с позиции советских властей, должен был проходить осторожно, с де-

монстрацией местному населению всех преимуществ советских судов по сравнению с национальными судами.

О восстановлении шариатских судов было принято решение в период, когда на территории Северного Кавказа устанавливалась советская власть. Вплоть до середины двадцатых годов XX века шариатские суды на Северном Кавказе были сохранены. Кроме того, данные разновидности судов даже могли быть включены в существовавшую в то время систему советских судов.

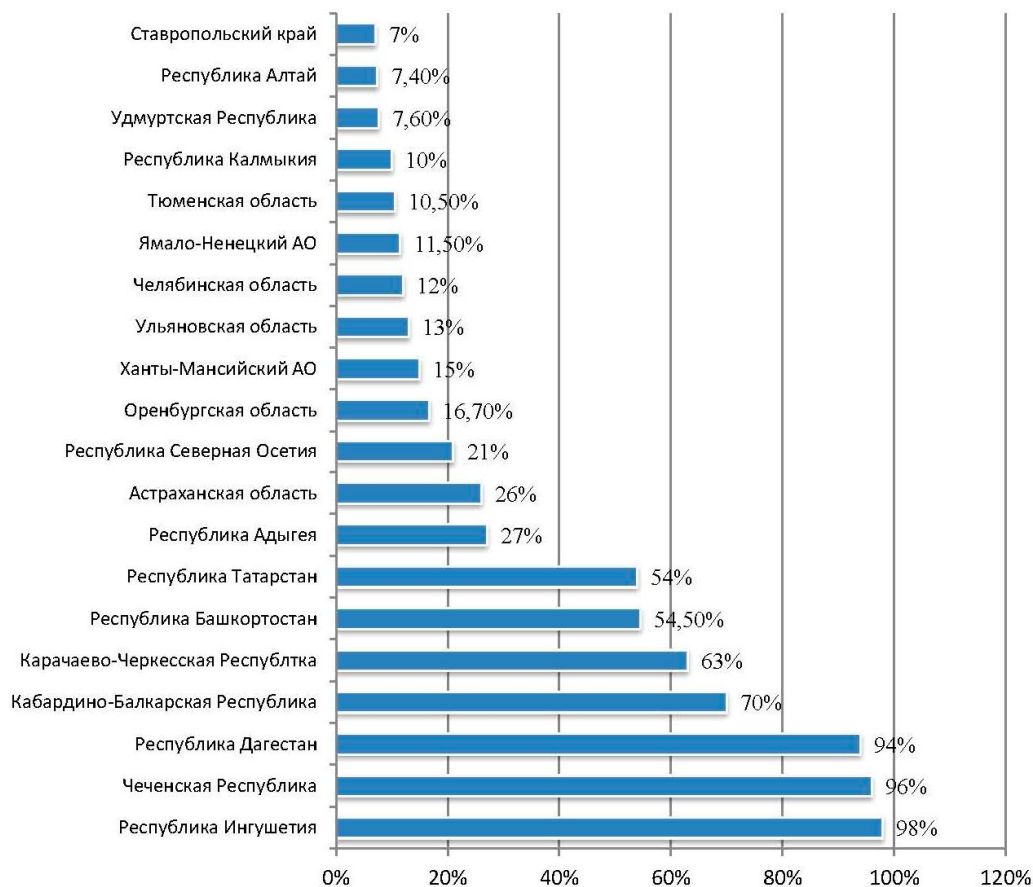

Рис. 2. Самые исламизированные регионы

Говоря о мусульманском уголовном праве, следует акцентировать внимание на том, где его нормы содержатся.

Следует отметить тот факт, что момент распада в начале XX столетия Османской империи послужил отправной

точкой по внедрению европейского права в законодательство, в том числе уголовное, в странах мусульманской правовой системы. Некоторыми мусульманскими государствами было принято за основу светское законодательство, например, с

1856 г. в Республике Турции, что обусловило отказ от религиозных воззрений. Это обстоятельство позволяет утверждать, что мусульманское право отлично от права мусульманских стран.

Главенствующим источником права и, безусловно, неоспоримым законотворцем в государствах с мусульманской правовой системой выступает Аллах. Регулирование общественных отношений, которые также возникают в сфере вопросов определения преступности деяния и наказаний за их совершение, т. е. укубат (мусульманское уголовное право), находится в ведении религиозных предписаний, в священной книге мусульман – Коране, в которой содержатся основы исламской религии, правила и нормы поведения мусульман, соблюдение которых является обязательным для истинно верующего.

Также источниками укубат выступают, во-первых, Сунна, которая, как и Коран, представляет собой бесспорный источник мусульманского уголовного права. В ней содержатся изречения пророка Муххамеда; во-вторых, рациональные источники – иджма кияс, иджитihad, фетва – сборники судебных precedентов, в которых содержится толкование изречений из Корана или Сунны.

Согласно тексту Корана (Сура 4, аят 29, 30) самоубийство, как и совершение убийства, признается тяжким грехом: «Самих себя не убивайте, – Поистине, Господь к вам милосерд! Того, кто незаконно и по злобе так поступит, Мы будем жечь в Огне, И это не составит Нам труда». Пророк Мухаммад указывал на то, что каким способом будет совершено самоубийство «тому быть навечно в адском огне, повторяя свой акт самоубиения».

Таким образом, источниками мусульманского уголовного права являются: Коран, Сунна, кияс, иджма и урф.

В свою очередь, шариат выступает в качестве как формального источника му-

сульманского уголовного права, так и материального. В государствах, которые не обладают кодифицированным законодательством (Саудовская Аравия), а также в которых шариат имеет легитимный характер (Объединенные Арабские Эмираты), он носит статус формального источника.

Статусом материального источника мусульманского уголовного права шариат пользуется в тех странах, в чьих кодексах содержатся заимствованные из шариата нормы (Судан, Йемен).

Представляется возможным наблюдать страны, где соответствие уголовного законодательства нормам ислама является гарантируемой на законодательном уровне обязанностью. Так, например, в статье 4 Конституции Ирана 1980 г. провозглашено, что его национальные уголовные законы должны пребывать в соответствии с основными началами ислама [1, с. 85].

На сегодняшний день уголовное право внешне выражено в своем традиционном виде в таких странах, как Саудовская Аравия, Йемен, Судан, а также, частично, в Объединенных Арабских Эмиратах.

Конституция Йемена в статьях 2 и 3 провозглашает ислам как государственную религию, а шариат, в свою очередь, в качестве основного источника законодательства. В связи с этим представляется возможным сделать вывод о том, что уголовная ответственность за совершение преступного деяния или деяний на территории Йеменской Республики определяется в соответствии с нормами шариата [1, с. 85].

В отличие от Бахрейна в Объединенных Арабских Эмиратах (далее – ОАЭ), помимо уголовного кодекса и Конституции, источниками уголовного права признается и шариат. Примечательно, что Уголовный кодекс ОАЭ предусматривает уголовную ответственность исключи-

тельно за совершение преступных деяний, которые подпадают под категорию «тазир». Ответственность за совершение наиболее опасных преступлений, причисляемых к категориям «хуздуд», «кисас» и «дийа», в свою очередь, определяется нормами шариата [1, с. 86]. Соответственно, допустимо говорить о том, что в ОАЭ установлена смешанная система источников уголовного права.

Учеными-ислаamistaми акцентируется внимание на несовершенстве системы уголовного права в исламе [6, с. 29] по причине того, что практически каждым государством, в котором функционирует мусульманское уголовное право, популяризированы различные богословские школы, которые, в свою очередь, считают предпочтительными те или иные источники права. Вместе с тем при определении понятия преступного деяния в исламе учеными проявляется единодушие, выраженное в признании главным основным началом мусульманского уголовного права принцип справедливости.

Основным источником мусульманского уголовного права является священное для мусульман писание – Коран [7, с. 73]. Именно при ознакомлении с Кораном и анализе его положений представляется возможным сделать вывод о соответствии либо несоответствии мусульманского уголовного права общепризнанным правовым ценностям.

Необходимо также подчеркнуть, что в целях получения объективного вывода по данному вопросу нельзя руководствоваться лишь сугубо формальным подходом, т. е. представляется поспешным вывод об абсолютной невозможности сближения российского, а также мусульманского уголовного права только потому, что Коран является не нормативным правовым актом, а религиозным писанием [8, с. 293].

В подтверждение своих слов следует напомнить, что религиозные и моральные

нормы, так же как правовые, являются разновидностями социальных норм, т. е. правил поведения, которым должны следовать члены общества [9, с. 22].

Российское законодательство, в свою очередь, закрепляет положения, которые в той или иной степени затрагивают духовную сферу жизнедеятельности общества. Так, например, Конституция России закрепляет право каждого на свободу совести и вероисповедания [10].

Положения ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» об охране тайны исповеди законом указывают на недопустимость привлечения к уголовной ответственности священнослужителя за отказ от дачи показаний по тем обстоятельствам, которые стали ему известными из исповеди [10]. На основании этого можно прийти к выводу, что законом исключается ответственность священнослужителей, так же как и исключается, например, ответственность за хранение адвокатской тайны. Вместе с тем статус адвоката все же можно отнести к сфере светской жизни и он урегулирован нормативными актами российского государства. Следовательно, религиозная норма о неразглашении тайны исповеди находит свое обеспечение со стороны светского российского права [11, с. 72].

Таким образом, оказание некоторого влияния религиозных норм на российское законодательство очевидно.

Кроме того, анализ российского уголовно-процессуального законодательства позволил выявить запрет на допрос священнослужителей в том случае, если требуемые от них показания касаются предмета тайны исповеди.

Представляется, что первоначальное мнение относительно соответствия либо несоответствия уголовного права общепризнанным правовым ценностям можно сформулировать после рассмотрения тех

принципов, на которых соответствующая отрасль права основывается [12, с. 293].

Принципы права представляется возможным рассматривать в качестве необходимой составляющей любой отрасли права, поскольку именно они образуют основополагающие рамки развития того или иного законодательства в государстве, в том числе и уголовного.

Под принципами права следует понимать основные идеи либо ведущие начала, которыми выражается само назначение права. Принципы права ориентируют направления совершенствования регулирования отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества правовыми нормами. Кроме того, благодаря им прослеживается природа, а также сущность права [13, с. 372].

Следует отметить, что принципы права являются наиболее широко употребляемым, а также весьма неоднозначным понятием теории права. Так, согласно позиции, занимаемой Ю. И. Гревцовым [9, с. 64], категорию «принцип права» допустимо относить если не к понятиям центрального значения, то к весьма популярным и имеющим существенное значение для практики. В свою очередь, как отмечается в научной литературе, «по крайней мере в отечественной теории права оно до сих пор не вышло за рамки интуитивных, рефлексивных представлений ученых-правоведов и специалистов отраслевых дисциплин» [9, с. 4].

Действительно, в учебной и доктринальной литературе, посвященной изложению результатов изучения и исследования явлений и проблем государственно-правового характера, несложно заметить довольно-таки частое употребление словосочетания «принципы права», а также «правовые общепризнанные принципы».

Вместе с тем некоторыми учеными было выражено несогласие относительно

мнения правоведов о том, что категорию «общеправовые принципы» можно считать прочно вошедшей в понятийный аппарат юридической науки [14, с. 124].

В настоящее время существует множество точек зрения, связанных с определением принципов права. Широко распространенным представлением о принципах права является их понимание в качестве идеи и начал, носящих исходное, основополагающее и руководящее значение.

К примеру, по мнению Л. С. Явича, принципы права играют роль исходных идей, образующих основу правовой действительности практически каждой эпохи, социальной формации и которыми пронизывается вся юридическая форма отношений в обществе [6, с. 149].

М. И. Байтиным было высказано, что «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [9, с. 4].

По словам Г. В. Мальцева, «правовой принцип – это норма широкого диапазона действия, воплощение начал, которые пронизывают все уровни правовой жизни» [11, с. 649].

С. С. Алексеевым принципы права были рассмотрены как выраженные в праве исходные нормативные руководящие начала, которые характеризуют его содержание и основы [13, с. 102–103].

Не менее интересной представляется и позиция С. Ю. Лаврус, исходя из которой принципы права стоит рассматривать в качестве выражающих назначение и содержание права фундаментальных идей, которые закрепляются нормативно-правовыми правовыми предписаниями или выводятся из них [15, с. 28].

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо акцентировать внима-

ние на наличии некоторых теоретических проблем, связанных с исследованием принципов права.

В первую очередь следует заметить, что, рассматривая категорию «принцип права» как руководящее начало, представляется возможным выделить лишь одного аспекта понятия принцип и пренебрежение другими. Придание понятию «принцип» значения какой-либо основы либо руководящей идеи распространено в философии и должно быть преломлено в рамках характеристики правовых явлений с целью охватывания всех аспектов регулирования последних.

Примечательно замечание отдельных ученых, считающих, что особое значение обретает проблема, связанная с субъективизмом, которая обуславливает определение совокупности основополагающих идей. Например, Т. Н. Радько были выделены такие принципы права, как принцип демократизма, принцип законности, принцип справедливости, принцип гуманизма, принцип равенства граждан перед законом, а также принцип единства прав и обязанностей [12, с. 65–67]. Для С. Д. Дмитриева в перечень общеправовых принципов включаются принцип справедливости, принцип законности, принцип определения юрисдикции, принцип недопустимости злоупотребления правом [14, с. 43].

Принципы, рассматриваемые в контексте основополагающих идей, не понимаются учеными однозначно.

Анализируя юридическую литературу, посвященную понятию, сущности и природе принципов права, представляется возможным констатировать, что авторы по-разному понимают соответствующие принципы, придерживаясь при этом сравнительно одинакового контекста применения, который ими предлагается, что, в свою очередь, вступает в противоречие с диалектическими правилами объяснения значения познаваемых явлений и

процессов. В качестве примера уместно рассмотреть принцип законности в тех интерпретациях, которые были изложены различными учеными.

Одна из таких интерпретаций была предложена М. И. Байтиным, по мнению которого «закрепленный в Конституции принцип законности утверждает всеобщность требования соблюдения законов и основанных на них подзаконных нормативных правовых актов, верховенство и единство закона, равенство граждан перед законом и судом...» [1, с. 128].

Позиция С. Д. Дмитриева опирается на умозаключение о том, что закрепление принципа законности обусловлено потребностью людей в защите своих прав посредством обращения в компетентные органы [14, с. 44].

Н. Н. Миняйленко и А. А. Стремухов осуществили рассмотрение законности как принципа осуществляемой внутренними войсками Министерства внутренних дел России деятельности. Для них данный принцип выступает в качестве основополагающего руководящего начала функционирования соответствующих войск, что обязывает военнослужащих заниматься охраной личности, общества, а также государства строго в соответствии с законодательством [14, с. 42].

Представляется, что различие в определении значения рассматриваемого принципа пребывает в зависимости не столько от сложности и многогранности соответствующего явления правового характера, сколько от субъективных представлений самих ученых.

Безусловно, в качестве одного из вышеупомянутых принципов выступает принцип законности. Данное основное начало уголовного правового регулирования предусматривается ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации, и в соответствии с ней преступность и наказуемость деяния на территории России определяются уголовным законом. Также

принцип законности подразумевает недопустимость применения уголовного закона по аналогии.

Ознакомление с содержанием Корана позволило прийти к выводу о том, что мусульманское уголовное право также основывается на принципе законности. Подтверждением служит аят 61 суры Корова, в котором говорится: «Вот вы сказали: “О Муса! Мы не сможем вынести однообразную пищу. Помолись своему Господу, чтобы Он возрастил для нас из того, что произрастает на земле, овощи, чеснок, огурцы, чечевицу и лук”. Он сказал: “Неужели вы просите заменить лучшее тем, что хуже? Спуститесь в любой город и там вы получите все, о чем просили”. Их постигли унижение и бедность. Они навлекли на себя гнев Аллаха тем, что отвергли знамения Аллаха и несправедливо убивали пророков. Это произошло потому, что они были ослушниками и преступили границы дозволенного» [4, с. 113].

Таким образом, из приведенного аята становится ясно, что в нем демонстрируется ослушание, которое повлекло за собой наказание из-за того, что были отвергнуты предписанные границы дозволенного. В данном аяте передается следующий смысл – наказание не наступает произвольно, а является следствием нарушения установленных рамок поведения.

Современное уголовное законодательство, безусловно, должно отвечать реалиям нынешнего времени, поскольку от этого зависит сама эффективность применения соответствующих правовых норм. Так исторический анализ развития российского уголовного права дает основание полагать, что оно обладает способностью адаптироваться к реальной действительности.

В свою очередь, представляется возможным говорить, что Коран также

предусматривает возможность проявления мусульманским уголовным правом своей «гибкости». В аяте 106 суры Корова говорится: «Когда Мы отменяем или заставляем забыть один аят, то приводим тот, который лучше его или равный ему. Разве ты не знаешь, что Аллах способен на любую вещь?» [4, с. 116].

Вышеприведенный аят подразумевает то, что не исключена замена одного правила другим – более лучшим или равным. Другими словами, речь идет о развитии учения и правил. Данный аят может служить основой для развития законодательства в исламских странах.

Одним из основных принципов уголовного права, безусловно, является принцип вины, исходя из которого человек может быть привлечен к уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия), в которых он виновен.

Принцип вины и положение о недопустимости объективного вменения прослеживаются также и в Коране. Так, в аяте 134 суры Корова говорится: «Этот народ уже миновал. Они получают то, что они заслужили, а вы получите то, что вы заслужили, и вы не будете спрошены о том, что не совершали» [4, с. 127].

В аяте 139 суры Корова говорится: «Скажи “Неужели вы станете препираться с нами относительно Аллаха тогда, как он является нашим Господом и вашим Господом. Нам достанутся наши деяния, а вам – ваши деяния, и мы искренне перед Ним”» [16, с. 131].

Мусульманское уголовное право также основывается на принципе вины и, соответственно, на положении о недопустимости объективного вменения.

В контексте рассматриваемой темы представляется возможным также отметить, что в ряде стран, в которых население традиционно придерживается мусульманского образа жизни, обусловлен-

ного исламским вероучением, прослеживается трансформация системы уголовных наказаний [17, с. 86]. Безусловно, соответствующий процесс стал следствием воздействия такого фактора, как объективная потребность в сближении с международным сообществом. Например, ст. 46 Конституции Республики Йемен закрепляет персональный характер уголовной ответственности. Кроме того, в данной норме провозглашается, что деяние может быть признано преступным только в том случае, если за его совершение предусматривается ответственность шариатом либо действующим законодательством.

Основной закон Йемена также закрепляет принцип презумпции невиновности и недопустимость обратной силы уголовного закона.

Рассматривая Конституцию Султана Оман, в ст. 21 можно заметить положение о возможности признания деяния преступным и уголовно наказуемым исключительно законом. В данной норме также говорится об индивидуальном характере наказания.

Принцип персональной ответственности за совершение преступного деяния также представляется возможным наблюдать в конституциях таких стран, как Алжир (ст. 45), Бахрейн (ст. 20), Египет (ст. 6), Йемен (ст. 46), Катар (ст. 10 п. «в»), Марокко (ст. 4), Объединенные Арабские Эмираты (ст. 27), Сирия (ст. 30) и Судан (ст. 32) [18, с. 47]. Уголовные законодательства наибольшего количества мусульманских стран подверглись прямому либо опосредованному влиянию со стороны континентальной или англосаксонской правовых систем.

Усилившаяся на сегодняшний день потребность в сближении национального законодательства, в частности мусульманских стран с международными правовыми стандартами, которые посвящены противодействию различных видов пре-

ступности, повлекла за собой динамическое обновление системы наказаний [19, с. 47]. Так, к примеру, после того, как не удалась попытка отмены смертной казни на Конгрессе ООН «По предупреждению преступности и обращению с несовершеннолетними» (Гавана, 1990 г.), последовала попытка ограничения применения смертной казни за преступные деяния общеуголовного характера, относящиеся к категории «та'зир», в Арабской хартии прав человека (Каир, 1994 г.). В данном международно-правовом акте была провозглашена возможность назначения соответствующего вида уголовного наказания исключительно за наиболее серьезные преступления. Установлен запрет назначения смертной казни за политические преступления, а также к лицам, совершившим преступление до достижения ими восемнадцатилетнего возраста, беременным женщинам и в течение двух лет женщинам, имеющим на иждивении детей.

Следует также отметить, согласно российскому уголовному законодательству привлечение лица к уголовной ответственности за совершение преступного деяния возможно только в том случае, если им был достигнут шестнадцатилетний возраст. Помимо этого, в ст. 20 УК РФ закреплен перечень преступлений, привлечение к уголовной ответственности за которые возможно и с четырнадцатилетнего возраста. В некоторых статьях Особенной части УК РФ предусмотрены составы преступлений, возраст наступления уголовной ответственности за совершение которых возможен с восемнадцати лет.

В свою очередь, согласно Шариату лицо признается совершеннолетним при достижении им конкретного возраста [20]. Однако предусмотрены различия относительно наступления совершеннолетия у мальчиков и девочек.

Особый интерес вызывает позиция ученых-исламистов, исходя из которой мальчик либо девочка могут считаться совершеннолетними исключительно при наличии у них определенных признаков. Для мальчиков такими признаками являются:

1) поллюция, т. е. непроизвольный выход семени во сне или наяву;

2) возраст, который, по мнению большинства ученых, должен приходиться на пятнадцатилетие по лунному календарю, а согласно мазхабу имама Абу Ханифы – на восемнадцатилетие;

3) появление лобковых волос и волос подмышками.

Для девочек соответствующими признаками являются:

1) начало менструального цикла;

2) пребывание в состоянии беременности;

3) возраст 15 лет, а в соответствии с мазхабом имама Абу Ханифы – 17 лет.

Совершеннолетие по исламскому вероучению подразумевает наличие у лица способности приобретения прав, а также возможности отвечать за свои поступки.

В отличие от российского уголовного законодательства мусульманское уголовное право не кодифицируется на общую и особенную части. Вместе с тем, основываясь на признании человеческой жизни в качестве наиболее важной ценности, российским законодателем была установлена исключительная мера нака-

зания за совершение такого преступного деяния, как убийство. В свою очередь, и в соответствии с нормами Шариата лицу, причинившему умышленно смерть другому человеку, будет грозить смертная казнь. При этом представляется заметить некоторое отличие от российского уголовного права, и заключается оно в предоставлении семье погибшего права решать участь убийцы, т. е. они могут выбрать между применением в отношении преступника смертной казни и получением от него возмещения за причиненный вред. Члены семьи погибшего могут также простить убийцу.

Выводы и рекомендации

Внимательное ознакомление с текстом основного источника мусульманского права – Корана позволило прийти к выводу о содержании в нем основных начал уголовного права, отражение которых можно заметить в уголовном законодательстве РФ, а также иных демократических государств. Приведенные обстоятельства дают повод для признания наличия у норм мусульманского права определенного потенциала к конвергенции с российским уголовным законодательством.

В свою очередь, рекомендуется в дальнейшем продолжать исследования на предмет соотношения российского и мусульманского уголовного права.

Список литературы

1. Байтин М. И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
2. Статистика мусульман [Электронный ресурс]. URL: <https://vawilon.ru/statistika-musulman/> (дата обращения: 06.05.2019).
3. Рейтинг стран с самой большой численностью мусульман [Электронный ресурс]. URL: <https://medina-center.ru/10-stran-s-samoj-bol-shoj-chislennost-yu-musul-man/> (дата обращения: 07.05.2019).
4. Кулиев Э. Р. Коран: Перевод смыслов. Изд. 10-е, стер. М.: Эксмо, 2012. 688 с.

5. Самые исламизированные регионы [Электронный ресурс]. URL: https://islam-today.ru/islam_v_rossii/dvadczatka_samyx_islamizirovannyx_regionov_rossii/ (дата обращения: 11.05.2019).
6. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 287 с.
7. Сизов А. А., Шахбазов Р. Ф. Состязательность в российском уголовном процессе: сравнительный анализ с судопроизводством в мусульманском праве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 1 (14). С. 69–76.
8. Шахбазов Р. Ф. Презумпция невиновности как принцип мусульманского уголовного права // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сб. науч. ст. Междунар. 5-й науч.-практ. конф. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. С. 292–294.
9. Скурко Е. В. Принципы права: монография. М.: Ось-89, 2008. 192 с.
10. О свободе совести и о религиозных объединениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 05.04.2019).
11. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 800 с.
12. Радько Т. Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2012. 496 с.
13. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: в 2 т. Т. 1. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. 396 с.
14. Дмитриев С. Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 215 с.
15. Лаврусъ С. Ю. Реализация принципов права в юридической практике: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 239 с.
16. Торнау Н. Н. Мусульманское право. М.: Книга по требованию, 2012. 272 с.
17. Аль-Баити М. А. А. Некоторые аспекты субъективной стороны состава преступления по мусульманскому уголовному праву // Исламоведение. 2012. № 2 (12). С. 83–90.
18. Фарид И. Быть мусульманином в новой Южной Африке. М.: Ислам сегодня, 2002. 352 с.
19. Бирюков П. Н. Международное право в основных мировых религиях (на примере ислама) // Вестник Дипломатической академии. Международное право. 2014. № 1. С. 46–49.
20. Козлихин И. Ю. Мусульманское право // Правоведение. 2011. № 3 (296). С. 421–458.

References

1. Bajtin M. I. Sushchnost' prava. (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). Saratov, SGAP Publ., 2001. 416 p.
2. Statistika musul'man. URL: <https://vawilon.ru/statistika-musulman/> (accessed 06.05.2019).
3. Rejting stran s samoj bol'shoj chislennost'yu musul'man. URL: <https://medina-center.ru/10-stran-s-samoj-bol-shoj-chislennost-yu-musul-man/> (accessed 07.05.2019).
4. Kuliev E. R. Koran: Perevod smyslov. 10th, ed. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 688 p.
5. Samye islamizirovannye regiony. URL: https://islam-today.ru/islam_v_rossii/dvadczatka_samyx_islamizirovannyx_regionov_rossii/ (accessed 11.05.2019).
6. Yavich L.S. Obshchaya teoriya prava. Leningrad, LGU Publ., 1976. 287 p.

7. Sizov A. A., Shahbazov R. F. Sostyazatel'nost' v rossijskom ugolovnom processe: sravnitel'nyj analiz s sudoproizvodstvom v musul'manskom prave. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2015, no. 1 (14), pp. 69–76.
8. Shahbazov R. F. Prezumpciya nevinovnosti kak princip musul'manskogo ugolovnogo prava. *Issledovanie innovacionnogo potenciala obshchestva i formirovanie napravlenij ego strategicheskogo razvitiya: sb. nauch. ct. Mezhdunar. 5-j nauch.-prakt. konf. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga"*, 2015, pp. 292–294.
9. Skurko E. V. Principy prava. Moscow, Os'-89 Publ., 2008. 192 p.
10. O svobode sovesti i o religioznyh ob"edineniyah: feder. zakon ot 26.09.1997 No 125-FZ. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (accessed 05.04.2019).
11. Mal'cev G. V. Social'nye osnovaniya prava. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 800 p.
12. Rad'ko T. N. Teoriya gosudarstva i prava. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 496 p.
13. Alekseev S. S. Problemy teorii prava: Osnovnye voprosy obshchej teorii socialisticheskogo prava. Vol. 1. Sverdlovsk, Sverdl. yurid. univ. Publ., 1972. 396 p.
14. Dmitriev S. D. Obshchepravovye principy: teoreticheskie problemy konkretizacii i realizacii. Diss. kand. yurid. nauk. Samara, 2012. 215 p.
15. Lavrus' S. Yu. Realizaciya principov prava v yuridicheskoy praktike. Diss. kand. yurid.nauk. Volgograd, 2005. 239 p.
16. Tornau N. N. Musul'manskoe pravo. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2012. 272 p.
17. Al'-Baiti M. A. A. Nekotorye aspekty sub"ektivnoj storony sostava prestupleniya po musul'manskomu ugolovnomu pravu. *Islamovedenie*, 2012, no. 2 (12), pp. 83–90.
18. Farid I. Byt' musul'maninom v novoj Yuzhnoj Afrike. Moscow, Islam segodnya Publ., 2002. 352 p.
19. Biryukov P. N. Mezhdunarodnoe pravo v osnovnyh mirovyh religiyah (na primere islama). *Vestnik Diplomaticheskoy akademii. Mezhdunarodnoe pravo*, 2014, no. 1, pp. 46–49.
20. Kozlihin I. Yu. Musul'manskoe parvo. *Pravovedenie*, 2011, no. 3 (296), pp. 421–458.

Информация об авторах / Information about the authors

Шахбазов Рамиз Физулиевич, преподаватель, кандидат уголовного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: ramiz1999@yandex.ru

Ramiz F. Shahbazov, Lecturer of Department, of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: ramiz1999@yandex.ru

Шатанкова Елена Николаевна, кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: shatankova.elena@mail.ru

Elena N. Shatankova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: shatankova.elena@mail.ru

УДК 34.06

Информационные технологии как фактор системной трансформации институтов судопроизводства

О. А. Капустин¹ ✉

¹Краснинский районный суд, Смоленской области, Российская Федерация, 216100, Смоленская обл., пгт. Красный, ул. К. Маркса, 27

✉ e-mail: ka_poleg@mail.ru

Резюме

Актуальность. В современных условиях цифрового общества следует констатировать отставание изменения (дополнения) процессуальных правил от внедрения информационных технологий. Вместе с тем решение ряда взаимосвязанных проблем судебной деятельности требует своевременной модификации действующих процессуальных норм, которые не позволяют в полной мере реализовать потенциал информационных технологий.

Цель. Статья направлена на поиск путей максимальной реализации потенциала информационно-технологических инструментов, создающих возможности удаленного доступа к суду, а также снижающих судебную нагрузку на судебный персонал.

Задачи. В рамках статьи решаются следующие задачи: выявление и формулирование ряда предложений, направленных на совершенствование действующего процессуального законодательства; проводится оценка его регулирующего воздействия с позиций доступности правосудия и эффективности судебной организации.

Методология. Помимо общенаучных и частнонаучных методов исследования, методологической основой работы является интегративный подход к изучению использования информационных технологий в судебной деятельности.

Результаты. Обязательность совершения отдельных процессуальных действий в электронном виде рассматривается как общемировая тенденция и вектор развития национального процессуального законодательства в цифровую эпоху.

Выводы. Повышение качества судебной деятельности посредством информационных технологий объективно предопределяет системные изменения таких судопроизводственных институтов, как обращение в суд в электронном виде, судебные извещения, предоставление доказательств, видеоконференц-связь. В связи с этим обосновывается внесение изменений в действующие процессуальные кодексы.

Ключевые слова: судопроизводство; информационные технологии; удаленный доступ к суду; процессуальный институт; обращение в суд в электронном виде; видеоконференц-связь; процессуально-правовое регулирование.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Капустин О. А. Информационные технологии как фактор системной трансформации институтов судопроизводства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 97–107.

© Капустин О. А., 2019

Information Technology as a Factor Systemic Transformation of Judicial Institutions

Oleg A. Kapustin¹ ✉

¹Krasninsky District Court of the Smolensk Region, 27, str. K. Marx, Smolensk region, pgt. Krasny, 216100, Russian Federation

✉ e-mail: ka_poleg@mail.ru

Abstract

Relevance. In modern conditions of a digital society, it should be noted that the changes (additions) to the procedural rules lag behind the implementation of information technologies. At the same time, the solution of a number of interrelated problems of judicial activity requires timely modification of existing procedural rules, which do not allow to fully realize the potential of information technology.

Purpose. The article is aimed at finding ways to maximize the potential of information technology tools that create remote access to the court, as well as reduce the judicial burden on judicial personnel.

Tasks. The following tasks are solved within the framework of the article: identification and formulation of a number of proposals aimed at improving the existing procedural legislation; an assessment is made of its regulatory impact from the standpoint of the accessibility of justice and the effectiveness of the judicial organization.

Methodology. In addition to general scientific and private scientific research methods, the methodological basis of the work is an integrative approach to the study of the use of information technology in judicial activities.

Results. The mandatory fulfillment of certain procedural actions in electronic form is considered as a global trend and a vector for the development of national procedural legislation in the digital era.

Conclusion. Improving the quality of judicial activity through information technology objectively predetermines systemic changes in such judicial institutions as applying to the court electronically, judicial notices, the provision of evidence, and video-conferencing. In this regard, the justification of amendments to existing procedural codes is justified.

Keywords: legal proceedings; information Technology; remote access to court; Institute of Procedure appeal to the court in electronic form; video conferencing; legal regulation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kapustin O. A. Information Technology as a Factor Systemic Transformation of Judicial Institutions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 97–107 (in Russ.).

Введение

Имплементация и адаптация процессуальной наукой отдельных понятий, имеющих информационно-технологическую природу, приводит к появлению новых процессуальных институтов либо влечет коренную модификацию и наполнение новым содержанием традиционных институтов судопроизводства.

Приведенные обстоятельства ставят в повестку дня своевременность модификации действующих процессуальных норм, которые не позволяют в полной мере реализовать потенциал информационно-технологических инструментов, используемых в судебной деятельности. Следует констатировать отставание изменения (дополнения) процессуальных

правил от внедрения информационных технологий.

Методология

Для выявления единой концептуальной основы использования информационных технологий в судебной деятельности одним из ключевых явился интегративный метод. С помощью формально-юридического метода анализировалось законодательство, регулирующее осуществление судопроизводства при помощи информационных технологий. Сравнительно-правовой метод использовался при выработке допустимых критериев имплементации зарубежного опыта использования в судопроизводстве информационных технологий в российскую правовую действительность.

Результаты и их обсуждение

Положениями отечественного процессуального законодательства с 1 января 2017 г. предусмотрена возможность обращения в суд в электронном виде, посредством заполнения формы, размещенной на официальных сайтах судов.

В федеральные суды общей юрисдикции в 2017 г. поступило около 280 000 обращений в электронном виде [1], а к производству за 2017–2018 гг. принято более 700 000 исков в электронном виде [2].

Институт электронной подачи обращений (иски, ходатайства, заявления и письменные доказательства) повлек за собой изменение процессуальных требований к форме и содержанию искового заявления, порядку его принятия к производству суда.

Так, технология электронного обращения к суду, нивелируя правило о предоставлении копий документов для лиц, участвующих в деле, изменяет тем самым действие принципов правосудия по гражданским делам и роль суда среди конфликтующих сторон.

В юридической литературе отмечается неурегулированность вопросов соотношения порядка подачи в суд документов в электронном виде с нормами процессуальных кодексов [3], что предопределяет уточнение процессуального аспекта.

В национальных правовых институтах подачи в суды документов в электронном виде имеет свою специфику, обусловленную длительностью соответствующего опыта применения. В этой связи поиск путей совершенствования правового регулирования требует ретроспективного взгляда, а именно выявления отдельных этапов в развитии соответствующего правового института.

В Италии внедрение системы электронной подачи документов по гражданским делам РСТ (Processo Civile Telematico) происходило поэтапно: в 2011 г. – введение системы сертифицированной электронной почты (PEC); в 2014 г. – стала обязательной электронная подача заявлений о принятии обеспечительных мер; в 2015 г. – электронная подача заявлений обязательна во всех апелляционных судах. В судах Италии действовавшее правило, согласно которому документ является бумажным и только в определенных случаях заявление может быть отправлено через Интернет, заменено противоположным правилом [4].

Наиболее длительный опыт подачи документов в суд в электронном виде наблюдается в Сингапуре, где еще с 1997 г. введена в действие система электронной подачи документов (Electronic Filing System). С 2000 г. эта система стала обязательной при подаче документов в связи с гражданскими делами. В целях расширения возможностей в 2013 г. введена система нового поколения – eLitigation (iELS), которая реализует следующие функции: подача документов электронным способом, хранилище материалов по делу; движение судебных документов

между сторонами процесса; календарь; система учета понесенных расходов и прочие сервисы.

Общей тенденцией в федеральных судах США является требование к сторонам подавать документы посредством использования системы CM/ECF (Case Management/Electronic Case Files). В отдельном документе требуется указать основание подачи документов без использования средств электронной связи [5].

Во Франции использование сервиса e-Barreau для подачи документов в электронном виде с 1 сентября 2011 г. стало обязательным для рассматриваемых апелляционными судами гражданских дел, когда речь идет об уведомлениях об апелляции и о защите ответчика, а с 1 января 2013 г. – обо всех прочих действиях в делах с обязательным представительством. Несоблюдение этого требования может привести к тому, что соответствующие правовые решения могут быть признаны неприемлемыми [4].

Зарубежный опыт также демонстрирует важность постепенного внедрения и поэтапного расширения сферы обращений в суд в электронном виде. Это способствует формированию особой культуры использования информационных технологий в судебной деятельности, обеспечению гарантий доступности правосудия для каждого участника судопроизводства. Отсюда наличие прямой зависимости между длительностью периода функционирования порядка обращения в суд в электронном виде и обязательностью, а также широтой действия данного порядка.

В юридической литературе выделяются правопорядки, в которых подача документов в суд осуществляется в обязательном порядке в электронной форме и применяется при рассмотрении всех гражданских дел (Сингапур); страны, где электронная форма подачи документов в

суд применяется повсеместно, но на добровольной основе (Израиль, федеральные суды США, Австралия), а также страны, в которых подача документов в электронной форме возможна только в некоторых судах (Англия, Канада, Германия) [6].

Подобный критерий позволяет выделить модели порядков обращения в суд в электронном виде: императивную, диспозитивную и смешанную.

Российскую Федерацию в этом ключе следует отнести к диспозитивной модели, поскольку в настоящее время электронная форма подачи документов в российских судах применяется повсеместно, однако выбор способа обращения в суд (в электронном либо в традиционном «бумажном» виде) зависит от волеизъявления заявителя).

Вектор трансформации порядков обращения в суд в электронном виде в императивную модель, представляя собой общемировую тенденцию, одновременно влечет за собой признание обязательным совершение тех или иных процессуальных действий в электронном виде.

Известно, что специфика административного судопроизводства заключается в дополнительных требованиях по отношению к участникам процесса, наделенным публичными полномочиями. В связи с этим в административном судопроизводстве подачу документов в суд в электронном виде следует признать обязательной при подаче административных исковых заявлений, поданных от имени органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями.

Речь идет о необходимости дополнения ст. 45 КАС РФ частью 3 следующего содержания:

«Административное исковое заявление, заявление, жалоба, представление от имени органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, могут быть поданы в суд только в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет».

Кроме того, рассмотренный выше опыт Сингапура подтверждает, что дальнейшее развитие системы электронной подачи документов не может быть автономным. Напротив, возникает потребность расширения функций данной системы, направленных на развитие электронного документооборота и формирование электронного судебного дела.

Изложенное означает, что создание процессуально-правовой основы института обращения в суд в электронном виде неминуемо повлечет за собой трансформацию смежных процессуальных институтов, в том числе касающихся извещения участников судебного разбирательства.

На пленарном заседании Совета судей Российской Федерации, которое состоялось 22 мая 2018 г., форма интернет-оповещения о судебных заседаниях признана приоритетной [7].

По смыслу разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда в Постановлении от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», обращение в суд в электронном виде в порядке гражданско-

го и административного судопроизводства допускает последующее извещение заявителя по электронной почте. В связи с этим полагаем необходимым закрепить процессуальное правило, которое отвечает требованиям системного правового регулирования в указанных видах судопроизводства.

Предлагается изложить абзац первый ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ в следующей редакции: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы и организации, являющиеся сторонами и другими участниками процесса, а также истцы, подавшие исковое заявление посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, могут извещаться судом о времени и месте судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий лишь посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в указанный в части третьей настоящей статьи срок, если суд располагает доказательствами того, что указанные лица надлежащим образом извещены о времени и месте первого судебного заседания. Такие лица, получившие первое судебное извещение по рассматриваемому делу, самостоятельно предпринимают меры по получению дальнейшей информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи».

Аналогичным образом ч. 8 ст. 96 КАС РФ следует изложить в следующей редакции: «Административные истцы – органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, а также административные истцы, подавшие административное ис-

ковое заявление посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, могут извещаться судом о времени и месте судебного заседания (предварительного судебного заседания) лишь посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в указанный в части 7 настоящей статьи срок. Указанные лица, а также получившие первое судебное извещение по рассматриваемому административному делу иные лица, участвующие в деле, обладающие государственными или иными публичными полномочиями, самостоятельно предпринимают меры по получению дальнейшей информации о движении административного дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи».

Обеспечение удаленного доступа к суду при помощи информационных технологий определяет вектор развития института предоставления доказательств.

Предоставление суду доказательств в электронном виде позволяет интенсифицировать электронное судебное производство, минимизировав нагрузку работников аппарата суда, связанную со сканированием документов для формирования электронного хранилища судебных дел.

Полагаем, что избрание заявителем электронной формы обращения в суд должно предопределять и порядок предоставления им письменных доказательств в ходе судебного разбирательства.

Обращение к опыту Украины свидетельствует о целесообразности признания совершения последующих процессуальных действий в электронном виде обязательными, в случае первоначальной подачи иска (заявления, жалобы) в электронном виде, кроме случаев, когда су-

дом будет дано разрешение на их представление в бумажной форме [8; 9].

Принимая выявленную выше специфику процессуальных прав и обязанностей участников административного судопроизводства, наделенных публичными полномочиями, следует внести изменения в соответствующие процессуальные кодексы.

Так, РФ (ч. 1 ст. 71) и КАС РФ (ч. 1 ст. 70) признают письменными доказательствами документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. При этом если копии документов представлены в суд в электронном виде, суд может потребовать представления подлинников этих документов.

Исходя из этого, нами предлагается дополнить ст. 70 КАС РФ ч. 2.2 следующего содержания: «Органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, а также административные истцы, подавшие административное исковое заявление посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, представляют суду письменные доказательства в форме документа в электронном виде».

Если указанные лица не имеют возможности представить письменные доказательства в форме документа в электронном виде, они извещают об этом суд с указанием причины невозможности представления такого документа».

Аналогичным образом ст. 71 ГПК РФ предлагается дополнить ч. 2.2 следующего содержания: «Истцы, подавшие исковое заявление посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, представляют суду письменные доказательства в форме документа в электронном виде.

Если указанные лица не имеют возможности представить письменные доказательства в форме документа в электронном виде, они извещают об этом суд с указанием причины невозможности представления такого документа».

Продолжая, далее заметим, что действующее процессуально-правовое регулирование не позволяет в полной мере реализовать потенциал и иных информационно-технологических инструментов, создающих возможности удаленного доступа к суду. Например, объективная тенденция расширения судебной сети и необходимость обеспечения доступности правосудия посредством удаленного доступа к суду приводят к трансформации такого процессуального института, как видеоконференц-связь.

Видеоконференц-связь следует рассматривать как комплексы средств автоматизации судов, позволяющие производить обмен информацией между судами посредством передачи видеосигналов в режиме реального времени. Применение иных программ, предоставляющих возможность проведения судебного заседания в режиме реального времени в условиях территориальной удаленности суда, действующим процессуальным законодательством не допускается. Например, сложившаяся судебная практика признает недопустимыми доказательствами свидетельские показания, полученные в судебном заседании посредством видеосвязи с использованием интернет-ресурса Skype. Причина тому – несоблюдение принципа

непосредственности судебного разбирательства (ст. 157 ГПК РФ), а также порядка, установленного законом для допроса свидетеля (ст. 176, 177 ГПК РФ).

Между тем система дистанционного проведения судебного заседания, которая является альтернативной видеоконференц-связи, видится востребованной с точки зрения повышения доступности правосудия.

Признавая целесообразность внедрения в судебную деятельность такого рода систем, одновременно следует констатировать возможность раскрытия новых граней применения системы видеоконференц-связи.

Одним из аспектов доступности правосудия является обеспечение сеанса видеоконференции между наиболее территориально отдаленными судами. Решение данной проблемы связывается с расширением круга субъектов (абонентов) видеоконференц-связи, который не ограничивается судами.

При допущении процессуальным законодательством возможности совершения данных действий администрациями учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (ч. 4 ст. 155.1 ГПК РФ, ч. 5 ст. 142 КАС РФ) отсутствуют веские аргументы для запрета в их совершении многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг.

Сообразно с этим нуждается в модернизации и действующая процессуально-правовая конструкция использования судами технологии видеоконференц-связи.

Максимальная реализация потенциала и возможностей видеоконференц-связи требует закрепления следующих процессуальных действий, совершаемых несудебным субъектом организации видеоконференц-связи: установление личности явившегося лица; получение подписки о разъяснении судом, рассматри-

вающим дело, прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение.

Расширение судебной сети за счет многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг позволяет возложить исполнение соответствующих процессуальных действий на сотрудников данных центров. При этом в качестве дополнительной гарантии обеспечения конфиденциальности и безопасности лица, технически обеспечивающего сеанс видеоконференц-связи, следует наделить процессуальным статусом специалиста.

В этой связи мы солидарны с предложением о том, что перед началом судебного действия суд должен разъяснить такому специалисту его права, обязанности и ответственность и убедиться в том, что он осведомлен о характере и содержании предстоящего действия, компетентен работать с имеющимся оборудованием [10].

Поскольку высказанное предложение требует изменения процессуальных правил, предлагаются следующие редакции процессуальных норм, регулирующих использование в судах общей юрисдикции видеоконференц-связи, а именно:

– части 2 статьи 155.1 ГПК РФ:

«Для обеспечения участия в судебном заседании лиц, участвующих в деле, их представителей, а также свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков путем использования систем видеоконференц-связи используются системы видеоконференц-связи соответствующих судов, *а также многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг* по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения указанных лиц. Для обеспечения участия в деле лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах отбывания лишения свободы, мо-

гут использоваться системы видеоконференц-связи данных учреждений»;

– части 2 статьи 142 КАС РФ:

«Системы видеоконференц-связи судов могут использоваться в суде, *а также в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг* по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения лица, присутствие которого необходимо в судебном заседании, но которое не имеет возможности прибыть в судебное заседание суда, рассматривающего административное дело. В целях обеспечения участия в судебном заседании лиц, находящихся в местах содержания под стражей или местах лишения свободы, используются системы видеоконференц-связи соответствующих учреждений»;

– части 2 статьи 278.1 УПК РФ:

«Суд, рассматривающий уголовное дело, поручает суду *либо многофункциональному центру предоставления государственных и муниципальных услуг* по месту нахождения свидетеля организовать проведение допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи»;

– части 2 статьи 29.14 КоАП РФ:

«Системы видеоконференц-связи судов могут использоваться в суде, *а также в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг* по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения участника производства по делу об административном правонарушении, присутствие которого признано обязательным в судебном заседании, но который не имеет возможности прибыть в судебное заседание, проводимое судьей, рассматривающим дело об административном правонарушении. В целях обеспечения участия в судебном заседании лиц, находящихся в местах содержания под стражей или местах лишения свободы, используются си-

стемы видеоконференц-связи соответствующих учреждений».

Приведенные предложения, направленные на изменение правового регулирования, должны повлечь за собой необходимость совершения администрациями указанных центров действий по установлению личности лица, участвующего в сеансе видеоконференции, а также отобранию у него подписки о разъяснении судом прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение.

В связи с этим предлагаются следующие редакции ч. 4 ст. 155.1 ГПК РФ и ст. 142 КАС РФ:

«В случае, если для обеспечения участия в деле лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах отбывания лишения свободы, используются системы видеоконференц-связи этих учреждений, а также в случае использования систем видеоконференц-связи многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, установления личности данных лиц, получение от них подписки о разъяснении прав, обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение, прием письменных материалов в ходе судебного разбирательства возлагается на администрацию этих учреждений».

Статью 278.1 УПК РФ следует дополнить частью 5 следующего содержания:

«В случае, если проведение допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи поручено многофункциональному центру предоставления государственных и муниципальных услуг по месту нахождения свидетеля, совершение указанных действий возлагается на руководителя данного учреждения».

Часть 5 статьи 29.14 КоАП РФ подлежит изложению в следующей редакции:

«В случае, если для обеспечения участия в деле об административном правонарушении лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах лишения свободы, используются системы видеоконференц-связи этих учреждений, а также в случае использования систем видеоконференц-связи многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, получение подписки у данных лиц о разъяснении им судьей, рассматривающим дело об административном правонарушении, прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение осуществляется при техническом содействии администрации этих учреждений».

Выводы

Реализация потенциала информационно-технологических инструментов, создающих возможности удаленного доступа к суду, а также снижающих судебную нагрузку на судебный персонал, требует системного изменения механизма процессуально-правового регулирования.

Обязательность совершения отдельных процессуальных действий в электронном виде является общемировой тенденцией, что задает вектор развития национального процессуального законодательства в цифровую эпоху.

В связи с этим предлагаются следующие изменения процессуальных кодексов:

– обращение в суд в электронном виде органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления либо организаций в рамках административного судопроизводства;

– предоставление суду письменных доказательств в форме документа в электронном виде, в случае подачи иска (административного иска) в электронном виде, а также в случае обращения в суд субъектов, наделенных публичными полномочиями, и организаций;

– направление судебных извещений в электронном виде при наличии первоначального обращения заявителя (истца, административного истца) в суд в электронном виде;

– наделение сотрудников многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг полномочиями по проведению сеанса видеоконференц-связи, а также по установлению личности лица, участвующего в сеансе видеоконференции, отобранию у него подписки о разъяснении судом прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение.

Список литературы

1. Отчет об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс]: [утв. решением коллегии Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 марта 2018 г. № 2/1-кзд] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/OTChYoT_2017.pdf (дата обращения: 12.06.2018).
2. Доклад Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации А. В. Гусева на Пленарном заседании Совета Судей Российской Федерации 4-6 декабря 2018 г. // Судья. 2019. № 1. С. 14–20.
3. Хисамов А. Х. Тенденции интеграции информационных технологий в цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 229–247.
4. Обзор передового международного опыта и практики по внедрению электронного судопроизводства и рекомендации по дальнейшему развитию информационной системы электронного судопроизводства «E-SUD» в Узбекистане. URL: <http://www.undp.org/content/dam/uzbekistan/docs/> (дата обращения: 10.02.2018).
5. Электронное правосудие: суды готовы к 100-процентной цифровизации [Электронный ресурс] // Народный СоветникЪ: онлайн-журнал. 2018. 24 мая. URL: <http://nsovetnik.ru/goszakupki/elektronnoe-pravosudie-sudy-gotovy-k-100-procentnoj-cifrovizacii/> (дата обращения: 01.02.2019).
6. Решетняк В. И. Электронная форма подачи документов в суд (опыт зарубежного гражданского судопроизводства) // Адвокат. 2013. № 4. С. 62–70.
7. CM/ECF FAQ [Электронный ресурс] // United States Courts: [сайт]. URL: http://www.uscourts.gov/cmecf/cmecf_about.html (дата обращения 15.02.2019).
8. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 г. // Верховна Рада України: [сайт]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> (дата обращения: 20.02.2019).
9. Кодекс административного судопроизводства Украины от 6 июля 2005 г. // Верховна Рада України: [сайт]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> (дата обращения: 20.02.2019).
10. Качалов В. И., Качалова О. В. Об использовании видеоконференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2017. № 12. С. 34–38.

Поступила в редакцию 08.07.19

Подписана в печать 11.08.19

References

1. Otchet ob itogah deyatel'nosti Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii za 2017 god: [utv. resheniem kollegii Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii ot 27 marta 2018 g. No 2/1-ksd]. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii: [sajt]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/OTChYoT_2017.pdf (accessed 12.06.2018).
2. Doklad General'nogo direktora Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii A. V. Guseva na Plenarnom zasedanii Soveta Sudej Rossijskoj Federacii 4-6 dekabrya 2018 g. *Sud'ya*, 2019, no. 1, pp. 14–20.
3. Hisamov A. H. Tendencii integracii informacionnyh tekhnologij v civilisticheskij process. *Vestnik grazhdanskogo processa*, 2018, no. 1, pp. 229–247.
4. Obzor peredovogo mezhdunarodnogo opyta i praktiki po vnedreniyu elektronnoho sudoproizvodstva i rekomendacii po dal'nejshemu razvitiyu informacionnoj sistemy elektronnoho sudoproizvodstva "E-SUD" v Uzbekistane. URL: <http://www.undp.org/content/dam/uzbekistan/docs/> (accessed 10.02.2018).
5. Elektronnoe pravosudie: sudy gotovy k 100-procentnoj cifrovizacii. *Narodnyj Sovetnik: onlajn-zhurnal*. 2018. 24 maya. URL: <http://nsovetnik.ru/goszakupki/elektronnoe-pravosudie-sudy-gotovy-k-100-procentnoj-cifrovizacii/> (accessed 01.02.2019).
6. Reshetnyak V. I. Elektronnaya forma podachi dokumentov v sud (opyt zarubezhnogo grazhdanskogo sudoproizvodstva). *Advokat*, 2013, no. 4, pp. 62–70.
7. CM/ECF FAQ. United States Courts: [sajt]. URL: http://www.uscourts.gov/cmecf/cmecf_about.html (accessed 15.02.2019).
8. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Ukrainy ot 18 marta 2004 g. *Verhovna Rada Ukraïni*: [sajt]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> (accessed 20.02.2019).
9. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Ukrainy ot 6 iyulya 2005 g. *Verhovna Rada Ukraïni*: [sajt]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua> (accessed 20.02.2019).
10. Kachalov V. I., Kachalova O. V. Ob ispol'zovanii videokonferenc-svyazi v sudebnom proizvodstve po ugovnym delam. *Rossijskij sud'ya*, 2017, no. 12, pp. 34–38.

Received 08.07.19

Accepted 11.08.19

Информация об авторах / Information about the authors

Капустин Олег Александрович,
председатель Краснинского районного суда
Смоленской области,
Смоленск, Российская Федерация
e-mail: ka_poleg@mail.ru

Oleg A. Kapustin, Chairman of the Krasninsky
District Court of the Smolensk Region,
Smolensk, Russian Federation
e-mail: ka_poleg@mail.ru

УДК 323

**Геополитический треугольник «Россия, Балканы, Евразия»
в контексте евразийского проектирования**

В. В. Огнева¹ ✉

¹Среднерусский институт управления, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Российская Федерация, 302028, Орел, бульвар Победы, 5А

✉ e-mail: ognevavv@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В современном мире набирает силу процесс переформатирования политических и экономических союзов глобального и регионального масштабов, отношений между государствами. Характерной особенностью современных взаимодействий международных субъектов становится трансграничность, фактический отход от заданных географических рамок. Статья посвящена анализу возможностей трансграничного расширения партнерских отношений на евразийском пространстве посредством участия в Евразийском Экономическом Союзе. Обращается внимание на историческую обусловленность сотрудничества России со странами Балканского полуострова, в частности с Сербией.

Цель исследования состоит в оценке перспектив взаимодействия ЕАЭС с Балканскими странами.

Задача исследования заключается в анализе современного состояния партнерских связей и обосновании приоритетных направлений их развития.

Методология исследования основана на историческом, системном, сравнительном анализе, мониторинге ситуации. Источниковую базу составили труды ведущих ученых, исследующих данную проблематику. В статье приводятся современные статистические данные, использованы информационно-аналитические материалы Евразийской Экономической Комиссии, ЕАЭС.

Отмечается геополитическая и геоэкономическая значимость данного региона в борьбе за стратегический контроль над морскими и воздушными коммуникациями в Средиземноморье. Приводится позитивная динамика торгово-экономических связей России и Сербии, делается вывод о целесообразности развивать проект Евразийского Союза в регионе Балкан. Приводятся факты о предпринимаемых со стороны ЕС действиях ограничить сферу влияния ЕАЭС в рамках политики «Восточное партнерство».

Выводы. Проведенный анализ позволил сделать вывод о позитивных тенденциях развития ЕАЭС, сформулировать предложения, связанные с перспективами расширения экономических, гуманитарных отношений с Балканскими государствами, в частности с Сербией.

Ключевые слова: евразийское пространство; Евразийский экономический союз; восточное партнерство; Россия; Балканы; Евразия.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Огнева В. В. Геополитический треугольник «Россия, Балканы, Евразия» в контексте евразийского проектирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 108–117.

© Огнева В. В., 2019

Geopolitical Triangle "Russia, the Balkans, Eurasia" in the Context of Eurasian Design

Valentina V. Ogneva¹ ✉

¹Orel and Bryansk, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 5A, Boulevard Pobedy Orel, 302028, Russian Federation

✉ e-mail: ognevavv@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the modern world, the process of reformatting political and economic alliances of global and regional scales, relations between States is gaining momentum. A characteristic feature of modern interactions of international actors is cross-border, the actual departure from the given geographical framework. The article analyzes the possibilities of cross-border expansion of partnership relations in the Eurasian space through participation in the Eurasian Economic Union (EAEU). Attention is drawn to the historical conditionality of Russia's cooperation with the countries of the Balkan Peninsula, in particular with Serbia.

The purpose of the study is to assess the prospects of cooperation between the EAEU and the Balkan countries.

The task is to analyze the current state of partnerships and substantiate the priority directions of their development.

Methodology. The research methodology is based on historical, systematic, comparative analysis and monitoring of the situation. The source base consists of the works of leading scientists who study this problem. The article presents modern statistical data, used information and analytical materials of the Eurasian Economic Commission, the EAEU.

Result. The geopolitical and geo-economic importance of the region in the struggle for strategic control over Maritime and air communications in the Mediterranean is noted. The positive dynamics of trade and economic relations between Russia and Serbia, the conclusion about the feasibility of developing the project of the Eurasian Union in the Balkans. The facts about the actions taken by the EU to limit the sphere of influence of the EAEU in the framework of the Eastern partnership policy are given. The conclusion is made about the rationality of the tactics of "flexible cooperation" in the EAEU format, the priority development of contacts in the fields of energy, security, humanitarian relations.

Conclusions. The analysis made it possible to draw a conclusion about positive trends in the development of the EAEU, to formulate proposals related to the prospects of expanding economic and humanitarian relations with the Balkan States, in particular with Serbia.

Keywords: Eurasian space; Eurasian economic Union; Eastern partnership; Russia; Balkans; Eurasia.

Conflict of interest. The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ogneva V. V. Geopolitical Triangle «Russia, the Balkans, Eurasia» in the Context of Eurasian Design. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 108–117 (in Russ.).

Введение

Очевидно, что в современном мире набирает силу процесс реформирования политических и экономических союзов глобального и регионального масштабов, отношений между государствами, причем не только под влиянием

экономической конъюнктуры, но не в меньшей степени под воздействием цивилизационного фактора. Характерной особенностью современных взаимодействий международных субъектов становится трансграничность, фактический отход от заданных географических рамок.

Такой площадкой взаимодействий стал Евразийский экономический союз. Значимость Евразии придает тот факт, что регион, его особое геополитическое положение, энергоресурсный потенциал, статус перекрестка мировых транспортных путей, соединяющих Север и Юг, Запад и Восток, позволяет развивать и отслеживать различные коммуникации, находящиеся в фокусе интересов региональных и внерегиональных государств. Как отмечает Президент России В. В. Путин: «...интеграционные процессы в нашем глобальном мире динамично развиваются, охватывают новые страны и объединения, создают перспективные конфигурации. Поэтому убеждены, что евроинтеграционные устремления Сербии, как и участие России в Евразийском экономическом союзе, не служат препятствием для наращивания нашего разнопланового сотрудничества» [1].

Цель исследования состоит в оценке перспектив взаимодействия ЕАЭС с Балканскими странами.

Задача исследования заключается в анализе современного состояния партнерских связей и обосновании приоритетных направлений их развития.

Методология

Исследования основана на историческом, системном, сравнительном анализе, мониторинге ситуации. Источниковую базу составили труды ведущих ученых, исследующих данную проблематику. В статье приводятся современные статистические данные, использованы информационно-аналитические материалы Евразийской экономической комиссии, ЕАЭС.

Результаты и обсуждения

Евразийский экономический проект для России и других стран позволяет реализовать свой экономический потенциал, сохранить своих союзников, привлечь в орбиту равноправного партнерства другие государства.

Но развивая восточное партнерство, Россия остается европейской страной, четко осознавая свои национальные интересы.

Исторически они завязаны на Балканах. Балканский полуостров всегда привлекал внимание сильных мира сего. За него в прошлые века боролись Турция, Австро-Венгрия, Германия, Англия, Франция, Россия. Именно эти территории стремились аннексировать, завоевать, освоить. Причём больше всего раздражало европейцев то, что Россия выступала покровительницей балканских православных народов [2].

Известно, что при намерении России защитить славянские народы западные державы стремились не допустить усиления её влияния на Балканах, равно как и не упустить контроль над балканскими территориями [3]. Усиление влияния России на Балканах или ее победы в русско-турецких войнах периодически вели к ее дипломатической изоляции, однако Россия всегда отстаивала свой приоритет на Балканах. Российской дипломатии приходилось длительное время маневрировать, чтобы не потерять регион своего традиционного влияния [4].

Запад помнит о наших связях, иначе бы не стремился их постоянно разрушить, удалить нас друг от друга, посеять вражду и неприязнь, используя для этого силу, деньги и хитрость.

События наших дней показывают интересную тенденцию. Вновь идёт серьёзная борьба за этот регион, за его подчинение Западу. При этом систематически подавляются силы патриотической ориентации, насаждаются «новые ценности», уничтожаются памятники православной культуры, разрушаются стереотипы патриотического сознания.

Геополитическая карта, разыгрываемая ныне на Балканах, напрямую затрагивает национальные интересы России. Россия, теряя естественных исторических союзников, приобретает военные базы НАТО в непосредственной близости от

своей территории, а также контроль США над Адриатикой и выходами в Средиземное море.

Таким образом, возвращение России на Балканы делает полуостров еще более значимым с точки зрения большой стратегии для ведущих мировых держав [3; 5; 6]. Поэтому формулой отношения России к Балканам становится поддержание исторических традиций, культивирование идей взаимности, православной духовности при опоре на взаимовыгодные интересы; усиление собственной экономики через укрепление двухстороннего и регионального сотрудничества, в том числе в формате евразийского пространства, где Россия играет ключевую роль.

Следует отдавать отчет в том, что за последние 3-4 года на Балканах произошли существенные геополитические изменения: Черногория и Македония вступили в НАТО. Хорватия сделала это еще в 2009 году. Таким образом, в Юго-Восточной Европе остаются три страны вне НАТО: Сербия, Босния и Герцеговина, а также Косово. С ними, как известно, ведется непрерывная работа со стороны США и ЕС.

Балканы перестают быть черной дырой, зоной стагнации и статики. Страны полуострова все более становятся объектом притяжения экономических интересов Турции и Китая. Подписанное транспортное соглашение Турции с Сербией на модернизацию дорожных магистралей на 1 млрд долл. не просто конкурирует с проектом РЖД, но в финансовом отношении значительно превосходит его.

В прошлом году Европейский союз презентовал логистический проект «ЕС – Азия» с целью проложить транспортный коридор в Переднюю Азию, в котором ключевую роль занимают страны западных Балкан – Сербия и Македония. Это означает, что регион возвращает свое транзитное значение, которое ему было свойственно исторически.

Следует иметь в виду, что через Босфор ежегодно проходит 50 тыс. судов

и экспортируется около 35 млн тонн российской нефти. Показательно, что развернувшаяся международная дуэль вокруг выбора транспортировки нефти становится ключевой в формировании нового геополитического пространства от Балкан до Центральной Азии. Здесь жизненные интересы Запада готова защищать самая крупная группировка военно-морских сил Североатлантического блока. И Турция осуществила модернизацию своего военно-морского флота. Все это позволяет держать под стратегическим контролем все коммуникации на Средиземном море и воздушные коммуникации над ним. И нам придется пересматривать свою геостратегию на этом фланге в условиях непростых отношений с ЕС и Соединенными Штатами Америки.

К сожалению, наши отношения достаточно сложно складываются с Черногорией. С Боснией, Герцеговиной, Македонией они оцениваются как инфантильные (отстающие в развитии). У нас единственный союзник – Сербия. С ней, как известно, нас связывают особые связи – тысячелетняя история, православная вера, кириллица, братство по оружию, 180 лет дипломатических отношений.

Белград, как известно, не поддерживает антироссийские санкции. Напротив, наши экономические связи углубляются, становятся более диверсифицированными. Здесь есть и машиностроение, и энергетика, а вскоре появятся и новые направления, например, информационные, цифровые технологии, о чем договорились президенты наших стран во время визита В. В. Путина в Сербию в январе 2019 г.

Между нашими государствами растет межгосударственный товарооборот: он составляет уже более 2 млрд долл. С учетом растущего объема поставок российского газа обсуждается вопрос оттянуть от турецкого потока ветку и Россия готова вложить в этот проект 1,4 млрд долл. при условии договоренностей по газовому вопросу с соседними странами.

С очевидностью можно констатировать, что Сербия осталась последним независимым государством в центре Европы, что не дает покоя Европейскому союзу. Задача состоит в том, чтобы включить страну в зону западного влияния. Но как это сделать, когда общественное мнение настроено против НАТО (это позиция 80% населения), когда будущее Сербии связывается с Россией? Этот вопрос все больше волнует руководство ЕС, в особенности перед выборами в Европарламент [7]. И это не случайно.

Советник по политическим и стратегическим вопросам Стивен Бэннон откровенно признает, что 35% мест в Европарламенте вполне могут занять евроскептики. Поэтому нынешнее руководство Европарламента надеется, что ему удастся что-то сделать по реализации концепции «Евробалканы 20-25». Жан Клод Юнкер, председатель Еврокомиссии, административными методами стремится гарантировать Европе стратегическое доминирование в регионе [8]. Об этом свидетельствует и содержание четвертого приложения названной концепции, где императивно говорится, что в 2019 г. страны должны присоединиться к энергетическому союзу, встроиться в энергетическую систему ЕС, что, кстати, влечет последствия для энергетических интересов России и Турции.

Нынешнее руководство Европарламента надеется, что в условиях, когда ЕС не удалось разрешить проблему украинского кризиса, свои миграционные проблемы, когда сложились сложные отношения с администрацией Д. Трампа, ему удастся что-то сделать по концептуальным позициям, связанным с вступлением стран полуострова в Европейский союз [9]. И задача еще состоит в том, чтобы заставить Сербию признать Косово.

Но если признать Косово, то следующей разменной монетой в территориальном споре в силу этнического многообразия может стать, к примеру, Прешевская долина. Территориальные пробле-

мы, как шахматное домино, начнутся и в других Балканских странах – это что же начнется переселение народов в XXI веке, межэтнические и территориальные конфликты?! И почему, спрашивается, сербы должны отказываться от своей собственной территории? Это прямая угроза территориальной целостности, национальной безопасности их государства. Вот о чем должны думать политики, принимая далеко идущие политические решения.

Косово, между прочим, это больная точка не только для Сирии. Даже с точки зрения российских интересов, если Болгария даст согласие на «Турецкий поток - 2», где пойдет газовая труба? На юге Сербии, мимо Ниша, города, который называют воротами между Востоком и Западом, где граница с Косово. Зачем же России такой расклад событий? А если там случится, не дай бог, вооруженный конфликт – возможен будет «Турецкий поток?» Ответ вполне очевиден.

Но Запад все активнее и настойчивее использует технологии влияния на процесс признания Косово. Нынешние протесты с учетом политической за океанской режиссуры многие политологи расценивают не что иное, как давление на руководство Сербии признать Косово. Мы можем стать свидетелями новой цветной революции (бульдозерная была в 2000 г.). Ход нынешних политических событий в Сербии будет зависеть от политической воли власти и оппозиции – сумеют ли они конструктивно договориться.

Нам это не безразлично. Для России было бы логично развивать проект Евразийского союза в регионе. С Сербией, между прочим, ЕАЭС сотрудничает достаточно давно. На финальной стадии находятся технические переговоры о подписании соглашения о зоне свободной торговли с Союзом. Вполне логично распространить этот сюжет и на другие страны, которые открыты к общению с Россией.

ЕАЭС как экономический проект развивается с 2015 г. В него входят 5 стран-участниц. Союз имеет зону свободной торговли с Вьетнамом. С 2018 г. Молдавия входит в ЕАЭС в качестве государства-наблюдателя. У ЕАЭС были и спады, и зигзаги, но есть, наконец, и оптимистические подвижки. Это рост взаимной торговли, промышленного производства и ВВП [10]. Хотя понятно, что по линии евразийской интеграции сохраняются немало проблем.

ЕАЭС можно критиковать сколько угодно. Тем не менее он есть и он работает. За 2016–2018 гг. в ЕАЭС отмечается прогресс по таким направлениям, как: макроэкономическая стабильность; деловой климат и инвестиционная привлекательность; кадровый потенциал; эффективность логистики; цифровая экономика. Для всех стран-членов Евразийского экономического союза проблемой остается неразвитость финансового рынка. К сожалению, в 2018 г. ЕАЭС занимает только 45 место в рейтинге из 140 экономик мира. Наиболее высокую позицию среди государств-членов ЕАЭС по Индексу глобальной конкурентоспособности занимает Российская Федерация (43 место), далее – Республика Казахстан (59 место), Республика Армения (70 место) и Кыргызская Республика (97 место).

Существенно тормозят развитие Союза барьеры и изъятия в торговле, непроработанная до конца тарифная политика. Ряд государств ЕАЭС слишком привязаны к другим центрам силы, ориентированы на другие государства и союзы. Это возникло, разумеется, не сегодня. У некоторых из государств отношения с другими союзами сложились еще до создания ЕАЭС. Кроме того, для каждой из стран Союза важны именно отношения с Россией, с ее рынком, экономическим потенциалом и географическим положением. Как соединить интересы всех – об этом постоянно думает Россия. Кое-какие программы придется финансировать России.

Следует признать, что у евразийского проекта интеграции есть свои сильные и слабые стороны. К сильной стороне следует отнести мягкий формат интеграции, позволяющий привлечь страны, в условиях постсоветской подозрительности желающие сохранить суверенитет и возможность оказывать большее влияние на принимаемые общие решения.

К слабым сторонам следует отнести: во-первых, идентификационную слабость – отсутствие единой евразийской идентичности, к которой стремились бы новые члены; во-вторых, отказ от формирования единого субъекта, отличимого от стран-участниц центра интеграции.

Действительно, если в процессе евроинтеграции был создан субъект «Европа» (отчасти воображаемый, но считающийся реальным: многое говорилось от имени Европы, с европейскостью были монопольно соотнесены действия институтов ЕС), то Евразийский экономический союз не попытался использовать понятие «Евразия» как обозначение единого политического субъекта, который должен возникнуть в результате интеграции.

Несмотря на проблемы, отношение к ЕАЭС со стороны граждан России остается позитивным. Нам нужны союзники, они усиливают нас и помогают нашей экономике развиваться – таково общее мнение. Три четверти опрошенных (76%) положительно относятся к созданию Союза (в 2014 г. – 70%) [11]. Таким образом, «Евразоптимистов» значительно больше, чем «евразоскептиков».

В ЕС мы обнаруживаем явные попытки ограничить сферу влияния Евразийского союза [9]. Активно дебатруется вопрос об объединении Каспийского и Черного морей. Речь идет об экономическом сотрудничестве, совместных транспортных коридорах. В Польше реанимируется концепция Междуморья, которая раньше ставила задачей создание конфедерации от Балтийского до Черного морей, а сегодня пред-

лагается формирование Балто-Черноморского региона экономического сотрудничества, разумеется, без участия России.

В рамках политики «Восточное партнерство» Европейский союз запустил механизмы многостороннего экономического сотрудничества и региональной интеграции через участие стран-партнеров в «тематических платформах» – в сфере развития малого и среднего бизнеса, в области энергетики, транспорта и транзита и др. В настоящее время соглашения о зоне свободной торговли и ассоциации с ЕС имеются у Армении, Украины, Молдовы, Грузии. Очевидно, что реальная цель проекта Европейского союза на постсоветском пространстве связана с оттеснением России.

Сам же Евросоюз явно переживает проблему кризиса легитимности. Он связан, в частности, с прогрессирующей передачей компетенций с национального на наднациональный уровень. Степень легитимности иллюстрирует низкая явка на выборы в Европарламент [3]. В 2014 г. в целом по ЕС она составила 43%, а в отдельных странах достигала всего 20%. Голосованием против политики Евросоюза можно считать голландский референдум по вопросу одобрения Соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Известно, что 61,1% участников референдума выступили против ратификации данного документа [12].

Отношение к политике ЕС демонстрируют социологические опросы. Так, согласно опросу немецкого Фонда Бертельсмана, лишь 51% итальянцев и 53% французов выступают за пребывание в ЕС. В среднем по Евросоюзу за членство в ЕС проголосовали 62% респондентов [13].

В ЕС наблюдается кризис демократических ценностей. Например, как объяснить ограничение судебной ветви власти в Венгрии и Польше? Согласитесь, что существует проблема неграждан в странах Балтии. В ряде европейских стран налицо рост популярности правых

сил, демонстрирующих нетерпимость к представителям других этносов и религий. Официально демонстрируется защита меньшинств нетрадиционной ориентации.

Вполне объяснима озабоченность государств-кандидатов в ЕС миграционной политикой Союза, что привела к гуманитарным проблемам, конфессиональным раздорам, заметному подъему террористической угрозы в Европе. В этой связи логично задаться вопросом о том, зачем, вступая в ЕС, принимать на себя концепцию «разделения ответственности» за беженцев, если кандидаты в ЕС никак к этому не были причастны?

Вполне резонна постановка вопроса относительно политических условий вступления в ЕС новых кандидатов. Это вхождение в НАТО, невзирая на то, как это было в Черногории, в Македонии.

Бросается в глаза, что эти условия индивидуализированы для каждой отдельно взятой страны. Для Сербии, кроме прочих условий – признание независимости Косово, для Македонии – решение межэтнических проблем, изменение названия страны, для Боснии и Герцеговины – достижение статуса страны кандидата.

Разумеется, несмотря на глубину имеющихся проблем, ЕС остается мощным интеграционным образованием. Однако поиск баланса национального и интеграционного, с чем столкнулся ЕС, будет, очевидно, не безболезненным. Только гибкое сотрудничество может предостеречь дальнейшее углубление противоречий в ЕС.

Тактике гибкого сотрудничества следуют страны Евразийского экономического союза, прежде всего Россия, открытые для широкого партнерства.

В апреле 2019 г. завершены переговоры о зоне свободной торговли с Сербией, соответствующее соглашение может быть подписано уже в октябре текущего года. Россия выступает гарантом соглашения о мире в Боснии и Герцеговине на

основе Дейтонских соглашений [14], поддерживает усилия Сербии по созданию сообщества сербских муниципалитетов Косово. Сербия придерживается линии на неприсоединение к антироссийским мерам ЕС. Укрепляются отношения сербских ведомств с ОДКБ. Мы видим взаимное пересечение интересов.

Выводы и предложения

В целом в основе политики России на Балканах лежат энергетика, идентичность и безопасность. При этом интенсивность энергетической политики несравнимо выше двух остальных направлений. Однако и «политика идентичности» (поддержание и развитие гуманитарных связей с Балканскими государствами на основе духовной, религиозной, культурно-исторической близости) и политика безопасности (сотрудничество в военно-политической сфере, а также по линии управления чрезвычайными ситуациями) традиционно значимы [15, с. 22].

Что касается гуманитарных контактов, здесь следовало бы активнее использовать новые механизмы сотрудничества в области культуры, науки и образования. Мы должны вести политику продвижения русского языка. Ведь чтобы проломить пророссийские настроения, десятки западных каналов ведут трансляции на английском языке с сербскими субтитрами. К сожалению, этот дефицит существует на русском языке, хотя русский

знают и говорят на нем более 20 млн человек во всем Балканском регионе.

Россия попросту недооценивает роль «мягкой силы». Мы недооцениваем роль народной дипломатии, в которой участвуют не чиновники, а ученые, деятели искусства, культуры, бизнесмены, религиозные деятели, молодежные, спортивные организации, обычные люди. Весьма полезными оказываются диалоговые площадки по типу конференций, семинаров, круглых столов, экспертных встреч. За популярностью народной дипломатии стоит одна простая вещь – ее питают, извините за пафос, высшие ценности, свойственные человеку, а именно желание жить в мире, безопасности, в добрососедстве с другими народами. Такая дипломатия приносит в международные отношения нравственную основу, снимает человеческие барьеры.

Мы, к сожалению, не увеличиваем квоту на подготовку специалистов в российских вузах, мы выделяем мизерные гранты иностранным специалистам и ученым. Однако в совокупности эти и другие меры могли бы стать основой российской политики в стратегически важных для нее регионах, в том числе на Балканах. Это означает необходимость вывода партнерства на новый уровень, позволяющий разработку действенных механизмов сотрудничества. В процессе совместного поиска ответов на множество проблемных вопросов и будет происходить расширение дружественного миру евразийского пространства.

Список литературы

1. Полный текст интервью Владимира Путина сербским СМИ [Электронный ресурс] // Российская газета. 2019. 16 янв. URL: <https://rg.ru/2019/01/16/polnyj-tekst-interviu-vladimira-putina-serbskim-smi.html> (дата обращения: 20.03.2019).
2. Рыбаченок И. С. Политика России на Балканах на рубеже XIX – XX веков: цели, задачи и методы // Труды Института российской истории. Вып. 9 / отв. ред. А. Н. Сахаров; ред.-коорд. Е. Н. Рудая. М.; Тула: РАН, 2010. С. 393–424.
3. Воробьев А. А. Геополитические интересы России на Балканах в XX – начале XXI столетия // Вестник славянской культуры. 2016. № 3(41). С. 65–76.

4. Гуськова Е. Сербия и Балканы во внешней политике России [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/52987.htm> (дата обращения: 05.04.2019).
5. Ломброзо А. Ю. Концептуальные основы и эволюция внешней политики России на Балканах в 1990-е годы // *Перспективы науки*. 2015. № 4(57). С. 68–76.
6. Пономарева Е. Балканы – реперная точка мировой политики. Взгляд из России [Электронный ресурс] // *Via Evrasia*. 2013. 6 июня. URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/балканы-реперная-точка-мировой-политики-взгляд-из-россии-текст-лекции-проф-дполит-н-елена-пономарева-6-июня-2013.html>. (дата обращения: 23.04.2019).
7. Первые итоги выборов в Европарламент демонстрируют усиление позиций радикалов и популистов [Электронный ресурс] // ТАСС. 2014. 26 мая. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1215406> (дата обращения: 15.04.2019).
8. Искандеров П. Евросоюз заманивает Западные Балканы [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19297> (дата обращения: 05.04.2019).
9. Кондратьева Н. Б. Отношения ЕС – ЕАЭС: особенности современного этапа // *Современная Европа*. 2018. № 3 (82). С. 60–70.
10. Объем взаимной торговли стран ЕАЭС в 2018 году вырос на 9,2% [Электронный ресурс] // *Евразийские исследования*. 2019. 15 февр. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/11458> (дата обращения: 14.04.2019).
11. 76% россиян положительно относятся к созданию ЕАЭС [Электронный ресурс] // *Евразийские исследования*. 2019. 25 янв. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/11304> (дата обращения: 05.05.2019).
12. Озвучены результаты референдума в Нидерландах об ассоциации Украины с ЕС [Электронный ресурс] // *Взгляд*. 2016. 7 апр. URL: <https://vz.ru/news/2016/4/7/803977.html> (дата обращения: 15.04.2019).
13. Жители Европы: отношение к Евросоюзу [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.delfi.lt/news/economy/zhiteli-evropy-stali-polozhitelnee-otnositsya-k-evrosoyuzu.d?id=72934198> (дата обращения: 14.04.2019).
14. Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (Париж, 14 декабря 1995 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/11038> (дата обращения: 14.04.2019).
15. Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты) / под ред. Н. К. Арбатовой, А. М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 234 с.

Поступила в редакцию 31.05.19

Подписана в печать 01.07.19

Reference

1. Polnyj tekst interv'yu Vladimira Putina serbskim SMI. *Rossijskaya gazeta*, 2019, January 16. URL: <https://rg.ru/2019/01/16/polnyj-tekst-interviu-vladimira-putina-serbskim-smi.html> (accessed 20.03.2019).
2. Rybachenok I. S. Politika Rossii na Balkanah na rubezhe XIX – XX vekov: celi, zadachi i metody. *Trudy Instituta rossijskoj istorii*. Is. 9; ed. by A. N. Saharov; red.-koord. E. N. Rudaya. Moscow, Tula, RAN Publ., 2010, pp. 393–424.
3. Vorob'ev A. A. Geopoliticheskie interesy Rossii na Balkanah v XX – nachale XXI stoletiya. *Vestnik slavyanskoj kul'tury*, 2016, no. 3(41), pp. 65–76.
4. Gus'kova E. Serbiya i Balkany vo vneshnej politike Rossii. URL: <https://pravoslavie.ru/52987.htm> (accessed 05.04.2019).

5. Lombrozo A. Yu. Konceptual'nye osnovy i evolyuciya vneshnej politiki Rossii na Balkanah v 1990-e gody. *Perspektivy nauki*, 2015, no. 4(57), pp. 68–76.

6. Ponomareva E. Balkany – repornaya tochka mirovoj politiki. *Vzglyad iz Rossii. Via Evrasia*, 2013, 6 June. URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/balkany-repornaya-tochka-mirovoj-politiki-vzglyad-iz-rossii-tekst-lekcii-prof-dpolit-n-elena-ponomareva-6-iyunya-2013.html> (accessed 23.04.2019).

7. Pervye itogi vyborov v Evroparlament demonstriruyut usilenie pozicij radikalov i populistov. *TASS*, 2014, 26 May. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1215406> (accessed 15.04.2019).

8. Iskanderov P. Evrosoyuz zamanivaet Zapadnye Balkany. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19297> (accessed 05.04.2019).

9. Kondrat'eva N. B. Otnosheniya ES – EAES: osobennosti sovremennogo etapa. *Sovremennaya Evropa*, 2018, no. 3 (82), pp. 60–70.

10. Ob"em vzaimnoj trgovli stran EAES v 2018 godu vyros na 9,2%. *Evrazijskie issledovaniya*, 2019, 15 Fevr. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/11304> (accessed 05.05.2019)

11. 76% rossiyan polozhitel'no otnosyatsya k sozdaniyu EAES. *Evrazijskie issledovaniya*, 2019, 25 Jan. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/11304> (accessed 05.05.2019).

12. Ozvucheny rezul'taty referendum v Niderlandah ob asociacii Ukrainy s ES. *Vzglyad*, 2016, 7 April. URL: <https://vz.ru/news/2016/4/7/803977.html> (accessed 15.04.2019).

13. Zhiteli Evropy: otnoshenie k Evrosoyuzu. URL: <https://ru.delfi.lt/news/economy/zhiteli-evropy-stali-polozhitelnee-otnositsya-k-evrosoyuzu.d?id=72934198> (accessed 14.04.2019).

14. Obshchee ramochnoe soglasenie o mire v Bosnii i Gercegovine (Parizh, 14 dekabrya 1995 goda). URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/11038> (accessed 14.04.2019).

15. Evropejskij Soyuz na pereput'e: nereshennye problemy i novye vyzovy (politicheskie aspekty); ed. by N. K. Arbatova, A. M. Kokeev. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2016. 234 p.

Received 15.05.19

Accepted 10.06.19

Информация об авторах / Information about the authors

Валентина Васильевна Огнева, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии, государственной политики Среднерусского института управления, Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Орёл, Российская Федерация
e-mail: ognevavv@yandex.ru

Valentina V. Ogneva, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia, Orel and Bryansk, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russian Federation
e-mail: ognevavv@yandex.ru

УДК 323

Уголовно-правовая политика в эпоху постмодерна

Г. В. Назаренко¹, А. И. Ситникова¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: nazarenkogen@gmail.com

Резюме

Актуальность темы обусловлена тем, что современная уголовная (уголовно-правовая) политика находится в кризисном состоянии и негативным образом влияет на многочисленные изменения действующего уголовного законодательства. При этом деструктивным фактором, влияющим на уголовную политику, являются постмодернистские идеи, которые лежат в основе перманентного реформирования отечественного уголовного законодательства. Недостатки современной уголовной политики, а также эрозия её правовых инструментов и механизмов актуализируют необходимость формирования стабильного политико-правового пространства в законодательной сфере Российской Федерации.

Цель исследования состоит в выявлении наиболее деструктивных тенденций современной уголовной (уголовно-правовой) политики России, которые связаны с постмодернистскими взглядами её разработчиков и сторонников, а также в определении способов устранения негативных факторов, имеющих место, прежде всего, в законотворчестве и правоприменительной практике.

Задачи исследования заключаются в выявлении и анализе проблемных аспектов современной уголовной (уголовно-правовой) политики, которые влияют на её дестабилизацию и неэффективное воздействие на состояние преступности в России.

Методология исследования основана на системно-функциональном способе познания политико-правовых и уголовно-правовых явлений и специальных методах исследования, применяемых в современной юриспруденции.

Результаты. Основными результатами исследования являются выявление деструктивных тенденций, имеющих место в современной уголовной (уголовно-правовой) политике Российской Федерации, и определение способов устранения негативных факторов, влияющих на дестабилизацию уголовно-правовой политики.

Вывод. Деструктивные тенденции, имеющие место в уголовной политике, могут быть устранены за счёт преодоления негативных явлений в уголовно-правовом законотворчестве, правоприменительной практике и юридическом образовании, то есть в тех сферах, которые непосредственно влияют на формирование и осуществление уголовно-правовой политики и уголовного законодательства.

Ключевые слова: эпоха постмодерна; постмодернизм; уголовно-правовая (уголовная) политика; дестабилизация уголовной политики.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Уголовно-правовая политика в эпоху постмодерна // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 118–124.

© Назаренко Г. В., Ситникова А. И., 2019

Criminal Law Political in Postmodern Times

Gennady V. Nazarenko¹ ✉, Alexandra I. Sitnikova¹

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: nazarenkogen@gmail.com

Abstract

The relevance of the topic is dulled by fact that the modern criminal (criminal law) policy is in crisis and negatively affects the numerous changes in the current criminal legislation. At the same time, postmodern ideas, which lie in the basis of permanent reform of the domestic criminal law, are a destructive factor influencing criminal policy. The shortcomings of modern criminal policy, as well as the erosion of its legal instruments and mechanisms, actualize the need to form a stable political and legal space in the legislative sphere of the Russian Federation.

The purpose of the study is to identify the most destructive trends in the modern criminal (criminal law) policy of Russia, which are associated with the postmodern views of its developers and officials, as well as to determine ways to eliminate the negative factors that occur primarily in law-making and law enforcement practice.

The objectives of the study are to identify and analyze the problematic aspects of modern criminal (criminal law) policy that affect its destabilization and ineffective impact on the state of crime in Russia.

The research methodology is based on the system-functional method of knowledge of political-legal and criminal-legal phenomena and special research methods used in modern jurisprudence.

Results. The main results of the study are the phenomenon of destructive trends taking place in the modern criminal (criminal law) policy of the Russian Federation, and the determination of the ways to eliminate the negative factors affecting the destabilization of the legal policy.

Conclusion. Destructive trends in criminal policy can be eliminated by overcoming negative phenomena in criminal law lawmaking, law enforcement practice and legal education, that is, in those areas that directly affect the formation and implementation of criminal law policy and legislation.

Keywords: postmodern era; postmodernism; criminal law (criminal) policy; destabilization of criminal policy.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nazarenko G. V., Sitnikova A. I. Criminal Law Political in Postmodern Times. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 118–124 (in Russ.).

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная уголовная политика России переживает жесточайший кризис, позволяющий утверждать, что эта политика неадекватна состоянию и тенденциям количественных и качественных изменений преступности. В

связи с этим уголовно-правовой политике посвящён ряд монографических исследований, а в 2012 г. состоялся VII Российский конгресс уголовного права, на котором современная уголовная политика рассмотрена как многоаспектный феномен [1, с. 7–150]. В заседаниях Конгресса принимали участие более ста учёных, однако никто из участников этого научного

мероприятия при рассмотрении негативных тенденций, имеющих место в уголовной политике, не принял во внимание, что существенным фактором, влияющим на политику, является постмодерн, т. е. переходная эпоха, которая во второй половине XX в. пришла на смену эпохе модерна на фоне ускорения социальных изменений.

Цель исследования состоит в выявлении деструктивных тенденций современной уголовной политики, которые связаны с постмодернистскими взглядами её разработчиков, рассматривающих уголовно-правовые средства противодействия преступности в качестве избыточных и затратных инструментов, а также в определении способов устранения негативных факторов, влияющих на уголовную политику России.

Задачи исследования заключаются в анализе тенденций и негативных факторов, которые обуславливают неэффективность современной уголовной политики и образуют совокупность проблем, требующих разрешения в законодательной, правоприменительной и образовательной сферах.

Методология

В процессе исследования использовались общенаучные способы познания политико-правовых явлений (диалектический, логический, системно-функциональный), а также специальные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, инструментальный).

Результаты и их обсуждение

Сторонники постмодернистских новаций предлагают расформировать уголовный закон в структурном отношении, в частности отказаться от подразделения

нормативного материала по разделам, главам и статьям, т. к. структурное подразделение действующего Уголовного кодекса Российской Федерации ничем не оправдано [2, с. 10–11]. Ещё более радикальное предложение по расформированию уголовного закона пропагандирует С. Г. Ольков. Он предлагает упразднить уголовно-правовую политику, исключить из УК РФ дегенеративные институты преступления, уголовной ответственности и наказания, т. к. классическое уголовное право, по его мнению, противоречит логике науки и должно быть выброшено на «свалку исторических отходов» [3, с. 132–133].

Неистовое западничество в духе постмодернизма ведёт не только к отрицанию уголовно-правовых институтов, но и к построению постмодернистских концепций. М. Ю. Горлач, в частности, утверждает, что правонарушители и власть предрешающие лица обладают сходными биологическими характеристиками [4, с. 9]. Б. А. Минин «разработал» теорию так называемого «возвратного права» и предложил заменить уголовное законодательство восстановительным (по сути дела, откупным) правом [2, с. 7–17]. Главная идея возвратного права заключается в замене всех существующих видов наказания возмещением ущерба. Деструктивность подобных идей очевидна, т. к. замена уголовного законодательства восстановительно-откупными нормами неизбежно приведёт к легализации и коммерциализации преступности и беззаконию под видом законности.

Деструктивные тенденции уголовно-правовой политики тесно связаны с зарубежными концепциями восстановительного права, компенсаторного права и возвратного права, импортированными

из США и Англии [5, с. 5–36]. Авторы этих концепций выступают с позиций антиуголовной политики. Известный специалист по уголовному праву немецкий профессор Х. Йешек призывает отменить уголовное законодательство, поскольку считает, что уголовное право несовместимо с правами и свободами человека [6, с. 22]. Ему вторит отечественный девиантолог Я. И. Гишинский и другие сторонники постмодернистских взглядов на уголовное право: А. Э. Жалинский, Р. Ромашев, С. В. Соломатин. Для них тюрьма – это паноптикум, а наказание – бесполезный жупел [6, с. 22]. Указанные авторы считают, что уголовная политика должна учитывать особенности общества постмодерна, в котором размыты границы между дозволенным и недозволенным, между нормой и не-нормой и приходят к парадоксальному выводу о том, что современное уголовное законодательство России превращает каждого гражданина в преступника [7, с. 56]. Поэтому желательно многие составы преступлений декриминализировать, а наказание за их совершение минимизировать, как в странах ЕС. По мнению Я. И. Гишинского, уголовная политика не должна исходить из иллюзий «ликвидации преступности» и успехов борьбы с ней уголовно-правовыми средствами, т. к. в условиях постмодерна важнейшей составляющей соответствующей политики должно быть противодействие насилию путём отказа от насилия. Указанный автор полагает, что уголовная политика должна учитывать всеобщее состояние неопределённости, хаотичности мыслей и действий, реалистически, осторожно, *step by step*, формируя свои принципы и средства их реализации [8, с. 13–14].

Опасный вирус постмодернистских теорий проник в российское общество, отравил общественное сознание, нейтрализовал директивы по борьбе с преступностью и коррупцией на этапе их разработки, а концепцию национальной безопасности применительно к уголовной политике превратил в очередную декларацию о намерениях, лишённую какой-либо связи с Уголовным кодексом Российской Федерации. Если следовать рекомендациям сторонников постмодернизма, то уголовно-правовую политику следует оснастить такими сомнительными достижениями постмодерна, как неопределённость, релятивизм, критицизм, фрагментация и консьюмеризм сознания.

Криминологи нередко связывают кризис уголовной политики с низким качеством уголовного законодательства. При этом отмечают, что уголовный закон не соответствует криминальной ситуации, содержит существенные изъяны, к тому же нестабилен, рассогласован за счёт многочисленных изменений и содержит пробелы [9, с. 6–8]. Однако кризис уголовной политики невозможно объяснить только недостатками Уголовного кодекса Российской Федерации. Уголовное законодательство является основным инструментом уголовно-правовой политики, а политика, в свою очередь, реализует свои стратегические цели и тактические задачи уголовно-правовыми средствами. Разумеется, уголовная политика в определённой степени зависит от качества законодательных средств, предусмотренных уголовным законом. Вместе с тем именно уголовная политика определяет содержание уголовного законодательства и особенности его правоприменения. На неё влияют доктринальные представления разработчиков уго-

ловного законодательства, политических директив и программ, предусматривающих формирование стратегии противодействия преступности. Это означает, что любая политика производна от человека, зависит от его взглядов, убеждений, теоретических предпочтений и ценностных ориентиров. Вот почему деструктивные идеи постмодернизма нашли и до сих пор находят своё воплощение в Уголовном кодексе Российской Федерации. За период с 1998 г. по 2019 г. в действующий уголовный закон введено более трёх тысяч изменений и дополнений. В результате исключены уголовно-правовые предписания, имеющие принципиальное значение, в том числе нормы о конфискации имущества в качестве меры наказания, о таких отягчающих признаках преступлений, как судимость и неоднократность, проведена реконструкция предписаний о рецидиве, которая привела к утрате значения дифференциации рецидива на простой, опасный и особо опасный. Из Особой части Кодекса исключено множество статей и предписаний, что свидетельствует о частичном расформировании закона.

Сторонники постмодернизма в праве, участвующие в законодательном обеспечении уголовно-правовой политики, размывают общепринятые концепции, традиционные понятия и уголовно-правовые категории [10]. Постмодернистский подход к уголовному законодательству и уголовно-правовой политике исключает объективность, т. к. главными проявлениями постмодернизма в уголовном праве являются релятивизм и предельно критическое отношение к действующему законодательству и уголовной политике.

Выводы и рекомендации

Деструктивные явления, имеющие место в уголовно-правовой политике, могут быть устранены за счёт преодоления негативных явлений в юридическом образовании, уголовном законодательстве и правоприменительной практике, иными словами, в тех сферах, которые влияют на формирование адекватной уголовной политики.

В этой связи следует обеспечить финансами и модернизировать принятую в России болонскую систему образования, поскольку болонская система является порождением иной культуры. Следует отметить, что болонизация высшего образования привела к необоснованному расслоению юридического образования на бакалавриат и магистратуру. При этом медицинские и силовые вузы системы МВД, ФСБ и Вооружённых сил, обеспечивающие защиту людей и государства, благоразумно избежали образовательного схизиса. Эти вузы по-прежнему дают будущим специалистам полноценное высшее образование, в то время как юридический бакалавриат стал продуцировать выпускников в расчёте на их обучение в платной магистратуре, но, вопреки ожиданиям, в магистратуру поступают преимущественно лица, не имеющие базового юридического образования. Это означает, что в настоящее время происходит профанация юридических знаний.

Следующей, не менее важной мерой, является разработка и принятие Основ уголовной политики, включающей в себя все уровни такой политики, в том числе доктринальный, директивно-политический, законодательный, организационно-управленческий и правоприменительный, а также разработка эффективной стратегии и тактики противодействия всем ви-

дам преступной деятельности, направленной против интересов государства, общества и личности.

Разработку нового Уголовного кодекса Российской Федерации следует осуществить после принятия Основ уголовной политики, предусматривающих

стабилизацию уголовного законодательства за счёт моратория внесения изменений и дополнений в УК РФ в течение пяти лет с момента вступления его в законную силу и установления модернизационного регламента поправок, вносимых в Кодекс после истечения срока моратория.

Список литературы

1. Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В. С. Комиссаров. М.: Проспект, 2012. 664 с.
2. Минин Б. А. Возвратное правосудие, социальная безопасность и социальное развитие. М.: Юриспруденция, 2007. 472 с.
3. Ольков С. Г. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1999. 391 с.
4. Горлач М. Ю. Правонарушители в обществе «исключённых» // Евразийский юридический журнал. 2018. №6 (121). С. 90–93.
5. Ховард З. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. М. М. Стерник. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
6. Гилинский Я. И. Уголовная политика и общие вопросы уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIX Международной научно-практической конференции. М.: Оригинал-Макет, 2017. С. 19–22.
7. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008. 400 с.
8. Гилинский Я. И. Некоторые проблемы формирования современной российской уголовной политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: РГ-Пресса, 2016. С. 12–14.
9. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
10. Иванов Н. Г. Модельный уголовный кодекс. Опус №1: монография. М.: Закон и право; ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 143 с.

Поступила в редакцию 03.07.19

Подписана в печать 05.08.19

References

1. *Sovremennaya ugovol'naya politika: poisk optimal'noj modeli: materialy VII Rossijskogo kongressa ugovol'nogo prava*; ed. by V. S. Komissarov. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 664 p.
2. Minin B. A. *Vozvratnoe pravovosudie, social'naya bezopasnost' i social'noe razvitie*. Moscow, Yurisprudenciya Publ., 2007. 472 p.

3. Ol'kov S. G. Biosocial'naya mekhanika, obshchestvennaya patologiya i tochnaya yurisprudenciya. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. otd-nie, 1999. 391 p.
4. Gorlach M. Yu. Pravonarushiteli v obshchestve "isklyuchyonnyh". *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 2018, no. 6 (121), pp. 90–93.
5. Hovard Z. Vosstanovitel'noe pravosudie: novyj vzglyad na prestuplenie i nakazanie. translation M. M. Sternik. Moscow, Centr "Sudebno-pravovaya reforma" Publ., 2002. 328 p.
6. Gilinskij Ya. I. Ugolovnaya politika i obshchie voprosy ugolovnogogo prava. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Moscow, Original-Maket Publ., 2017, pp. 19–22.
7. Zhalinskij A. E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen. Teoretiko-instrumental'nyj analiz. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 400 p.
8. Gilinskij Ya. I. Nekotorye problemy formirovaniya sovremennoj rossijskoj ugolovnoj politiki. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke*. Moscow, RG-Pressa Publ., 2016, pp. 12–14.
9. Alekseev A. I., Ovchinskij V. S., Pobegajlo E. F. Rossijskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa. Moscow, Norma Publ., 2006. 144 p.
10. Ivanov N. G. Model'nyj ugolovnyj kodeks. Opus No 1. Moscow, Zakon i pravo Publ., YUNITI-DANA Publ., 2003. 143 p.

Received 03.07.19

Accepted 05.08.19

Информация об авторах / Information about the authors

Назаренко Геннадий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: nazarenkogen@gmail.com

Gennady V. Nazarenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: nazarenkogen@gmail.com

Ситникова Александра Ивановна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация,
e-mail: orcrimpravo@yandex.ru

Alexandra I. Sitnikova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: orcrimpravo@yandex.ru

К вопросу о визуальной составляющей политического просвещения

М. Г. Гогоадзе¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова»,
Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, 1

✉ e-mail: gogoadze_mg@voenmeh.ru

Резюме

Актуальность. Трансформационные процессы в российском социуме 1990-2000-х годов позволили сформировать новые демократические институты. В связи с этим возросла потребность общества в инициативных личностях, вовлеченных в управление делами государства. Как показывают исследования, российская молодежь в большинстве своем не интересуется политикой и не участвует в выборах, что актуализирует применение новых коммуникационных практик в области политического просвещения и пропаганды. С другой стороны, в условиях сложной международной обстановки и нерешенных внутренних социальных проблем государства возникают гипотетически угрозы воздействия третьих сил на умонастроения граждан с целью дестабилизации ситуации в обществе.

Цель исследования – обосновать возросшее значение визуальной составляющей политического просвещения и пропаганды.

Задачами исследования выступают различные аспекты применения информационных технологий на практике в контексте современной электоральной системы.

Методология. Методологическую основу работы составили общенаучный метод анализа и синтеза и компаративный подход.

Результаты. Опираясь на вышеуказанные методы, автор приходит к выводу, что дальнейшее развитие демократических институтов в России напрямую зависит от технологий и методов ведения политического просвещения и пропаганды, а решающее значение отводится визуальной составляющей этих процессов.

Выводы. Значение современных технологий в условиях продолжающегося становления демократических институтов и системы ценностей существенно и не вызывает сомнений. Поступательное развитие государства невозможно без целенаправленного развития гражданского участия, патриотизма, экологического сознания и культуры здоровья.

Ключевые слова: политическое просвещение; пропаганда; визуализация; СМИ (масс-медиа); Интернет; телевидение; общественное мнение; политическая кампания; имидж; идеология; информация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Гогоадзе М. Г. К вопросу о визуальной составляющей политического просвещения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 125–131.

To the Question of Visual Component Political Education

Marat G. Gogvadze¹ ✉

¹Baltic State Technical University "VOENMECH" named after D. F. Ustinov, 1, 1st Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 190005, Russian Federation

✉ e-mail: gogvadze_mg@voenmeh.ru

Abstract

Relevance. Transformational processes in the Russian society 1990-2000s allowed to form new democratic institutions. In connection with this, the need of society for initiative individuals involved in state affairs management has increased. Studies show that the majority of Russian young people are not interested in politics and do not participate in elections, which actualizes the use of new communication practices in the field of political education and propaganda. On the other hand, in the context of a complex international situation and unresolved internal social problems of the state, a hypothetical threat of the influence of third forces on the minds of citizens to destabilize the situation in society arises.

The purpose of the study is to substantiate the increased importance of the visual component of political education and propaganda.

The objectives of the study are various aspects of the application of information technology in practice in the context of the modern electoral system.

Methodology. The methodological basis of the work was the general scientific method of analysis and synthesis and the comparative approach.

Results. Based on the above methods, the author comes to the conclusion that the further development of democratic institutions in Russia directly depends on the technologies and methods of political education and propaganda, and the crucial component is the visual component of these processes.

Conclusion. The importance of modern technologies in the context of the ongoing development of democratic institutions and value systems is significant and beyond doubt. The progressive development of the state is impossible without the purposeful development of civic participation, patriotism, environmental awareness and health culture.

Keywords: political education; propaganda; visualization; media (mass media); Internet; television; public opinion; political campaign; image; ideology; information.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Gogvadze M. G. To the Question of Visual Component Political Education. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 125–131 (in Russ.).

Введение

Реализация успешной предвыборной кампании, создание позитивного имиджа партии, развитие гражданского участия, патриотическое воспитание молодежи и другие вопросы, связанные с сохранением жизнеспособности институтов государственной власти, во многом зависят от эффективного применения визуальных

методов политического просвещения и пропаганды.

В связи с этим цель исследования – сущность, тождество и различие этих двух составляющих политико-коммуникативного процесса. Задачи исследования предполагают анализ социально-философских, исторических, политологических и психологических аспектов влияния данных технологий на формирование

мировоззрения. Попытаемся прояснить смысловое значение данных терминов.

Методология

Методологическую основу работу составил общенаучный метод анализа и синтеза и компаративный подход.

Результаты и их обсуждение

Политическая пропаганда (от лат. *propaganda* – подлежащее распространению) – распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе; в более узком смысле – политическая или идеологическая пропаганда с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов, идей, их внедрения в общественное сознание и воздействия на процесс формирования соответствующей социально-политической ориентации масс. Такая трактовка приводится в словаре И. И. Санжаревского [1]. Вспомним, что в философии Платона умопостигаемые идеи – это первооснова всего сущего. По Платону, человек обладает разумом и душой, с помощью которых происходит процесс познания идей. В философии древнегреческого мыслителя все идеи выстроены в иерархичном порядке. Высшей идеей для него являлась идея блага, прекрасного как такового, идея бога. В XX в. одними из центральных вопросов в обществоведении стали феномен народных масс и способы управления ими. Огромные группы людей вышли на арену общественной жизни и стали оказывать сильнейшее воздействие на политику как посредством голосования, так и восстания. Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Толпа, возникшая на авансцене общества, внезапно стала зримой. Прежде она, возникая, оставалась незаметной, теснилась где-то в глубине сцены; теперь она вышла к рампе – и сегодня это глав-

ный персонаж. Солистов больше нет – один хор» [2, с. 17].

В массовом обществе мировоззрение человека во многом складывается под влиянием коллектива, индивидуальные качества уходят на второй план, пропаганда становится доминирующей политической технологией. В российском политологическом дискурсе слово «пропаганда» наиболее часто встречается в работах, посвященных деятельности коммунистической партии в советский период. Известно, что сутью коммунистической идеологии являлась критика капиталистических отношений, отрицание частной собственности, безграничная вера в теорию прогресса, неизбежность революционной замены капитализма социализмом и т. д. Эти положения казались незыблемыми, но в конце XX в. произошли радикальные изменения и переворот в социальных, экономических отношениях, в общественных ценностях. Часть населения отказалась от прежних убеждений, посчитав их утопическими, а сам термин «пропаганда» стал употребляться в контексте этически неприемлемых методов ведения политической работы.

Иную смысловую окраску несет в себе дефиниция «политическое просвещение». Как отмечает П. И. Юнацкевич, «политическое просвещение – это целенаправленный процесс информирования населения об имеющемся опыте государственного строительства и местного самоуправления, рассчитанный на массы граждан и ориентированный на их широкое участие в государственном управлении и общественном самоуправлении» [3, с. 9–10]. В широком виде просвещение может включать в себя не только передачу определенных знаний, но и систему воспитательно-образовательных мероприятий и учреждений в каком-либо государстве. В связи с этим, например,

П. Н. Хроменков выделяет две ступени реализации программ политического просвещения в России – общеобразовательную школу и вузы [4, с. 14–24].

Особую актуальность в современном контексте приобретают визуальные составляющие политико-коммуникативного процесса. Политические деятели отдают предпочтение таким традиционным механизмам информационного воздействия на граждан, как публикации в печатных периодических изданиях, использование уличных щитов, растяжек, плакатов, листовок, брошюр, именных письменных обращений и т. д. Продолжают также внедряться и совершенствоваться различные web-технологии: сайты политических партий, общественных организаций, отдельных политических лидеров, газет и журналов, аналитических организаций и т. д. Последние социологические опросы демонстрируют факт роста роли интернета как источника получения тех или иных сведений, особенно среди молодого поколения россиян. Как отмечает ВЦИОМ, «интернет уже стал основным источником информации для россиян от 18 до 24 лет и от 25 до 34 лет (82% и 59% соответственно), обогнав по популярности региональное телевидение во всех возрастных категориях (46% против 44%). Показатели по социальным сетям и блогам близки к этому: 41% всех опрошенных часто узнает из них необходимые сведения (среди представителей самой молодой возрастной группы – 81%)» [5].

Интересно, что социологические исследования, проведенные по инициативе Росмолодежи и Минобразования, свидетельствуют о низкой политической активности современного студенчества. Например, только 22,2% участников опроса хотели бы вступить в новую молодежную организацию, если таковая появится.

При этом опрошенных устроило бы ее виртуальное существование: 48,6% общаются преимущественно в онлайн [6].

Развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий действительно преобразило всю политическую сферу, в частности технологии ведения пропаганды и просвещения. Отчасти прав был Э. Тоффлер, делая вывод в работе «Третья волна» (1980 г.) о том, что если в доинформационном обществе основная борьба проходила за невозобновляемые сырьевые источники, то в информационном обществе борьба, соревнование, конкуренция происходит за ресурсы информации, информационных технологий и научных знаний [7]. Можно выделить положительные и отрицательные эффекты такой тенденции. Безусловно, возможности Всемирной паутины позволяют легко и в короткие сроки опубликовать важные политические сведения. Относительно высокий уровень проникновения интернета в России обеспечивает возможность ведения постоянного общественно-политического диспута, реализует электронную систему обратной связи в режиме реального времени между гражданами и властью. Интернет зарекомендовал себя как более эффективное и экономное средство для ведения пропагандистских и просветительских политических кампаний по сравнению с телевидением. Чтобы оставаться востребованными аудиторией и конкурентоспособными в условиях рыночной экономики, современные медиахолдинги вынуждены выполнять множество задач – доведение экономической, политической, социальной, культурной информации, развлечение населения и распространение коммерческой рекламы. Телевизионная картинка «живет» буквально несколько секунд в потоке постоянно сменяющегося контента. Видеофайлы же в сети Интер-

нет могут существовать неограниченный период, что дает очевидное преимущество политикам в условиях ограниченности временных и финансовых ресурсов, в частности в период проведения предвыборной кампании. В США ресурсы интернета используются также для сбора пожертвований. Успешно проведенная политическая пропаганда позволила Джону Маккейну в 2000 г. за 48 часов собрать миллион долларов на свою предвыборную деятельность. В том же году Джорж Буш младший собрал через интернет 3,6 млн долл. для первого тура выборов на пост президента США и еще 2,4 млн долл. для второго [8, с. 31].

Несмотря на трансформацию медийного пространства, внедрения интернета во все сферы жизни социума, роль телевидения как ключевого канала политической пропаганды и просвещения в России и мире будет сохраняться. Данная технология исторически зарекомендовала себя как эффективный инструмент объединения людей под одной идеей, выдвинутой лидером. Можно полагать, что освещение телеканалами побед российских спортсменов на зимней Олимпиаде в Сочи и присоединения Крыма стало одним из факторов консолидации населения вокруг главы государства, а также роста патриотических настроений, что отметили и западные журналисты [9, с. 99–110]. Размышляя о современной российской пропагандистской машине, репортер Кейси Мичел подчеркивает: «Пытаясь достичь сходства с советской империей, в одном вопросе Владимир Путин добился гораздо более значительных успехов, чем кремлевские лидеры прошлого. Речь идет о пропаганде» [10]. Успехи российских медиа в сфере отстаивания национальных интересов подтверждают и авторитетные социологические центры. Исследование по вопросу информирования россиян о

ситуации на Украине, организованное Институтом Гэллага в 2014 г., выявило, что 76% опрошенных рассматривают государственные СМИ как надежный источник информации. Для сравнения: негосударственным СМИ доверяют менее трети респондентов, а западным – всего 5% [11].

По всей видимости, роль визуальной составляющей политического просвещения и пропаганды будет только возрастать. В связи с этим необходимо понимать и негативные аспекты данной тенденции. В современном сложноорганизованном мире люди могут создавать деструктивные идеи и распространять их с целью привлечения сторонников. Высокий уровень взаимосвязи элементов медийного поля позволяет доводить до аудитории мгновенно почти любую информацию, иногда ложную и преувеличенную. Неосторожное или необдуманное высказывание СМИ, касающееся деятельности политического лидера, способно подорвать его имидж в глазах общественности, внести раскол в обществе. Советник Президента России С. Ю. Глазьев, анализируя современные процессы в области международных отношений, акцентирует внимание на особенностях и причинах ведения США «мировой гибридной войны». Согласно позиции российского ученого, США для сохранения мирового лидерства всеми силами стараются перевести свою экономику на новый технологический уклад. Сама «мировая гибридная война» при этом ведется с широким применением всей совокупности новейших информационно-коммуникационных технологий и робототехнических боевых комплексов. Новые принципы ведения боевых действий, как подчеркивает исследователь, «дополняют широкое применение когнитивных технологий, которые превращают СМИ в высокоэффективное психотропное ору-

жие массового поражения сознания властвующей элиты и населения стран-жертв американской агрессии, а дипломатию – в инструмент поражения политической воли их руководителей» [12].

Выводы

Значение современных технологий в условиях продолжающегося становления демократических институтов и системы ценностей существенно и не вызывает

сомнений. Одной из задач социальных наук, как представляется, является преодоление традиции придавать термину «политическая пропаганда» негативной окраски. Поступательное развитие государства невозможно без целенаправленного развития гражданского участия, патриотизма, экологического сознания и культуры здоровья.

Список литературы

1. Санжаревский И. И. Пропаганда [Электронный ресурс] // Политическая наука: словарь справочник. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/2292/Пропаганда> (дата обращения: 28.02.2019).
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстания масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.
3. Юнацкевич П. И. Политическое просвещение в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: нравственные идеалы // Адукатар. 2008. № 2(14). С. 9–12.
4. Хроменков П. Н. Избирательный процесс и задачи политического просвещения в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. Т. 2, №5. С. 14–24.
5. ВЦИОМ: телевидение остается главным источником информации для россиян [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2017. 7 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3377948> (дата обращения: 28.02.2019).
6. Государство замерило настроения молодежи после митингов [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2017. 7 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319568> (дата обращения: 28.02.2019).
7. Тоффлер Э. «Третья волна». М.: АСТ, 2004. 784 с.
8. Дорожкин Ю. Н., Соленикова Н. В. Интернет в избирательных кампаниях: современные особенности и функции // Власть. 2007. № 6. С. 31–34.
9. Ключев А. А., Молодов О. Б. Реализация имиджевой функции СМИ в контексте внешнеполитических событий 2014 года // Проблемы развития территорий. 2015. № 2 (76). С. 99-110.
10. Мичел К. Великолепная пропагандистская машина Путина [Электронный ресурс] // Politico. 2015. URL: <https://inosmi.ru/russia/20150826/229878604.html> (дата обращения: 28.02.2019).
11. Данные исследования Института Гэллага [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/174086/russians-rely-state-media-news-ukraine-crimea.aspx> (дата обращения: 28.02.2019).
12. Глазьев: США начинают «мировую гибридную войну» в экономических целях [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2015. 8 апр. URL: <https://ria.ru/20150408/1057389630.html> (дата обращения: 28.02.2019).

Поступила в редакцию 30.06.19

Подписана в печать 01.08.19

References

1. Sanzharevskij I. I. Propaganda. Politicheskaya nauka: slovar' spravochnik. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/2292/Propaganda> (accessed 28.02.2019).
2. Ortega-i-Gasset H. Vosstaniya mass. Moscow, AST Publ., 2002. 509 p.
3. Yunackevich P. I. Politicheskoe prosveshchenie v gosudarstvakh-uchastnikakh Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv: npravstvennye idealy. *Adukatar*, 2008, no. 2(14), pp. 9–12.
4. Hromenkov P. N. Izbiratel'nyj process i zadachi politicheskogo prosveshcheniya v Rossii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2013, vol. 2, no. 5. pp. 14–24.
5. VCIOM: televidenie ostaetsya glavnym istochnikom informacii dlya rossijan. *Kommersant*", 2017, 7 Avg. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3377948> (accessed 28.02.2019).
6. Gosudarstvo zamerilo nastroyeniya molodezhi posle mitingov. *Kommersant*", 2017, 7 June. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319568> (accessed 28.02.2019).
7. Toffler E. "Tret'ya volna". Moscow, AST Publ., 2004. 784 p.
8. Dorozhkin Yu. N., Solenikova N. V. Internet v izbiratel'nykh kampaniyah: sovremennye osobennosti i funkcii. *Vlast'*, 2007, no. 6, pp. 31–34.
9. Klyuev A. A., Molodov O. B. Realizaciya imidzhevoj funkcii SMI v kontekste vneshnepoliticheskikh sobytij 2014 goda. *Problemy razvitiya territorij*, 2015, no. 2 (76), pp. 99–110.
10. Michel K. Velikolepnaya propagandistskaya mashina Putina. *Politico*. 2015. URL: <https://inosmi.ru/russia/20150826/229878604.html> (accessed 28.02.2019).
11. Dannye issledovaniya Instituta Gellapa. URL: <http://www.gallup.com/poll/174086/russians-rely-state-media-news-ukraine-crimea.aspx> (accessed 28.02.2019).
12. Glaz'ev: SSHA nachinayut "mirovuyu gibridnyuyu vojnu" v ekonomicheskikh celyah. *RIA Novosti*, 2015, 8 Apr. URL: <https://ria.ru/20150408/1057389630.html> (accessed 28.02.2019).

Received 30.06.19

Accepted 01.08.19

Информация об авторах / Information about the authors

Марат Григорьевич Гогуадзе,
преподаватель, ФГБОУ ВО «Балтийский
государственный технический университет
«ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: goguadaze_mg@voenmeh.ru

Marat G. Goguadaze, Lecturer, Baltic State
Technical University "VOENMECH" named after
D. F. Ustinov, St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: goguadaze_mg@voenmeh.ru

УДК 323:342.511.7(470)

Приоритеты государственной политики в посланиях Президента России Федеральному Собранию

Е. С. Панова¹ ✉, А. Е. Ястребов¹

¹Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 302028, Орёл, б-р Победы, 5А

✉ e-mail: panova-es@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Послание Президента России Федеральному Собранию представляет собой официальный документ о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства. Обращение с ежегодными посланиями является конституционной обязанностью Президента Российской Федерации. Начало практике ежегодных выступлений Президента перед представительным и законодательным органом Российской Федерации было заложено в 1994 году, когда появилось первое Послание «Об укреплении российского государства: основные направления внутренней и внешней политики». Вместе с тем институт обращений главы государства к парламенту существует и в зарубежной политической практике, например, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане.

Цель – выявить приоритеты современного курса государственной политики.

Задачи: определить значение ежегодных посланий Президента РФ; проанализировать их содержание; указать методы разработки и реализации государственной политики.

Методология. Исследование основано на применении исторического подхода, содержательного анализа, сравнения и других методов.

Результаты. Содержательный анализ текстов посланий Президента РФ за несколько последних лет показывает, что современные приоритеты государственной политики сосредоточены в плоскости социально-экономического развития. Однако оно не должно осуществляться в отрыве от технологического и культурного развития страны. Будучи гарантом конституционных прав и свобод личности, особое внимание в своих посланиях действующий Президент уделяет созданию условий для их реализации.

Выводы. Авторы приходят к выводу об актуальности и востребованности ряда методов разработки и реализации государственной политики, в числе которых стратегическое планирование и проектный подход. В статье также формулируется вывод о том, что Президент России В. В. Путин проводит последовательную политику консолидации российского общества на основе традиционных ценностей семьи, патриотизма, бережного отношения к истории страны, гуманизма и сбережения народа.

Ключевые слова: государство; государственная политика; Президент Российской Федерации; парламент; права человека; экономика; социальная сфера; гражданское общество.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Панова Е. С., Ястребов А. Е. Приоритеты государственной политики в посланиях Президента России Федеральному Собранию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 132–140.

© Панова Е. С., Ястребов А. Е., 2019

State Policy Priorities in the President's Message to the Federal Assembly

Ekaterina S. Panova¹ ✉, Alexey E. Yastrebov¹

¹Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 5A, Pobedy av., Orel, 302028, Russian Federation

✉ e-mail: panova-es@rambler.ru

Abstract

Relevance. Russian President's Message to the Federal Assembly is an official document on the situation in the state, on main guidelines of the domestic and foreign policies of the state. The annual message is a constitutional obligation of the President of the Russian Federation. The practice of the President's annual message to the representative and legislative bodies of the Russian Federation started in 1994, with the first Message «On strengthening the Russian state: main guidelines of domestic and foreign policies». The institution of messages of the head of state to the Parliament in foreign political practice, for example, in Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan has been functioning for a long time.

Purpose. To find out the state policy priorities.

Talks. To appraise the significance of the annual RF President's messages; to analyze their materials; to recommend methods for development and implementation of the state policy.

Methodology. The research is based on the historical approach, substantial analysis, comparison and other methods.

Results. Over the past few years the substantial analysis of the texts of the RF President's messages shows that today's priorities of the state policy are concentrated on the social and economic development. However, it should not be carried out in isolation from the technological and cultural development of the country. As a guarantor of the constitutional rights and freedoms of citizens, in his messages the acting president pays special attention to the creation of conditions for their implementation.

Conclusions. The authors come to the conclusion of the topicality and relevance of methods for development and implementation of the state policy, including the strategic planning and project approach. Also the article concludes that the Russian President V.V. Putin pursues a consistent policy of consolidation of the Russian society on the basis of traditional values of a family, patriotism, respect for the country's history, humanism and care of people.

Keywords: state; state policy; President of the Russian Federation; Parliament; human rights; economy; social sphere; civil society.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Panova E. S., Yastrebov A. E. State Policy Priorities in the President's Message to the Federal Assembly. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 132–140 (in Russ.).

Введение

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию представляет собой официальный документ о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства. Обращение с еже-

годными посланиями является конституционной обязанностью Президента, закреплённой в п. «е» ст. 84 Конституции Российской Федерации. Ежегодные послания можно охарактеризовать и как форму взаимодействия Президента с законодательной властью в лице Федерального Собрания Российской Федерации.

Конституция РФ гласит: «Палаты могут собираться совместно для заслушивания посланий Президента Российской Федерации...» (ч. 3 ст. 100). При этом формат церемонии не предполагает каких-либо комментариев или вопросов парламентариев, обращённых к Президенту. Заявленные президентские инициативы имеют первоочередное значение при составлении плана законопроектных работ. Вместе с тем «адресат» посланий можно рассматривать гораздо шире, поскольку адресованы они, по сути, всему многонациональному народу Российской Федерации. На церемонию оглашения посланий приглашаются главы традиционных конфессий, общественные деятели, в том числе главы региональных общественных палат, руководители крупнейших средств массовой информации.

Цель исследования состоит в выявлении приоритетов современного курса государственной политики.

Задачи исследования заключаются в определении значения ежегодных посланий Президента РФ; анализе их содержания; указании методов разработки и реализации государственной политики.

Методология

Исследование основано на применении исторического подхода, содержательного анализа, сравнения и других методов.

Результаты и обсуждения

Начало практике ежегодных выступлений Президента РФ перед парламентом страны было положено в 1994 г. В каждом из выступлений подводились краткие итоги уходящего года и осуществлялись прогнозы относительно будущего страны. Поэтому структура ежегодных посланий традиционно выстраивается по линии: прошлое – настоящее – будущее. Первые послания назывались следующим образом: «Об укреплении российского государства: основные направления внутренней и внешней политики» (1994 г.),

«Россия, за которую мы в ответе» (1996 г.), «Общими силами – к подъёму России» (1998 г.), «Россия на рубеже эпох» (1999 г.). Как видно, формулировки названий отражают развитие общественных отношений в конкретно-исторических условиях. Недавнее Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 года является двадцать пятым в истории современной России, а для действующего Президента РФ В. В. Путина – пятнадцатым. Между тем в зарубежной конституционной и политической практике существуют схожие институты. Известно, что в Великобритании сессии парламента начинаются с так называемой «тронной речи» монарха, а в Соединённых Штатах Америки первое обращение Президента к органу народного представительства датируется XVIII в. Институт обращений главы государства к парламенту существует и в странах ближнего зарубежья, например, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Киргизии.

Анализируя содержание конституций зарубежных стран, А. М. Гайдарбекова указывает на преимущественно информационный характер посланий, да и в нашей стране, как отмечает ею, «практика издания специальных актов в целях реализации посланий Президента отсутствует» [1]. Е. А. Тихон характеризует послание как установочный документ для органов власти и должностных лиц, а также для общества в целом и каждого человека [2]. Рассмотрев различные точки зрения по этому вопросу, отметим, что послания Президента, с одной стороны, не могут считаться источником права, поскольку правовых норм в себе не содержат. С другой стороны, они имеют важнейшее политико-правовое значение, поскольку относятся к документам стратегического планирования и создают предпосылки для появления новых правовых норм в законах и подзаконных актах. Во-первых, Президент обладает правом законодательной инициативы, а так-

же осуществляет нормативное регулирование общественных отношений посредством указов. Во-вторых, палаты парламента в рамках собственной законодательной деятельности могут поднять вопрос о принятии федеральных законов, внесении в них изменений и дополнений по итогам послания Президента. В-третьих, распространённой становится такая форма государственно-управленческой деятельности Правительства РФ и иных федеральных органов исполнительной власти, как реализация поручений по итогам послания Президента Российской Федерации. Наконец, выполнение поставленных в послании задач можно отследить и проконтролировать, например, с помощью механизма общественного контроля.

Начиная с 2012 г. в стране стали реализовываться «майские указы», получившие своё название исходя из месяца их принятия. В целом они представляют собой ключевые положения сначала предвыборной программы, а затем курса государственной политики избранного Президента РФ В. В. Путина. В день инаугурации 7 мая 2012 г. он подписал ряд указов, в которых были обозначены основные направления социально-экономического развития страны до 2020 г. В рамках реализации указов Правительству было необходимо исполнить 218 поручений. По состоянию на май 2018 г., выполнено и снято с контроля 190 поручений, что составляет 94,1% от числа поручений, которые должны были быть выполнены к этому времени. Таким образом, на исполнении находятся 28 поручений. По ним сроки исполнения наступают: в 2018 г. – по 11 поручениям; в 2019–2020 гг. – по 9 поручениям; по 8 поручениям конечный срок исполнения не определён [3].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что «майские указы» реализованы не в полной мере. Задачи, закреплённые в них, нашли поступательное развитие в национальных проек-

тах 2018 г. К слову, практика национальных проектов, т. е. умения выделить приоритеты государственной политики и направить туда финансовые средства, берёт своё начало ещё с 2005 г., когда были разработаны приоритетные национальные проекты «Здоровье», «Качественное образование», «Доступное и комфортное жильё», «Развитие АПК». Эти приоритетные цели были преобразованы в конкретные задачи, поставленные Президентом РФ В. В. Путиным в ежегодных посланиях 2005–2007 гг. Разделяем мнение В. В. Огневой и С. А. Шачнева, которые отмечают следующее: «Отечественная практика свидетельствует, что национальные проекты представляют собой достаточно эффективную форму реализации государственной политики в социально-экономической сфере» [4].

В настоящее время национальные проекты определены Президентом в принципиально новом «майском указе» – «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В их числе: демография; здравоохранение; образование; жильё и городская среда; экология; производительность труда и поддержка занятости; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, а также ряд других приоритетных направлений [5]. Для выработки механизмов и ресурсного обеспечения достижения национальных целей был принят ряд официальных документов. Среди них приоритетные проекты: «Совершенствование процессов организации медицинской помощи на основе внедрения информационных технологий», «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», приоритетная программа «Повышение производительности труда и поддержка занятости» и др. [6] Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г., как документы страте-

гического планирования, также сосредоточены на выполнении данного Указа, а также Послания Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. [7]

Следует отметить, что краткая регламентация специфики содержания президентского послания до недавнего времени была отражена в Федеральном законе «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ. В нём отмечалось, что ежегодное послание должно содержать специальный раздел, посвящённый анализу выполнения программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу и уточнению указанной программы с выделением задач на предстоящий год. Однако документ утратил силу в связи с принятием Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в котором определено, что ежегодное послание Президента является основой для определения стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [8]. Поэтому тематические блоки, связанные с социальной сферой и экономикой страны, в посланиях Президента являются традиционными.

Будучи гарантом конституционных прав и свобод личности, особое внимание в своих посланиях действующий Президент уделяет созданию условий для их реализации. Содержательный анализ текстов посланий Президента РФ за несколько последних лет указывает на активное включение тематики прав человека, а также создаваемых государством условий для их реализации в систему государственного целеполагания, стратегического планирования, целевого программирования и принятия важнейших политических решений. Зачастую эта тематика в текстовых версиях посланий репрезентируется через понятия «достойная

оплата труда», «строительство доступного жилья», «расширение свободы предпринимательства», «свободное развитие всех народов» и ряд других [9]. Ещё в президентском послании 2012 г. были озвучены принципиальные направления социально-экономического развития страны на среднесрочную и долгосрочную перспективу, в числе которых необходимость изменения структуры экономики и снижение уровня социального неравенства. Наряду с актуальностью укрепления государственного суверенитета на фоне новой расстановки экономических, военных, цивилизационных сил в мире были озвучены идеи сбережения и воспроизводства нации. Приоритетным должно стать возрастание числа граждан, обладающих экономическими возможностями среднего класса.

В своих ежегодных посланиях Президент постоянно обращается к ориентирам, закреплённым в «майских указах», и в 2013 г. их реализация была продолжена. Обозначив чёткие позиции по защите традиционных ценностей человеческой жизни, семьи, гуманизма и разнообразия мира, Президент поднимает вопросы качества услуг в социальной сфере, перехода к страховому принципу в здравоохранении, открытия бюджетной сферы для социально-ориентированного бизнеса, строительства доступного жилья с социальной инфраструктурой. При этом базовым условием для решения задач социального развития должен стать устойчивый экономический рост, подразумевающий задействование новых факторов развития, таких как современные технологии. Таким образом, можно сделать вывод о наполнении конституционной нормы о социальном государстве новым содержанием, суть которого заключается в государственно-общественном партнёрстве и взаимной ответственности государства, общества и личности.

Новыми подходами к эффективности национальной экономики и преобразованиям в социальной сфере ознаменовалось

Послание Президента РФ 2014 г. В нём делается акцент на добросовестной конкуренции как факторе повышения качества услуг социальной сферы. Кроме того, была озвучена идея введения института «нулевых чтений» для социально значимых законопроектов. Поступательное развитие вышеназванные идеи находят в последующем президентском Послании, обращённом к Федеральному Собранию (2015 г.), где отмечена необходимость перехода к справедливому принципу оказания социальной помощи, поддержки наиболее уязвимых категорий населения. Президент ставит задачи обращения к бюджетному планированию, суть которого заключается в том, чтобы каждый бюджетный цикл начинался с чёткой фиксации приоритетов. Новый импульс курсу на продолжение изменений в социальной сфере, выхода на темпы экономического роста придали президентские инициативы 2016 г. и приоритеты, связанные с приумножением человеческого капитала, а именно: необходимость информатизации здравоохранения, продолжение программы обновления школ и формирование в регионах центров поддержки одарённых детей, интеграция деятельности научных центров с системой образования, экономикой и высокотехнологичными компаниями. Наряду с аспектами развития политической системы и институтов прямой демократии говорится в Послании о необходимости развития волонтерских проектов в таких значимых сферах, как уход за больными, поддержка пожилых, людей с ограничениями по здоровью. Послание 2018 г. ознаменовалось поиском новых возможностей для наращивания экономического потенциала и прорывного технологического развития в контексте глобальных технологических изменений. В нём обобщается имеющийся опыт реализации масштабных программ и социальных проектов, и ставятся задачи нового уровня: выстраивание системы социальной помощи на принципах справедливо-

сти и адресности, использование цифровых технологий в работе социальных объектов, расширение демографической политики, создание равных образовательных возможностей.

Таким образом, можно констатировать, что отчётливой тенденцией последних лет является устойчивый общественный запрос на социальную справедливость, эффективную реализацию социально-экономических прав и свобод. Однако если в предыдущих посланиях был озвучен преимущественно средне- и долгосрочный курс развития страны, то в президентском Послании 2019 г. предложены меры сегодняшнего дня и решения прямого действия, а также конкретные сроки их реализации – в основном это текущий год. «Красной нитью» проходит в нём тематика народосбережения: «Национальные проекты построены вокруг человека, ради достижения нового качества жизни для всех поколений, которое может быть обеспечено только при динамичном развитии России» [10]. Можно сформулировать вывод о том, что действующий Президент РФ В. В. Путин проводит последовательную политику консолидации российского общества на основе традиционных ценностей семьи и уважения к старшим поколениям, патриотизма, бережного отношения к истории и культуре своей страны, гуманизма и народосбережения. Заметим, что вопрос народосбережения не раз остро вставал в России. Так, приводя некоторые соображения об обустройстве страны, А. И. Солженицын пишет: «В 1754 году, при Елизавете, Пётр Иванович Шувалов предложил такой удивительный – Проект сбережения народа. <...> А ведь – вот где государственная мудрость» [11]. Это позволяет задуматься над тем, какими же могут быть критерии народосбережения сегодня?

В Послании Президента России Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. предложен пакет первоочередных мер, которые мы выделили в следующие

приоритеты государственной политики: стимулирование рождаемости и поддержка многодетных семей, в том числе продление программы материнского капитала; преодоление бедности (действенным механизмом здесь призван стать социальный контракт); система мер по поддержке пенсионеров, предполагающая уже с текущего года осуществление индексации пенсий сверх уровня прожиточного минимума пенсионера; повышение эффективности системы здравоохранения, требующее разработки и внедрения новых механизмов на стыке здравоохранения и социального обслуживания; содержательные изменения в сфере образования, подразумевающие обеспечение равных образовательных возможностей (в том числе путём создания современной цифровой образовательной среды); комплекс мер по обеспечению экологической безопасности (что предполагает формирование цивилизованной и безопасной системы обращения с отходами); решение системных проблем в экономике, включая улучшение делового климата ведения бизнеса; обеспечение мирного существования, что предполагает укрепление государственного суверенитета и национальной безопасности страны.

Выводы и рекомендации

Резюмируя вышеизложенное, формулируем вывод о том, что в современных условиях развития государства и общества отмечается возрастание общественного запроса на соблюдение соци-

альных стандартов в процессе реализации социальных прав и свобод. Содержательный анализ текстов посланий Президента РФ за несколько последних лет свидетельствует о том, что современные приоритеты государственной политики сосредоточены в плоскости социально-экономического развития, однако оно не должно осуществляться в отрыве от технологического и культурного развития страны. В послании Президента России Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. предлагаются такие новые меры государственной политики, как цифровизация экономики, социальный контракт, ипотечные каникулы, дифференцированный подход к проверкам предпринимателей и др. Вместе с тем в нём отчётливо прослеживаются и такие методы разработки и реализации государственной политики, как политическое целеполагание, среднесрочное планирование, целевое программирование, проектный подход, оптимизация межведомственного взаимодействия, мониторинг и контроль реализации. Также можно сформулировать вывод о том, что действующий Президент проводит последовательную политику консолидации российского общества на основе традиционных ценностей. Посредством консолидации общества понятие человеческого капитала приобретает выраженный социальный смысл, что позволяет говорить о развитии социального капитала, основанного на конструктивном взаимодействии гражданского общества с государством

Список литературы

1. Гайдарбекова А. М. Место и роль посланий Президента Российской Федерации в политико-правовой жизни общества // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 35–37.
2. Тихон Е. А. Послания Президента РФ Федеральному Собранию как политико-правовой акт, определяющий стратегию России в области прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16. С. 34–40.
3. О состоянии исполнения поручений Правительству Российской Федерации, содержащихся в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 596-606, и связанных с ними поручений и указаний [Электронный ресурс] // Правительство России.

2018. 7 мая. URL: <https://government.ru/orders/selection/406/32587/> (дата обращения: 02.05.2019).

4. Огнева В. В., Шачнев С. А. Государственные национальные проекты: политическое целеполагание и проблемные аспекты эффективности реализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 120–131.

5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 28.05.2019).

6. Перечень приоритетных программ и проектов, разработанных в рамках основных направлений стратегического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251 (дата обращения: 27.05.2019).

7. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс] // Правительство России. 2018. 1 окт. URL: <http://government.ru/news/34168/> (дата обращения: 03.05.2019).

8. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 28.05.2019).

9. Панова Е. С. Государственная политика реализации прав человека в Российской Федерации: политический анализ: научная монография / под общ. ред. проф. Ю. С. Васютина. Орёл: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. 201 с.

10. Послание Президента к Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России. 2019. 20 февр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 27.04.2019).

11. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения. Париж: YMCA-PRESS, 1990. 50 с.

Поступила в редакцию 12.07.19

Подписана в печать 05.08.19

Reference

1. Gajdarbekova A. M. Mesto i rol' poslanij Prezidenta Rossijskoj Federacii v politiko-pravovoj zhizni obshchestva. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2011, no. 6, pp. 35–37.

2. Tihon E. A. Poslaniya Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu kak politiko-pravovoj akt, opredelyayushchij strategiyu Rossii v oblasti prav cheloveka. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2007, no. 16, pp. 34–40.

3. О состоянии исполнения поручений Правительству Российской Федерации, содержащихся в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 596-606, и связанных с ними поручений и указаний. *Pravitel'stvo Rossii*, 2018, 7 May. URL: <https://government.ru/orders/selection/406/32587/> (accessed 02.05.2019).

4. Oгнева В. В., Шачнев С. А. Gosudarstvennye nacional'nye proekty: politicheskoe celpolaganie i problemnye aspekty effektivnosti realizacii. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 120–131.

5. O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda: ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 No 204. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (accessed 28.05.2019).

6. Perechen' prioritetnyh programm i proektov, razrabotannyh v ramkah osnovnyh napravlenij strategicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251 (accessed 27.05.2019).

7. Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda. *Pravitel'stvo Rossii*, 2018, 1 Okt. URL: <http://government.ru/news/34168/> (accessed 03.05.2019).

8. O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 28.06.2014 No 172-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed 28.05.2019).

9. Panova E. S. Gosudarstvennaya politika realizacii prav cheloveka v Rossijskoj Federacii: politicheskij analiz; ed. by Yu. S. Vasyutin. Orel, Srednerusskij institut upravleniya – filial RANHiGS Publ., 2019.

10. Poslanie Prezidenta k Federal'nomu Sobraniyu. *Prezident Rossii*, 2019, 20 Fevr. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (accessed 27.04.2019).

11. Solzhenicyn A. I. Kak nam obustroit' Rossiyu? Posil'nye soobrazheniya. Parizh, YMCA-PRESS Publ., 1990. 50 p.

Received 12.07.19

Accepted 05.08.19

Информация об авторах / Information about the authors

Панова Екатерина Станиславовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Орёл, Российская Федерация
e-mail: panova-es@rambler.ru

Ekaterina S. Panova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel, Russian Federation
e-mail: panova-es@rambler.ru

Ястребов Алексей Егорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орёл, Российская Федерация,
e-mail: yastrebov2008@yandex.ru

Alexey E. Yastrebov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel, Russian Federation,
e-mail: yastrebov2008@yandex.ru

Политические партии как фактор эволюции политических процессов в Республике Южная Осетия

Д. Г. Алборова¹✉, Б. Г. Койбаев²

¹ГАУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет» им. А. А. Тибилова, Республика Южная Осетия – Государство Алания, 100001, Цхинвал, ул. Московская, 8

²ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова», Российская Федерация, Республика Северная Осетия – Алания, 362025, Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46

✉ e-mail: mariadement93@gmail.com

Резюме

Актуальность. Политические партии являются неотъемлемой частью современных демократических обществ, тем самым политические партии влияют на политические и социальные процессы, работу государственной власти. Без этого института не может развиваться в полной мере представительная демократия. Политические партии и их роль в политических процессах Южной Осетии недостаточно изучены. Партийная система пока еще в процессе формирования.

Целью статьи является выявление современного состояния политических партий Республики Южная Осетия, их место в социально-политической структуре новообразованного государства и роль в эволюции политических процессах страны.

Задачами исследования стали: анализ законодательной базы, касающейся политических партий и избирательной системы Республики Южная Осетия; анализ истории возникновения и развития политических партий Южной Осетии; анализ современных вызовов, с которыми сталкиваются политические партии; анализ факторов, влияющих на их трансформацию.

Методология. Методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов, а также сравнительный и институциональный методы. Автор анализирует взаимоотношение власти и политических партий накануне парламентских выборов, рассматривается ситуация, сложившаяся в парламенте Республики Южная Осетия между партией большинства и партиями меньшинства.

Результаты. Авторы приходят к выводу, что партийная система Республики Южная Осетия еще не сформирована. На данном этапе она пока еще проходит тяжелый путь своего формирования, где меняется ее количественная и качественная составляющие.

Выводы. В статье выявлены факторы, влияющие на рост напряженности в обществе, и здесь можно говорить о процессе сращивания политической партии большинства с государством, что негативно отражается на развитии демократических процессов в стране и стремлению на законодательном уровне ограничить доступ общества к участию в политической жизни республики.

Ключевые слова: политические партии; избирательная система; законодательство Республики Южная Осетия; парламентские выборы; партийная система; парламентские партии; парламент; политическая идеология; политическая конкуренция.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Алборова Д. Г., Койбаев Б. Г. Политические партии как фактор эволюции политических процессов в Республике Южная Осетия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 141–150.

Political Parties as Factor of Evolution of Political Processes in South Ossetia

Dina G. Alborova¹ ✉, Boris G. Koybaev²

¹South Ossetian State University, 8, Moskovskaya str., Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia

²North Ossetian State University named K. L. Khetagurov, 44-46, Vatutina str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia – Alania, Russian Federation

✉ e-mail: mariadement93@gmail.com

Abstract

Relevance. *Political parties are an integral part of the modern democratic societies. Political parties influence political and social processes, and the work of the state government. Without this institution, representative democracy cannot develop fully. Political parties and their role in the political processes of South Ossetia are not well understood. The party system is still in the making.*

The purpose of the article is to identify the current state of political parties in the Republic of South Ossetia, their place in the socio-political structure of the newly formed state and its role in the evolution of the country's political processes.

The objectives of the study were: analysis of the legislative framework relating to political parties and the electoral system of the Republic of South Ossetia; analysis of the history of the emergence and development of political parties in South Ossetia; analysis of current challenges faced by political parties; analysis of factors that affect their transformation.

Methodology. The methodological basis of the research is a system approach based on the consideration of an object as an integral complex of interrelated elements, as well as comparative and institutional methods. The author analyzes the relationship between the authorities and political parties on the eve of parliamentary elections, examines the current situation in the parliament of the Republic of South Ossetia between the majority party and minority parties.

Results. As a result, the author comes to the conclusion that the party system of the Republic of South Ossetia has not yet been formed. Currently the system is going through a difficult stage of formation that is accompanied with number of quantitative and qualitative changes.

Conclusions. The article identifies factors affecting the growth of tension in the society. First of all, it concerns the tendency for the political party of the majority to merge with the state, which negatively affects the development of democratic processes in the country and the desire at the legislative level to restrict public access to participation in the political life of the republic.

Keywords: *political parties; electoral system; legislation; Republic of South Ossetia; parliamentary elections; party system; parliamentary parties; parliament; political ideology; political competition.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Alborova D. G., Koybaev B. G. Political Parties as Factor of Evolution of Political Processes in South Ossetia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 141–150 (in Russ.).

Введение

Политические партии – это объединения граждан на основе общей идеологии, идей, видения путей и механизмов

развития своего государства. Наличие различных политических партий говорит о том, что есть площадка для самореали-

зации граждан и их участия в делах государства.

Актуальность данной статьи определяется тем, что политические институты Республики Южная Осетия, а именно политические партии, на современном этапе мало изучены. В Южной Осетии пока еще идет процесс формирования своей партийной системы, проходя свой тяжелый путь становления.

Целью статьи является выявление современного состояния политических партий Республики Южная Осетия, их место в социально-политической структуре новообразованного государства и роль в эволюции политических процессов страны.

Задачами исследования стали: анализ законодательной базы, касающейся политических партий и избирательной системы Республики Южная Осетия; анализ истории возникновения и развития политических партий Южной Осетии; анализ современных вызовов, с которыми сталкиваются политические партии; анализ факторов, влияющих на их трансформацию.

Методология

Методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов, а также сравнительный и институциональный методы. Авторы анализируют взаимоотношение власти и политических партий накануне парламентских выборов, рассматривается ситуация, сложившаяся в парламенте Республики Южная Осетия между партией большинства и партиями меньшинства.

Результаты и их обсуждение

Политические партии являются одним из составляющих элементов гражданского общества, выполняя функцию

транслятора интересов социальных групп к государственной власти и обратно. Слабые политические партии неизбежно ослабляют государство, т. к. нарушается или работает неэффективно обратная связь с различными социальными группами общества. Это может привести к искаженному восприятию процессов, происходящих в социуме, принятию неадекватных мер и возможной потере контроля над процессами, происходящими в обществе, что может привести к политическому кризису в стране и ухудшению политического имиджа государства, который играет важнейшую роль в системе современных международных отношений [1, с. 46].

Путем преобразования обкомов и райкомов Коммунистической партии Советского Союза, в 1993 г. в Министерстве юстиции Южной Осетии была зарегистрирована первая политическая партия – «Коммунистическая партия Республики Южная Осетия». Все остальные партии начинают появляться много позже – с 1999 г. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в законодательстве произошли изменения и избирательная система, которая изначально была мажоритарной, становилась смешанной – мажоритарно-пропорциональной, и теперь в выборах в парламент могли участвовать не только самовыдвиженцы, но и политические партии, выдвигая своих кандидатов в своих списках.

Практика показывает, что партии в Южной Осетии начинают возникать за год-полтора до очередных парламентских выборов. По закону «О политических партиях» только те политические партии имеют право бороться за места в парламент, которые зарегистрировались не менее чем за год до выборов [2]. Только к парламентским выборам 2014 г. в Минюсте было зарегистрировано шесть политических партий.

Выборная специфика: независимо от того, что на парламентских выборах участвует несколько партий, электорат голосует за личностей, которые возглавляют эти партии. Это связано со спецификой малых традиционных обществ, где важен личный авторитет. Политические партии не обладают устойчивым электоратом, он довольно зыбкий и имеет больше кочующий характер от выборов к выборам. Несмотря на количественное разнообразие политические партии Южной Осетии не обладают идеологическим разнообразием, поэтому не имеют своего устойчивого электората. Исключение могут составить «Коммунистическая партия» Республики, которую поддерживает в основном та часть населения, которая ностальгирует по советским временам и не теряет надежду на возврат социалистической системы, и «Единая Осетия», за которую голосуют избиратели, разделяющие ее идею вхождения Южной Осетии в состав Российской Федерации.

На парламентских выборах 2014 г., где участвовали девять политических партий, уверенную победу одержала партия «Единая Осетия», которая набрала 43,10%, что значит, что она получила 20 мест в парламенте из 34-х, второе место взяла партия «Единство народа» с 13,24% (6 мест), затем следует «Народная партия», набравшая 9,09% (4 места) и замыкает список партия «Ныхас» со своими 7,47% (4 места). Традиционно в Южной Осетии наблюдается высокая активность избирателей, но на сей раз явка была невысокая, к 18:00 она составила 50,46%, и т. к. 50% были преодолены, ЦИК объявил выборы состоявшимися. В итоге общая явка на выборах составила 60,14% [3].

«Единая Осетия» вышла на выборы с программой «Пяти шагов» вхождения в состав Российской Федерации.

Первый шаг предусматривает инициирование проведения референдума о

вхождении в состав Российской Федерации.

Второй шаг – непосредственно проведение самого референдума по этому вопросу на правах нового субъекта Федерации.

Третий шаг – обращение парламента Республики к Президенту, Правительству и Совету Федераций РФ с просьбой о рассмотрении вопроса вхождения Южной Осетии в Россию.

Четвертый шаг – создание межправительственной рабочей группы переходного периода.

Пятый шаг – принятие новой Конституции Республики Южная Осетия, переход на законодательную базу Российской Федерации и фактическая интеграция [4].

Помимо «Пяти шагов» «Единая Осетия» выступила с обещанием развивать экономику страны и бороться с коррупцией.

Пройдя с абсолютным большинством в парламент, члены данной партии взяли кресла спикера и вице-спикера парламента, а также возглавили шесть из девяти парламентских комитетов.

Работа в ситуации большинства одной партии в парламенте вызвала недовольство и протест со стороны партий меньшинства, которые объединились и выступили с протестом и критикой в адрес «Единой Осетии». 13 марта 2015 г. партия парламентского большинства вынесла вотум недоверия министру иностранных дел Санакоеву Давиду, а накануне по итогам выступления министра перед парламентом о проделанной работе признала ее неудовлетворительной, что вызвало несогласие со стороны других партий. Партии меньшинства обвинили «Единую Осетию» в сведении счетов с министром, т. к. он, несмотря на протест спикера парламента, опубликовал проект договора «О союзничестве и интеграции» с РФ, сделав документ публичным, что

вызвало неоднозначную реакцию в обществе. К тому же Санакоев слыл сторонником укрепления государственности и независимого пути развития Южной Осетии при союзничестве с РФ, в отличие от спикера, который выступал за вхождение Республики в состав РФ. Поэтому партии меньшинства демонстративно не явились на повторное голосование по вотуму недоверия министру иностранных дел 15 апреля 2015 г., тем самым парламент не смог вынести решения – не было кворума – для конституционного большинства не хватило нескольких голосов. Обращаясь к руководству «Единой Осетии», глава «Народной партии» Александр Плиев отметил: «Начиная с первой сессии, вы слушаете, но не слышите мнения депутатов остальных партий, кроме вашей. Не учитывая точки зрения других депутатов, вы ставите вопросы на голосование, потому что 20 голосов депутатов вашей партии перевесят остальные 14... “Единая Осетия” – это партия одного человека, где 20 депутатов имеют одинаковые мнения, и все 20 мнений совпадают с точкой зрения их лидера. Помимо мнения депутатов, есть еще простая гражданская позиция, и любой депутат ее может высказать». К тому же депутатам так и не смогли объяснить, по какой причине и на каком основании партия большинства требовала вынесение вотума недоверия главе МИД [5]. Это вызвало возмущение со стороны «Единой Осетии». Спикер парламента обвинил эти партии в деструктивном поведении, в давлении на них администрацией президента и срыве парламентской работы в целом.

Ситуация в парламенте повторилась в июле 2016. На сессию парламента был вынесен вопрос об отчете правительства о работе за 2015 г. «Единая Осетия» проголосовала за то, чтобы признать работу правительства неудовлетворительной, что вызвало протест со стороны партий меньшинства, которые выступили с сов-

местным заявлением о создании парламентского объединения из числа депутатов партий меньшинства. В этом заявлении они критиковали партию большинства, обвиняя ее в процедурных нарушениях, непрофессиональном и неконструктивном подходе к государственным вопросам и полном игнорировании мнения других депутатов. Отмечалось, что ни на президиуме парламента, ни в комитетах данный отчет не обсуждался предварительно. Партиями меньшинства был сделан вывод, что партия большинства во главе с Анатолием Бибиловым уже приняла решение за спиной у остальной части парламента, и на сессии они появились с уже заготовленным ранее решением. «Единая Осетия» была обвинена в том, что она дестабилизирует ситуацию в стране своей конфронтационной реакцией на мнение оппонентов и деструктивным подходом ко всем действиям исполнительной власти [6]. К тому же такое конфронтационное поведение спикера парламента расценивалось партиями как часть его начатой предвыборной кампании на пост президента.

В апреле 2017 г. в Южной Осетии состоялись президентские выборы, которые выиграл глава партии «Единая Осетия» и спикер парламента Анатолий Бибилов с 58% голосов, оставив кресло председателя парламента своему соратнику по партии Петру Гассиеву [7].

В ноябре 2017 г. на пост председателя Верховного суда была назначена член «Единой Осетии», глава комитета парламента по законности, законодательству и местному самоуправлению. Тем самым образовалась ситуация, когда все ветви власти: законодательная, исполнительная (по Конституции Президент является главой государства и исполнительной власти) и судебная – находятся в руках одной политической партии. Такое положение вызывает недовольство со стороны не только парламентских, но и непарла-

ментских политических партий, которые усматривают в этом процесс узурпации всей власти «Единой Осетией» в узкопартийных интересах и игнорирование интересов других политических сил, как и общества в целом.

Последние годы наблюдается ужесточение законодательства по отношению к политическим партиям. Это рассматривается как удаление конкурентов с политического поля партией большинства, что в конечном итоге чревато переходом к однопартийной системе. Это грозит сращиванием партии власти с государством. Даже при наличии других политических партий, которые будут носить номинальный характер, всяческая политическая конкуренция и плюрализм мнений будут исключены.

Политические партии аккумулируют в себе и трансформируют протест и социальное недовольство в политические цели и программы и в рамках закона начинают бороться за достижение своих целей через участие в представительных органах, в органах управления государства. Тем самым они играют важную роль в снятии социальной напряженности, преобразуя ее негативную энергию в позитивную. Убирая с политического поля политические партии, есть опасность накопления протестной энергии и как следствие – социального взрыва.

На сегодняшний день из пятнадцати зарегистрированных политических партий осталось девять. Министерство юстиции провело проверки политических партий и по результатам выявленных нарушений инициировало закрытие шести партий. Наиболее распространённым нарушением является наличие двойников – одно и то же лицо является членом двух или более партий. Вместе с тем Министерство юстиции отказывается предоставлять список двойников партии, ссылаясь на «неразглашение персональных данных», что является тупиковой ситуацией, т. к.

политические партии, не имея на руках списка, не могут сами выявить их, с тем чтобы поставить их перед выбором, тем более что это персональная ответственность лица, вступающего в политическую партию.

18 января 2019 г. на сайте медиационного центра «Ир» появилось заявление об объединении политических партий «Аланский союз», «Ныхас» и «Новая Осетия» [8]. Три политические силы обвинили парламентскую партию большинства «Единую Осетию» в фактической узурпации политической власти, т. к. и президент страны, и главы всех трех ветвей власти являются членами этой партии, что привело к потере действия механизмов сдержек и противовесов и к различным злоупотреблениям. По их мнению, власть последний год целенаправленно убирает своих политических конкурентов, вводя ограничивающие поправки в законодательство, под разными предлогами, отказывая в регистрации новым политическим партиям и закрывая уже действующие. Все это происходит за год-полтора до новых парламентских выборов, которые должны состояться в июне 2019 г. Так как по последним поправкам в декабре 2018 г. в конституционный закон РЮО «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Республики Южная Осетия», исключая возможность образования предвыборных партийных блоков, эти три политические силы объявили о слиянии в рамках парламентской партии «Ныхас».

Объединение трех политических партий в одну несет с собой и свои потери: с политического поля исчезают две политические силы – одна зарегистрированная и одна не зарегистрированная политическая партия, тем самым сужается политическое поле страны. Такое слияние не может приветствоваться всеми членами и электоратом этих политиче-

ских партий, соответственно, они будут терять своих членов и часть своего электората. Этот процесс уже идет – некоторые члены партий уже покидают их ряды [9].

Данные политические партии возглавляют три яркие личности – бывший глава Администрации столицы Алан Алборов, экс-министр иностранных дел Давид Санакоев и экс-кандидат на пост президента Южной Осетии Алан Гаглоев. После выборов, когда начнется рутинная партийная деятельность, требующая решений ежедневных вопросов, постановку задач и механизмов их решений, личностям, имеющим свое виденье, будет сложно уживаться в рамках одной политической партии. При возникновении конфликтной ситуации уже сложнее будет регистрировать новую политическую партию, т. к. закон «О политических партиях» ужесточен – увеличено количество членов для регистрации в качестве юридического лица. В 2018 г. Министерством юстиции было отказано в регистрации всем партиям, которые выявили желание зарегистрироваться в качестве юридических лиц. Мало кто в обществе воспринял это как реальное несоответствие представленных документов в Минюст закону. Это действие было воспринято как реализация в жизнь озвученной спикером парламента мысли об отсутствии необходимости иметь такое количество политических партий, которые якобы раскалывают маленькое общество Южной Осетии. По мнению действующего спикера, в стране, где проживает небольшое количество населения, неприемлемо иметь 15 политических партий, что это является просто безобразием, рекомендуя сократить их количество до минимума. Он поприветствовал работу Министерства юстиции по проверкам политических партий с надеждой, что количество их на политическом пространстве Южной Осетии заметно сократится [10].

Не случайно для объединения трех политических сил была выбрана партия «Ныхас». «Ныхас» является парламентской партией, а по действующему законодательству парламентская партия не может быть закрыта, ей не надо собирать подписи для регистрации в ЦИК, она не может быть не допущена на выборы.

Между этими тремя политическими единицами есть понимание и у них есть шанс составить конкуренцию партии парламентского большинства на выборах при грамотной выработке программы и проведении предвыборной компании. Они могут объединить не только своих сторонников, но и привлечь на свою сторону протестный электорат, который активно себя проявляет с 2011 г. и является решающим во всех последующих парламентских и президентских выборах.

Гаглоеву Алану, лидеру незарегистрированной политической партии «Аланский союз», было предложено возглавить это политическое объединение, с условием принятия всех политических решений коллегиальным путем, с участием остальных лидеров этого объединения.

Партии готовились к переходу в парламентскую партию «Ныхас», велась подготовка объединительного съезда. После заявления об объединении Министерство юстиции сообщило о начале проверок в парламентской партии «Ныхас». 18 февраля партия получила письменное предупреждение о нарушениях, связанных с наличием двойников, при этом на устранение этого нарушения партии дали всего один день, не предоставив им списка этих лиц. Тем самым от власти прозвучал предупредительный сигнал в адрес нарушителей политического спокойствия. 25 февраля появилось новое заявление лидеров «Ныхас», «Аланского союза» и «Новой Осетии», в которой говорится, что по итогам диалога между участниками политического процесса

было преодолено недопонимание между Минюстом и партией «Ныхас», будут созданы условия для регистрации в Министерстве юстиции партии «Аланский союз». С другой стороны, «Аланский союз» выходит из состава «Ныхас», члены «Аланского союза» будут участвовать в выборах, в качестве кандидатов по одномандатным округам, а сам лидер этой партии Алан Гаглоев не будет баллотироваться на предстоящих парламентских выборах [11].

Что касается «Новой Осетии», то она по-прежнему идет по пути объединения с «Ныхас», т. к. лидеры партии не уверены в том, что они пройдут проверки Минюста и, соответственно, не будут допущены к выборам.

Скорее всего, это еще не окончательный расклад политических сил и изменения на политическом поле к выборам еще будут происходить.

Пока не ясно, сколько политических партий выйдет на выборы в парламент Южной Осетии, т.к. с января этого года Минюст объявил о начале проверок еще 9 политических партий, где в первую очередь будут проверяться численный и списочный состав партий во всех региональных отделениях, а также их участие в выборах на протяжении пяти последних лет.

Выводы и рекомендации

Политические партии – это один из базовых политических институтов общества, который ведет борьбу за завоевание

и/или удержание политической власти, через участие в выборах в представительные органы.

Несмотря на количество политических партий в Южной Осетии они не отличаются идеологическим многообразием и не выполняют в полной мере те функции, которые присущи политическим партиям. Они достаточно молодые, за исключением Коммунистической партии, у них нет достаточного опыта политической борьбы. Незрелость политических партий также отражается в том, что они не исполняют в полной мере роль посредников между обществом и властью.

Таким образом изменения, которые происходят в политическом и правовом поле, связанные с политическими партиями. С одной стороны, негативно влияют на общие социально-политические процессы: есть угроза узурпации одной политической партией власти; есть угроза сворачивания демократизации общества; беднеет политическое поле; нет разнообразия и конкуренции политических идей; не все интересы общества представлены на политической арене. С другой стороны, сокращение количества политических партий вызывает изменения их качественной составляющей: в ситуации жесткой борьбы они вынуждены будут усиливать свои позиции, наращивать свой потенциал, укреплять свой кадровый резерв, бороться за свою нишу в политической структуре общества.

Список литературы

1. Койбаев Б. Г. Политический имидж государства в современном глобальном информационном пространстве // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2013. № 1. С. 45–48.
2. О политических партиях [Электронный ресурс]: закон Республики Южная Осетия от 04.12.2002 № 22. URL: <http://www.parliamentroso.org/node/89> (дата обращения: 01.05.2019).

3. ЦИК: парламентские выборы в Южной Осетии признаны состоявшимися [Электронный ресурс] // ТАСС. 2014. 8 июня. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1245606> (дата обращения: 01.05.2019).

4. Анатолий Бибилов: Вектор Южной Осетии на сближение с Россией останется неизменным [Электронный ресурс] // Государственное информационное агентство "Рес". 2014. 26 мая. URL: <http://cominf.org/node/1166501944> (дата обращения: 01.05.2019).

5. Козаев А. Лидеры трех партий заявили о парламентском кризисе в Южной Осетии [Электронный ресурс] // Кавказский Узел. 2015. 18 апр. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/260816/> (дата обращения: 01.05.2019).

6. Три югоосетинские партии выступили против курса «Единой Осетии» [Электронный ресурс] // EADaily. 2016. 28 июля. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/07/28/tri-yugoosetinskie-partii-vystupili-protiv-kursa-edinoj-osetii> (дата обращения: 01.05.2019).

7. Итоги выборов: Южная Осетия выбрала нового президента и новое название [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2017. 10 апр. URL: <https://ria.ru/20170410/1491913751.html> (дата обращения: 01.05.2019).

8. Заявление об объединении политических партий «Аланский союз», «Новая Осетия», «Ныхас» [Электронный ресурс] // Медиа-центр «Ир». 2019. 18 янв. URL: <http://mc-ir.ru/zayavlenie-ob-obedinenii-politicheskikh-partij-alanskij-soyuz-novaya-osetiya-nyhas/> (дата обращения: 01.05.2019).

9. Члены партии «Ныхас» в недоумении от слияния трех партий в одну [Электронный ресурс] // Безформата. 2019. 31 янв. URL: <http://vladikavkaz.bezformata.com/listnews/partii-nihas-v-nedoumenii-ot-sliyaniya/72555086/> (дата обращения: 01.05.2019).

10. Петр Гассиев: в Южной Осетии должно быть одна-две партии [Электронный ресурс] // Sputnik. 2017. 15 сент. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/analytics/20170915/4867378.html> (дата обращения: 01.05.2019).

11. Заявление лидеров политических партий «Ныхас», «Новая Осетия», «Аланский Союз» [Электронный ресурс] // Алания информ. 2019. 25 февр. URL: <http://osinform.org/70894-zayavlenie-liderov-politicheskikh-partiy-nyhas-novaya-osetiya-alanskiy-soyuz.html> (дата обращения: 01.05.2019).

Поступила в редакцию 14.07.19

Подписана в печать 05.08.19

Reference

1. Kojbaev B. G. Politicheskij imidzh gosudarstva v sovremennom global'nom informacionnom prostranstve. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova*, 2013, no. 1, pp. 45–48.

2. О политических партиях: закон Республики Южная Осетия от 04.12.2002 No 22. URL: <http://www.parliamentso.org/node/89> (accessed 01.05.2019).

3. ЦИК: парламентские выборы в Южной Осетии признаны состоявшимися. *TASS*, 2014, 8 June. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1245606> (accessed 01.05.2019).

4. Anatolij Bibilov: Vektor Yuzhnoj Osetii na sblizhenie s Rossiej ostanetsya neizmennym. *Gosudarstvennoe informacionnoe agentstvo "Res"*, 2014, 26 May. URL: <http://cominf.org/node/1166501944> (accessed 01.05.2019).

5. Kozaev A. Lidery trekh partij zayavili o parlamentskom krizise v Yuzhnoj Osetii. *Kavkazskij Uzel*. 2015, 18 Apr. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/260816/> (accessed 01.05.2019).
6. Tri yugoosetinskie partii vystupili protiv kursa "Edinoj Osetii". *EADaily*, 2016, 28 July. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2016/07/28/tri-yugoosetinskie-partii-vystupili-protiv-kursa-edinoy-osetii> (accessed 01.05.2019).
7. Itogi vyborov: Yuzhnaya Osetiya vybrala novogo prezidenta i novoe nazvanie. *RIA Novosti*, 2017, 10 Apr. URL: <https://ria.ru/20170410/1491913751.html> (accessed 01.05.2019).
8. Zayavlenie ob ob"edinenii politicheskikh partij "Alanskij soyuz", "Novaya Osetiya", "Nyhas". *Media-centr "Ir"*, 2019, 18 Jan. URL: <http://mc-ir.ru/zayavlenie-ob-obedinenii-politicheskikh-partij-alanskij-soyuz-novaya-osetiya-nyhas/> (accessed 01.05.2019).
9. Chleny partii "Nyhas" v nedoumenii ot sliyaniya trekh partij v odnu. *Bezformata*. 2019, 31 Jan. URL: <http://vladikavkaz.bezformata.com/listnews/partii-nihas-v-nedoumenii-ot-sliyaniya/72555086/> (accessed 01.05.2019).
10. Petr Gassiev: v Yuzhnoj Osetii dolzhno byt' odnadve partii. *Sputnik*, 2017, 15 Sept. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/analytics/20170915/4867378.html> (accessed 01.05.2019).
11. Zayavlenie liderov politicheskikh partij "Nyhas", "Novaya Osetiya", "Alanskij Soyuz". *Alaniya inform*, 2019, 25 Febr. URL: <http://osinform.org/70894-zayavlenie-liderov-politicheskikh-partiy-nyhas-novaya-osetiya-alanskiy-soyuz.html> (accessed 01.05.2019).

Received 14.07.19

Accepted 05.08.19

Информация об авторах / Information about the authors

Алборова Дина Геннадиевна, старший преподаватель кафедры политологии и социологии, ГАУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет» им. А. А. Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия
e-mail: mariadement93@gmail.com

Dina G. Alborova, Senior Lecturer of the Department of Political Sciences and Sociology, South Ossetian State University, Tskhinval, South Ossetia
e-mail: mariadement93@gmail.com

Койбаев Борис Георгиевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и исторической политологии ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова», Владикавказ, Северная Осетия
e-mail: koibaevbg@mail.ru

Boris G. Koibaev, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor the of the Department of General History and Historical Political Science FGBOU VO "North Ossetian State, University named K.L. Khetagurov", Vladikavkaz, North Ossetia
e-mail: koibaevbg@mail.ru

УДК 327.7

Некоторые проблемы развертывания и трансформации миротворческих операций ООН с участием полицейского компонента

С. А. Тишков¹ ✉

¹Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, Российская Федерация, 302027, Орел, ул. Игнатова, 2

✉ e-mail: stishkov@list.ru

Резюме

Актуальность. В XXI веке спрос на миротворческое вмешательство ООН как единственной межгосударственной организации универсального глобального представительства в сфере обеспечения международного мира и безопасности не уменьшился, поскольку в условиях формирования полицентричной международной системы не ослабевают негативные тенденции, являющиеся причинами политической, социальной, этнической и конфессиональной нестабильности во внутригосударственной плоскости.

Однако за более чем полувековую историю миротворческой деятельности способность ООН к эффективному реагированию на кризисы и урегулированию внутренних конфликтов не раз подвергалась обоснованной критике. Наряду с просчетами в политической сфере и откровенными провалами в реализации миротворческих мандатов негативная оценка была дана и возможности ООН оперативно развертывать новые миротворческие операции или эффективно изменять формат и численность персонала текущих операций для ответа на вызовы динамично меняющейся обстановки.

Цель. Статья посвящена исследованию актуальных подходов к развертыванию и изменению формата миротворческих и специальных политических миссий ООН с участием полицейских компонентов.

Задачи: рассмотрение участия Постоянного полицейского компонента ООН в миротворческой деятельности, анализ проблем развертывания полицейского персонала миротворческих и специальных политических миссий ООН и возможной роли Постоянного полицейского компонента ООН в формировании и реализации новых моделей миротворчества.

Методология. В исследовании применялись системный, исторический, институциональный и структурно-функциональный подходы. Проведён контент-анализ документов ООН и публикаций по данной тематике.

Результаты. Основным результатом исследования стало обоснование необходимости формирования новых стратегических подходов к деятельности Постоянного полицейского компонента ООН.

Выводы. Сделан вывод о том, что создание в 2007 году Постоянного полицейского компонента в полицейских структурах ООН позволило реализовать новую модель развертывания полицейского персонала ООН, а также выполнять полицейские мандаты на стадии развертывания или трансформации миротворческих операций ООН, оперативно реагируя на динамику миротворческого процесса.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; миротворческая деятельность; полиция ООН; постоянный полицейский компонент.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Тишков С. А. Некоторые проблемы развертывания и трансформации миротворческих операций ООН с участием полицейского компонента // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 151–162.

© Тишков С. А., 2019

Some Problems of Deployment and Transformation of un Peacekeeping Operations with the Police Component Participation

Sergey A. Tishkov¹ ✉

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2, Ignatova str., 302027, Orel, Russian Federation

✉ e-mail: stishkov@list.ru

Abstract

Relevance. In the XXI century, the demand for UN peacekeeping intervention as the only universal global organization for ensuring international peace and security did not diminish. The formation of a polycentric international system contributes to negative trends that cause political, social, ethnic and confessional instability transferring into internal conflicts.

For more than half a century of peacekeeping, the UN's ability to respond effectively to crises and resolve internal conflicts has been criticized repeatedly. A negative assessment was given to the UN's ability for quick deployment of new peacekeeping operations or effectively change of the format and number of personnel of current missions in accordance with the challenges of a dynamic peace environment.

The purpose of the study is to assess the current approaches to deploying and changing the format of UN peacekeeping and special political missions with the police components.

The objectives of the study are the following: scientific research of the Standing Police Capacity participation in peacekeeping, analysis of the problems of deployment of police personnel of UN peacekeeping and special political missions and the possible role of the Standing Police Capacity in the formation and implementation of new peacekeeping models.

The research methodology is based on the systematic, historical, institutional and structural-functional approaches as well as content analysis.

Results. The main result of the study is a rationale for new strategic approaches to the Standing Police Capacity.

Findings. It is noted that creation of the Standing Police Capacity made it possible to implement a new model for the UN police personnel deployment.

Keywords: United Nation; peacekeeping activity; UN Police; Standing Police Capacity.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tishkov S. A. Some Problems of Deployment and Transformation of un Peacekeeping Operations with the Police Component Participation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 151–162 (in Russ.).

Введение

«Институциональные проблемы» миротворчества ООН в оперативном реагировании на проблемы стран, находящихся в состоянии напряженности или выходящих из конфликта, были отмечены в докладе Генерального секретаря ООН К. Аннана, который подчеркнул,

что данный институт вряд ли можно сравнить даже с добровольной пожарной командой [1].

Развертывание новой миротворческой операции, санкционированной Советом Безопасности ООН (далее – СБ ООН), представляет собой сложный процесс, связанный с определением её потребностей, подбором необходимого ква-

лифицированного персонала (от Главы миссии до рядовых членов), закупку и доставку материалов и оборудования, а также другие организационные вопросы. При этом на сроки развертывания новой операции могут оказать негативное влияние отношения с принимающим государством, которое может препятствовать прибытию миротворцев, вводя ограничения и затягивая сроки выдачи виз для контингентов ООН или таможенного оформления поступающих материально-технических ресурсов.

Осознавая проблемы в сфере миротворчества, ООН предпринимает регулярные попытки для проведения экспертной оценки, определения трендов и перспективной готовности Организации к реагированию на вызовы современности, которые могут привести к изменению базовых подходов и практики миротворческих операций [2, с. 16].

Одним из основополагающих документов в реформировании миротворческой практики ООН стал доклад Группы по операциям ООН в пользу мира, возглавляемой Л. Брахими («доклад Брахими») [3].

В соответствии с изложенными в докладе подходами был предпринят ряд мер по укреплению потенциала ООН в организации и проведении миротворческих операций. В 2007 г. в ООН был создан Департамент полевой поддержки (далее – ДПП), укреплены подразделения Штаб-квартиры ООН, обеспечивающие миротворческие миссии военным и полицейским персоналом.

Однако кардинальный перелом в организации управления миротворческими операциями ООН не наступил [4], что требует дополнительного анализа «полученных уроков» для определения новых операционных моделей и алгоритмов развертывания или трансформации миротворческих операций с участием полицейского персонала.

Статья посвящена исследованию актуальных подходов к развертыванию и

изменению формата миротворческих и специальных политических миссий ООН с участием полицейских компонентов.

Задачами исследования стали: рассмотрение участия Постоянного полицейского компонента ООН в миротворческой деятельности, анализ проблем развертывания полицейского персонала миротворческих и специальных политических миссий ООН и возможной роли Постоянного полицейского компонента ООН в формировании и реализации новых моделей миротворчества.

Методология

Методология исследования основана на применении системного, исторического, институционального и структурно-функционального подходов. Источниковую базу составили нормативные документы ООН, информационные материалы и научные публикации по данной тематике.

Результаты и их обсуждение

Генезис ППК в миротворческой деятельности ООН. За относительно долгий период участия международных полицейских сил в миротворчестве под флагом ООН¹ функции и организационно-структурные аспекты деятельности полиции ООН подверглись значительной трансформации.

Важным этапом реформирования полиции ООН можно считать создание в 2007 г. Постоянного полицейского компонента (далее – ППК) в структуре Отдела полиции Управления по делам органов обеспечения законности и безопасности Департамента операций по поддержанию мира (далее – Отдел полиции ДОПМ).

ППК был сформирован для повышения эффективности деятельности поли-

¹ Участие полиции ООН в миротворчестве берёт начало с 1960 г., когда первая группа международных полицейских приступила к выполнению миротворческих задач в составе сил ООН в Конго (*Прим. автора*).

ции ООН, т. к. в настоящее время в сфере обеспечения верховенства права всё большее значение уделяется организационному строительству полицейского компонента и выполнению полицейских мероприятий в соответствии с утвержденными мандатами. Это требует наличия международных экспертов в специальных областях полицейской деятельности, включая: расследование преступлений; управление системами полицейской информации, материально-техническое и финансовое снабжение; организацию деятельности экспертно-криминалистических учреждений. Отчасти в силу кадровых проблем миротворческие миссии ООН в Кот-д'Ивуаре и Либерии испытывали трудности при работе с запросами этих стран об оказании помощи. Поэтому в ООН отмечают, что для выполнения ряда специальных функций необходим широкий круг полицейских специалистов, включая экспертов по вопросам формирования полицейских сил, следователей и инструкторов, располагающих надлежащей квалификацией, или гражданских специалистов [5].

Идея создания ППК во многом связана с реализацией рекомендаций «доклада Брахими», который призвал государства-члены создавать резервы действующих сотрудников полиции, находящихся в «режиме ожидания», для оперативной дислокации в миротворческие операции ООН [3].

В дальнейшем Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, возглавляемой А. Паньярачуном (далее – Группа высокого уровня), отметил значимость осуществления полицейских функций по обеспечению правопорядка в ходе миротворческих операций, подчеркнул, что медленное развертывание полицейских контингентов негативно сказалось на целом ряде операций. Члены Группы высокого уровня подтвердили необходимость ООН располагать небольшим штатом старших сотрудников

полиции и менеджеров (от 50 до 100 человек), которые могли бы осуществлять оценку деятельности миротворческих миссий и организацию развертывания полицейских компонентов на начальном этапе операций, и рекомендовали Генеральной Ассамблее ООН (далее – ГА ООН) санкционировать создание такого потенциала в полицейской сфере [6].

Идея сформировать постоянный резерв полицейских сил для обеспечения последовательной и эффективной помощи на начальном этапе осуществления мандатов современных миротворческих операций получила поддержку и в Итоговом документе Всемирного саммита-2005 [7]. Во исполнение данных рекомендаций ГА ООН окончательно закрепила решение о создании ППК для обеспечения надлежащей поддержки на всех этапах операций по поддержанию мира, включая стадии их трансформации или завершения [8].

В настоящее время ППК, расположенный в Бриндизи (Италия), обладает потенциалом развертывания нескольких десятков международных экспертов в различных областях полицейской деятельности от борьбы с транснациональной организованной преступностью и расследования преступлений, реформирования полицейских органов и обеспечения общественного порядка до плановой и аналитической работы, информационно-коммуникационных технологий, а также экспертов в области гендерных вопросов.

Согласно действующим политикам ООН ППК предназначен для:

- формирования передовых групп для быстрого начала функционирования полицейских компонентов развертываемых миротворческих операций ООН;
- оказания помощи полицейским компонентам текущих миротворческих операций ООН, включая эффективную и согласованную экспертную оценку деятельности полиции и иных правоохранительных органов.

тельных органов на этапе развертывания, трансформации или завершения миротворческой операции или частичной передачи полномочий [9].

За последние годы ППК оказал определенную поддержку в развертывании полицейских компонентов на начальном этапе функционирования Миссии ООН в Республике Чад и Центральноафриканской Республике (далее – МИНУРКАТ), Миссии ООН по оказанию содействия Ираку (далее – МООНСИ), Миссии ООН в Южном Судане (далее – МООНЮС), Миссии ООН по поддержке в Ливии (далее – МООНПЛ) [10, с. 137].

С положительной стороны возможно отметить роль специалистов ППК в организации передачи полномочий от Международной миссии под африканским руководством по поддержке в Центральноафриканской Республике¹ (АФИСМЦАР) Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Центральноафриканской Республике (далее – МИНУСКА).

Первоначально направленный в Центральноафриканскую Республику (далее – ЦАР) в феврале 2014 г. персонал ППК был укреплён за счёт командирования группы из 8 сотрудников ППК для становления полицейского компонента новой ооновской операции. По решению Специального представителя Генерального секретаря ООН специалистами ППК был реализован беспрецедентный проект создания объединенных специализированных сил ООН в регионе Банги под оперативным командованием полицейского компонента миссии ООН.

Наряду с данным проектом специалисты ППК участвовали в реализации

ряда ключевых программ, включая проверку оперативной концепции деятельности (англ. Concept of Operations) и определение потребностей для развития потенциала полиции принимающего государства, а также оказали практическую помощь местной полиции и жандармерии в организации обеспечения общественной безопасности и в обучении местных полицейских.

Специалисты ППК завершили свою работу в марте 2015 г., но оказание помощи МИНУСКА силами ППК не прекратилось. В ЦАР регулярно выезжал Советник по вопросам обеспечения общественного порядка, который координировал организацию охраны общественного порядка во время визита в страну Папы Римского Франциска и при проведении президентских и парламентских выборов. Помощь миссии ООН в конкретных сферах полицейской деятельности также оказывали Советник по реформированию и Советник по организации работы с персоналом [11].

Действующие политики ООН также закрепляют, что специалисты ППК могут проводить оценку и аудит оперативной деятельности компонентов полиции ООН для выявления возможных недостатков и определения текущих потребностей, оказывать помощь в создании систем контроля и механизмов взаимодействия для повышения эффективности выполнения полицейских задач. Например, после оказания в 2013 г. практической помощи на этапе развертывания полицейского компонента Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (далее – МИНУСМА) специалисты ППК продолжили оказывать помощь данной миссии.

В апреле 2015 г. специалисты ППК провели оценку системы механизмов управления, координации и контроля деятельности полиции МИНУСМА, координации работы СПП в Бамако и других региональных секторах, в также органи-

¹ В различных источниках данная миссия также упоминается как Миссия Африканского Союза в Центральноафриканской Республике (англ. African Union Mission in Central Africa Republic, фр. Mission Internationale de Soutien à la Centrafrique sous Conduite Africaine) (*Прим. автора*).

зации тренинга местной полиции. ППК также обеспечил помощь в реорганизации и повышении оперативных возможностей подразделений по борьбе с транснациональной организованной преступностью и терроризмом в части организации работы криминальной разведки [12].

С учётом запросов на помощь в организации работы ключевых командных постов на уровне Глав полицейских компонентов и командиров регионального уровня в период с марта по октябрь 2015 г. ППК командировал в Сомали одного из руководителей компонента для исполнения обязанностей полицейского комиссара Миссии ООН по содействию Сомали (далее – МООНСОМ). В этот период были установлены рабочие отношения с полицейскими силами Сомали, миссией Африканского Союза в Сомали (далее – АМИСОМ) и ключевыми партнерами.

Особого внимания заслуживает роль представителя ППК в восстановлении основ полицейской службы и оказании помощи федеральным и региональным властям в разработке проекта плана федерального правительства Сомали (План «Хеган», англ. Heegan Plan) и основ законодательства с целью создания Федеральной полиции Сомали (англ. Somalia Federal Police).

Новая модель деятельности полиции, получившая особое одобрение в резолюции СБ ООН № 2232 (2015) [13], предусматривает два уровня полицейской службы – федеральный и региональных государственных образований (непризнанных государств), каждый из которых будет подотчетен министрам внутренней безопасности соответствующего уровня¹.

¹ Дальнейшая разработка Плана «Хеган» на период 2017–2025 гг. была проведена в рамках Консультативной конференции по полицейской реформе в Сомали, проведенной в Найроби в марте 2016 г. URL: <https://unsom.unmissions.org/new-policing-model-somalia> (дата обращения: 01.03.2019).

В ноябре 2016 г. по запросу Миссии ООН по стабилизации в Гаити (далее – МООНСГ) ППК направил в Гаити Советника по вопросам обеспечения общественного порядка и Офицера по планированию для оказания помощи в проведении предстоящих президентских выборов. После успешного проведения первого тура выборов миссия обратилась с просьбой продлить нахождение экспертов до второго тура выборов, назначенного на 29 января 2017 г. В этот период офицером по планированию была оказана существенная помощь в формировании плана развития местной полиции (англ. Haitian Police Development Plan) на период 2017–2021 гг., а также в планировании переходного периода, связанного со стратегическим уменьшением участия полиции ООН в данной операции, и последующей передачей полномочий МООНСГ созданной Миссией Организации Объединенных Наций по поддержке сектора правосудия в Гаити (далее – МООНППГ) [12; 14].

Проблемы развертывания полицейского персонала и роль ППК. С момента создания ППК его деятельность не раз подвергалась критической оценке. Скептики отмечают, что представители данного компонента оказывали помощь миротворческим операциям не с той интенсивностью, которая предполагалась изначально. По их мнению, ППК, в принципе, не может оказать реальную помощь миротворческим операциям, поскольку имеет в своем распоряжении всего лишь 40 сотрудников, что не позволяет добиться максимальной эффективности в решении общих или специальных задач, в том числе в реализации ключевой функции формирования полицейских компонентов новых миротворческих операций [10, с. 137].

Несомненно, что количественные показатели обеспечения миротворческих операций полицейским персоналом не

теряют своей актуальности для повышения эффективности миротворческих усилий, наряду с качеством подготовки прибывающих сотрудников полиции [15; 16].

Наиболее существенно данная проблема проявилась при развертывании Миссии ООН в Косово (далее – МООНК), когда объем полицейских задач значительно превышал возможности полицейского компонента, во время операции в Восточном Тиморе, когда индонезийские полицейские власти самоустранились от поддержания общественного порядка после проведения референдума о статусе этой территории, а также на начальном этапе Миссии ООН в Судане (далее – МООНВС), когда использование «мобилизационного списка полицейских ООН» не повлияло на ускорение процесса командирования полицейских в новую операцию [17] в рекомендованные «докладом Брахими» временные рамки развертывания¹.

На современном этапе в составе развернутых при поддержке ООН в разных регионах мира 14 миротворческих миссий и 8 специальных политических миссий дислоцированы более 10 000 ооновских полицейских [18], заменить которых силами малочисленного ППК не представляется возможным.

Отмечая определенные организационно-штатные решения ООН, направленные на изменение кадровой политики и снижение числа полицейских вакансий, считаем важным подчеркнуть, что ППК не может и не должен решить в полном объеме проблему командирования полицейского персонала в миротворческие операции. Эта цель и не ставилась, поскольку подбор, организация командиро-

вания и ротации международного полицейского персонала для миротворческих операций является одним из приоритетных направлений деятельности Отдела полиции ДОПМ, который должен координировать трехсторонние консультации со странами, предоставляющими полицейские контингенты.

Эксперты в области миротворческой деятельности ООН отмечают, что существующие проблемы обеспечения полицейским персоналом миротворческих операций ООН для кризисного реагирования и урегулирования конфликтов должны решаться с применением комплексных подходов. При планировании обеспечения персоналом необходимо реалистично оценивать и учитывать существующие ресурсы разных международных организаций, распределять и координировать соответствующие функции [19, с. 71].

Напомним, что ППК был создан для проведения точечной экспертной оценки и помощи Отделу полиции ДОПМ в решении проблемы быстрого развертывания квалифицированного полицейского персонала на начальном этапе функционирования миротворческой операции и оказания помощи постоянным миссиям и партнерам ООН. Многообразие опыта и знаний, которыми обладает персонал ППК, может в значительной степени способствовать обеспечению комплексного подхода к решению задач, возложенных на Отдел полиции ДОПМ.

С учётом расширения спектра полицейских мандатов такой сферой может стать оказание практической помощи в организации взаимодействия с Интерполом. Например, в связи с неопределённостью политико-правовой ситуации в Косово полицейский компонент МООНК продолжает осуществлять взаимодействие с Интерполом от лица местных властей, в том числе с привлечением специалистов ППК [12].

¹ «Доклад Брахими» предложил ООН развивать оперативную возможность полного развертывания традиционных миротворческих операций в течение 30 дней после принятия решения СБ ООН, а многокомпонентных миротворческих операций – в течение 90-дневного срока (*Прим. автора*).

Несмотря на положительные примеры участия специалистов ППК в ходе миротворческих операций ООН, ожидания акторов миротворческого процесса, связанные с деятельностью ППК, не всегда обоснованы и зачастую не соответствуют целям создания данного компонента. При этом многие забывают о том, что ППК имеет реально лимитированные оперативные возможности развертывания персонала при широком спектре направлений возможной помощи Отделу полиции ДОПМ в решении проблемы быстрого развертывания квалифицированного полицейского персонала миротворческих операций.

Необходимость изменения стратегических подходов к деятельности ППК. По мнению П. Г. Зверева, существенной проблемой в сфере оптимизации механизмов развертывания и трансформации миротворческих операций с участием полицейского компонента является отсутствие общей стратегической концепции использования ППК.

Важным элементом данной стратегии может стать разработка Отделом полиции ДОПМ совместно с другими подразделениями УДООЗБ механизмов ротации полицейского персонала между Штаб-квартирой ООН и «полевыми миссиями». При этом также возможно привлекать персонал ППК к временной работе в Штаб-квартире ООН для выполнения конкретных задач при планировании новых операций. А кадровые проблемы на этапе развертывания новых миротворческих операций могут быть решены замещением ключевых должностей персоналом Штаб-квартиры ООН [10, с. 137].

Отдельным направлением данной стратегии может стать изменение организационно-штатного построения ППК. В одном из научных исследований, подготовленных в Центре Г. Стимсона (США), рассматривается структурно-функциональная модель ППК, способного к еди-

новременному направлению в «полевые миссии» до 200 сотрудников.

Авторы данного исследования предлагают возложить выполнение некоторых ключевых функций на этапе развертывания новой операции на сотрудников ППК или Отдела полиции ДОПМ в рамках нескольких ротаций для обеспечения бесперебойного функционирования или поддержания устойчивой консультативной функции в критические моменты. При этом предлагается поддерживать 50% темп развертывания миротворческих сил, при котором сотрудник ППК может провести до 12 месяцев в составе миротворческих операций, а затем в течение аналогичного периода восстанавливаться, повышать квалификацию и осуществлять подготовку своих коллег для несения службы в «полевых» условиях [20].

Перемещение сотрудников Штаб-квартиры ООН в миротворческие операции обеспечит ДОПМ возможность стабилизировать общую численность персонала с сохранением его профессиональных навыков в оперативной и адаптивной манере. Данный подход приведет к увеличению в штабных подразделениях числа сотрудников с актуальным миротворческим опытом, а также сотрудников «полевых миссий», подготовленных к работе в Штаб-квартире ООН.

Принимая во внимание, что в последние годы утверждение СБ ООН новых миротворческих операций происходит достаточно редко, Отделу полиции ДОПМ необходимо продолжить поиск новых форм реализации потенциала ППК в выполнении всего спектра возложенных на международный полицейский компонент задач и партнеров как в системе ООН, так и вне её.

По нашему мнению, новым перспективным направлением может стать взаимодействие ППК с Программой развития ООН (далее – ПРООН).

Примеры такой совместной работы уже имели место в Сьерра-Леоне в 2015–

2016 г., когда советники по реформированию полиции участвовали в организации деятельности полиции по обеспечению общественного порядка в общинах (англ. community policing) и в подготовке к проведению президентских выборов. По запросу офиса ПРООН в ЦАР советник по гендерным вопросам участвовал в создании в структуре местной полиции Объединенного подразделения по борьбе с преступлениями против женщин и детей на сексуальной почве [12].

С учетом схожести возлагаемых задач значительные положительные результаты могут быть достигнуты в результате совместной деятельности ППК и сформированного в 2010 г. Постоянного компонента в сфере правосудия и пенитенциарных учреждений (англ. Justice and Corrections Standing Capacity), включая совместное обучение, планирование миротворческих операций и командирование комплексных экспертных групп. Изменение спектра задач и расширение круга партнеров позволит не только оказывать помощь партнерам по миротворческому процессу из семьи ООН и внешним акторам, но и поддерживать оперативные возможности развертывания персонала ППК.

Выводы и рекомендации

С учётом возрастающей роли полиции ООН в реализации миротворческих мандатов в сфере обеспечения верховенства права, реформирования сектора безопасности и защиты гражданского населения ООН предприняты определенные шаги в реформировании подходов к работе полицейских компонентов миротворческих операций ООН.

Одним из наиболее успешных проектов стало создание в 2007 г. ППК, который представляет собой абсолютно новую концепцию мобильного компонента,

способного к быстрому развертыванию в составе миротворческих операций специалистов в широком спектре полицейских задач.

За короткий срок ППК стал важным элементом в структуре полиции ООН, способным оперативно решать полицейские задачи на стадии развертывания или трансформации задач и структуры миротворческих миссий ООН. Наряду с выполнением основной задачи формирования передовых групп для начала функционирования развертываемых миротворческих операций ООН и оптимизации деятельности полицейских компонентов ППК продолжает оказывать существенную помощь в наращивании правоохранительного потенциала принимающих государств. Специалисты ППК предоставляют рекомендации по вопросам реформирования, реорганизации и восстановления местной полиции, формирования нормативно-правовой базы, совершенствования механизмов оперативно-служебной деятельности.

Несмотря на критику организации работы ППК со стороны некоторых акторов миротворческого процесса, результаты работы специалистов ППК в ходе конкретных операций могут и должны заслуживать положительной оценки.

Расширение спектра задач в полицейской сфере подтверждает, что спрос на оказание квалифицированной помощи и наставничества будет только возрастать, что требует от ДОПМ формирования новых стратегических подходов к использованию ППК. В условиях отсутствия новых миротворческих операций ППК необходимо активнее работать с ПРООН по различным проектам, подтверждая широкий спектр экспертных знаний и способность адаптироваться к изменяющимся условиям проведения миротворческих операций.

Список литературы

1. Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке [Электронный ресурс]: доклад Генерального секретаря A/54/2000, March 27 марта, 2000. URL: <https://undocs.org/ru/A/54/2000> (дата обращения: 07.02.2019).
2. Никитин А. И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 3. С. 16–26.
3. Identical letters dated 21 August 2000 from the Secretary-General to the President of the General Assembly and the President of the Security Council, A/55/305 - S/2000/809, August 21, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/files/brahimi%20report%20reasekeeping.pdf> (дата обращения: 07.02.2019).
4. Рубцова А. А. Миротворческие операции ООН: победы и поражения // *European science*. 2016. № 7. С. 48–50.
5. Гражданский потенциал в постконфликтный период [Электронный ресурс]: доклад Генерального секретаря ООН A/67/312-S/2012/645, August 15, 2012. URL: <https://undocs.org/ru/A/67/312> (дата обращения: 10.02.2019).
6. Записка Генерального секретаря A/59/565, December 2, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/565> (дата обращения: 10.02.2019).
7. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 16 сентября 2005 года [Электронный ресурс]: [без передачи в главные комитеты (A/60/L.1)]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/1> (дата обращения: 10.02.2019).
8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 30 июня 2006 года [Электронный ресурс]: [по докладу Пятого комитета (A/60/916)]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/268> (дата обращения: 10.02.2019).
9. Functions and Organization of the Standing Police Capacity (SPC) [Электронный ресурс]: PK/G/2012.12, 01 January 2013. URL: <http://dag.un.org/handle/11176/89547> (дата обращения: 07.02.2019).
10. Зверев П. Г. О совершенствовании процедуры формирования полицейского персонала миротворческих миссий Организации Объединенных Наций // *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2017. № 4 (44). С. 136–142.
11. Standing Police Capacity. Annual Report. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://police.un.org/en/standing-police-capacity-annual-report-2015> (дата обращения: 07.02.2019).
12. SPC Support to UNDP under global Focal Point arrangement // *News*. 2017. January. [Электронный ресурс]. URL: https://police.un.org/sites/default/files/spc-news_jan17.pdf (дата обращения: 07.02.2019).
13. Резолюция 2232 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7491-м заседании 28 июля 2015 года [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2232\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2232(2015)) (дата обращения: 01.03.2019).
14. Резолюция 2350 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7924-м заседании 13 апреля 2017 года [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/s/res/2350\(2017\)](https://undocs.org/ru/s/res/2350(2017)) (дата обращения: 01.03.2019).

15. Тамбовцев А. И., Долгошеин П. С. Специфика компетентностного обучения и подготовки миротворцев ООН к мониторингу за деятельностью местной полиции страны пребывания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1(72). С. 5–11.
16. Тишков С. А. Организация обучения полицейского персонала в условиях миротворческих миссий // Наука и практика. 2016. № 3 (68). С. 170–172.
17. Заемский В. Ф. ООН и миротворчество. М.: Международные отношения, 2008. 309 с.
18. Monthly summary of military and police contribution to United Nations operations [Электронный ресурс]. URL: <https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/0.pdf> (дата обращения: 23.03.2019).
19. Никитин А. И. Новое в принципах и практике миротворческой деятельности международных организаций // Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение. 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки / отв. ред. А. И. Никитин, П. А. Корзун. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 69–72.
20. Durch W. J., England M. L., eds. Enhancing united nations capacity to support post-conflict policing and rule of law. Report 63, Rev. 1. Washington, DC: The Stimson Center, 2010. 146 p.

Поступила в редакцию 07.07.19

Подписана в печать 01.08.19

Reference

1. My, narody: rol' Organizatsii Ob"edinennykh Natsii v XXI veke: doklad General'nogo sekretarya A/54/2000, March 27 marta, 2000. URL: <https://undocs.org/ru/A/54/2000> (accessed 07.02.2019).
2. Nikitin A. I. Mirotvorchestvo OON: obnovlenie principov, reformirovanie praktiki. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, vol. 60, no. 3, pp. 16–26.
3. Identical letters dated 21 August 2000 from the Secretary-General to the President of the General Assembly and the President of the Security Council, A/55/305 - S/2000/809, August 21, 2000. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/files/brahimi%20report%20peacekeeping.pdf> (accessed 07.02.2019).
4. Rubcova A. A. Mirotvorcheskie operacii OON: pobedy i porazheniya. *European science*, 2016, no. 7, pp. 48–50.
5. Grazhdanskii potentsial v postkonfliktnyi period: doklad General'nogo sekretarya OON A/67/312-S/2012/645, August 15, 2012. URL: <https://undocs.org/ru/A/67/312> (accessed 10.02.2019).
6. Zapiska General'nogo sekretarya A59/565, December 2, 2004. URL: <https://undocs.org/ru/A/59/565> (accessed 10.02.2019).
7. Rezolyutsiya, prinyataya General'noi Assambleei 16 sentyabrya 2005 goda: [bez peredachi v glavnye komitety (A/60/L.1)]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/1> (accessed 10.02.2019).
8. Rezolyutsiya, prinyataya General'noi Assambleei 30 iyunya 2006 goda: [po dokladu Pyatogo komiteta (A/60/916)]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/268> (accessed 10.02.2019).
9. Functions and Organization of the Standing Police Capacity (SPC): PK/G/2012.12, 01 January 2013. URL: <http://dag.un.org/handle/11176/89547> (accessed 07.02.2019).

10. Zverev P. G. O sovershenstvovanii procedury formirovaniya policejskogo personala mirotvorcheskih missij Organizacii Ob"edinennyh Nacij. *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii*, 2017, no. 4 (44), pp. 136–142.
11. Standing Police Capacity. Annual Report. 2015. URL: <https://police.un.org/en/standing-police-capacity-annual-report-2015> (accessed 07.02.2019).
12. SPC Support to UNDP under global Focal Point arrangement. *News*, 2017, Jan. URL: https://police.un.org/sites/default/files/spc-news_jan17.pdf (accessed 07.02.2019).
13. Rezolyutsiya 2232 (2015), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 7491-m zasedanii 28 iyulya 2015 goda. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2232\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2232(2015)) (accessed 01.03.2019).
14. Rezolyutsiya 2350 (2017), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 7924-m zasedanii 13 aprelya 2017 goda. URL: [https://undocs.org/ru/s/res/2350\(2017\)](https://undocs.org/ru/s/res/2350(2017)) (accessed 01.03.2019).
15. Tambovcev A. I., Dolgoshein P. S. Specifika kompetentnostnogo obucheniya i podgotovki mirotvorcev OON k monitoringu za deyatelnost'yu mestnoj policii strany prebyvaniya. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 2018, no. 1(72), pp. 5–11.
16. Tishkov S. A. Organizaciya obucheniya policejskogo personala v usloviyah mirotvorcheskih missij. *Nauka i praktika*, 2016, no. 3 (68), pp. 170–172.
17. Zaemskij V. F. OON i mirotvorchestvo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2008. 309 p.
18. Monthly summary of military and police contribution to United Nations operations. URL: <https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/0.pdf> (accessed 23.03.2019).
19. Nikitin A. I. Novoe v principah i praktike mirotvorcheskoj deyatelnosti mezhdunarodnyh organizacij. *Mezhdunarodnaya bezopasnost', kontrol' nad vooruzheniyami i yadernoe nerasprostranenie. 70 let posle atomnyh bombardirovok Hirosimy i Nagasaki*; ed. by A. I. Nikitin, P. A. Korzun. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2016, pp. 69–72.
20. Durch W. J., England M. L., eds. Enhancing united nations capacity to support post-conflict policing and rule of law. Report 63, Rev. 1. Washington, DC: The Stimson Center, 2010. 146 p.

Received 07.07.19

Accepted 01.08.19

Информация об авторах / Information about the authors

Тишков Сергей Александрович, кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация
e-mail: stishkov@list.ru

Sergey A. Tishkov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Departments of Internal Affairs, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russian Federation
e-mail: stishkov@list.ru

УДК 94(47)

Законотворческая деятельность государственных органов Российской империи в сфере военной гидрометеорологии (1876–1917 годы)

В. И. Жуматий¹, В. Н. Прямыцын¹ ✉

¹Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Российская Федерация, Москва, 119330, Университетский проспект, 14

✉ e-mail: priamitzynvn@mail.ru

Резюме

Актуальность. На современном этапе деятельность гидрометеорологической отрасли регулируется нормативно-правовыми актами Российской Федерации. Это обуславливает актуальность изучения опыта законотворческой деятельности государственных органов на предыдущих этапах истории, особенно на этапе зарождения.

Целью статьи является ознакомление профессиональных сообществ историков и гидрометеорологов с соответствующим историческим опытом.

Задачей статьи является выявление содержания законотворческой деятельности государственных органов Российской империи в сфере военной гидрометеорологии в период с 1876 по 1917 году и обобщение ее опыта.

Методология. При подготовке статьи использованы методологические основы военно-исторической науки.

Результаты. В статье рассматривается законодательное регулирование вопросов военной гидрометеорологии в Российской империи в конце XIX – начале XX века. Интерес представляет описание процесса разработки и утверждения нормативно-правовых актов. Приведены наиболее значимые законодательные инициативы высшего государственного руководства по созданию гидрометеорологических органов, расширению их деятельности, практическому применению результатов их работы, обеспечению народного хозяйства и обороны. Среди наиболее значимых законодательных актов рассмотрены Указ о создании Отделения морской метеорологии, Указ о практическом использовании метеорологии, Указы о дополнительном финансировании гидрометеорологической отрасли, комплекс документов, вошедших в историю как «Закон 1912 года», комплекс документов о создании Главного военно-метеорологического управления.

Выводы. С момента зарождения отечественная гидрометеорологическая отрасль находилась под контролем высшего государственного руководства. Решение задач военной гидрометеорологии приобрело межведомственный характер и регулировалось указами и законами высших должностных лиц и государственных органов.

Ключевые слова: гидрометеорологическая служба; закон; указ; законодательство.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Жуматий В. И., Прямыцын В. Н. Законотворческая деятельность государственных органов Российской империи в сфере военной гидрометеорологии (1876–1917 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 163–172.

© Жуматий В. И., Прямыцын В. Н., 2019

Legislative Activity of the Russian Empire State Authority in the Sphere of Military Hydrometeorology (1876–1917)

Vladimir I. Zhumatiy¹, Vladimir N. Pryamitsyn¹ ✉

¹Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, 14, Universitetsky prospect, Moscow, 119330, Russian Federation

✉ e-mail: priamitzynvn@mail.ru

Abstract

Relevance. At the present time, the activity of the hydrometeorological industry is regulated by the regulatory legal acts of the Russian Federation. This determines the relevance of researching the experience of legislative activity of state authorities at previous stages of history, especially at the stage of origin.

The purpose of the article is to familiarize professional communities of historians and hydrometeorologists with relevant historical experience.

The objective of the article is to identify the content of the legislative activity of state bodies of the Russian Empire in the field of military hydrometeorology in the period from 1876 to 1917 and to summarize its experience.

Methodology. In preparing the article, the methodological foundations of military history science were used.

Results. The article discusses the legislative regulation of military hydrometeorology issues in the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX centuries. Of interest is the description of the process of development and approval of legal acts. The article presents the most significant legislative initiatives of the highest state leadership on the creation of hydrometeorological agencies, the expansion of their activities, the practical application of the results of their work, the provision of the national economy and defense. Among the most significant legislative acts are the Decree on the establishment of the Marine Meteorology Department, the Decree on the practical use of meteorology, Decrees on the additional funding of the hydrometeorological industry, a set of documents that went down in history as the “Law of 1912”, a set of documents on the creation of the Main Military Meteorological Department.

Conclusion. In conclusion, the author comes to the conclusion that, since its creation, the domestic hydrometeorological industry has been under the control of the highest state leadership. The solution of the tasks of military hydrometeorology acquired an interdepartmental nature and was governed by the decrees and laws of senior officials and state authorities of the country.

Keywords: hydrometeorological service; law; decree; legislation.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zhumatiy V. I., Pryamitsyn V. N. Legislative Activity of the Russian Empire State Authority in the Sphere of Military Hydrometeorology (1876–1917). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 163–172 (in Russ.).

Введение

Важной составляющей деятельности высшего государственного руководства Российской Федерации в сфере военной гидрометеорологии на современном этапе является законотворчество. Это обуславливает актуальность изучения опыта

законотворческой деятельности в сфере военной гидрометеорологии Российской империи. С целью ознакомления профессиональных сообществ историков и гидрометеорологов с соответствующим историческим опытом подготовлена настоящая статья. Ее задачей является выявление

ние содержания законотворческой деятельности государственных органов Российской империи в сфере военной гидрометеорологии в период с 1876 по 1917 г. и обобщение ее опыта.

Методология

Для изучения законотворческой деятельности государственных органов Российской империи в сфере военной гидрометеорологии в период с 1876 по 1917 г. был использован набор принципов и методов, свойственных военно-исторической науке. Среди использованных принципов исследования принципы: всесторонности, историзма, объективности, конкретности, противоречия, целостности, развития, системности, преемственности и прогнозирования. Авторы использовали методы, относящиеся ко всем основным группам: общенаучные, специальные, специально-исторические и смежных дисциплин. Ряд общенаучных и специальных методов (исторический, аналогии, абстрагирования, обобщения, сравнения, биографический, системный...) были использованы в исследовании в их частнонаучной интерпретации, применительно к исторической науке (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-биографический, историко-системный, проблемно-хронологический).

Результаты и их обсуждение

Начало регулярным визуальным наблюдениям за погодой в России было положено в 1650 г. указом царя Алексея Михайловича [1, с. 4]. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что решение вопросов гидрометеорологии в общегосударственном масштабе с момента их возникновения относилось к сфере деятельности высшего руководства страны.

На практике оно реализовывалось в форме издания указов царя (императора).

Важными событиями, предопределившими зарождение отечественной военной гидрометеорологии, стали создание в 1837 г. Гидрографического департамента Морского министерства и в 1849 г. – Главной физической обсерватории (ГФО, неоднократно сменив ведомственную принадлежность, она оказалась в составе Академии наук Министерства народного просвещения) [2, с. 5]. С момента создания этих учреждений наметилась тенденция на укрепление сотрудничества Морского министерства и Министерства народного просвещения в интересах обслуживания военного флота. Это, в свою очередь, обусловило необходимость надведомственного законодательного регулирования вопросов, связанных с военной гидрометеорологией.

Исследование позволило реконструировать историю законотворческой деятельности в сфере военной гидрометеорологии на этапе ее зарождения, показав степень участия государственных органов. К 1874 г. объем материалов наблюдений, поступающих в Главную физическую обсерваторию из Гидрографического департамента, достиг таких масштабов, что сил и средств Обсерватории для их оперативной обработки перестало хватать. Это привело к необходимости создания специализированного подразделения, в чью сферу ответственности входили бы исключительно вопросы морской (военной) метеорологии. Директор Обсерватории академик Г. И. Вильд подготовил представление в адрес Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (ИАН) об учреждении при ГФО отделения морской метеорологии [3, с. 176] (далее – Отделение).

21 марта 1874 г. Академия наук Министерства народного просвещения направила обращение управляющему

Морским министерством, в котором общала о предложении директора ГФО «дать надлежащую организацию морской метеорологии в России устройством центрального учреждения для руководства и обработки наблюдений, производимых в портах и на судах» [4, л. 8].

В ответ на обращение Министерства народного просвещения в Морском ведомстве было принято решение о назначении представителей для участия в рассмотрении Проекта создания «надлежащей организации» [4, л. 15]. Таким образом, была создана Межведомственная комиссия для обсуждения «оснований, на которых могло бы быть учреждено Центральное морское метеорологическое отделение» [1, с. 166]. В ее состав вошли вице-адмирал С. И. Зеленой, вице-адмирал Г. А. фон Кригер, академики К. С. Веселовский, Л. И. Шренк, Г. И. Вильд, капитан 1 ранга Н. Н. Тресковский, капитан-лейтенанты К. С. Старицкий и М. А. Рыкачев [4, л. 68 об.]. В связи с отсутствием у Морского министерства и Министерства народного просвещения необходимых средств в состав комиссии были приглашены представители Министерства финансов [4, л. 15 об.].

На обсуждение комиссии был вынесен «Проект устава Отделения морской метеорологии при Главной физической обсерватории», подготовленный академиком Г. И. Вильдом и капитан-лейтенантом М. А. Рыкачевым. Уже в названии документа было заложено противоречие, ставшее непреодолимым для членов комиссии. Главным предметом разногласий стала ведомственная принадлежность создаваемого отделения. Предложенный Проект подразумевал вхождение Отделения в состав ГФО с соответствующим расширением штата и усилением финансирования Обсерватории. При этом Отделение должно было работать в интересах обоих ведомств, удовлетворяя все потребности Гидрогра-

фического департамента «по мере возможности» [4, л. 64 об.].

Такой подход категорически не устраивал директора Гидрографического департамента. Свою позицию он мотивировал снижением объемов переписки, большим пониманием между руководством Морского ведомства и новым Отделением, а в конечном счете выигрышем и для фундаментальной науки. Дело в том, что Отделению предстояло работать преимущественно с материалами наблюдений кораблей, судов, маяков и береговых станций Морского министерства. В обращении к членам комиссии он предлагал: «...иметь это учреждение при Гидрографическом департаменте, предоставив ему самостоятельную деятельность под контролем директора Департамента и под руководством Метеорологического комитета» [4, л. 66].

Другим аргументом директора Гидрографического департамента было то, что во главе Отделения, создаваемого в интересах Морского ведомства, должен находиться именно морской офицер. В предложенной версии Устава допускалось замещение должности гражданским лицом. Между тем ее исполнение предусматривало проведение работ на борту кораблей, для чего кандидат должен был иметь опыт флотской службы.

Суть противоречия между министерствами, в равной степени нуждавшимися в создании Отделения, была ярко выражена в докладной записке председателя Межведомственной комиссии вице-адмирала С. И. Зеленого: «Представители академии наук смотрят на это учреждение с исключительно научной точки зрения, а представители Морского ведомства, не упуская научной цели, желают вместе с тем иметь и практическую для мореплавателей пользу» [4, л. 87].

Сменив вице-адмирала С. И. Зеленого на посту директора Гидрографического департамента, вице-адмирал Г. А. фон

Кригер продолжил последовательно отстаивать позицию о принадлежности создаваемого Отделения Морскому ведомству. В докладе управляющему Морским министерством от 24 марта 1875 г., в числе прочих аргументов, он сослался на передовой зарубежный опыт: «...когда в германском Рейхстаге, 14 декабря 1874 г. был возбужден вопрос о том, должен ли учрежденный в Гамбурге Морской Метеорологический Институт быть соединен с проектируемым Центральным Учреждением по физической географии в Берлине, то вопрос этот был решен Рейхстагом в отрицательном смысле» [4, л. 180].

Анализ делопроизводственной переписки Комиссии показал, что сторонники принадлежности создаваемого Отделения к ГФО также апеллировали к зарубежному опыту. В письме на имя управляющего Министерством народного просвещения академик Г. И. Вильд сообщал, что «все государства, имеющие военный флот, в настоящее время приносят более или менее значительные жертвы для усовершенствования означенной науки» [5, л. 1 об.].

Академик Г. И. Вильд ссылаясь на решение Международного метеорологического конгресса 1873 г. о создании в каждом из государств учреждения для сосредоточения и обработки морских метеорологических наблюдений. В качестве аргумента приводилось то, что Россия является активным участником мирового метеорологического сообщества, осуществляя членство в его институтах через ГФО. По мнению Г. И. Вильда, создание Отделения должно было стать вкладом России в развитие морской метеорологии в мире, и это учреждение должно было функционировать исключительно в составе ГФО [5, л. 3 об.].

В результате работы Комиссии рассматривались три проекта устава и шта-

тов отделения. Ее члены от Обсерватории и от Гидрографического департамента информировали свои вышестоящие министерства о ходе работы и о проблемных вопросах, предлагая соответствующим министрам поддержать их точку зрения при принятии решения на уровне Государственного совета. В результате его общим собранием было принято решение об учреждении Отделения морской метеорологии, телеграфных сообщений и штормовых предостережений именно при ГФО [6, с. 7].

Исследование позволяет утверждать, что при принятии решения о ведомственной принадлежности Отделения важную роль сыграло мнение Департамента государственного казначейства Министерства финансов, а также мнение Отделения государственной экономии Государственной канцелярии. Результатом двухлетней работы по обсуждению проекта создания Отделения морской метеорологии стал Указ Его Императорского Величества (ЕИВ) от 9 мая 1876 г. и решение «быть по сему» на проекте штата, предложенном академиком Г. И. Вильдом [5, л. 27].

Опыт деятельности государственных органов показал, что в конце XIX в. их внимание к вопросам военной гидрометеорологии возросло. Это объясняется вложением средств в развитие наблюдательной сети и желанием государства получить от этих затрат практическую пользу, в том числе и применительно к военному делу. Изучение переписки ведомств позволило установить, что вопросы военной гидрометеорологии в документах были завуалированы определением «практическое использование метеонаблюдений» (под этим термином скрывалось применение результатов работы ГФО в практической деятельности сельского хозяйства, путей сообщения, ком-

мерческого флота, но, прежде всего – армии и военного флота).

В Главной физической обсерватории Министерства народного просвещения были подготовлены проекты решений высшего государственного руководства, направленных на развитие практического применения метеонаблюдений. В 1890 г. проекты были рассмотрены и одобрены на заседании Физико-математического отделения Академии наук, а в 1891 г. согласованы с заинтересованными ведомствами, включая Министерство финансов и Министерство государственных имуществ (МГИ). Результатом этой обширной системной работы стало последовательное принятие ряда решений Государственного совета в сфере гидрометеорологии и утверждение их императором [7, л. 35, 86, 124 а].

4 марта 1891 г. состоялся Указ, которым практически вдвое было увеличено выделение средств на содержание метеорологических станций. 3 октября того же года император «высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» решение Государственного совета о расходах на осуществление мероприятий по практическому применению метеорологических наблюдений [7, л. 131–132 об.].

Источниковедческий анализ проблемы позволил определить, что третьим документом из этого «пакета» был Указ от 4 ноября 1892 г. о создании в Главной физической обсерватории Отделения по изданию бюллетеней о состоянии погоды. Этим решением в ГФО было создано подразделение в составе трех человек, чья деятельность сосредотачивалась исключительно на разработке ежемесячных и еженедельных бюллетеней о состоянии погоды, которые были чрезвычайно востребованы военным флотом. Еще одним законодательным решением высшего государственного руководства в сфере военной гидрометеорологии стал Указ от 2 февраля 1893 г. об увеличении кредита

на издание метеорологических наблюдений [7, л. 214, 215].

Установлено, что указанные меры имели непосредственное отношение к военной гидрометеорологии. При иницирующей роли ГФО, готовившей проекты, каждый Указ являлся результатом коллективной работы ряда государственных органов: Государственного совета, Министерства народного просвещения, Морского министерства, Военного министерства, Министерства финансов, Министерства государственных имуществ (с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗГИ)) и др. Это обусловило появление тенденции межведомственного подхода в решении задач военной гидрометеорологии.

На рубеже XIX и XX вв. отечественная гидрометеорология была «распылена по разным ведомствам и учреждениям, что мешало наладить единство работы всех станций» [8, с. 124]. В 1896 г., приступив к руководству ГФО, М. А. Рыкачев приложил усилия к консолидации работы всех метеорологических структур Российской империи. В числе прочих ожидаемых результатов было повышение качества обслуживания военного флота. М. А. Рыкачев разработал проекты законодательных документов, которые прошли обсуждение в Академии наук. Затем инициатива была согласована с заинтересованными ведомствами в ходе работы Межведомственной комиссии [3, с. 210].

Означенные мероприятия заняли почти два года, и в 1898 г. Министерство народного просвещения, совместно с Министерством земледелия и государственных имуществ, обратилось в Государственный совет с просьбой рассмотреть вопрос об объединении деятельности различных ведомств Российской империи в области метеорологических наблюдений, решив его на законодательном уровне. 15 декабря Общее собрание Государственного совета изучило пред-

ставленные предложения и постановило принять комплекс мер, направленных на согласование деятельности всех существующих в стране учреждений при главенствующей роли в специальном отношении Академии наук. Император решение Государственного совета об объединении деятельности метеорологических учреждений «высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» [9, с. 1071].

Изучение опыта практической реализации законотворческих инициатив М. А. Рыкачева показало, что, пройдя все необходимые стадии обсуждения и согласования, одобрение Государственным советом и утверждение императором, они были воплощены в жизнь лишь частично. Объединение всех метеорологических структур государства в единое целое, задумывавшееся в том числе и в интересах «некоторых сбережений в расходах», так и не произошло. Это вынудило М. А. Рыкачева предпринять еще одну попытку радикального реформирования отечественной метеорологии, вошедшего в историю как «Закон 1912 г.» [10, с. 128].

Для обсуждения предстоящего реформирования было создано «Особое междуведомственное совещание» (далее – Совещание), в состав которого вошли представители от всех заинтересованных министерств. Изучение документации Совещания подтвердило, что делегаты назначались преимущественно из тех учреждений, которые в наибольшей степени сталкивались с работой Обсерватории. Так, от Военного министерства для участия в работе Совещания был делегирован командир Учебного воздухоплавательного парка генерал-майор А. М. Кованько. Морское ведомство направило в состав Совещания заведующего Гидрометеорологической частью Главного гидрографического управления (ГГУ) генерал-майора Ю. М. Шокальского. От Министерства внутренних дел обсуждать

проект новых штатов ГФО был уполномочен управляющий Отделом земского хозяйства Главного управления по делам местного хозяйства камер-юнкер коллежский советник Акимов [11, л. 12, 17, 19].

По завершении работы Совещания М. А. Рыкачев направил Проект нового устава и штатов Главной физической обсерватории на согласование в Академию наук, а затем в Министерство народного просвещения. Препровождая документы, М. А. Рыкачев ходатайствовал перед управляющим министерством о скорейшем их внесении на рассмотрение Совета министров (после реформирования системы высших органов государственного управления 1905–1906 гг. Государственный совет стал верхней палатой парламента Российской Империи, а «управление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам, как законодательства, так и высшего государственного управления» было возложено на вновь созданный высший исполнительный орган власти – Совет министров). Он мотивировал это чрезвычайной перегруженностью «заваленного работами персонала» и необходимостью удовлетворения «многочисленных запросов практической жизни» [11, л. 56].

Представляемый на рассмотрение Совета министров пакет документов содержал общую пояснительную записку к штатам, штат ГФО, штаты каждой из филиальных обсерваторий, перечень сумм, необходимых для финансирования каждой из обсерваторий, график введения в действие штатов для каждой из них (расчитанный до 1917 г.), пояснительные записки по отдельным статьям расходов. Некоторые из частных статей расходов напрямую касались улучшения обслуживания военного флота.

В результате принятия «Закона 1912 г.», как выразился позже новый начальник Обсерватории Б. Б. Голицын,

«проведение новых штатов вывело ГФО на новый путь» [8, с. 180]. Обсерватория стала крупным научным учреждением со штатом более 200 человек, широкой сетью филиалов и достаточным финансированием. Вместе с тем были внесены изменения и в Устав ГФО. В частности, она выводилась из ведения Академии наук и передавалась в непосредственное подчинение Министерства народного просвещения. За Обсерваторией сохранялось методическое руководство всеми наблюдательными станциями империи вне зависимости от их ведомственной принадлежности (включая станции Военного и Морского министерств). Это подтвердило тенденцию централизации метеорологического дела в России [11, л. 278].

В свою очередь, при Главной физической обсерватории создавался Комитет для содействия выполнению возложенных на нее задач. В его состав входили представители «от тех ведомств, к коим занятия Обсерватории имеют непосредственное отношение». Наряду с прочими в состав Комитета были включены: начальник ГГУ Морского министерства, начальник Главного военно-топографического управления и представитель от Главного инженерного управления Военного министерства. Установлено, что при 12 членах Комитета представители от Морского и Военного ведомств составляли четверть его состава. Это свидетельствует об их тесной взаимосвязи с ГФО. Такое широкое представительство обеспечивало обратную связь упомянутых министерств с Обсерваторией, которую было решено реализовывать путем регулярного проведения метеорологических съездов [11, л. 278 об.].

С началом Первой мировой войны ГФО была глубоко интегрирована в жизнь армии и флота. Ее штатские сотрудники выполняли существенный объ-

ем работ исключительно в интересах обслуживания боевых действий, поддерживали при этом режим секретности, занимались снабжением авиационных и химических подразделений специальным имуществом. В России со всей очевидностью назрела необходимость создания военно-метеорологической службы. 28 октября 1915 г. академик Б. Б. Голицын представил в Главное управление Генерального штаба «Проект организации военной метеорологии» [12, л. 140–146].

Б. Б. Голицын предлагал «ввести на время войны всю метеорологическую службу в военное ведомство, учредив для этого особую организацию» [1, с. 233]. Доклад дополнялся проектом Положения о Главном военно-метеорологическом управлении (ГВМУ), его штатами, штатами метеорологических подразделений в войсках, табелями специального имущества [13, л. 172]. После необходимых согласований Проект, сопровождаемый докладной запиской директора ГФО, был представлен на утверждение Верховного Главнокомандующего.

22 декабря 1915 г. Николай II подписал документы, утвердив, таким образом, все предложения по созданию ГВМУ, военно-метеорологических отделений при штабах армий и военно-метеорологических станций при авиационных ротах. Согласно Положению, ГВМУ становилось одним из органов полевого управления действующей армии и имело своей задачей «обслуживание в области военной метеорологии действующей армии и флота, авиационных и воздухоплавательных частей, химических команд» [13, л. 172–174]. Таким образом, тенденция приоритета высшего государственного руководства в сфере строительства военной гидрометеорологии, зародившаяся в мирное время, сохранилась и в годы Первой мировой войны.

Выводы и рекомендации

Исследование законотворческой деятельности государственных органов Российской империи в конце XIX – начале XX в. позволило сделать следующие выводы:

1. С момента учреждения в России наблюдений за погодой гидрометеорологическое дело находилось под контролем высшего государственного руководства.

2. Решение задач военной гидрометеорологии приобрело межведомственный характер и регулировалось указами, законами, постановлениями и декретами высших должностных лиц и государственных органов.

3. Тенденция межведомственного подхода и приоритета высшего государственного руководства в решении вопросов строительства военной гидрометеорологии сохранялась в мирное и в военное время.

Практической рекомендацией по итогам исследования законотворческой деятельности государственных органов Российской империи в сфере военной гидрометеорологии служит необходимость использования опыта, полученного в период с 1876 по 1917 г., на современном этапе.

Список литературы

1. Пасецкий В. М. Гидрометеорологический центр России. История основания и становления. Л.: Гидрометеоздат, 1978. 264 с.
2. Хромов С. П. Основы синоптической метеорологии. Л.: Гидрометеоздат, 1948. 696 с.
3. Смирнов В. Г. Академик М. А. Рыкачев и развитие геофизики в России. СПб.: Нестор-История, 2014. 608 с.
4. РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота). Ф. 402. Оп. 2. Д. 2055.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733. Оп. 142. Д. 592.
6. Военная метеорология. Ч. 1 / И. А. Янковский, А. М. Баранов, Г. И. Коган-Белецкий [и др.]. Л.: ЛКВВИА им. А. В. Можайского, 1961. 200 с.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1118.
8. Нездюрлов Д. Ф. Очерки развития метеорологических наблюдений в России. Л.: Гидрометеоздат, 1969. 224 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. 18: 1898. Отд. 1. СПб.: Государственная тип., 1901. С. 1071.
10. Хргиан А. Х. Очерки развития метеорологии. Л.: Гидрометеоздат, 1959. 428 с.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Д. 371.
12. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2008. Оп. 1. Д. 180.
13. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 46. Оп. 1. Д. 8.

Поступила в редакцию 28.05.19

Подписана в печать 17.06.19

References

1. Paseckij V. M. *Gidrometeorologicheskij centr Rossii. Istoriya osnovaniya i stanovleniya*. Leningrad, *Gidrometeoizdat Publ.*, 1978. 264 p.
2. Hromov S. P. *Osnovy sinopticheskoy meteorologii*. Leningrad, *Gidrometeoizdat*, 1948. 696 s.
3. Smirnov V. G. *Akademik M. A. Rykachev i razvitie geofiziki v Rossii*. St. Petersburg, *Nestor-Istoriya Publ.*, 2014. 608 p.
4. RGA VMF (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voenno-morskogo flota), f. 402, op. 2, d. 2055.
5. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv), f. 733, op. 142, d. 592.
6. Yankovskij I. A., Baranov A. M., Kogan-Beleckij G. I., eds. *Voennaya meteorologiya*. Pt. 1. Leningrad, *LKVVIA im. A. V. Mozhajskogo Publ.*, 1961. 200 p.
7. RGIA, f. 733, op. 142, d. 1118.
8. Nezdyurov D. F. *Ocherki razvitiya meteorologicheskikh nablyudenij v Rossii*. Leningrad, *Gidrometeoizdat Publ.*, 1969. 224 p.
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. tret'e. T. 18: 1898. Otd. 1*. St. Petersburg, *Gosudarstvennaya tip. Publ.*, 1901, pp. 1071.
10. Hrgian A. H. *Ocherki razvitiya meteorologii*. Leningrad, *Gidrometeoizdat Publ.*, 1959. 428 p.
11. RGIA, f. 733, op. 145, d. 371.
12. RGVIA (Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv), f. 2008, op. 1, d. 180.
13. RGVA (Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv), f. 46, op. 1, d. 8.

Received 28.05.19

Accepted 17.06.19

Информация об авторах / Information about the authors

Жуматий Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела, Научно-исследовательский институт военной истории, Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
e-mail: jumaty_vi@mail.ru

Vladimir I. Zhumaty, Candidate of Historical Science, Professor, Senior Researcher of Department, Military History Research Institute, Military Academy of the General Staff of the Russian Federation Armed Forces, Moscow, Russian Federation
e-mail: jumaty_vi@mail.ru

Прямыцын Владимир Николаевич, кандидат военных наук, подполковник, заместитель начальника отдела, Научно-исследовательский институт военной истории, Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
e-mail: pryamitzynvn@mail.ru

Vladimir N. Pryamitsyn, Candidate of Military Sciences, Lieutenant-Colonel, Deputy Head of Department, Military History Research Institute, Military Academy of The General Staff of the Russian Federation Armed Forces, Moscow, Russian Federation
e-mail: pryamitzynvn@mail.ru

УДК 359:947.08

Разведывательные данные о японском флотоводце, контр-адмирале Сигэто Дева накануне Русско-японской войны 1904–1905 годов

С. Л. Гуринов¹ ✉

¹Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Российская Федерация, 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1

✉ e-mail: gurinovsl@mail.ru

Резюме

Актуальность статьи состоит в оценке профессиональных качеств одного из видных японских флотоводцев контр-адмирала Сигэто Дева российским военно-морским специалистом, разведчиком русского флота, капитаном 2-го ранга А. И. Русиным. Контр-адмирал Дева принял активное участие в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Профессиональные и личные качества контр-адмирала Дева анализируются на основе донесения российского военно-морского агента в Японии, капитана 2-го ранга А. И. Русина, предоставившего подробную характеристику японского флотоводца российскому военно-морскому ведомству.

Цель – исследовать жизненный путь японского флотоводца, контр-адмирала Дева.

Задачи: продемонстрировать при помощи разведывательных сведений профессиональные качества контр-адмирала Сигэто Дева накануне Русско-японской войны 1904–1905 годов. В то же время уделяется внимание биографии японского адмирала. Характеризуются личные качества и увлечения контр-адмирала Сигэто Дева. Оценивается стратегическое и техническое развитие японских военно-морских сил перед Русско-японской войной 1904–1905 годов.

Методология. В работе использовались традиционные и общенаучные методы вместе с историко-ситуационным подходом по отношению к деятельности русской военно-морской разведки в начале XX в.

Результаты. В результате исследования показана отрицательная реакция на донесение военно-морского разведчика представителей Морского министерства России. Фактически, добытая капитаном 2-го ранга А. И. Русиным информация была проигнорирована в силу настроений, присутствующих в правящих кругах Российской империи, о скорой и победоносной войне против отсталой азиатской страны.

Выводы статьи содержат мнение об эффективной работе российского военно-морского агента в Японии, капитана 2-го ранга А. И. Русина, выполнявшего роль разведчика накануне Русско-японской войны 1904–1905 годов. В своем донесении А. И. Русин смог сообщить полные сведения о контр-адмирале Дева, видном японском флотоводце.

Ключевые слова: контр-адмирал Сигэто Дева; японский флотоводец; японский флот; военно-морской агент; Японо-китайская война 1894–1895 гг.; Русско-японская война 1904–1905 гг.; Морское министерство России; Российская империя, Япония.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Гуринов С. Л. Разведывательные данные о японском флотоводце, контр-адмирале Сигэто Дева накануне Русско-японской войны 1904–1905 годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 173–179.

© Гуринов С. Л., 2019

Intelligence About the Japanese Naval Commanders, Rear Admiral Shigeto Deva on the eve of the Russian-Japanese War of 1904 – 1905

Sergey L. Gurinov¹ ✉

¹Voronezh State University agricultural University named after Emperor Peter I, 1, Michurina str., Voronezh, 394087, Russian Federation

✉ e-mail: gurinovsl@mail.ru

Abstract

The relevance of the article consists in the assessment of professional qualities of one of the prominent Japanese naval rear Admiral, Shigeto virgin Russian naval officer, intelligence officer of the Russian fleet, captain 2nd rank A. I. Rusinov. Rear Admiral Deva took an active part in the Russian-Japanese war of 1904 – 1905. Professional and personal qualities of rear Admiral Deva are analyzed on the basis of the report of the Russian naval agent in Japan, captain of the 2nd rank A. I. Rusin, who provided a detailed description of the Japanese naval commander to the Russian naval Department.

The purpose of the article is to investigate the life path of the Japanese naval commander, rear Admiral Deva.

The article aims to demonstrate the professional qualities of rear Admiral Shigeto Deva with the help of intelligence on the eve of the Russian-Japanese war of 1904 – 1905. at the same time, attention is paid to the biography of the Japanese Admiral. Personal qualities and Hobbies of rear Admiral Shigeto Deva are characterized. The strategic and technical development of the Japanese naval forces before the Russian-Japanese war of 1904-1905 is estimated.

Methodology: The paper uses traditional and General scientific methods together with the historical and situational approach to the activities of the Russian naval intelligence in the early twentieth century.

Results. As a result of the study, a negative reaction to the report of the naval intelligence of the representatives of the Maritime Ministry of Russia is shown. In fact, the information obtained by the captain of the 2nd rank A. I. Rusin was ignored due to the sentiments of those present in the ruling circles of the Russian Empire about the imminent and victorious war against the backward Asian country.

Conclusions. Insights articles provide an opinion about the effective work of the Russian naval agent in Japan, captain 2nd rank A. I. Rusin, who performed the role of scout on the eve of the Russo-Japanese war of 1904 – 1905. In his report, A. I. Rusin was able to provide the full information about rear Admiral of the Deva, a prominent Japanese naval commander.

Keywords: rear Admiral Shigeto Deeva; Japanese naval commander; Japanese Navy; naval agent; Japan-China war of 1894-1895; Russian – Japanese war of 1904-1905; Naval Ministry of Russia; Russian Empire; Japan.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Gurinov S. L. Intelligence About the Japanese Naval Commanders, Rear Admiral Shigeto Deva on the eve of the Russian-Japanese War of 1904 – 1905. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 173–179 (in Russ.).

Введение

Среди японских флотоводцев накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. одним из самых талантливых командующих флотом являлся контр-адмирал

Дева [1, с. 17–21]. Биография и профессиональные качества японского контр-адмирала стали объектом пристального внимания русского военно-морского разведчика, работавшего под прикрытием

должности военно-морского агента, капитана 2-го ранга А. И. Русина.

Методология

Автор статьи основывался на материалах фондов Российского государственного архива военно-морского флота (город Санкт-Петербург). Одновременно использовались публикации иностранных авторов и ряд научных исследований.

Результаты и их обсуждение

Родом японский адмирал происходил из достаточно известной в наши дни благодаря техногенной катастрофе префектуры Фукусима [2, р. 27–28]. Правда, в то время она носила название область Айдзу. Именно там, в семье самураев 10 декабря 1856 г. и родился Сигэто Дева [3, с. 107–108]. Он принял активное участие в войне сторонников установления императорской власти в Японии в составе отряда вооруженных самураев собственной области Айдзу [4, с. 171–172].

Затем Дева Сигэто начал классическую карьеру японского военно-морского офицера. Он поступает в японскую военно-морскую академию и преуспевает в учебе, т. к. занимает 6 позицию среди 43 выпускников. После производства в 1878 г. в чин мичмана Сигэто Дева уже в 1880 г. становится младшим лейтенантом, а через три года получает чин лейтенанта. Среди кораблей, на которых служил молодой японский офицер, можно назвать: шлюп «Хосе», корвет «Амаги», корвет «Цукуба», крейсер «Такачихо», крейсер «Асама», крейсер «Нанива», броненосец «Фусо» и броненосец «Рюдзе». В 1886 г. Дева становится капитан-лейтенантом, а в 1890 г. – капитаном 3-го ранга. Он исполняет служебные обязанности старшего офицера на крейсере «Такао». Затем в 1893 г. уже следует капитанская должность на канонерской

лодке «Тацуга», а после канонерской лодки «Акаги». Перед Японо-китайской войной 1894–1895 гг. Сигэто Дева производится в чин капитана 1-го ранга.

Поворотным этапом в судьбе Сигэто Дева, как и для многих его коллег по военно-морскому делу, становится Японо-китайская война 1894–1895 гг. [5, с. 14–15] Офицер в ходе боевых действий проявил себя не в бою, а на штабной работе [6, с. 87–88]. Еще в 1893 г. его назначили начальником отдела по комплектованию флота личным составом [7, р. 318–319]. Естественно, в период Японо-китайской войны 1894–1895 гг. данная должность была очень важна при стратегическом планировании операций на море [8, с. 11–12]. Еще Сигэто Дева возглавил во время войны с Китаем оборону японского побережья, но на данной должности не смог достичь результатов из-за отсутствия противника в районе его ответственности [9, с. 409–410]. Несмотря на это в 1898 г. Дева получает под свое командование крейсер «Токива». В 1900 г. Сигэто Дева производится в контр-адмиралы, а 6 июня 1904 г., т.е. незадолго до Русско-японской войны 1904–1905 гг., в вице-адмиралы.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. вице-адмирал Сигэто Дева командует третьей эскадрой крейсеров японского императорского флота [10, р. 177–179]. Он принимает участие в ночной атаке русских кораблей на рейде Порт-Артура [11, с. 67–68], с которой и начались боевые действия на море [12, с. 21–22], и в сражении, произошедшем в Желтом море [13, с. 123–124]. Помимо этого вице-адмирал один из видных участников Цусимского сражения [14, с. 77–78]. В период боевых действий он держал свой вымпел на крейсерах «Касаги» и «Якумо».

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. Сигэто Дева ушел с поста командующего третьим флотом [15, с. 310–315], полученным в декабре 1905 г., и возглавил в 1906 г. японское военно-морское образование. За свои успехи на императорской службе в 1907 г. вице-адмирал удостоился баронского титула. Затем он занимал должность начальника второго и первого флотов, считался командиром военно-морского округа Сасебо [16, р. 64–65]. В 1912 г. последовало производство Сигэто Дева в полные адмиралы. Впоследствии адмирал Дева руководил расследованием скандала о взятках компании «Сименс» и «Виккерс» видным японским военно-морским чиновником. Именно он избавил в 1914 г. японский флот от коррупции, а заодно и инициировал отставку кабинета правительства другого известного японского флотоводца Гамбея Ямамото [17, с. 511–512]. Решение завершить военно-морскую службу адмирал Сигэто Дева принял в 1925 г.

Последние несколько лет жизни он посвятил увековечиванию японской военной истории. Принимал активное участие в возведении военных памятников. Умер адмирал Сигэто Дева 27 января 1930 г. Могила японского флотоводца находится на одном из кладбищ Токио.

Сигэто Дева стал одним из японских флотоводцев, вызвавших в условиях нарастающего конфликта в дальневосточном регионе в начале XX в. [18, с. 165] интерес русского военно-морского разведчика, капитана 2-го ранга А. И. Русина. Надо сказать, что российский военно-морской агент в Японии старался, учитывая непростую внешнеполитическую ситуацию, предоставить в 1903 г. в распоряжение Морского министерства наиболее полную информацию о японских адмиралах. В начале он излагает ос-

новные моменты военно-морской карьеры контр-адмирала Сигэто Дева: «Помощник начальника и начальник департамента по комплектованию флота личным составом. Наблюдал за постройкой крейсера «Такива». Был младшим флагманом постоянной эскадры с 1 июня 1900 г. по 10 июля 1901 г., находился в Таку во время китайских беспорядков и являлся на заседаниях иностранных адмиралов представителем от Японии.

...Был начальником части управления военных судов порта Йокосука с 10 июля 1901 г. по 29 октября 1902 г.» [19, д. 168, л. 20].

Затем военно-морской агент в Японии, капитан 2-го ранга А. И. Русин характеризует личные качества и профессиональные навыки контр-адмирала Дева: «Весьма представительный, европейского наружного вида, контр-адмирал Дева хорошо говорит по английски; очень умный, деловой, новой школы адмирал, будет отличным начальником эскадры» [19, д. 168, л. 20 об].

Наконец, следует общая оценка профессиональных возможностей японского флотоводца от русского военно-морского разведчика: «По своим дарованиям, познаниям в морском деле и опытности, приобретенной за плавания, адмирал Дева занимает одно из первых мест в ряду адмиралов японского флота и в будущую войну Японии явится выдающимся деятелем» [19, д. 168, л. 21].

Выводы и рекомендации

Некоторые выводы, приведенные в донесении русского военно-морского разведчика, капитана 2-го ранга А. И. Русина в донесении, направленном в Морское министерство, не подтвердились в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. К тому времени произведенный в вице-адмиралы Сигэто Дева стал заметной фи-

гурой во время боевых действий на море, но не получил титул выдающегося военно-морского деятеля. Первым флотоводцем по праву стал Хэйхатио Того. Однако нельзя сказать, что капитан 2-го ранга А. И. Русин допустил ошибку в оценке организаторских и флотоводческих способностей вице-адмирала Сигэто Дева. Последующая блестящая военно-морская карьера Дева доказала верность профессиональной характеристики русского разведчика.

В принципе, все донесения, сделанные А. И. Русиным накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг., не привлекли внимание российского военно-морского ведомства. В Санкт-Петербурге считали не сравнимыми возможности Российской империи и Японии в дальневосточной внешней политике. В начале XX в. Морское министерство даже не испытывало сомнений в подавляющем приоритете Российского Императорского флота на дальневосточных окраинах государства.

Список литературы

1. Быков П. Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. М.: Военно-морское изд-во НКВМФ СССР, 1942. 104 с.
2. Dupuy T. N., Johnson C., Bongard D. L. The encyclopedia of military biography. London; New York: Tauris, 1992. 834 p.
3. Скрицкий Н. В. Сто великих адмиралов. М.: Вече, 2003. 432 с.
4. Бедняк И. А., Гальперин А. А. Очерки новой истории Японии (1640–1917). М.: Изд-во восточ. лит., 1958. 320 с.
5. Кладо Н. Военные действия на море во время Японо-китайской войны. СПб.: Тип. Мор. мин-ва, 1896. 66 с.
6. Нозиков Н. Японо-китайская война 1894–1895 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. 107 с.
7. Paine S. C. M. The Sino-Japanese war of 1894–1895. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2003. 412 p.
8. Савельев А. Е. Японо-китайская война на море 1894–1895 гг. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 4. С. 9–18.
9. Штенцель А. История войн на море. Т. 2. М.: Изографус: ЭКСМО-Пресс, 2002. 800 с.
10. Warner D., Warner P. The tide at sunrise: a history of the Russo-Japanese war, 1904 – 1905. Charterhouse, 1974. 678 p.
11. Золотарев В. А., Козлов И. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М.: Книга, 1990. 254 с.
12. Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Воениздат, 1938. 360 с.
13. Русско-японская война 1904–1905 гг. на море: Подготовка к войне и начало военных действий. СПб.: [Б. и], 1912. 286 с.
14. Сидоров А. Л. Русско-японская война (1904–1905 гг.). М.: Воениздат, 1946. 80 с.
15. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 695 с.

16. Peattie M. R. Peattie akiyama saneyuki and the japanese naval doktrine // United States Naval Institute Proceedings. 1977. No 1. P. 60–65.
17. Концевич Л. Р. Кабинеты министров Японии // Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: Восточная литература РАН, 2010. 806 с.
18. Жеребкин М. В. Исторические вызовы России и поиски ответов на них // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №1(26). С. 165–172.
19. РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота). Ф. 32. Оп. 1.

Поступила в редакцию 06.06.19

Подписана в печать 07.07.19

References

1. Bykov P. D. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Dejstviya na more. Moscow, Voenno-morskoe izd-vo NKVMF SSSR, 1942. 104 p.
2. Dupuy T. N., Johnson C., Bongard D. L. The encyclopedia of military biography. London, New York, Tauris Publ., 1992. 834 p.
3. Skrickij N. V. Sto velikih admiralov. Moscow, Veche Publ., 2003. 432 p.
4. Bednyak I. A., Gal'perin A. A. Ocherki novoj istorii Yaponii (1640–1917). Moscow, Vostochn. lit. Publ., 1958. 320 p.
5. Klado N. Voennye dejstviya na more vo vremya Yaponno-kitajskoj vojny. St. Petersburg, Tip. Mor. Min-va, 1896. 66 p.
6. Nozikov N. Yaponno-kitajskaya vojna 1894–1895 gg. Moscow, Voenizdat NKO SSSR Publ., 1939. 107 p.
7. Paine S. C. M. The Sino-Japanese war of 1894–1895. Cambridge, MA, Cambridge University Press Publ., 2003. 412 p.
8. Savel'ev A. E. Yaponno-kitajskaya vojna na more 1894–1895 gg. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2010, no. 4, pp 9–18.
9. Shtencel' A. Istoriya vojn na more. Vol. 2. Moscow, Izografus Publ., EKSMO-Press Publ., 2002. 800 p.
10. Warner D., Warner P. The tide at sunrise: a history of the Russo-japanese war, 1904–1905. Charterhouse Publ., 1974. 678 p.
11. Zolotarev V. A., Kozlov I. A. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Bor'ba na more. Moscow, Kniga Publ., 1990. 254 p.
12. Levickij N. A. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Moscow, Voenizdat Publ., 1938. 360 p.
13. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. na more: Podgotovka k vojne i nachalo voennyh dejstvij. St. Petersburg, 1912. 286 p.
14. Sidorov A. L. Russko-yaponskaya vojna (1904–1905 gg.). Moscow, Voenizdat Publ., 1946. 80 p.

15. Romanov B. A. Ocherki diplomaticheskoy istorii Russko-yaponskoj vojny. 1895–1907. 2th ed. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 695 p.
16. Peattie M. R. Peattie akiyama saneyuki and the japanese naval doctrine. *United States Naval Institute Proceedings*, 1977, no 1, pp. 60–65.
17. Koncevich L. R. Kabinety ministrov Yaponii. Hronologiya stran Vostochnoj i Central'noj Azii. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2010. 806 p.
18. Zherebkin M. V. Istoricheskie vyzovy Rossii i poiski otvetov na nih. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2018, vol. 8, no. 1(26), pp. 165–172.
19. RGA VMF (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенно-morskogo flota), f. 32, op. 1.

Received 06.06.19

Accepted 07.07.19

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Леонидович Гуринов, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Российская Федерация
e-mail: gurinovsl@mail.ru

Sergey L. Gurinov, Candidate of History Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Civil and Criminal Law, Voronezh State University Agricultural University named after Emperor Peter I, Voronezh, Russian Federation
e-mail: gurinovsl@mail.ru

УДК 94 (321)

Общества нетрезвости в России (XVII–XIX века)

Н. Е. Горюшкина¹ ✉

¹ ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. История алкоголя в России в общих чертах известна, но отдельные ее аспекты остались до сих пор не освещенными. Об обществах нетрезвости, действовавших в XVII–XIX веках, известно мало даже специалистам. В этих обстоятельствах освещение темы нетрезвости на длительном отрезке российской истории приобретает особую актуальность.

Цель статьи состоит в раскрытии общего и особенного в практиках пьяных братств в России.

Задачи. Поставленная цель предопределила постановку следующих задач: осветить практику Все-пьянейшего собора Петра I, положившего начало «нетрезвенному» движению в России, и других пьяных товариществ, начиная от столовых лож масонов и заканчивая обществами «кавалеров пробки» и «мочемордия»; выявить причины появления специфических объединений, оценить степень их влияния на нравы и культуру народа.

Методология. Статья основана на принципах историзма, научной объективности и системности, предусматривающих беспристрастный анализ собранной информации в контексте конкретной исторической обстановки, которые дополнены историко-генетическим, историко-типологическим и историко-сравнительным методами.

Результаты. Наиболее известными обществами нетрезвости в России были Всепьянейший собор, столовые ложки, «Галера», «Общество кавалеров пробки», «Зеленая лампа» и «Общество мочемордия». Названные братства, за исключением первого, не преследовали опасных целей, но считались, тем не менее, негласными, в связи с чем сведения о них в истории фрагментарны и отрывочны. Общим в практиках обществ нетрезвости было требование к их членам верно служить Бахусу и искать истину в вине. Наиболее многочисленным по составу и одиозным по действиям стал созданный царем-реформатором Всепьянейший собор, другие пьяные братства были малочисленными и представляли собой объединения единомышленников, воспевавших вино, дружбу и праздность.

Выводы. Практики обществ нетрезвости весьма специфичны и мало изучены. Их осмысление необходимо для углубления представлений о «многомерности» прошлого Российского государства.

Ключевые слова: алкоголь; пьянство; общества нетрезвости; Всепьянейший собор; столовые ложки; «Галера»; «Зеленая лампа»; «Общество кавалеров пробки»; «Общество мочемордия».

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Общества нетрезвости в России (XVII–XIX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 180–188.

© Горюшкина Н. Е., 2019

Societies of Non-Travelity in Russia (XVII–XIX centuries)

N. E. Goryushkina¹ ✉

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. The history of alcohol in Russia is generally known, but some of its aspects have still not been covered. Not much is known even to specialists about the sobriety societies that operated in the 17th and 19th centuries. In these circumstances, coverage of the topic of intoxication over a long period of Russian history is of particular relevance.

The purpose of the article is to reveal the general and the particular in the practices of drunken brotherhoods in Russia.

This goal predetermined the formulation of the following **tasks**: to highlight the practice of Peter the Great's All-Cathedral Council, which initiated the “drunk” movement in Russia, and other drunken partnerships, starting from the dining rooms of masons and ending with the societies of “gentlemen of the cork” and “urine morde”; to identify the reasons for the emergence of specific associations, to assess the degree of their influence on the morals and culture of the people.

Methodology. The article is based on the principles of historicism, scientific objectivity and systemic nature, providing for an impartial analysis of the information collected in the context of a specific historical situation, which are complemented by historical-genetic, historical-typological and historical-comparative methods.

Results. The most well-known societies of drunkenness in Russia were the Most Glory Cathedral, the dining rooms, the Galera, the Society of Cavaliers of the Cork, the Green Lamp, and the Society of Mohemordia. The aforementioned fraternities, with the exception of the first, did not pursue dangerous goals, but were considered, nevertheless, secret, and therefore the information about them in the history is fragmentary and fragmentary. Common to the practices of drink societies was the requirement for their members to faithfully serve Bacchus and seek truth in wine. The Most Numerous Cathedral, created by the reforming king, was the most numerous in terms of composition and odious actions; other drunken brotherhoods were small in number and were associations of like-minded people who praised wine, friendship and idleness.

Conclusion. Drinking societies practices are very specific and little studied. Their comprehension is necessary for deepening the ideas about the “multidimensionality” of the past Russian state.

Keywords: alcohol; drunkenness; society of drunkenness; Most drunk cathedral; dining rooms; “Galera”; “Green lamp”; “Society of the gentlemen of the cork”; “Society of urmoordia”.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E. Societies of Non-Travelity in Russia (XVII–XIX centuries). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 180–188 (in Russ.).

Введение

Историография по алкогольной теме стала формироваться с середины XIX в. Но основная часть работ была посвящена организации налога с крепких напитков, трезвенное движение и, особенно, общества нетрезвости мало интересовали ис-

ториков. Обсуждению подлежал разве что Всепьянейший собор Петра I, возбуждавший воображение не только современников, но и потомков. О других братствах Бахуса широкой публике было почти известно. Но статьи, опубликованные в толстых журналах в 1870–1880-х гг., приоткрыли ненароком темную завесу,

притворявшую прежде деятельность обществ нетрезвости, указали имена активистов, посвятили читателей в тайны их времяпрепровождения.

Как оказалось, объединения пьющих были в России не редкостью, пусть даже не отличались многочисленностью обществ трезвости. Последние широко распространились в 1858–1860 гг. по всем губерниям Европейской России, объединили в своих рядах представителей самых разных сословий и невиданной прежде непримиримостью к откупным безобразиям заставили-таки верховную власть всерьез озаботиться вопросами перестройки системы питейного сбора [1, с. 162–163]. В пьяные братства объединялись, как правило, товарищи, приветствовавшие праздность и алкоголь.

Методология

Принципы историзма, научной объективности и системности позволили автору оценить практику обществ трезвости, исходя не из абстрактных представлений о ее пагубности, а конкретных условий эпохи, когда они действовали. Тематика статьи обусловила применение совокупности исследовательских методов специального плана: историко-генетического, историко-типологического и историко-сравнительного, которые в своей совокупности позволили выявить закономерности в возникновении такого рода объединений, общее и особенное в их деятельности.

Результаты и их обсуждение

Родоначальником нетрезвых братств в России стал Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор. Как одна из затей, он был учрежден Петром I в начале 1690-х гг. и выступил злой пародией на Римско-католическую и Русскую православную церковь.

Образцом для подражания царзатейник выбрал, по-видимому, эксцентричные клубы Англии. «Туманный Аль-

бион тогда, при последних Стюартах, прямо, можно сказать, изобиловал клубами, среди которых клубы обжор и пьяниц были весьма популярны. Клубы эти, – отмечал исследовавший данный вопрос писатель начала XX в. Т. А. Мартыянов, – под невинным предлогом служения Бахусу и Мамоне, нередко преследовали чисто политические цели, вели борьбу против запоздалого абсолютизма Стюартов и фанатического религиозного натиска из Рима, стремившегося восстановить в Англии господство папского престола, ослабленного там революционным движением» [2, с. 204].

Какую цель ставил перед собой Петр, учреждая столь кощунственное собрание, можно только догадываться. Оценить истинные намерения царя и найти логичное объяснение дискредитирующему церковную жизнь нововведению весьма непросто. Так, историк М. И. Семевский предположил, что Всепьянейший собор помогал самодержцу, с одной стороны, снять стресс, выплеснуть негативную энергию, одолеть обуревавшие его неуверенность и страхи, с другой – служил маскировкой масштабных приготовлений к отражению атаки «великого полководца тогдашнего времени» Карла XII [3, с. 845–847]. Этнограф И. И. Носович посчитал собор объединением патриотов: «Петр Великий, в полной мере Преобразователь России, ознаменовавший себя неутомимыми попечениями о благе своего отечества, допустил себя до устройства целого ряда весьма странных потех и учредил всепьянейший и всешутейший собор, составив его из знаменитейших лиц и сподвижников своих в патриотических делах» [4, с. 734]. Из сказанного апологетом Петра вытекало, что на Всепьянейшем соборе соратники Петра I проходили проверку на послушание, демонстрировали творческие и коммуникативные способности, становились ближе и понятнее друг другу. Значительно сдержаннее по поводу Всепьянейшего собора высказался зна-

менитый историк С. М. Соловьев: «Богатырским силам соответствовали страсти, неумеренные правильным искусным воспитанием. Мы знаем, как мог разнуждываться сильный человек в древнем русском обществе, не выработавшем должных границ каждой силе» [5, с. 259].

Близкую точку зрения имел историк польского происхождения К. Ф. Валишевский: «Можно ли считать, что общественное и официальное учреждение лже-патриарха, о котором я уже упоминал, имело целью подготовку уничтожения истинного патриарха? Я бы охотно с этим согласился, но насколько опасен подобный извращенный путь! Пожалуй, что так; но как опасен был, опять-таки, подобный окольный путь!.. Не рисковал ли Пётр этим способом унизить достоинство всего духовенства и даже самую идею религии <...> Я скорее склонен думать, что он в особенности стремился к забаве ума, предрасположенного к фантазиям и эксцентричности ввиду некоторых наследственных черт восточного деспотизма, некоторых конституциональных пороков и некоторых пробелов первоначального воспитания» [6, с. 97]. Согласимся с последними двумя высказываниями.

Действовал Всепьянейший собор в соответствии с уставом, над текстом которого царь работал с молодых лет и до конца своих дней. Над статутами и регламентами собрания Петр работал даже в тяжелые дни, предшествовавшие Полтавской битве. В уставе подробнейшим образом были определены чины соборян и способы рукоположения каждого чина пьяной иерархии. «Рукоположение» совершалось первым архиереем со словами, написанными самим царем: «Рукополагаю аз пьяный сего нетрезвого: во имя всех кабаков, во имя всех табаков, во имя всех водок, во имя всех вин, во имя всех каразинов, во имя всех браг, во имя всех бочек, во имя всех ендов, во имя всех ковшей, во имя всех плошек, во имя всех чарок, во имя всех стаканов; також

во имя вкупе собранных канарейки, синицы, жаворонка, снегирия, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великого (именами птиц назывались разнокалиберные сосуды для питья соборян. – *Н. Г.*), корабля и кита, носящих их» [2, с. 207].

Членство в соборе было по большей части насильственным, но никто не рисковал противиться своеобразному чувству юмора самодержца. По первому зову царя и самые беспутные собутыльники, и высшие сановники, отличавшиеся серьезностью ума и строгими нравами, безропотно являлись в дом князя-папы, прозванный «Ватиканом», где на груди бочонков, стаканов и бутылок возвышался его трон. Среди множества непримечательных лиц, зачисленных Петром I в собор, значились и известные государственные деятели: Ф. М. Апраксин, Г. И. Головкин, И. А. Мусин-Пушкин, Т. Н. Стрешнев. Были в числе соборян и высокородные дамы – Д. Г. Ржевская, А. П. Голицына (первая происходила из рода Рюриковичей, вторая – из Гедиминовичей. – *Н. Г.*) [2, с. 205].

Титулы у соборян были преимущественно духовные. Глава собора – вселенский князь-папа. Второй соборный сановник – патриарх Московский, Кокуйский и всея Яузы. За ними шли владыки, архиереи, попы, князь-игуменьи, архиигуменьи и т. д. Себя Петр I именовал протодьяконом [4, с. 738]. Из князь-пап наиболее известными были воспитатель царя Н. М. Зотов и боярин П. И. Бутурлин, дом которого венчал купол, украшенный изображением Бахуса. Светский титул носил князь Ф. Ю. Ромодановский, называвшийся князем-кесарем.

Устав требовал от них «быть пьяным во все дни и не ложиться трезвым спать никогда», носить диковинные одеяния, напоминавшие облачения священнослужителей, и откликаться на скабрзные прозвища, «которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати» [7, с. 495].

Для соборян не существовало ничего, что не могло быть подвергнуто ниспровержению и осмеянию. Сборы устраивались в дни священных для православных праздников – Рождества, Входа Господня в Иерусалим, Вознесения. Выступления «глумливцев», певчих и скоморохов возмутительным образом пародировали церковные богослужения. Но церковными праздниками дело не ограничивалось. Так, в программу празднования Ништадтского мира 1721 г. Петр I включил свадьбу нового князь-папы Бутурлина с вдовой умершего князь-папы Зотова. Пьяных до беспамятства «молодых» венчали в Троицком соборе, где над их головами висел серебряный Бахус, Евангелие было заменено ящиком с водкой, схожим своими формами со священной книгой, клоуны, передразнивая слова и движения священника, вели «церемонию» бракосочетания. Попойки неизменно сопровождались непристойностями, глумлением над символами веры, издевательствами над людьми.

Закрылся собор сразу после смерти царя. Двух мнений на счет пьяных оргий царя-реформатора быть не может. «Передразнивание» церкви переходило все мыслимые границы. Каких-либо внятных объяснений творимому в «Ватикане» не найти. Деятельность Всепьянейшего собора в немалой степени порочит личность великого Петра, внося свою лепту в народное восприятие царя как Антихриста.

Долгое время о подобных обществах известий не поступало. Первыми преемниками петровского детища стали столовые ложи конца XVIII в. Они были учреждены масонами. Тайны столь оригинальных обществ открылись благодаря книге Т. Уилсона «Масон без маски, или Подлинная таинства масонская». Ужины столовых лож, по словам автора, славились обилием яств и напитков. Кроме трезвости, на подобных пирах ни в чем недостатка не ощущалось [8, с. 94].

Одновременно со столовыми ложами возникло общество нетрезвости под названием «Галера», о котором упомянул в «Старой записной книжке» князь П. А. Вяземский. «В конце минувшего столетия, – сообщал он, – было в Петербурге вовсе не тайное, а дружеское и несколько разгульное общество, под именем „Галера“. Между прочими были в нем два Пушкиных: Алексей Михайлович и Василий Львович» [9, с. 436]. Как напутствие звучат строки стихотворения П. А. Вяземского собутыльникам: *«Плыви, Галера! веселися, / К Лиону в Маскарад пустися, / Один остался вечер нам! / Там ждут нас фрау-баронесса / И сумасшедшая повеса, / И Лиза Карловна уж там...»* [10, с. 505].

Немногим позже стало известно о появлении в Санкт-Петербурге «Общества кавалеров пробки». Его создателем считали известного в Санкт-Петербурге красавца, щёголя и любимца дам И. П. Бунина. Иван Петрович слыл восхитительным рассказчиком, одаренным музыкантом, умелым танцором и комическим актером. Вокруг Бунина всегда было полно женщин, которых восхищало не столько его знание нескольких европейских языков, сколько его умение подражать пению птиц, жужжанью пчел, лаю собак, мяуканью кошек и довольно редкую способность шевелить ушами [2, с. 209]. Казалось, «веселонравию» Бунина нет предела, недаром сестра Ивана Петровича – Анна обращалась к нему со словами: *«Скажи мне, милый Джон, кто дал тебе искусство / Всегда равно счастливым быть, / Одно и то же чувство / И в ясный день и в облачный хранить»* [11, с. 53].

По принятому в «Обществе кавалеров пробки» уставу члены братства обязаны были носить в петлице сюртука отличительный знак – пробку [9, с. 209].

Заседания пробочники проводили в доме камергера двора Л. А. Нарышкина (Исаакиевская пл., 9/2). Оказавшись за столом, они пили и распевали веселые

куплеты: «Поклонись сосед соседу, сосед любит пить вино. / Обними сосед соседа, сосед любит пить вино. / Поцелуй сосед соседа, сосед любит пить вино» [2, с. 209–210]. За поклонами, объятиями и поцелуями кавалеров ничего предосудительного не следовало, потому и полиция, и окружающие к шумной компании относились снисходительно. Многие прохожие останавливались, чтобы посмотреть «похороны», которыми по традиции заканчивалось застолье. Хоронили самого пьяного члена общества. Вечерами похоронная процессия торжественно выдвигалась с Исаакиевской площади и с соответствующей мрачной атрибутикой текла по городским улицам: «покойника» несли в гробу, жгли свечи, звучали подбаивающие случаю плач и стенания. Летом мертвецки пьяного кавалера хоронили в сене, а зимой – в снегу. На радость всем покойник скоро «воскресал», чтобы завтра напиться и «помереть» снова.

Одновременно с «Обществом кавалеров пробки» в столице действовал еще один кружок любителей веселого времяпрепровождения – «Зеленая лампа». Местом сбора «лампистов» был дом Н. В. Всеволожского (Екатерингофская набережная, 4). Собрания носили конспиративный характер, каждый из участников обязан был хранить в тайне всё, что происходило на встречах. Отличительным знаком члена общества был перстень с изображением лампы-светильника наподобие древнегреческих. Девиз общества состоял из слов: «Свет и Надежда».

Друзья собирались поздно вечером, после спектаклей. Подражая масонам, они облачались в красные фригийские шапки-колпаки, рассаживались за круглый стол, освещенный лампой с зеленым абажуром, и начинали веселый ужин с каламбурами, остротами, насмешками. Вино лилось рекой. Слуга-калмык Н. Всеволожского обязан был следить за разговорами и, если кто-либо из гостей произносил непечатное слово, тотчас же

преподносил ему «штрафной» бокал с восклицанием: «Здравия желаю».

В братство входило около 20 человек: Я. Н. Толстой, А. А. Дельвиг, С. П. Трубецкой, Ф. Н. Глинка, П. Б. Мансуров и др. Одним из активных членов «Зеленой лампы» был великий поэт А. С. Пушкин. Обращаясь к своим друзьям, Александр Сергеевич писал: «Здорово, рыцари лихие / Любви, Свободы и вина! / Для нас, союзники молодые, / Надежды лампа зажжена» [12, с. 57].

В течение 1819–1820 гг. состоялось 22 «заседания» лампистов. В послании Мансурову, датированном еще 27 октября 1819 г., Пушкин сетовал на ослабление деятельности общества: «Зеленая лампа нагорела, кажется, гаснет, а жаль – масло есть (т. е. шампанское нашего друга)» [13, с. 16]. На отношение поэта к «Зеленой лампе» и характер взаимоотношений членов кружка проливает свет послание поэта к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г.: «Вот он, приют гостеприимный, / Приют любви и вольных муз, / Где с ними клятвою взаимной / Скрепили вечный мы союз, / Где дружбы знали мы блаженство, / Где в колпаке за круглый стол / Садилось милое равенство, / Где своенравный произвол / Менял бутылки, разговоры, / Рассказы, песни шалуна; / И разгорались наши споры / От искр, и шуток, и вина» [14, с. 193].

В начале 1840-х гг. в Полтавской губернии было создано еще одно пьяное братство – «Общество мочемордия». О мочемордах стало известно благодаря публикации в журнале «Русское слово» (1861, № 5) статьи А. С. Афанасьева-Чужбинского с воспоминаниями о Т. Г. Шевченко. Мемуарист не только поведал читателям о принадлежности Шевченко к нетрезвенникам, но и разъяснил, что «кружок этот носил название „общества мочемордия“ вследствие того, что на языке его не существовал глагол пьянствовать, а заменялся фразой „мочить морду“, и каждый удалой питух назывался „мочемордой“ или, по крайней мере,

имел право на это название. В противоположность – неупотребление спиртных напитков называлось „сухомордие или сухорылие“» [15, с. 104–105]. Кроме Тараса Григорьевича, в обществе состояли молодые вольнодумцы братья Виктор и Михаил Закревские, братья Яков и Сергей де Бальмен, историк М. Маркевич, офицер Цихонский, оппозиционно настроенные к российскому самодержавию. «Тесный кружок умных и благородных людей, преимущественно гуманных и пользовавшихся всеобщим расположением, – писал о них Афанасьев-Чужбинский, – принадлежал к числу тех собутыльников, которые, не находя ли деятельности в тогдашней среде, не успели отрешиться от юной разгульной жизни, единственным наслаждением находили удовольствие похмелья и девизом избрали известную латинскую пословицу «In vino veritas» [«Истина в вине, здоровье в воде». – Н.Г.] [15, с. 107].

Употребление «вульгарной» сивухи устав общества запрещал. Пили ром, пунш, наливки и крепчайшие травяные настойки, от которых непривычный человек мог попросту умереть. Мочеморды, смотря по заслугам, носили титулы: «высокопьянейшество», «пьянейшество», «высокомочемордие» и просто «мочемордие». В награду за пьянство они получали ордена, низшим из которых был «сиволдай в петлицу», далее шел «бокал на шею», особо отличившиеся награжда-

лись «большим штофом через плечо» [2, с. 213]. Председательствовал на съездах отставной кавалерийский офицер В. А. Закревский, носивший титул «высокопьянейшество» и награжденный большим штофом через плечо.

Выводы и рекомендации

Пьяные общества не были в России диковиной. Начало им положил созданный по инициативе Петра I Всепьянейший собор. Заседания соборян были наполнены пьянством и глумлением над христианской церковью. Другие пьяные братства действовали в конце XVIII – середине XIX в. Наиболее известными из них стали столовые ложки у масонов, «Галера», «Общество кавалеров пробки», «Зеленая лампа», «Общество мочемордия», всепьянейшая артель [2, с. 201; 16, с. 22]. Подавляющее большинство обществ нетрезвости действовало в Санкт-Петербурге. В пьяные братства объединялись, как правило, приятели, воспевавшие праздность и алкоголь. Они давали зарок ежедневно употреблять горячительные напитки, присваивали себе шутовские звания, устраивали веселые церемонии и устанавливали награды за умение поглощать алкоголь. Опасных целей они не преследовали, хотя считались тайными, негласными, а потому особого влияния на культуру питания общества нетрезвости не оказали.

Список литературы

1. Горюшкина Н. Е. Трезвенное движение в России (1850-е гг.) // Методология и методы исторической психологии: материалы XXVI Междунар. науч. конф. / под ред. С. Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2009. С. 162–163.
2. Мартемьянов Т. А. Общества нетрезвости // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1903. Т. ХСII. №4. С. 201–213.
3. Семевский М. И. Шутки и потехи Петра Великого (Петр I – как юморист) // Русская старина. 1872. Т. 5, №2. С. 845–892.
4. Носович И. И. Всепьянейший собор, учрежденный Петром Великим // Русская старина. 1874. Т. 11, №12. С. 734–739.
5. Соловьев С. М. История России в эпоху преобразования. М.: В университетской тип. (Катков и К^о), 1868. Т. IV. 340 с.

6. Валишевский К. Ф. Петр Великий: по новым документам. М.: Образование, [1911]. 154 с.
7. Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: в 3-х кн. Ростов н/Д: [Б. и.], 2000. Т. 2. 573 с.
8. Уилсон Т. Мэсон без маски, или Подлинныя таинства масонския: Изданныя со многими подробностями точно и безпристрасно / перевел И. В. Соц. СПб.: Печ. у Христофора Геннинга, 1784. 114 с.
9. Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М.: Правда, 1988. 478 с.
10. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 8: Старая записная книжка. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1883. 524 с.
11. Бунина А. П. Собрание стихотворений Анны Буниной: в 3 ч. Ч. 3: Смесь. СПб.: В тип. Российской академии, 1819. 174 с.
12. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 20 т, Т. 2, кн. 2: Стихотворения. (Юг. 1817–1820). СПб.: Наука, 1999. 1018 с.
13. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Письма 1815–1830. М.: Гослитиздат, 1959–1962. 495 с.
14. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения. 1814–1822. М.: Гослитиздат, 1959. 643 с.
15. Афанасьев-Чужбинский А. С. Воспоминания о Тарасе Шевченко. Русское слово. Киев: Днипро, 1988. С. 101–121.
16. Имеретинский Н. К. Из записок старого преображенца // Русская старина. 1893. Т. 78, №4. С. 21–50.

Поступила в редакцию 27.06.19

Подписана в печать 23.07.19

References

1. Goryushkina N. E. Trezvennoe dvizhenie v Rossii (1850-e gg.). Metodologiya i metody istoricheskoy psihologii: materialy XXVI Mezhdunar. nauch. konf.; ed. by S. N. Poltorak. St. Petersburg, Nestor Publ., 2009, pp. 162–163.
2. Martem'yanov T. A. Obshchestva netrezvosti. *Istoricheskij vestnik. Istoriko-literaturnyj zhurnal*, 1903, vol. XCII, no. 4, pp. 201–213.
3. Semevskij M. I. Shutki i potekhi Petra Velikogo (Petr I – kak yumorist). *Russkaya starina*, 1872, vol. 5, no. 2, pp. 845–892.
4. Nosovich I. I. Vsep'yanejshij sobor, uchrezhdennyj Petrom Velikim. *Russkaya starina*, 1874, vol. 11, no. 12, pp. 734–739.
5. Solov'ev S. M. Istoriya Rossii v epohu preobrazovaniya. Moscow, V universitetskoj tip. (Katkov i K^o) Publ., 1868, vol. IV. 340 p.
6. Valishevskij K. F. Petr Velikij: po novym dokumentam. Moscow, Obrazovanie Publ., [1911]. 154 p.
7. Klyuchevskij V. O. Russkaya istoriya: polnyj kurs lekcij. Rostov-on-Don, 2000, vol. 2. 573 p.
8. Uilson T. Mason bez maski, ili Podlinnyya tainstva masonskiya: Izdannyya so mnogimi podrobnostyami tochno i bezpristrasno; ed. by I. V. Soc. St. Petersburg, Pech. u Hristofora Genninga, 1784. 114 p.
9. Vyazemskij P. A. Stihotvoreniya. Vospominaniya. Zapisnye knizhki. Moscow, Pravda Publ., 1988. 478 p.

10. Vyazemskij P. A. *Polnoe sobranie sochinenij*. Vol. 8: *Staraya zapisnaya knizhka*. St. Petersburg, Izd. gr. S.D. Sheremet'eva, 1883. 524 p.
11. Bunina A. P. *Sobranie stihotvorenij Anny Buninoj*. Pt. 3: *Smes'*. St. Petersburg, V tip. Rossijskoj akademii, 1819. 174 p.
12. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenij*. Vol. 2, pt. 2: *Stihotvoreniya*. (Yug. 1817–1820). St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 1018 p.
13. Pushkin A. S. *Sobranie Sochinenij*. Vol. 9: *Pis'ma 1815–1830*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959–1962. 495 p.
14. Pushkin A. S. *Sobranie Sochinenij*. Vol. 1. *Stihotvoreniya*. 1814–1822. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959–1962. 643 p.
15. Afanas'ev-Chuzhbinskij A. S. *Vospominaniya o Tarase Shevchenko*. *Russkoe slovo*. Kiev, Dnipro Publ., 1988, pp. 101–121.
16. Imeretinskij N. K. *Iz zapisok starogo preobrazhenca*. *Russkaya starina*, 1893, vol. 78, no. 4, pp. 21–50.

Received 27.06.19

Accepted 23.07.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-культурного сервиса, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: gor046@yandex.ru

Natalya E. Goryushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: gor046@yandex.ru

УДК 377.1

Внеклассная работа в средних специальных учебных заведениях Курской области в 1960–1980-е годы

А. А. Сойников¹, И. П. Масленников¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Российская Федерация, 305000, Курск,
ул. Радищева, 33

✉ e-mail: ivan.maslennikov.2011@mail.ru

Резюме

Актуальность темы исследования определяется тем, что сфера образования выступает как одна из составляющих развития общественной системы. В конце 1950 – начале 1960-х годов в СССР начала осуществляться образовательная реформа, призванная вывести область образования на качественный уровень развития. Основные ее положения находили практическую реализацию до распада СССР в 1991 году. Была отменена бесплатность образования для ряда категорий граждан, учебные заведения переориентировались на осуществление своей деятельности в условиях рыночных отношений. Поэтому данный период, вне всякого сомнения, представляет научный интерес для написания статьи.

Цель: на основе изучения архивных документов и литературы дать всестороннюю и полную картину истории внеклассной работы в средних специальных учебных заведениях Курской области в советский период, выявить ее положительные стороны и показать негативные моменты в системе среднего образования региона в 1960–1980-е годы.

Задачи: провести анализ источников и литературы, посвященных истории внеклассной работы в средних специальных учебных заведениях Курской области в 1960–1980-е годы; изучить исторический аспект темы «Внеклассная работа в средних специальных учебных заведениях Курской области в 1960–1980-е годы».

Методология. В исследовании были применены принципы историзма и объективности, которые позволили изучить историю внеклассной работы в средних специальных учебных заведениях Курской области в 1960–1980-е годы в развитии и обусловленности, выявить ее особенности, проанализировать достижения и противоречия. В работе также использованы следующие методы: описательно-повествовательный, предполагающий рассмотрение любого события в связи с другими, историко-системный, в основе которого лежит изучение явлений и объектов прошлого как целостных исторических систем.

Результаты. В статье дана характеристика внеклассной работы в средних специальных учебных заведениях Курской области в 1960–1980-е годы. Авторы, опираясь на разнообразные источники, преимущественно архивные документы, исследуют содержание и основные направления внеурочной деятельности в техникумах и училищах. Основное внимание уделено анализу отдельных форм внеклассной работы: предметные кружки, спортивные секции, поисковое движение и интернациональное воспитание.

Выводы. В 1960–1980-е годы в средних специальных учебных заведениях Курской области получили развитие различные формы внеклассной работы. Они выступали одним из факторов формирования общей и профессиональной культуры обучающихся, навыков организаторской деятельности, здорового образа жизни, патриотизма и интернационализма.

Ключевые слова: средние специальные учебные заведения; Курская область; внеклассная работа; формы; образовательная система.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Сойников А. А., Масленников И. П. Внеклассная работа в средних специальных учебных заведениях Курской области в 1960–1980-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 189–199.

© Сойников А. А., Масленников И. П., 2019

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2019; 9(4): 189–199

Extracurricular Activities in the Secondary Specialized Educational Institutions of the Kursk Region in 1960–1980 s

Aleksej A. Soynikov¹, Ivan P. Maslennikov¹ ✉

¹Kursk State University, 33, str. Radischeva, Kursk, 305000, Russian Federation

✉ e-mail: ivan.maslennikov.2011@mail.ru

Abstract

The relevance of the research topic is determined by the fact that the sphere of education acts as one of the components of the development of the social system. In the late 1950s–early 1960s in the Soviet Union launched the education reform, designed to bring education to a qualitatively new level of development. Its main provisions found practical implementation before the collapse of the USSR in 1991. Free education for a number of categories of citizens was abolished, educational institutions were reoriented to carry out their activities in market conditions. Therefore, this period, without any doubt, is of scientific interest for writing the article.

The purpose: based on the study of archival documents and literature to give a comprehensive and complete picture of the history of extracurricular activities in secondary special educational institutions of the Kursk region in the Soviet period, to identify its positive aspects and show the negative aspects in the secondary education system of the region in the 1960s–1980s.

Objectives of the study: to analyze the sources and literature on the history of extracurricular activities in secondary special educational institutions of the Kursk region in the 1960s–1980s; to study the historical aspect of the topic "Extracurricular work in secondary special educational institutions of Kursk region in the 1960s–1980s."

Methodological. The study applied the principles of historicism and objectivity, which allowed to study the history of extracurricular activities in the secondary specialized educational institutions of the Kursk region in the period of 1960–1980 in the development and conditioning, identify its features, to analyze the achievements and contradictions. The paper also uses the following methods: descriptive and narrative, involving the consideration of any event in connection with others, historical and systemic, which is based on the study of phenomena and objects of the past as a holistic historical systems.

Results. In the article the characteristics of extracurricular activities in the secondary specialized educational institutions of the Kursk region in the period of 1960–1980, the Authors, drawing on various sources, mainly archival documents, exploring the contents and the main directions of extracurricular activities in colleges and schools. The main attention is paid to the analysis of certain forms of extracurricular activities: subject circles, sports clubs, search movement and international education.

Conclusions. In the 1960s–1980s, various forms of extracurricular work were developed in secondary special educational institutions of the Kursk region. They were one of the factors in the formation of General and professional culture of students, organizational skills, healthy lifestyles, patriotism and internationalism.

Keywords: secondary special educational institutions; Kursk region; extracurricular activities; forms; educational system.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Soynikov A. A., Maslennikov I. P. Extracurricular Activities in the Secondary Specialized Educational Institutions of the Kursk Region in 1960–1980 s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 189–199 (in Russ.).

Введение

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в СССР начала осуществляться образовательная реформа, призванная вывести область образования на качественный

уровень развития. Основные ее положения находили практическую реализацию до распада СССР в 1991 г. Была отменена бесплатность образования для ряда категорий граждан, учебные заведения пере-

ориентировались на осуществление своей деятельности в условиях рыночных отношений. Поэтому данный период, вне всякого сомнения, представляет научный интерес для написания статьи. Помимо научного интереса данная тема также представляет и практический интерес. После того как в 2003 г. наша страна присоединилась к Болонским соглашениям в области образования, обнаружились не столько проблемы технологической системы, сколько вопросы по поводу содержательного и качественного соответствия отечественной образовательной системы. Целевые ориентиры модели образования, отвечающей современным задачам развития страны, нормативно заданы в Федеральном законе «Об образовании» (2012). Суть их заключается в переходе от «знаниевой» парадигмы образования к «деятельностной», ставящей во главу угла личность обучающегося, его умения и способности, готовность к саморазвитию и умениям учиться всю жизнь, а не просто набор знаний, умений и навыков, обязательных для изучения. В соответствии с этим основным результатом образования становится освоение универсальных учебных действий (УУД), которые определяются как «умение учиться, способность субъекта к саморазвитию и самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта».

Цель работы: на основе изучения архивных документов и литературы дать всестороннюю и полную картину истории внеклассной работы в средних специальных учебных заведениях Курской области в советский период, выявить ее положительные стороны и показать негативные моменты в системе среднего образования региона в 1960–80-е гг.

Исходя из целей работы авторами ставятся задачи исследования:

1) провести анализ источников и литературы, посвященных истории внеклассной работы в средних специальных учебных заведениях Курской области в

1960–80-е гг.; 2) изучить исторический аспект темы «Внеклассная работа в средних специальных учебных заведениях Курской области в 1960–1980-е гг.».

Методология

В исследовании были применены принципы историзма и объективности, которые позволили изучить историю внеклассной работы в средних специальных учебных заведениях Курской области в 1960–80-е гг. в развитии и обусловленности, выявить ее особенности, проанализировать достижения и противоречия. В работе также использованы следующие методы: описательно-повествовательный, предполагающий рассмотрение любого события в связи с другими, историко-системный, в основе которого лежит изучение явлений и объектов прошлого как целостных исторических систем.

Результаты и их обсуждение

Формирование общей и профессиональной культуры специалистов во многом определяется содержанием, характером и организацией процесса воспитания в техникумах и училищах. В рассматриваемый период его цели, задачи и основные направления определялись программными документами КПСС, директивными указаниями партийных съездов, пленумов ЦК КПСС, постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Они конкретизировались в решениях российского правительства, соответствующих министерств и ведомств, местных партийных, советских органов, профсоюзных, комсомольских организаций и становились обязательными для выполнения коллективами техникумов и училищ. В 1960–80-е гг. приоритеты в воспитательной работе с учащейся молодежью неоднократно менялись. До середины 1960-х г. в соответствии с Программой КПСС (1961 г.) основной целью провозглашалось воспитание строителей

коммунистического общества. С приходом к власти брежневского руководства задачу строительства коммунизма отодвинули на перспективу. Целью воспитательного процесса объявили достижение более высоких качественных показателей, соответствующих развитому социализму.

Основными задачами воспитания будущих специалистов средней квалификации КПСС определила формирование коммунистического мировоззрения, патриотизма, любви к Родине, высоких нравственных качеств, готовности своим трудом приумножать богатства страны, эстетическое восприятие окружающего мира, привитие здорового образа жизни. Характерными чертами воспитательной работы были привнесение в ее содержание классового подхода и чрезмерная политизированность. При оценке проводимых мероприятий определяющими факторами выступали: идеологическая направленность, соответствие действующим указаниям партийных, государственных, комсомольских органов, количественные показатели.

Достаточно пристальное внимание в 1960–80-е гг. в средних специальных учебных заведениях уделялось организации и проведению внеклассной работы. Под внеклассной работой традиционно понимается деятельность учащихся в свободное от учебы время, осуществляемая под руководством и совместно с педагогами. Внеклассная работа была и остается составной частью воспитательного процесса образовательной организации. В статье дается характеристика отдельных форм внеклассной работы в средних специальных учебных заведениях Курской области на протяжении 1960–80-х гг.: участие в работе предметных кружков, деятельность спортивных секций, развитие поисково-краеведческого движения и интернациональное воспитание учащейся молодежи.

В техникумах и училищах Курской области одно из ведущих мест занимала

организация деятельности предметных кружков. Они ставили своей задачей углубление знаний учащимися, приобретение ими дополнительных умений и навыков по избранной профессии. Так, при библиотеках Курского, Обоянского и Рыльского педагогических училищ функционировали кружки под общим названием «Друзья книги». В процессе этой работы у учащихся формировались навыки самостоятельного изучения материала, развивались творческие способности [1, д. 4651, л. 78 об.]. В Курском музыкальном училище-интернате слепых на начало 1968/1969 учебного года работало 9 предметных кружков [2, д. 77, л. 19]. В Курском фармацевтическом училище действовали биологический и фармакологический кружки [3, д. 2, л. 41, 42]. В Рыльском авиационно-техническом училище гражданской авиации в 1975 г. работали 13 кружков. Курсанты занимались в них авиамоделированием, изучали проблемы электротехники и приобретали дополнительные навыки при проведении электромонтажных работ [4, д. 253, л. 44, 45]. В Курском медицинском училище действовал терапевтический кружок, члены которого принимали регулярное участие в научно-практических конференциях [5, д. 58, л. 27; д. 65, л. 29]. В середине 1970-х гг. в Суджанском музыкальном училище работал кружок «Диск» по повышению уровня музыкальной культуры молодежи [6]. В 1970/1971 учебном году в Курском сельскохозяйственном техникуме действовали 10 предметных кружков, силами которых в течение года было сделано 18 тематических докладов, выпущено 12 информационных бюллетеней и изготовлено 8 электрифицированных наглядных пособий [7, д. 517, л. 10]. Краеведческий кружок учащихся 1 курса Курского электромеханического техникума под руководством преподавателя С. Ф. Шульгина в 1971/1972 учебном году собрал исторические материалы по следующим темам: «Курск в октябрьские дни 1917 г.»,

«Курск в грозные годы Гражданской войны», «Площадь Перекальского», «Курская битва» и «Курская магнитная аномалия» [7, д. 605, л. 46]. В 1987/1988 учебном году члены исторического кружка Курского техникума советской торговли изготовили альбом, посвященный А. А. Косухину – ответственному представителю Красной армии при золотом запасе России в годы Гражданской войны [8, д. 280, л. 61]. В Курском монтажном техникуме в 1969/1970 учебном году функционировало 6 кружков, а к 1988 г. их действовало уже 33, причем различной направленности: начиная от кружка общей электротехники и заканчивая кружком технологии и организации строительного производства [9, д. 246, л. 86; д. 761, л. 105; 10, д. 1306, л. 407].

В средних специальных учебных заведениях действовала система внеурочной работы по физическому воспитанию учащейся молодежи. Содержание ее было направлено на подготовку подрастающего поколения к труду и обороне, пропаганду здорового образа жизни. В техникумах и училищах работали спортивные секции и кружки. В 1964/1965 учебном году в Курском техникуме железнодорожного транспорта насчитывалось 10 спортивных секций, имелись команды по волейболу, хоккею и шахматам [11, д. 54, л. 44]. В Курском фармацевтическом училище в 1968/1969 учебном году действовала волейбольная секция, а команда старшекурсников трижды выступала на городском первенстве [3, д. 152, л. 33]. На начало 1969/1970 учебного года в Курском музыкальном училище-интернате слепых функционировали 6 спортивных секций, где занимались 122 человека [2, д. 83, л. 22–23]. К 1983/1984 учебному году в Кучеровском сельскохозяйственном техникуме насчитывалось 6 спортивных секций, охвативших 290 учащихся [12, д. 298, л. 36]. В Рыльском педагогическом училище в 1969 г. работало 3 парашютных кружка (100 человек). Занятия здесь на обще-

ственных началах вели учащиеся педагогического училища, имеющие разряды по парашютному спорту [13, д. 22, л. 25]. В Обоянском педагогическом училище в 1973 г. работало 3 секции: волейбольная, баскетбольная и лыжная [14, д. 685, л. 280].

Однако в большинстве средних специальных учебных заведений внеурочная работа по физическому воспитанию и формированию здорового образа жизни носила эпизодический характер, не отличалась систематичностью и планомерностью. Основным показателем стало участие в соревнованиях, а не собственно содержание физкультурно-оздоровительной работы. Многие техникумы и училища создавали команды только к состязаниям, привлекали большое количество участников для показа массовости. Формально росло число мероприятий и количество охваченных ими. В действительности же многие учащиеся не только не посещали спортивные секции даже с оздоровительными целями, но и сознательно уклонялись от обязательных занятий по физической культуре. В начале 1980-х гг. результаты проведенных исследований зафиксировали удручающую картину состояния здоровья, физического развития и физической подготовленности подрастающего поколения. Стала очевидной настоятельная необходимость радикального изменения содержания и форм организации физического воспитания [15, с. 4].

Новый импульс в 1960–80-е гг. получило поисково-краеведческое движение. В мае 1965 г. бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление «О Всесоюзном туристском походе молодежи по местам боевой славы советского народа», в котором рекомендовалось «...провести поиски новых героев, сбор материалов для музеев, комнат и уголков боевой славы» [16, с. 41].

В Обоянском педагогическом училище в 1960–80-е гг. была организована работа поисковой экспедиции по следам

303-й стрелковой Сибирской дивизии, освобождавшей г. Обоянь от немецко-фашистских захватчиков в феврале 1943 г. [17] В училище был также собран материал о герое Советского Союза А. К. Горовце. Учащиеся-поисковики оформили соответствующий альбом под названием «Это все о нем» и вели переписку с родственниками А. К. Горовца [14, д. 1085, л. 52]. В Курском техникуме железнодорожного транспорта был собран материал о Н. Корнееве, выпускнике техникума, погибшего при освобождении Коньшевского района зимой 1943 г. [11, д. 102, л. 37]. В 1970/1971 учебном году по инициативе преподавателя железнодорожного техникума А. Л. Мелентьева учащиеся восстановили имена, фамилии, отчества и профессии 26 из 46 расстрелянных гитлеровцами 5 февраля 1943 г. граждан г. Курска [11, д. 79, л. 46]. В 1968 г. студенты Суджанского ветеринарного техникума установили переписку с воинами 180-й танковой бригады и 107-й стрелковой дивизии, которые освободили г. Суджу от немецко-фашистских захватчиков, а также с родителями солдат и офицеров, погибших при освобождении города [18, д. 19, л. 22]. Интересный опыт поисковой работы накопила группа комитета ВЛКСМ Курского кооперативного техникума (руководители – Л. П. Миронова и Т. А. Степашова). В феврале 1974 г. руководство музея Курской битвы поручило ей изучить боевой путь 3-й гвардейской истребительной артиллерийской противотанковой бригады Резерва Верховного главного командования, отличившейся в боях на Северном фесе Курской дуги [19, с. 57]. Всего за год с небольшим поисковики Т. Коробова, С. Ноздрина и З. Переверзева восстановили боевой путь 3-й гвардейской истребительной бригады РВГК и передали собранные материалы в музей Курской битвы [20, с. 25]. Материалы поисковой работы техникума были представлены на VIII слете победителей похода по местам боевой, революционной и трудовой сла-

вы советского народа в г. Иваново в сентябре 1977 г.

На этом же слете за активное участие в поисковой работе клуб «Искатель» кооперативного техникума был отмечен дипломом Центрального штаба. Награду лично вручил маршал И. Х. Баграмян [21, д. 202, л. 40–41]. В мае 1978 г. следопыты этого клуба организовали встречу ветеранов 3-й гвардейской истребительной артиллерийской противотанковой бригады РВГК. Участники встречи, прибывшие из Москвы, Минска, Ленинграда, Барнаула, Самарканда, посетили места боев в районе сел Игишево и Теплое Поньровского района [19, с. 77]. Ветераны высоко оценили работу комсомольцев техникума: «Мы едем в Курск в кооперативный техникум, как в дом родной» [22]. Учащиеся кооперативного техникума во время «Вахты Памяти» в честь 35-й годовщины Победы посетили г. Николаев, откуда привезли материалы о Герое Советского Союза К. Ф. Ольшанском, чей десант освободил город в марте 1944 г. [23, д. 13, л. 14]

В 1972/1973 учебном году на базе Курского медицинского училища был создан поисковый клуб «Патриот». Штаб клуба начал вести работу по поиску материалов о медиках – участниках боев на Северном фесе Курского выступа [5, д. 52, л. 28]. Через год с целью расширения диапазона поисковой работы был образован поисковый клуб «Вечный зов» [5, д. 58, л. 32]. В 1982/1983 учебном году клуб подготовил и провел встречу с выпускниками училища, которые принимали участие в Курской битве [5, д. 161, л. 21]. Результаты работы поискового клуба «Вечный зов» неоднократно освещались в местной периодической печати [24].

В Курском монтажном техникуме в октябре 1974 г. по решению комитета ВЛКСМ была создана группа «Поиск». Следопыты начали собирать материал о боевом пути первой Курской партизанской бригады [25, д. 124, л. 21]. Сбор информации был закончен только к началу

1985/1986 учебного года и представлен в уголке боевой славы техникума [9, д. 701, л. 46]. В 1979 г. учащимися Курского техникума советской торговли были найдены уникальные фотографии о работе комсомольцев послевоенных лет, которые восстановили разрушенное оккупантами здание техникума. Поисковики также создали стенд «Преподаватели техникума – участники Великой Отечественной войны», участвовали в оформлении музея боевой и трудовой славы техникума [26, с. 136].

В 1979–1980 гг. комсомольцы Курского педагогического училища собрали сведения о выпускниках училища 1938–1941 гг. и преподавателях – участниках Великой Отечественной войны [27, д. 54, л. 53; 28, д. 32, л. 22]. Учащиеся оформили стенд в честь выпускника училища Г. А. Ольховикова, командира батареи 93-го отдельного зенитного дивизиона, погибшего в 1942 г. при обороне Сталинграда. Г. А. Ольховиков навечно был зачислен в почетные учащиеся училища [10, д. 1386, л. 24]. В 1986 г. в общежитии Курского техникума железнодорожного транспорта была открыта галерея трудовой славы, посвященная людям, удостоенным звания «Почетный железнодорожник» [29]. В октябре 1987 г. по поручению Обоянского районного комитета ВЛКСМ комсомольцы педагогического училища начали вести работу по поиску информации об истории комсомола в г. Обояни [14, д. 1108, л. 13]. С целью создания «Книги Памяти» Кировского района г. Курска руководство Курского техникума железнодорожного транспорта в январе 1990 г. поручило обучающимся провести подворный обход ряда улиц, в ходе которого был собран необходимый материал [11, д. 196, л. 78]. В рассматриваемый период в средних специальных учебных заведениях Курской области стали открываться музеи, посвященные истории техникумов и училищ. Так, в 1977 г. подобный музей был открыт в Курском педагогическом учи-

лище [30, д. 289, л. 9]. Двумя годами позже аналогичный музей появился в Рыльском авиационно-техническом училище гражданской авиации, в 1985 г. – в Обоянском педагогическом училище [31; 14, д. 1085, л. 43]. В 1986 г. открылся музей боевой и трудовой славы в Курском монтажном техникуме [9, д. 709, л. 30]. Во всех музеях были представлены основные этапы истории учебных заведений, материалы об учебно-воспитательном процессе, преподавателях, выпускниках, документы из личных архивов, разнообразные экспонаты, отражающие достижения образовательных организаций.

Кроме музеев, в средних учебных заведениях создавались комнаты боевой славы. Они были открыты в Михайловском горно-металлургическом, Кучеровском сельскохозяйственном и Курском электромеханическом техникумах, Курском техникуме железнодорожного транспорта [32, д. 304, л. 71]. Комната боевой славы Калиновского сельскохозяйственного техникума, созданная по инициативе преподавателя П. В. Кобелева, была награждена бронзовой медалью ВДНХ [33, д. 17, л. 18]. В средних специальных учебных заведениях области получили распространение различные формы интернационального воспитания учащейся молодежи. Учащиеся получали представления об особенностях жизни, культуры и традициях представителей других национальностей, углубляли знания, полученные по ряду предметов, стимулировали свой интерес к изучению иностранных языков.

Так, были налажены контакты средних специальных учебных заведений Курской области с представителями социалистических стран. В частности, в 1978 г. югославская делегация г. Титово-Ужице встретила со студентами Курского фармацевтического училища [34, д. 42, л. 68]. В 1979 г. учащиеся Курского монтажного техникума стали участниками встречи с югославской делегацией в

гарнизонном Доме офицеров [10, д. 1306, л. 418]. Учащиеся Рыльского совхоза-техникума вели переписку с коллегами из сельскохозяйственной школы Нойрандербургского округа ГДР. К 50-летию образования СССР немецкие студенты передали в дар техникуму бюст композитора Л. В. Бетховена [35, д. 7, л. 30]. Обучающиеся Обоянского педагогического училища начиная с 1968 г. вели переписку с учащимися дошкольного педагогического училища г. Галле (ГДР) [36, д. 33, л. 24].

В 1960–80-х гг. характерными стали встречи учащихся средних специальных учебных заведений Курской области с вьетнамскими, монгольскими, кампучийскими (камбоджийскими) гражданами. Одна из самых масштабных встреч состоялась в 1971 г. на территории поселка Поныри в связи с празднованием 26-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В ней приняли участие с одной стороны представители молодежи Белгородской, Курской (в том числе 65 учащихся Курского педагогического училища) и Орловской областей, а с другой – молодежь Вьетнама и Болгарии [30, д. 255, л. 111]. В 1970/1971 учебном году Курское фармацевтическое училище провело вечер интернациональной дружбы с приглашением вьетнамских учащихся профессионально-технических училищ областного центра [3, д. 179, л. 17]. Аналогичный вечер состоялся в 1974 г. в Курском монтажном техникуме по случаю 56-й годовщины создания Советской армии [37, д. 30, л. 60]. В 1982 г. в рамках смотроконкурса студенческих общежитий совет Курского культурно-просветительного училища периодически проводил вечера интернациональной дружбы, куда приглашались вьетнамские и лаосские учащиеся профессионально-технического училища № 5 г. Курска [38, д. 1135, л. 49]. Кружок Курского фармацевтического училища «Бытовые услуги» полу-

чил благодарность советского комитета защиты мира за перечисление части заработанных средств в фонд помощи Вьетнаму [3, д. 118, л. 26]. К 60-летию образования Курского техникума советской торговли на вечер интернациональной дружбы были приглашены учащиеся из Вьетнама, Лаоса, Монголии, Кампучии и других стран [39, с. 11].

В фондах Государственного архива общественно-политической истории Курской области отложились материалы о расширении связей между учебными заведениями Курской области и Украинской ССР. Например, с 1968 г. между педагогическими училищами Путивля и Курска начались культурные обмены [40]. С 1973 г. связь с Путивльским педучилищем установил и клуб интернациональной дружбы Рыльского педагогического училища [35, д. 7, л. 17; 41, д. 14, л. 18–19]. Регулярно обменивались делегациями, опытом учебы, организации внеурочной деятельности учащиеся Рыльского совхоза-техникума, Глуховского и Сумского сельскохозяйственных техникумов, Курского и Сумского культурно-просветительных училищ [42, д. 9, л. 20; 41, д. 14, л. 18–19]. Курсанты Рыльского авиационного училища поддерживали дружеские связи со студентами Глуховского педагогического института. В 1975 г. на аллее «Дружба» Рыльского и Глуховского районов коллективами училища и пединститута было посажено более 200 деревьев [42, д. 9, л. 21].

Выводы и рекомендации

Таким образом, в 1960–80-е гг. в средних специальных учебных заведениях Курской области получили развитие различные формы внеклассной работы. Они выступали одним из факторов формирования общей и профессиональной культуры обучающихся, навыков организаторской деятельности, здорового образа жизни, патриотизма и интернационализма.

Список литературы

1. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р–4006. Оп. 2.
2. ГАКО. Ф. Р–203. Оп. 1.
3. ГАКО. Ф. Р–21. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р–934. Оп. 1.
5. ГАКО. Ф. Р–3142. Оп. 2.
6. Горобченко Т. Знакомьтесь: «диск» // Молодая гвардия. Курск, 1975. 5 апр.
7. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П–1. Оп. 58.
8. ГАКО. Ф. Р–406. Оп. 1.
9. ГАКО. Ф. Р–163. Оп. 1.
10. ГАОПИКО. Ф. П–84. Оп. 1.
11. ГАКО. Ф. Р–540. Оп. 1. Д. 54.
12. ГАКО. Ф. Р–4938. Оп. 2.
13. ГАОПИКО. Ф. П–4. Оп. 6.
14. ГАОПИКО. Ф. П–54. Оп. 1.
15. Теория и практика физической культуры. 1993. № 9–10.
16. «Память, ты для сердца свята...» Деятельность комсомольских и молодежных организаций Курской области по героико-патриотическому воспитанию в 50-90-е годы XX века: сб. док. / [редкол.: А. Н. Манжосов и др.]. Курск: Гос. арх. общественно-полит. истории Курской обл., 2008. 397 с.
17. Дурноглазов В. Е. Состояние педагогических училищ Курской области в 1960-1980-е гг. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 1 (45). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/050-011.pdf> (дата обращения: 17.01.2019).
18. ГАОПИКО. Ф. П–1572. Оп. 1.
19. «Вашей славы наследники мы». Хроника совместной работы органов власти и общественных организаций Курской области по героико-патриотическому воспитанию молодежи (май 1965–декабрь 1991 гг.). Курск: Гос. арх. общественно-полит. ист. Курск. обл., 2015. 133 с.
20. Путеводная звезда памяти (Деятельность общественных организаций Курской области по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи в 50-90-е гг. XX столетия): в 2 ч. / А. Ю. Золотухин, В. В. Коровин, А. Н. Манжосов [и др.]. Курск: Курск. обл. науч. краеведческое о-во, 2009. Ч. 2. 132 с.
21. ГАКО. Ф. Р–5349. Оп. 1.
22. Зайцева Н. Мужество в наследство // Курская правда. 1988. 14 июля.
23. ГАОПИКО. Ф. П–40. Оп. 14.
24. Лейбельман М. Я. Священную память храня // Курская правда. 1982. 22 июня.
25. ГАОПИКО. Ф. П–131. Оп. 7.
26. Мелихова Ю. А. История молодежного поисково-краеведческого движения в России в 40-е – начале 90-х годов XX века: на материалах Курской области: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 256 с.
27. ГАОПИКО. Ф. П–85. Оп. 17.
28. ГАОПИКО. Ф. П–85. Оп. 18.
29. Салтык И. П. Галерея трудовой славы // Курская правда. 1986. 19 апр.
30. ГАКО. Ф. Р–3164. Оп. 2.

31. Шугунов А. Музей в училище // Молодая гвардия. 1979. 30 окт.
32. ГАКО. Ф. Р–384. Оп. 1.
33. ГАОПИКО. Ф. П–167. Оп. 11.
34. ГАОПИКО. Ф. П–2878. Оп. 34.
35. ГАОПИКО. Ф. П–4. Оп. 10.
36. ГАОПИКО. Ф. П–131. Оп. 10.
37. ГАОПИКО. Ф. П–2878. Оп. 16.
38. ГАКО. Ф. Р–214. Оп. 1.
39. Шевелев В. В., Мозняков Н. С. Курскому техникуму советской торговли – 60 лет // Среднее специальное образование. 1983. № 9.
40. Акименко Ф. Путивль – Курск // Курская правда. 1971. 18 мая.
41. ГАОПИКО. Ф. П–4. Оп. 13.
42. ГАОПИКО. Ф. П–4. Оп. 12.
43. Корчагина Т. Дружат два училища // Курская правда. 1984. 22 апр.

Поступила в редакцию 15.05.19

Подписана в печать 10.06.19

References

1. ГАКО (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti), f. r–4006, op. 2.
2. ГАКО, f. r–203, op. 1.
3. ГАКО, f. r–21, op. 1.
4. ГАКО, f. r–934, op. 1.
5. ГАКО, f. r–3142, op. 2.
6. Gorobchenko T. Znakom'tes': "disk". *Molodaya gvardiya*. Kursk, 1975, 5 Apr.
7. ГАОПИКО (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti), f. p–1, op. 58.
8. ГАКО, f. r–406, op. 1.
9. ГАКО, f. r–163, op. 1.
10. ГАОПИКО, f. p–84, op. 1.
11. ГАКО, f. r–540, op. 1.
12. ГАКО, f. r–4938, op. 2.
13. ГАОПИКО, f. p–4, op. 6.
14. ГАОПИКО, f. p–54, op. 1.
15. *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury*, 1993, No 9–10.
16. "Pamyat', ty dlya serdca svyata... " Deyatel'nost' komsomol'skih i molodezhnyh organizacij Kurskoj oblasti po geroiko-patrioticheskomu vospitaniju v 50-90-e gody XX veka»; [ed. by A. N. Manzhosov eds.]. Kursk, Gos. arh. Obshchestvenno-polit. ist. Kurskoj obl., 2008. 397 p.
17. Durnoglazov V. E. Sostoyanie pedagogicheskikh uchilishch Kurskoj oblasti v 1960–1980-e gg. *Uchenye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no 1 (45). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/050-011.pdf> (accessed 17.01.2019).
18. ГАОПИКО, f. p–1572, op. 1.
19. "Vashej slavy nasledniki my". Hronika sovmestnoj raboty organov vlasti i obshchestvennyh organizacij Kurskoj oblasti po geroiko-patrioticheskomu vospitaniju molodezhi (maj 1965–dekabr' 1991 gg.) Kursk, Gos. arh. obshchestvenno-polit. ist. Kursk. obl., 2015. 133 p.

20. Zolotuhin A. Yu., Korovin V. V., Manzhosov A. N., eds. Putevodnaya zvezda pamyati (Deyatel'nost' obshchestvennyh organizacij Kurskoj oblasti po grazhdansko-patrioticheskomu vospitaniyu molodezhi v 50-90-e gg. XX stoletiya). Kursk, Kursk. obl. nauch. kraevedcheskoe o-vo, 2009, pt. 2. 132 p.
21. GAKO, f. r-5349, op. 1.
22. Zajceva N. Muzhestvo v nasledstvo. *Kurskaya Pravda*, 1988, 14 June.
23. GAOPIKO, f. p-40, op. 14.
24. Lejbel'man M. Ya. Svyashchennuyu pamyat' hranya. *Kurskaya pravda*. 1982. 22 June.
25. GAOPIKO, f. p-131, op. 7.
26. Melihova Yu. A. Istoriya molodezhnogo poiskovo-kraevedcheskogo dvizheniya v Ros-sii v 40-e – nachale 90-h godov XX veka: na materialah Kurskoj oblasti. Diss. kand. ist. nauk. Kursk, 2011. 256 p.
27. GAOPIKO, f. p-85, op. 17.
28. GAOPIKO, f. p-85, op. 18.
29. Saltyk I. P. Galereya trudovoj slavy. *Kurskaya pravda*, 1986, 19 Apr.
30. GAKO, f. r-3164, op. 2.
31. Shugunov A. Muzej v uchilishche. *Molodaya gvardiya*, 1979, 30 Okt.
32. GAKO, f. r-384, op. 1.
33. GAOPIKO, f. p-167, op. 11.
34. GAOPIKO, f. p-2878, op. 34.
35. GAOPIKO, f. p-4, op. 10.
36. GAOPIKO, f. p-131, op. 10.
37. GAOPIKO, f. p-2878, op. 16.
38. GAKO, f. r-214, op. 1.
39. Shevelev V. V., Moznyakov N. S. Kurskomu tekhnikumu sovetskoj trgovli – 60 let. *Srednee special'noe obrazovanie*, 1983, no. 9.
40. Akimenko F. Putivl' – Kursk. *Kurskaya pravda*. 1971. 18 May.
41. GAOPIKO, f. p-4, op. 13.
42. GAOPIKO, f. p-4, op. 12.
43. Korchagina T. Druzhat dva uchilishcha. *Kurskaya pravda*, 1984. 22 Apr.

Received 15.05.19

Accepted 10.06.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Сойников Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: profsoin@mail.ru

Aleksej A. Soynikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: profsoin@mail.ru

Масленников Иван Павлович, магистрант, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: ivan.maslennikov.2011@mail.ru

Ivan P. Maslennikov, Undergraduate, Kursk State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: ivan.maslennikov.2011@mail.ru

УДК 93/94 (35.087.431)

Специфика устройства земских страховых пенсионных касс в Российской империи в начале XX века

А. В. Кульчитцкий¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: kulchitckij@mail.ru

Резюме

Актуальность. Пенсионная система Российской Федерации в течение последних лет постоянно реформируется. Между тем в истории России накоплен богатый опыт устройства пенсионного обеспечения, в связи с чем данная статья обладает безусловной актуальностью.

Цель исследования заключается в освещении специфики устройства земских страховых пенсионных касс в Российской империи от 12 июня 1900 г. для земских служащих.

Задачи: определение структуры пенсионных касс; выявление их специфики, основанной на страховом принципе; сравнение условий назначения пенсий в эмеритальных и страховых кассах.

Методология. Методологической основой исследования послужили исторический, компаративный и типологический подходы.

Результаты. С 1868 года в отдельных губерниях России появились земские пенсионные учреждения эмеритального типа. В 1885 году был издан единый устав, ставший регулятором земских эмеритальных касс. Через 15 лет, он был заменён Положением, основанным на страховом принципе.

Выводы. Слабой стороной эмеритальных касс была их финансовая неустойчивость и экономическая несамостоятельность, поэтому на съезде в Москве по вопросу о типе центральной пенсионной кассы для земских служащих абсолютное большинство земств высказалось за страховой тип.

Главным принципом «новых касс» становилось распределение коллективных принудительных сбережений, собранных определенной социальной группой людей с пособием от земства по страховому принципу; обязательным условием было то, что все убытки покрывались из уже имеющихся средств изучаемой кассы. Выгодной стороной данного типа касс была их финансовая устойчивость и стабильность. Размеры пенсий зависели от средств, которые накапливались на личном счете каждого из участников, а устав только определял назначение накопленных денежных сумм и порядок их распределения.

Ключевые слова: земства; Российская империя; земские страховые пенсионные кассы; пенсионная система; страховой принцип.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кульчитцкий А. В. Специфика устройства земских страховых пенсионных касс в Российской империи в начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 200–207.

© Кульчитцкий А. В., 2019

The Specifics of the Device Zemstvo Insurance Pension Funds in the Russian Empire in the Early XX Century

Alexey V. Kulchitsky¹ ✉

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kulchitckij@mail.ru

Abstract

Relevance. The pension system of the Russian Federation in recent years is constantly being reformed. Meanwhile, in the history of Russia has accumulated a wealth of experience in the pension system, in connection with which this article has absolute relevance.

Purpose. Its purpose is to highlight the specifics of the device Zemstvo pension insurance offices in the Russian Empire on June 12, 1900 for Zemstvo employees.

Tasks: determining the structure of pension funds; identification of their specifics based on the insurance principle; comparison of the terms of the pensions and insurance aid funds for Emeritus professors at the box office.

Methodology. The methodological basis of the study was the historical, comparative and typological approaches.

Results. Since 1868 and in some provinces of Russia appeared Zemsky pension institution type aid funds for Emeritus professors. In 1885 was published one Charter, which became the regulator of Zemstvo aid funds for Emeritus professors Cass. After 15 years, it was replaced by a Provision based on the insurance principle.

Conclusion. The weak side aid funds for Emeritus professors Cass was their financial instability and economic dependence, therefore, at the Congress in Moscow concerning the type of the Central pension Fund for employees of the Zemstvo, an absolute majority of the Zemstvos advocated insurance type.

The main principle of the "new banks" was the distribution of collective forced savings collected by a certain social group of people with benefits from the Zemstvo on the insurance principle; a prerequisite was that all losses were covered from the already available funds of the studied Fund. The beneficial side of this type of cash registers was their financial stability and stability. The size of pensions depended on the funds that were accumulated on the personal account of each of the participants, and the Charter only determined the purpose of the accumulated sums of money and the order of their distribution.

Keywords: Zemstvo; Russian Empire; pension system; Zemsky insurance pension Fund; insurance principle.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kulchitsky A. V. The Specifics of the Device Zemstvo Insurance Pension Funds in the Russian Empire in the Early XX Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 200–207 (in Russ.).

Введение

Актуальность темы определяется важным опытом с точки зрения истории исследования социального обеспечения Российским государством своих граждан. В современный период в Российской Федерации воплощается в жизнь пенсионная реформа, проводимая нынешним кабинетом министров. Исторический опыт,

накопленный нашим государством в области пенсионного обеспечения, является очень важным и, безусловно, может и должен использоваться современными реформаторами, особенно та его часть, в которой изучается основанный на страховом принципе процесс работы по финансовой стабильности земских касс.

Цель исследования – изучение работы устройства созданной в 1900 г. для земских служащих, уходящих в отставку, земской страховой пенсионной кассы в столице Российской империи.

Задачами данной работы являются: определение специфики устройства пенсионных касс земских служащих; сравнение пенсионной системы в эмеритальных кассах и страховых.

Методология

Методологическую основу данного исследования составляют исторический, компаративный и типологический подходы.

Результаты и обсуждения

В Российской империи в XIX – начале XX в. в земских учреждениях работало более 100 000 человек. Имеющиеся данные о «рабочем времени» служащих земств показывают, что время службы ежедневно продолжалось в среднем от 8 до 10 часов, и человек полностью должен был отработать это время [4, с. 3–17].

С самого начала существования земств вырабатывались определенные методики, позволяющие смягчить тяжелые последствия утраты трудоспособности; в основном данные вопросы решались в порядке «милосердия». Земские служащие в случае необходимости могли обращаться с прошением к земскому собранию, которое, в свою очередь, удовлетворяло его прошение в соответствии от обстоятельств дела, особым пенсионным окладом [1, с. 4; 2, с. 237].

Эта группа специалистов остро нуждалась в устройстве пенсионной системы. В 1868 г. в Тверской губернии была создана первая эмеритальная пенсионная касса, а уже в 1877 г. подобная касса была образована и в столице Российской империи [3, с. 480–481; 4, с. 172–187; 5, с. 5]. 30 апреля 1885 г. утвердили единый Устав для регулирования всех земских эмеритальных касс, а уже 12 июня 1900 г.

его заменили положением, в основе которого лежал страховой принцип. Эта дата и является основанием земских страховых пенсионных касс [6, с. 380–381; 7, с. 146–147; 8, с. 7].

Средства кассы образовывались из вычетов с содержания участников и пособий губернского и уездных земств, отчисляемые в виде процентов к деньгам участников. Финансовые обязательства кассы распределялись на три группы, а именно: обязательства по отношению к самим участникам, к вдовам пенсионеров и к их сиротам. Капитализация кассы делилась на 3 фонда: участников, вдов, сирот.

Все деньги, поступающие в указанные фонды, распределялись по личным счетам участников кассы и их жен. Все процедуры строго регулировались с помощью расчётных таблиц, которые давали возможность определить права на пенсии в зависимости от размера сумм, поступивших на отдельные личные счета, от времени их поступления. Это во многом продолжало устройство земских эмеритальных касс [2, с. 237–241; 9, с. 50–58; 10, с. 193–195; 11, с. 267–273].

Устав страховых касс заранее не определял размеры пенсий, он регулировал процедуру назначения денежных средств, которые поступали в кассу, и порядок распределения финансовых прав самих участников [12].

Вообще в земских страховых кассах рассматривали суммы, которые поступали в фонд пенсий своих участников, как единовременные нетто-премии для страхования в пользу лица, на счет которого суммы заносятся. Пенсии рассматривались как выплаты в случае нетрудоспособности участника или наступления его старости, а суммы вдовьего фонда – как единовременные нетто-премии по страхованию пенсий в случае смерти самого участника и выплачиваемые в пользу определенного лица (в нашем случае – вдовы).

Согласно уставу страховой пенсионной кассы служащих в земстве С.-Петербургской губернии у каждого участника кассы открывался личный счет, на который поступали следующие суммы:

– обязательные взносы участника, а именно ежемесячные отчисления 6% с зарплаты и 10% с наградных;

– добровольные взносы участника, не превышающие 120 руб. в год для капитализации пенсии;

– остаток пособия губернского и уездных земств;

– начисляемые проценты на сумму, находившуюся на личном счете к началу отчетного года;

– часть прибыли, которая была получена кассой за год [1, с. 37].

Следует иметь в виду, что, согласно положенным в основание устройства кассы началам, в случае смерти участника кассы при нахождении на службе вся сумма, накопившаяся на его личном счете, поступала в кассу. Изначально все финансовые расчеты производили, исходя из предположения, что капиталы кассы должны приносить доход в размере 4% годовых. Рассмотрение таблиц приводит к заключению, что размеры процентов, начисляемых на суммы личных счетов участников, изменялись в зависимости от возраста участника и всегда были выше 4%, т. е. превышали принятые в основание расчетов проценты.

Руководство кассы всегда удерживало 5% в запасном капитале кассы, который и служил для покрытия возможных убытков кассы. Например, на сумму личного счета участника, имеющего ко времени начисления процентов возраст 30 лет, начислялось 4,7%. Такой рост сумм, поступающих на личные счета участников, объясняется тем, что упомянутая теоретически рассчитанная прибыль кассы от смертности участников распределялась между личными счетами ее членов [1, с. 38].

Сам характер вышеперечисленных сумм, поступающих на личные счета участников, показывал, что размеры финансовых средств по истечении определенного числа лет нахождения в кассе не могли быть с точностью вычислены наперед. Дело в том, что накопления сумм на личных счетах зависели от изменения окладов содержания участника в течение времени его пребывания в кассе, от размера прибылей кассы и прочих случайных сумм, отчисляемых в пользу участников и в точности определяемых лишь по выяснении действительных результатов операций кассы за каждый отчетный год.

Таким образом, точные размеры единовременных выплат в виде пособий участникам выяснялись лишь к моменту выбытия участника из кассы. Однако, согласно уставу кассы, подобные средства никогда не превышали накопленных на его личном счете сумм.

Составление технического баланса, т. е. определение наличности капиталов кассы и размера лежащих на ней обязательств, производилось кассой ежегодно. Если обнаруживался дефицит, то для его покрытия существовало два источника: запасный капитал, образовывавшийся из прибылей предшествующих лет; а при отсутствии или недостаточности данного капитала – пособия земства до распределения их по отдельным фондам и счетам. Следовало при этом иметь в виду, что вследствие краткости срока, в который мог образоваться дефицит (год), и вследствие самого характера причин, которые могли его вызвать (увеличение числа нетрудоспособных лиц или неблагоприятное для кассы отклонение смертности участников и их жен от принятой матрицы), дефицит не мог достигать значительных размеров. Вместе с тем, если бы причиной дефицита оказалось не случайное, а закономерное отклонение действительных результатов от ожидаемых по

расчетам, для восстановления правильного хода дел достаточно было ограничиться изменением упомянутых выше расчетов и применить исправленные таким образом таблицы лишь к будущим поступлениям, не нарушая уже приобретенных участниками прав. При составлении данных, по которым рассчитывали соответствующие поступления в кассу права участников и их семейств, земским страховым кассам приходилось устанавливать предположения или ожидания лишь относительно смертности участников, пенсионеров кассы, их жен и детей, а также наступления нетрудоспособности участников.

Членам кассы, способным к труду, но выбывшим из нее до получения права на пенсию, выдавались следующие средства с личного счета: при выслуге 10 лет – 25%, 11 лет – 40%, 12 лет – 55%, 13 лет – 70%, 14 лет – 85%. При выслуге менее 5 лет и от 5 до 9 лет суммы неизвестны [1, с. 39].

Участнику, выбывающему из кассы вследствие наступления нетрудоспособности до получения права на пенсию, выдавалась полностью вся сумма, находившаяся на его личном счете ко времени увольнения.

Предусмотренные уставом пожизненные пенсии участникам разделялись на два вида:

1) обыкновенные пенсии участникам, выбывшим из кассы и способным к труду по выслуге не менее 15 лет;

2) увеличенные пенсии выбывшим из данной пенсионной организации, неспособным к труду по выслуге не менее 5 лет.

Сам размер пенсии земских служащих страхового типа мог быть известен только на момент выхода на заслуженный отдых и зависел в основном от количества финансовых отчислений и от здоровья.

Для понимания приблизительных размеров капиталов, которые могли образоваться на личном счете служащего к

концу каждого года его участия в кассе, и приблизительных размеров единовременных выплат и пожизненных пенсий стоит привести следующий пример. Земский учитель вступил в кассу в 24-летнем возрасте с годовым окладом содержания в 300 р., который увеличивался по истечении каждого пятилетия на 60 руб. в год. Кроме означенного содержания, этот участник ежегодно пользовался наградными деньгами в размере двухмесячного оклада содержания. При этом на личный счет участника сверх его собственных взносов и процентов ежегодно поступала часть земского пособия кассы в размере 1% годового содержания участника и часть прибылей кассы в размере 1% суммы, образующейся к концу года на его личном счете до распределения указанных прибылей. Основанием для приведенных предположений о возможных размерах поступлений на личные счета участников из пособий земских касс и ее прибылей послужили имеющиеся в Министерстве внутренних дел данные об операциях страховых пенсионных касс, учрежденных в некоторых земствах по Положению 12 июня 1900 г. о сих кассах [1, с. 41–44].

Ввиду того, что в некоторых случаях годовые размеры обыкновенных пенсий оказывались слишком незначительными, уставом кассы допускалась замена обыкновенной пенсии на единовременную выплату. Капитализированная стоимость обыкновенной пенсии участника всегда была равна сумме, имевшейся на его личном счете, при том условии, если годичный размер указанного пенсионера не превышал $\frac{1}{4}$ среднего годового оклада содержания участника.

Из изложенных кратких указаний относительно внутреннего устройства страховых касс видно, что основой являлось балансирование доходов и расходов, и делалось это для финансовой устойчивости кассы. Помимо данного главного

преимущества страховых касс перед эмеритальными были и другие.

Во-первых, допускалось участие служащих в процедуре увеличения своих пенсий или пенсионов своих жен на тот случай, если они станут вдовами. Каждый добровольный взнос поступал в соответственный фонд, и касса, основываясь на своих расчетах, могла принимать соответственное взносу обязательство относительно этого участника или его жены, заменяя таким образом страховое общество для небольших страхований с тем огромным преимуществом для служащего, что с него взималась не брутто, а нетто-премия.

Во-вторых, кассы рассматриваемого типа представляли большое удобство для справедливого зачета прежней службы вступивших в нее участников. Конечно, если самим служащим в предшествующее вступление в кассу время не сделано никаких сбережений, то пенсионная касса не могла ему помочь, не нарушая прав других лиц. Если новый служащий при вступлении в кассу располагал какой-либо свободной суммой, то данные финансовые средства могли быть внесены в кассу и послужить основанием для соответственного увеличения его денежных прав.

В-третьих, пенсионные кассы, устроенные на указанных началах, могли безо всякого затруднения выдавать вместо пенсий соответственные единовременные пособия. Таким образом, следует указать на то, что страховые пенсионные кассы предоставляли полную возможность применять тот или иной способ обеспечения земских служащих. В данный момент не обсуждается вопрос рациональности пенсионных выплат или единовременных пособий.

В-четвертых, кассы рассматриваемого типа обладали вообще большой гибкостью, дающей возможность незатруднительного перехода участников из одной

кассы в другую с зачитыванием уже ранее выслуженных прав [1, с. 33–55].

Выводы

Слабой стороной эмеритальных касс являлась их финансовая неустойчивость и экономическая несамостоятельность. Историческая действительность подтвердила, что взносов от участников обычно было недостаточно, и вся тяжесть выплат пенсионных сумм ложилась на общие налоговые поступления земства.

В сложившихся условиях процедура перехода к другому типу пенсионных касс представлялась неизбежной. Кассы страхового типа, в противовес эмеритальным кассам, основывались на совершенно иных принципах. На первый план выступала коммерческо-техническая идея страхования жизни. Вероятность риска распределялась между членами определенной группы, которые находились в одинаковых социальных условиях. Главным принципом становилось распределение коллективных принудительных сбережений, собранных определенной социальной группой людей с пособием от земства по страховому принципу; обязательным условием было то, что все убытки должны были покрываться из уже имеющихся средств изучаемой кассы. Выгодной стороной данного типа касс являлась их финансовая стабильность. Финансы кассы, а равно и их обязательства, были в гармоничном равновесии. Размеры же пенсионных окладов зависели от средств, которые накапливались на лицевом счете каждого участника, а устав только определял назначение накопленных денежных сумм и порядок, по которому определялись обязательства кассы. С другой стороны, коммерческий принцип, который являлся основой устойчивости касс данного типа, составлял в глазах старослужащих земских работников его слабую сторону. По их мнению, размеры пенсий не были заранее известны и

строго не определялись установленными окладами. Нужно понимать, что, как любое нововведение, земская специфика страхования была не вполне качественно проработана, и сам закон 1900 г. для земских пенсионных касс был с недостатками. В связи с этим ряд земских служащих отрицательно восприняли переход от

эмеритальных касс к пенсионным страховым. С 1900 г. данный тип касс в Российской империи становится преобладающим, а вместе с тем идет доработка и усовершенствование данного устава рядом существенных поправок и широким общественным обсуждением.

Список литературы

1. Загряцков М. Д. Земская служба и социальное страхование. М.: Склад изд. магазин «Высшая школа», 1916. 34 с.
2. Кульчитцкий А. В. История пенсионного обеспечения земских служащих: 1861–1917 годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №3(28). С. 237–241.
3. Веселовский Б. Б. История земства. Т. 3. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1911. XIV, 709 с.
4. Отчет по ревизии, произведенной в 1904 г. сенатором Н. А. Зиновьевым. Т. 1. СПб.: Тип. МВД, 1906. 504 с.
5. Отчет С.-Петербургской уездной земской управы по эмеритальной кассе за 20 лет: 1877–1897 гг. СПб.: Типо-лит. И. А. Литвинова, 1897. 51 с.
6. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. Кн. 1: 1864–1904. М.: Наука, 2005. 428 с.
7. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. Кн. 2: 1905–1918. М.: Наука, 2005. 384 с.
8. Устав пенсионной кассы служащих в земстве Санкт-Петербургской губернии. СПб.: Тип. Акционерного общества «Слово», 1877. 55 с.
9. Доклады Курской земской управы, XXXVI очередному губернскому земскому собранию. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1900. 58 с.
10. Журнал заседаний 49 очередного Курского губернского земского собрания декабря 1913 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1914. 1056 с.
11. Кульчитцкий А. В. Пенсионное обеспечения земских учителей в Российской империи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 267–273.
12. Краткий исторический очерк: Деятельность земства Курской губернии за XXXV-летний период: 1866–1901. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1902. 139 с.

Поступила в редакцию 15.05.19

Подписана в печать 26.06.19

References

1. Zagryackov M. D. Zemskaya sluzhba i social'noe strahovanie. Moscow, Sklad izd. magazin "Vysshaya shkola", 1916. 34 p.
2. Kul'chitckij A. V. Istoriya pensionnogo obespecheniya zemskih sluzhashchih: 1861–1917 gody. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2018, vol. 8, no. 3(28), pp. 237–241.

3. Veselovskij B. B. *Istoriya zemstva*. Vol. 3. St. Petersburg, Izd-vo O. N. Popovoj, 1911. XIV. 709 p.
4. *Otchet po revizii, proizvedennoj v 1904 g. senatorom N. A. Zinov'evym*. Vol. 1. St. Petersburg, Tip. MVD, 1906. 504 p.
5. *Otchet St.-Peterburgskoj uezdnoj zemskoj upravy po emerital'noj kasse za 20 let: 1877–1897 gg.* St. Petersburg, Tipo-lit. I. A. Litvinova, 1897. 51 p.
6. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918*. Vol. 1: 1864–1904. Moscow, Nauka Publ., 2005. 428 p.
7. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918*. Vol. 2: 1905–1918. Moscow, Nauka Publ., 2005. 384 p.
8. *Ustav pensionnoj kassy sluzhashchih v zemstve Sankt-Peterburgskoj gubernii*. St. Petersburg, Tip. Akcionernogo obshchestva "Slovo", 1877. 55 p.
9. *Doklady Kurskoj zemskoj upravy, XXXVI ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniyu*. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1900. 58 p.
10. *Zhurnal zasedanij 49 ocherednogo Kurskogo gubernskogo zemskogo sobraniya dekabrya 1913 g.* Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1914. 1056 p.
11. Kul'chitckij A. V. Pensionnoe obespecheniya zemskih uchitelej v Rossijskoj imperii. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 267–273.
12. *Kratkij istoricheskij ocherk: Deyatel'nost' zemstva Kurskoj gubernii za XXXV-letnij period: 1866–1901*. Kursk, Tip. Kursk. gub. zemstva, 1902. 139 p.

Received 15.05.19

Accepted 26.06.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Кульчитцкий Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: kulchitckij@mail.ru

Alexey V. Kulchitsky, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Socio-Cultural Services Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: kulchitckij@mail.ru

УДК 93/94

Влияние Русско-японской войны 1904–1905 годов на призрение семейств нижних воинских чинов

А. И. Чубаров¹ ✉

¹Военно-исторический музей «Юные защитники Родины» – филиал ОБУК «Курский областной краеведческий музей», Российская Федерация, 305000, Курск, ул. Луначарского, 6

✉ e-mail: chubar1991@mail.ru

Резюме

Актуальность определяется необходимостью исследования исторического опыта организации государством помощи семьям погибших или потерявшим трудоспособность солдат.

Целью исследования является рассмотрение деятельности в Российской империи Алексеевского главного комитета, направленной на обеспечение денежным пособием солдатских сирот.

Главная задача состоит в изучении организации Алексеевского главного комитета, порядок назначения и размеры денежных пособий лицам, принятым под покровительство комитета.

Методологической основой исследования являются общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и специальные исторические методы (системный и сравнительно-исторический метод).

Результаты. Законодательная основа для призрения солдатских семей заложена уставом «О всеобщей воинской повинности» 1874 года, в котором была помещена специальная глава «О лицах, неспособных к продолжению воинской службы, а равно о призрении их и семейств военнослужащих». Согласно ей «семейства чинов запаса... призываются земством, равно как городскими и сельскими обществами...». Небольшое дополнение существующих законов произошло во время войны 1904–1905 годов – в Российской империи был образован Алексеевский главный комитет, провозгласивший своей целью оказание помощи солдатским семьям.

Выводы. После Русско-японской войны 1904–1905 годов было принято окончательное решение об усовершенствовании системы призрения семей нижних чинов, поскольку военный конфликт с мобилизациями семейных мужчин из запаса доказал несостоятельность поддержки земством семей мобилизованных.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905 годов; Алексеевский главный комитет; призрение сирот воинов; пенсионное обеспечение.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494 (а).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Чубаров А. И. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 годов на призрение семейств нижних воинских чинов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 208–213.

© Чубаров А. И., 2019

The Influence of Russian-Japanese War in 1904-1905 on the Care for Families of Lower Rank Military Men

A. I. Chubarov¹ ✉

¹Kursk Regional Museum of Local History and Geography, 6, Lunacharskogo str., Kursk, 305000,
Russian Federation

✉ e-mail: chubar1991@mail.ru

Abstract

The relevance of the research is defined by the necessity of studying the historical experience of organizing governmental care for families of lower rank military men who were killed or injured.

The purpose of the research is studying the actions of Alexeevsky main committee in the Russian Empire that were aimed on providing soldier orphans with material help.

The main problem of the research is studying the organization of Alexeevsky main committee, the way of giving and the amounts of cash assistance to those who were under the protection of the committee.

The methodological base of the research are general scientific methods, such as analyses, synthesis and generalization, as well as special historical methods, such as systematic and comparative historical method.

Results. The final decision about the improvement of the system was made after Russian-Japanese war of 1904–1905 when men from the reserve were mobilized and the system of care for the families of military men by local authorities (zemstvo) showed its failure.

Conclusions. The legislative foundation for care of soldier's families is laid by the charter "On conscription" in 1874, in which a special chapter "On the people who are unable to continue the military service, as well as on their care and the care of the servicemen's families" has been placed. According to it "the families of the reserve ranks ... are taken care of by Zemstvo as well as by urban and rural communities ...". A small addition of existing laws has occurred during the war of 1904-1905.: in the Russian Empire Alekseevskii main committee was formed, including the establishment of its Kursk branch, and it proclaimed as its goal rendering assistance to soldiers' families.

Keywords: Russian-Japanese war in 1904–1905; Alexeevsky General board; care for soldiers' orphans; pension benefits.

Acknowledgements. The Study was performed with financial support RFBR, research project No. 19-09-00494 (a).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Chubarov A. I. The Influence of Russian-Japanese War in 1904-1905 on the Care for Families of Lower Rank Military Men. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 208–213 (in Russ.).

Введение

Переход Российской империи от рекрутской повинности к системе всеобщей воинской повинности поставил перед государством ряд новых проблем, в том числе и обеспечение семейств нижних чинов, призванных по мобилизации в военное время. Для того чтобы компенсировать семье отсутствие кормильца, правительство 25 июня 1877 г. приняло

«Временные правила о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу», которые предусматривали выдачу членам «малой семьи» – женам и детям – пособия как продуктами, так и деньгами.

Также «Временные правила» предусматривали поддержку семей солдат убитых, пропавших без вести, а также умер-

ших от ран. Однако размер вспомоществования не был прописан, что позволяло местным органам самоуправления трактовать размер выплат и их продолжительность на свое усмотрение, что вызывало нарекания в обществе, особенно во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда значительные потери понесли мобилизованные нижние чины «старших сроков службы» – 39–43 лет.

Потеря мужчины в условиях постоянного перераспределения земельных наделов приводила к уменьшению площади обрабатываемой земли, сокращению полученного урожая и уменьшению иных источников дохода семьи.

Результаты и их обсуждение

16 июня 1905 г. царским указом создается специальная организация – Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, занимавшаяся опекой сирот павших воинов. Свое название он получил в честь родившегося наследника российского престола цесаревича Алексея. Комитет занимался оказанием денежной помощи. Он выдавал денежные пособия детям как военных, так и гражданских чинов, погибших или пропавших без вести в войне против Японии [1, л. 2–2 об.]. К военным чинам относились солдаты, ратники государственного ополчения, добровольцы; к гражданским – медицинский, ветеринарный и фармацевтический персонал, вольнонаемные специалисты, а также священники и церковнослужители армии и флота.

Пропавшими без вести считались лица, не вернувшиеся на Родину, о которых не имелось никаких сведений об их местонахождении. Их дети принимались под покровительство Алексеевского комитета временно до выяснения участи их отцов.

Размер выплат был разграничен. В сельской местности годовое пособие составляло 18 руб. Детям, проживавшим в городах и городских поселениях, выпла-

ты могли быть увеличены до 24 руб.; если население города превышало 150 тыс. чел., то выплата увеличивалась до 36 руб. [1, л. 4].

За помощью в Комитет могли обращаться представители всех сословий, населявших империю. Однако для представителей дворянского звания существовали определенные льготы. Если выплачиваемых денежных средств было недостаточно для получения сиротой воспитания и образования, соответствовавшего его социальному статусу, то могли назначаться дополнительные пособия «на воспитание»: в возрасте от 6 до 10 лет – 50 руб. в год и «на учение», выплачивавшееся с 10 лет – до 150 руб. в год. Пособие «на учение» платили «до окончания курса наук в учебном заведении» [1, л. 3–3 об.].

Прогрессивным явлением стало назначение уравнивания в правах внебрачных детей нижних чинов, которые получали пособие наравне с законнорожденными. Круглые сироты могли получить 40% надбавку к пособию, если их материальное положение признавали недостаточным. В последнем случае год смерти матери не играл абсолютно никакой роли [2, л. 122]. Усыновленные дети в праве на пособие приравнивались к законным детям [3, с. 5].

Иногда пособие от Комитета выплачивали братьям и сестрам погибших или пропавших без вести [10, с. 185]. В исключительных случаях вспомоществоление выплачивали детям, чьи отцы из-за боевых действий лишились трудоспособности [1, л. 3].

Пособие назначалось со дня смерти отца. Оно выплачивалось до достижения призреваемым лицом брачного совершеннолетия, как правило 16-летнего возраста, за исключением тех местностей, где оно наступает раньше. Выплаты могли быть прекращены, если сироту приговаривали к тюремному заключению или более тяжкому наказанию.

Деньги получали матери или, говоря современным языком, законные представители сирот. В селах и в небольших городах пособия выплачивали трижды в год – 1 апреля, 1 августа и 1 декабря, в городах с населением свыше 150 тыс. чел. – каждый месяц [4, с. 10].

Кроме регулярных пособий, сироты нижних чинов получали единовременную 15-рублевую выплату на приобретение верхней одежды, теплой обуви и учебных принадлежностей, необходимых для посещения школы. Повторная выплата была возможна только после двухлетнего непрерывного посещения учебного заведения ребенком [3, с. 8].

Сироты офицеров и приравненных к ним лиц до 10 лет получали и пособия от Алексеевского комитета, и казенную пенсию. По достижении 10-летнего возраста мать или опекун должны были выбрать или пособие, или пенсию. Помимо этого, на обучение и воспитание ребенка полагались дополнительные денежные средства: до 6 лет – 75 руб. в год, от 6 до 10 лет – 125 руб., от 10 лет – до 300 руб. Однако если ребенок обучался в учебном заведении, где плата превышала означенную сумму, размер полагающейся выплаты могли повысить до 450 руб., но не более.

Пособие на обучение и воспитание выплачивалось до достижения 18-летнего возраста, однако могло быть продлено до завершения сиротой образования, но «до достижения 21 года» [1, л. 4 об. – 5 об.].

Выплаты от Алексеевского главного комитета могли прекратиться раньше вышеозначенных сроков, если: 1) опекаемое лицо умерло; 2) поступило на правительственную, общественную или частную службу с заработной платой; 3) девицам – в случае выхода замуж [1, л. 6 об.].

В документе, обнаруженном в Государственном архиве Курской области, имеются данные о том, что пособие от Алексеевского главного комитета не полагалось детям солдат-инвалидов, ро-

дившихся после 3 августа 1906 г. В упомянутом документе сообщается об Архипе, сыне утратившего трудоспособность нижнего чина Евдокима Афанасьевича Алтухова. Сообщается, что он не подлежит комитетской опеке, т. к. рожден 3 августа 1906 г. [4, л. 3]

Летом 1905 г. местные отделения Алексеевского главного комитета были открыты практически во всей Российской империи. Их деятельность носила преимущественно организационный характер и, как правило, ограничивалась сбором сведений и составлением списков сирот солдат [5, с. 201]. Пособие, согласно царскому указу, должно было начисляться с момента смерти главы семейства [6, с. 9], однако из-за бюрократических проволочек дети нижних чинов либо вовсе не получали никаких денежных выплат, связанных с потерей кормильца, либо опекались земствами, городскими и сельскими обществами, к которым они были приписаны [7].

По ходатайству Алексеевского главного комитета было проведено погубернское обследование сирот солдат Русско-японской войны 1904–1905 гг. К 1 октября 1906 г. было выявлено «48 623 сироты нижних чинов, погибших, умерших от ран и пропавших без вести» [8, с. 336]. Однако комитетской помощью могли воспользоваться только те, чье семейно-имущественное положение будет признано неудовлетворительным. Его исследование возлагалось на земские управы [9, с. 196] или органы, их заменяющие. При этом критерии «достаточности» прописаны не были. Определение происходило «на глаз», что приводило к вольным интерпретациям царского указа.

Если в 1905–1906 гг. количество обращений в Алексеевский главный комитет было невелико, то с конца 1906 г. поток ходатайств о назначении пособий сиротам стал постепенно нарастать, это привело к тому, что с 1 января 1911 г. был прекращен прием ходатайств от семейств нижних чинов, погибших или

пропавших без вести в Русско-японскую войну [6, с. 32].

Со временем под покровительство Алексеевского комитета попали сироты полицейских, жандармских чинов, служащие тюремного ведомства, погибшие при исполнении служебных обязанностей, а также дети гражданских лиц (преимущественно чиновников) – жертв террора. Дополнительным постановлением от 16 марта 1911 г. Совет министров предоставил Алексеевскому главному комитету по призрению детей право оказывать помощь детям лиц, погибших и утративших трудоспособность «при исполнении или по поводу исполнения ими своих обязанностей по борьбе с существующими эпидемиями холеры и чумы», а 30 декабря 1911 г. – детям «офицерских и нижних чинов и приравняваемых к ним лиц, погибших и утративших трудоспособность... во время их службы в воинских частях, направленных в Персию для охраны русских интересов» [3, с. 28–29].

В основном на местах распределением пособий от комитета занимались земские и городские органы самоуправления или приказы общественного призрения (для регионов, не имевших земств), и только в редких случаях для этих целей использовались губернские (областные) и уездные (окружные) отделения Алексеевского комитета [1, л. 7–7 об.]. Так, в Кур-

ской губернии пособие сиротам выплачивалось через земство.

Алексеевский главный комитет не был одним из благотворительных обществ, существовавших за счет частых пожертвований. Товарищ министра финансов А. Н. Кузьминский, выступая в феврале 1916 г. перед членами Государственной Думы, заявил: «Пособие, которое выдается из Алексеевского комитета, вовсе не благотворительное пособие, это пособие совершенно равносильно пенсии из Государственного казначейства» [10, с. 21].

Выводы

Таким образом, Русско-японская война оказала непосредственное влияние на государственную политику в области призрения сирот воинов. Впервые право на получение казенной пенсии по потере кормильца получили нижние чины и приравненные к ним лица, погибшие в текущем конфликте. До создания Алексеевского главного комитета они могли рассчитывать лишь на поддержку родственников погибшего и незначительную помощь со стороны благотворительных организаций, основные усилия которых были направлены, в первую очередь, на поддержку выходцев из дворянского сословия.

Список литературы

1. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 16325. Оп. 1. Д. 3.
2. РГВИА. Ф. 16325. Оп. 1. Д. 4.
3. Узаконения, касающиеся деятельности Алексеевского главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. СПб.: Гос. тип., 1913. 29 с.
4. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 171. Оп. 1. Д. 85.
5. Чвикалов А. И. Социальная деятельность земского самоуправления Воронежской и Курской губерний по оказанию помощи больным и раненым воинам и их семьям в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (15), ч. II. С. 201–204.
6. Обзор деятельности Алексеевского главного комитета за пять лет его существования. СПб.: Гос. тип., 1910. 128 с.

7. Степанов К. А. Деятельность Ростовского земства по оказанию помощи семьям русских солдат и матросов, воевавших с Японией в 1904–1905 гг. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2006. Вып. 16. С. 284–291.

8. Щербинин П. П. Дети-сироты и их призрение в период войн России в начале XX в. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. № 9 (125). С. 334–342.

9. Белова Е. Е. Культурно-исторический смысл общественного призрения русских военнослужащих последней четверти XIX – начала XX в. (по материалам губерний Центральной промышленной области): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2014. 264 с.

10. Матвеева Н. Л. Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской фамилии в годы Первой мировой войны. М.: МГОУ, 2004. 108 с.

Поступила в редакцию 02.07.19

Подписана в печать 31.07.19

Reference

1. RG VIA (Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv), f. 16325, op. 1, d. 3.
2. RG VIA, f. 16325, op. 1, d. 4.
3. Uzakoneniya, kasayushchiesya deyatelnosti Alekseevskogo glavnogo komiteta po prizreniyu detej lic, pogibshih v vojnu s Yaponiej. St. Peterburg, Gos. tip. Publ., 1913. 29 p.
4. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti), f. 171, op. 1, d. 85.
5. Chvikalov A. I. Social'naya deyatelnost' zemskogo samoupravleniya Voronezhskoj i Kurskoj gubernij po okazaniyu pomoshchi bol'nym i ranenym voenam i ih sem'yam v period Russko-yaponskoj vojny (1904–1905 gg.). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 1 (15), pt. II, pp. 201–204.
6. Obzor deyatelnosti Alekseevskogo glavnogo komiteta za pyat' let ego sushchestvovaniya. St. Petersburg, Gos. tip. Publ., 1910. 128 p.
7. Stepanov K. A. Deyatelnost' Rostovskogo zemstva po okazaniyu pomoshchi sem'yam russkih soldat i matrosov, voevavshih s Yaponiej v 1904–1905 gg. *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya*. Rostov, 2006, is. 16, pp. 284–291.
8. Shcherbinin P. P. Deti-siroty i ih prizrenie v period vojn Rossii v nachale XX v. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 9 (125), pp. 334–342.
9. Belova E. E. Kul'turno-istoricheskij smysl obshchestvennogo prizreniya russkih voennosluzhashchih poslednej chetverti XIX – nachala XX v. (po materialam gubernij Central'noj promyshlennoj oblasti). Diss. kand. ist. nauk. Yaroslavl', 2014. 264 p.
10. Matveeva N. L. Bлаготворitel'naya deyatelnost' imennyh komitetov chlenov imperatorskoj familii v gody Pervoj mirovoj vojny. Moscow, MGOU Publ., 2004. 108 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Игоревич Чубаров, научный сотрудник Военно-исторического музея «Юные защитники Родины» – филиал ОБУК «Курский областной краеведческий музей», Курск, Российская Федерация
e-mail: chubar1991@mail.ru

Aleksey I. Chubarov, Scientific Erase Kursk Regional Museum of Local History and Geography, Kursk, Russian Federation
e-mail: chubar1991@mail.ru

УДК 37(470.323)“1905“

Общественно-политические выступления учащейся молодёжи за реформы системы народного образования в Российской Империи в 1905 году (на примере Курской губернии)

О. М. Цуканова¹✉, Г. Г. Карпова¹

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Резюме

Актуальность нашего исторического исследования обусловлена необходимостью постоянного педагогического поиска эффективных путей развития и совершенствования образовательного процесса.

Целью исследования является изучение исторических причин, вызвавших необходимость реформ системы народного образования в царской империи.

Задачи нашего научного поиска сформулируем следующим образом: проанализировать исторические материалы, демонстрирующие причины общественно-политических выступлений учащейся молодёжи за реформы системы народного образования; осветить систему запретов, ограничивающих права учащейся молодёжи в Российской империи, которые стали основными причинами общественно-политических волнений, охвативших учащихся Курской губернии и других городов России; дополнить исследование новыми фактами, полученными из Государственного архива Курской области; обозначить важные результаты общественно-политических волнений учащейся молодёжи, которые приблизили реформу системы народного образования в Российской империи.

Методологической основой исследования послужили принцип историзма, методы объективности и научности, историко-сравнительный и хронологический подходы.

Результаты нашего научного поиска позволили сделать некоторые выводы о причинах общественно-политических волнений учащейся молодёжи, ускоривших реформы народного образования в царской России в целом и Курской губернии в частности.

Несмотря на рост развития образования в царской России дети из малообеспеченных, бедных семей не имели доступа к высшему образованию. Государственные и губернские власти по остаточному принципу финансировали учебные заведения, не заботились о здоровье, санитарно-гигиенических нормах, питании, психическом состоянии учащейся молодёжи. Для студентов и школьников существовала целая система запретов на посещение общественных и частных библиотек, театров, концертов, цирка, а также на собрания в общественных местах.

Выводы. Революционный подъем в стране, и в первую очередь рост рабочего движения, оказал сильное влияние на учащуюся молодежь города Курска, которая своими силами попыталась протестовать против общественно-политического строя Российской империи и выступила за изменение системы народного образования, за реформы.

Общественно-политические выступления учащейся молодёжи обнаружили картину полного разложения системы народного образования.

Ключевые слова: общественно-политические выступления; учащаяся молодёжь; Российская империя; реформы народного образования.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Общественно-политические выступления учащейся молодёжи за реформы системы народного образования в Российской империи в 1905 году (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 214–225.

© Цуканова О. М., Карпова Г. Г., 2019

Socio-Political Performance Students Youth for Reform Public Education in Russian Empire of 1905 (on Example of Kursk Province)

Olga M. Tsukanova¹✉, Galina G. Karpova¹

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Abstract

The **relevance** of our historical research is caused by need of constant pedagogical search of effective ways of development and improvement of educational process.

The aim of the work is to study the historical situation that caused the need to reform the system of public education in Russian Empire.

The objectives of our scientific search will be formulated as follows: to analyze historical materials that demonstrate the reasons social and political speeches of students for reforms public education system; to highlight the system of prohibitions restricting the rights of students in tsarist Russia, which became the main causes of public-political unrest that engulfed students of Kursk province and others cities of Russia; to supplement the study with new facts obtained from State archive of Kursk region; to identify the important results of social and political unrest students who have brought closer the reform of the system of national education in Russian Empire.

The methodological basis of the study was the principle of historicism; methods of objectivity and science; historical comparative and chronological approaches.

The results of our scientific research allowed us to draw some conclusions about reasons for social and political tension of students who have accelerated reforms of public education in tsarist Russia, in general, and in the Kursk province, in particular.

Despite the growing development of education in Tsarist Russia, children from low-income, poor families did not have access to high education. State and provincial authorities on a residual basis financed educational institutions, did not care about health, sanitary and hygienic standards, nutrition, mental state of students. For students and schoolchildren there was a whole system of bans on visiting public and private libraries, theaters, concerts, circus, as well as meetings in public places.

Conclusion. The revolutionary upsurge in the country and above all the growth of the labor movement had a strong influence on the students of the city of Kursk, which, by its forces tried to protest against the socio-political system of Tsarist Russia and spoke in favor of changing the system of public education and reforms.

The socio-political performances of students found the picture of the complete decomposition of the system of public education.

Keyword: social and political performances; student youth; Russian Empire; reform of public education.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tsukanova O. M., Karpova G. G. Socio-Political Performance Students Youth for Reform Public Education in Russian Empire of 1905 (on Example of Kursk Province). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 214–225 (in Russ.).

Введение

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью постоянного педагогического поиска путей развития и совершенствования личности современного молодого человека: школь-

ника, студента. При этом важен как современный опыт отечественной и зарубежной педагогики, так и исторические факты становления системы народного образования и просвещения в России. В настоящее время отечественная система образования испытывает определённые

трудности из-за недофинансирования в связи с затянувшимся экономическим кризисом, нехватки учителей с высокой квалификацией и гуманным настроем в отношениях со своими воспитанниками.

Несмотря на вариативность современного образования и многообразие его содержания приоритетом остаётся уважение к личности учащегося и студента. Педагог, опираясь на успехи и учитывая ошибки, должен иметь свой гуманистический почерк педагогической деятельности, уметь решать задачи гуманного воспитания, устанавливать дружеский стиль взаимоотношений с учащимися, организовывать совместный поиск норм и ценностей поведения.

Исторические факты развития системы народного образования и просвещения показывают сложный и тернистый путь, который прошло российское государство и общество ради воспитания достойного поколения молодёжи.

Методология

Опираясь на принцип историзма, на методы объективности и научности, мы использовали в нашем исследовании историко-сравнительный и хронологический подходы для анализа исторических материалов, представляющих картину унизытельной системы запретов, ограничивающих права учащейся молодёжи в царской России, а также для выяснения проблем, которые стали основными причинами общественно-политических выступлений, охвативших учащуюся молодёжь Курской губернии и других городов России.

Результаты и их обсуждение

К концу 1898 г. в России насчитывалось 52 высших учебных заведения, в которых обучалось 26 166 студентов. Помимо девяти университетов действовали несколько десятков высших учебных заведений. Молодёжь получала образование в 196 мужских гимназиях, 44 прогимназиях (гимназии с укороченным курсом

обучения) и 117 реальных училищах. Существовали и сотни средних учебных заведений [1, с. 783].

Постепенно складывалась сеть народных школ: к 1877 г. (практически за 13 лет) их уже было 10,3 тысяч. Таким образом, получило широкое развитие школьное образование для детей из малообеспеченных семей, прежде всего крестьян. К 1898 г. в них обучалось около четырёх миллионов человек. Общее же количество всех учебных заведений в 1880 г. превышало 23 тысячи, в то время как в 1861 г. не достигало и пяти тысяч.

Еще одним фактором развития образования являлся рост городов. Только в Курской губернии с 1861 по 1904 г. число средних городов выросло с семи до тринадцати, т. е. почти вдвое [2, с. 50]. Большинство из них к концу XIX в. превратились в крупные экономические центры. Резко увеличилась численность городского населения.

До революции 1905 г. царское правительство считало Курскую губернию «спокойным» местом. Недаром сюда ссылали политически неблагонадежных. Так, в 1889 г. сюда был выслан В. Д. Бонч-Бруевич, впоследствии верный соратник В. И. Ленина. Однако «спокойствие» Курска было обманчивым. В этом тихом уголке зрела революционная мысль, росло недовольство порядками, царившими в стране [3, с. 158].

Самыми привилегированными учебными заведениями в Курской губернии считались гимназии: только их выпускники могли поступать в университет. Плата в гимназиях была самой высокой, поэтому обучались в этих учебных заведениях в основном дети состоятельных горожан. Более демократичными являлись реальные училища, доступ из которых в университеты был закрыт.

Городские власти неохотно направляли средства на нужды народного просвещения и здравоохранения. Так, например, «Общество содействия народному образованию в Курской губернии»

просило у думы на устройство народных гуляний с образовательными целями 500 рублей. После долгих прений дума согласилась выделить всего 300 [4].

Состояние дела образования в Курске настоятельно требовало увеличения ассигнований на эти нужды. Начальных школ в городе не хватало. В существующих школах было очень тесно. Между тем, когда инспектор народных училищ П. Г. Попов по своей инициативе открыл в дополнение к существующим два школьных комплекса, дума, не желая выделять дополнительные средства для школ, заявила протест и подала на Попова П. Г. жалобу попечителю Харьковского учебного округа, в который входила Курская губерния.

Всего за 1908 г. на народное образование было истрчено 51 625 рублей, или 9,5% всей сметы расходов. Ничтожная сумма выделялась и на здравоохранение. Она составляла лишь 27 962 рубля, т. е. 5% от общей суммы расходов. Часто санитарно-гигиеническое состояние учебных заведений находилось на низком уровне.

Положение учащихся в гимназиях и реальном училище Курской губернии было тяжелым, главным образом – в моральном отношении, что вызывало частые вспышки недовольства, волнения, бунты учащейся молодежи. Особенно трудно приходилось учащимся специальных и духовных средних учебных заведений. Они часто испытывали голод, холод, подвергались жестоким наказаниям и муштре [5, с. 122]. Согласно «Временным правилам» в этих учебных заведениях существовал жесткий регламент, который был дополнен в 1901 г. следующими пунктами:

1. Запрещается ученикам посещение общественных и частных библиотек.

2. Воспрещается ученикам посещать театры, концерты, цирки, клубы, маскарады.

3. Запрещается воспитанникам близкое общение и знакомство с лицами сомнительного положения в обществе.

4. Всякое сборище в общественных местах, на улице, с какими бы целями это не было сделано, воспрещается.

В начале XX в. в России разразился промышленный кризис, вызвавший рост безработицы и резкое ухудшение положения трудящихся. В стране назревала революция. Революционное движение трудящихся царское самодержавие подавляло силой [6]. Не являлись исключением и волнения в среде учащейся молодежи, которая за свои протестные выступления подверглась жестокому избиению и заключению в тюрьму.

В январе 1905 г. куряне узнали о зверской расправе над мирной демонстрацией рабочих в Петербурге. «Кровавое воскресенье» вызвало волну возмущения, прокатившуюся по всей стране. В эти дни Курская организация Российской социал-демократической рабочей партии (1898–1912 гг.) выпустила ряд листовок, разоблачающих царизм. В городе начались забастовки. В феврале 1905 г. – на свечном заводе, ее возглавил стачечный комитет. Забастовка проходила под руководством Курского комитета РСДРП и продолжалась около месяца.

Положение в Курске становилось напряженным. 15 февраля 1905 г. губернатор телеграфировал министру внутренних дел: «На этих днях в Курске будут открыты вооруженные беспорядки. В губернскую управу доставлено оружие. Сегодня в клубе после заседания думы, при громадном стечении интеллигенции и учащихся, были произнесены возмутительные речи о ниспровержении силою оружия существующего порядка. Открыто был произведен сбор денег на вооружение рабочих. Нельзя терять ни минуты. Необходимы аресты» [7, с. 13–14].

Революционный подъем в стране, и в первую очередь рост рабочего движения, оказал сильное влияние на учащуюся молодежь города Курска. Как отмечает ис-

следователь исторических событий того периода Г. А. Салтык, учащиеся наиболее остро ощущали духовный гнёт, бесправие, подавление всякого свободомыслия. Антиправительственные настроения подогревались бюрократизмом и косностью обучения, ущемлением со стороны начальства прав учащейся молодёжи. Всё это усиливало восприимчивость молодёжи к революционной пропаганде. С первых дней революции она активно включилась в борьбу. На квартирах, загородных дачах и в других уединённых местах учащиеся собирались на сходки, где обсуждали события начавшейся революции, пути борьбы за свои права [8, с. 193].

Еще в конце января 1905 г. произошли волнения в Курской духовной семинарии: занятия фактически не проводились, ученики собирались группами в общежитии и учебных помещениях, пели революционные песни и горячо обсуждали положение в стране. Они высказывали резкое недовольство государственным строем России, а также протестовали против того, что выпускникам семинарий запрещается поступать в университеты, т. е. получать высшее светское образование.

9 февраля 1905 г. прекратили занятия ученики землемерного училища. Одновременно начались волнения среди учащихся мужской гимназии и реального училища. Затем они перекинулись в женскую гимназию, учительскую семинарию, фельдшерскую школу и частную учительскую школу Рутцен. Не коснулись волнения лишь частной женской гимназии Красовской. В течение трех дней, с 10 по 12 февраля, ученики средних учебных заведений собирались на сходки, предъявляли свои требования начальству.

12 февраля 1905 г. в Курске учащиеся мужской гимназии организовали демонстрацию. По пути к ним присоединились ученики других учебных заведений. Шествие двинулось сначала к реальному училищу, затем к женской гимназии. Когда оно мирно шло по Московской улице,

навстречу из-за угла двинулась большая толпа, человек с триста, состоящая из пьяных дворников, лавочников и переодетых полицейских, а также конный отряд полиции. Все они по команде курского полицмейстера Зорина набросились на учеников. Началось зверское избиение. Полиция и пьяные хулиганы не щадили даже малышей. Многие учащиеся получили тяжелые увечья. Несколько из них были схвачены и заключены в тюрьму [3, с. 164].

Зверства полиции вызвали глубокое возмущение общественности не только Курска, но и других городов. В большевистской газете «Вперёд» от 10 марта 1905 г. была опубликована статья с подробным описанием этих событий и приводилась выдержка из письма учителя одного из курских средних учебных заведений: «Над детьми произведена варварски-кровавая расправа. Это было прямо-таки чудовищное побоище...» [9]. Различными путями властям удалось прекратить забастовку в большинстве средних учебных заведений Курска.

Однако идея общественно-политической реформы в России охватила всех русских людей. Волнения в среде молодёжи курских учебных заведений переросли в массовое движение. «Мы, учащиеся, возмущенные гнусным избиением беззащитных наших товарищей в Курске, Ярославле и других городах, обращаем внимание всего общества на такую ненормальность общественных отношений и призываем всю живую, мыслящую и болеющую за участь своей Родины и детей Россию энергичнейшим образом протестовать вместе с нами против подобного успокоения недовольства учащейся молодёжи. Будучи уверенны, что недовольство учащихся является следствием нынешнего бюрократического режима наших школ, мы заявляем, что единственным средством успокоения умов может и должно быть обновление общественного строя» [10, с. 121].

Среди быстро развивающихся событий общественно-политической жизни и поставленных на очередь крупнейших вопросов общественного значения были школьные вопросы, не так давно составляющие злобу дня, но они отошли, сами собой, на задний план. Идеалы школьного устройства, разработанные лучшими представителями педагогической мысли, не имели никаких шансов на практическое осуществление при существующих в царской России общественно-политических условиях. Разработка реформы школы приводила к выводу о неизбежности реформы общественно-политической жизни.

Будучи сами по себе явлениями нежелательными, прискорбными, даже уродливыми, школьные волнения 1905 г., несомненно, сыграли некоторую положительную роль в качестве одного из факторов освободительного движения, а именно как один из наиболее ярких показателей непригодности старого школьного строя и основ этого строя, коренившихся в обветшалых формах всей жизни.

Действительно, в школьных выступлениях явно вскрылись все язвы общественного воспитания, все его старые недуги и грехи. Школьные волнения обнаружили картину полного разложения школьного строя и деморализации внутришкольных отношений. При этом наглядно выяснилось, что картина эта представлена на фоне другого колоссального полотна, демонстрирующего разрушение и разложение всего общественно-политического строя царской России.

Общественно-политические волнения в средних школах царской России охватили и саратовских гимназистов после кровавых январских дней в Петербурге. Предъявив своему начальству требования, саратовские гимназисты старших классов прекратили занятия и устроили демонстративное шествие по городу с целью произвести забастовку и в других саратовских средних учебных заведениях. Цель эта была частично достигнута: при-

меру гимназистов последовали ученики коммерческого училища. Когда же толпа учащихся всех этих учебных заведений приблизилась к зданию женской гимназии, она подверглась нападению казаков, избиению нагайками и была рассеяна. Таковым стало начало школьных волнений. После этого они быстро распространились по всей царской России и приняли массовый характер [10, с. 112].

Вот как описывает данные события Г. Роков в своей статье «Школьные волнения 1905 г.»: «То реформаторское движение в школьном деле, которое в течение предшествующего пятилетия выдвинуло ее на одно из самых видных мест среди факторов общественного прогресса, затухало и заглохло перед движениями более могучими и широкими. Ученики во многих городах требовали прекращения учебных занятий, беспорядки происходили в учебных заведениях Мариинской женской гимназии в Минске, Москве, в Ломже, в Лодзи, Кутаиси, Шушенском реальном училище, Смоленске и других городах. Действительно, хотя во многих школах занятия формально прерывались на несколько дней, на самом деле они приостановились почти на все полугодие, так как о правильном и плодотворном учении в нервно-напряженной атмосфере, при натянутых отношениях между учащими и учащимися, не могло быть и речи» [10, с. 17].

Источники недовольства учащихся школьными порядками были достаточно известны. Эти петиции и требования в общих чертах имели между собой много сходного. Как образец чисто «академической» петиции приведем следующие два пункта требований, предъявленных саратовскими учениками: «Свободный доступ во все просветительные и общественные учреждения: библиотеки, собрания; свободный выбор квартир родителями и их заместителями; уничтожение обысков; участие родителей в педагогических советах с правом голоса; обязанность надзора за внешкольную жизнь ученика

возлагается на родителей... Отмена обысков и вместе с ней отмена всей системы полицейского сыска и надзора, господствовавшей в школе; участие родителей в педагогических советах с правом голоса, то есть превращение бюрократической школы в школу общественную» [10]. Осуществление данных требований неминуемо повлекло бы за собой самую широкую реформу всего школьного дела.

В другой петиции главное внимание было обращено на вежливое отношение к ученикам. «Для поднятия уровня духовной жизни русского народа необходимо:

1) Вообще свободное и бесплатное обучение в духе международного братства.

2) Расширение курса начального образования – увеличение школ пропорционально количеству населения и более осмысленная жизненная их постановка.

3) Значительное увеличение средств на народное образование.

4) Свобода учительских съездов, союзов, педагогических обществ с правом участия в выработке законопроектов по делу народного образования; расширение компетенции педагогических советов.

5) Открытие школьных и народных библиотек-читален явочным порядком и уничтожение ограниченных и раздельных каталогов.

6) Свобода слова и печати.

7) Ограждение школ от административной опеки.

8) Свобода личности и неприкосновенность жилища учителя, как свободного гражданина.

9) Участие учителей в местном управлении.

Реформа учительских семинарий:

1) Отмена переводных экзаменов.

2) Увеличение и уравнивание стипендий (до 150 руб.).

3) Свобода сходов воспитанников для обсуждения своих нужд и рассмотрение резолюций этих сходов педагогическим советом.

4) Свободное пользование интернетом.

5) Свобода посещения вечерних занятий.

6) Участие воспитанников в обсуждении педсоветом поведения учащихся.

7) Свободное посещение церкви и свободное соблюдение постов.

8) Преобразование 3-классных семинарий в 4-классные.

9) Лекционное преподавание в двух старших классах.

10) Расширение общеобразовательного курса.

11) Освобождение от обязательной службы за казенную стипендию» [10].

Эта резолюция была принята советом семинарии и отправлена попечителю Московского учебного округа, по распоряжению которого все воспитанники семинарии были распущены на неопределенное время.

Бурные, а иногда и потрясающие события как окружающей жизни, так и жизни школы не могли не влиять угнетающим образом на тех учащихся юношей, которые и без того отличались повышенной возбудимостью. Этим, вероятно, объясняется большое число самоубийств в течение 1905 г. Особенно трагические случаи самоубийств произошли в городах Харькове, Москве, Петербурге и Ярославле. В Москве ученик коммерческого училища VII класса убил учителя английского языка и застрелился сам. В Петербурге застрелился ученик V класса второй классической гимназии. В Ярославле застрелился ученик V класса местной гимназии во время перемены в гимназическом коридоре. Как писал Г. Роков, в Харькове, Петербурге и Ярославле похороны самоубийц сопровождалась грандиозными политическими демонстрациями [10, с. 122].

Несмотря на громкие и единодушные требования печати и общественности расследовать и огласить причины этих ужасных событий, несмотря на прямые указания ближайших чиновников, объек-

тивных расследований произведено не было, если не считать негласных дознаний, которые, как и надо было ожидать, не привели ни к какому результату.

Из общественных учреждений живое участие в школьных делах приняли некоторые городские думы, преимущественно по вопросу об избиениях учащихся.

Так, Курская дума, заслушав доклад городской управы о событиях 12 февраля 1905 г., постановила требовать строгого следствия по этому делу и гласного суда над его виновниками.

Харьковская дума, обсуждая вопрос о необходимости принятия мер к защите учащейся молодежи от насилий, постановила ходатайствовать:

«1) О предоставлении городам и земствам всей организации дела не только в хозяйственном, но и в учебном отношении, 2) о реорганизации средних учебных заведений, причем в состав педагогического и попечительского совета должны входить представители общества, 3) об управлении высшими учебными заведениями на началах автономии и широкой академической свободы» [10]. При этом докладчик М. И. Светухин высказал своё мнение о том, что так как избиение молодежи и интеллигенции вообще объясняется политическими мотивами, то необходима свобода собраний, сходок, организации союзов и кружков для выяснения своих политических убеждений. Он предложил думе разработать вопросы: «1) об организации городской милиции для ограждения граждан и 2) об изъятии полиции из ведения администрации, сделав полицию муниципальной» [10, с. 16].

Калужская дума, в связи с курскими событиями, постановила отправить министру народного просвещения телеграмму с заявлением о необходимости принятия мер против возможного насилия над учащимися в Калуге.

В Московской думе обсуждался вопрос об организации городской милиции, ввиду поступившего заявления, что правительственные органы неспособны, как

показали факты, гарантировать безопасность жителей и, в частности, учащейся молодежи от насилий хулиганов и «черной сотни». Аналогичные предложения об организации городской милиции по тем же мотивам рассматривались и в некоторых других городских думах.

Что касается родительских собраний и совещаний, возникших в связи со школьными волнениями, то, прежде всего, следует отметить, что в принятых ими резолюциях обнаружилась полная солидарность родителей с учащимися.

Ввиду сильного брожения среди учащихся в средней школе, вызванного их глубоким недовольством школьным строем и давно признанным несовершенством последнего, родительское собрание в Харькове признало неотложно необходимым: «Произвести полный пересмотр системы преподавания, программ и руководств при участии свободно избранных представителей общества совместно с лицами, известными в науке своими трудами по соответствующим вопросам. Предоставить право всякому отдельному лицу или группе лиц, без различия, открывать учебные заведения какого угодно типа в явочном порядке. Преподавание должно вестись на всяком языке, по выбору открывающихся учебных заведений. Все правительственные и общественные учебные заведения сделать доступными для лиц всех сословий, без различия пола, вероисповедания, национальности. Организовать все школы, как существующие, так и вновь открываемые, на следующих основаниях: а) учебное заведение (правительственное, общественное) управляется советом, ведёт все стороны жизни учебных заведений, определяет учебные планы, избирает администрацию и преподавателей, равно как и определяет вознаграждение; б) совет учебного заведения состоит из всего педагогического персонала данного учебного заведения и уполномоченных от общества, представляющих интересы родителей на равных правах с другими членами

совета» [10]. С теми или иными вариациями в подробностях подобные же заявления сделаны были родительскими совещаниями в Екатеринославле, Одесе, Ставрополе, Твери, Ялте, Вологде, Самаре, Нижнем, Минске и пр. [10, с. 129]

Родительские собрания обращали внимание и на то, что должно быть улучшено общее положение преподавателя. Формализм полицейского характера, возникший на почве недоверия, должен уступить свое место искренности отношений между педагогическим персоналом и учащимися.

«2) Школа должна быть доступна для всех, независимо от сословных, национальных и религиозных особенностей.

3) Необходимо безотлагательное увеличение числа школ, чтобы удовлетворить все возрастающие потребности в среднем образовании, так и в правильности постановки учебно-воспитательного дела, невозможной при настоящем переполнении классов.

4) Задача школы – всестороннее развитие физической, умственной и нравственной природы человека. Средняя школа должна быть свободна от политических влияний; эти последние, как показала история нашей школы, парализовали правильную постановку учебно-воспитательного процесса.

5) Внешкольный надзор учебных заведений над учащимися, преследуя чисто полицейские цели и тем самым лишенный истинно-педагогического значения, должен быть устранен. Внешкольное воспитание при настоящих условиях школы всецело должно быть предоставлено родителям.

6) Заботы об использовании религиозных обрядов должны быть при настоящих условиях всецело предоставлены родителям.

7) Участие родителей с правом решающего голоса в педагогических советах средних учебных заведений.

8) Участие родителей в воспитательной работе педсоветов может быть пло-

дотворно лишь при условиях правильной организации в виде воспитательных кружков.

9) Совещание выражает свое глубокое убеждение, что дальнейшее разложение русской школы при существующих условиях грозит полным ее падением. И что коренное преобразование ее на новых началах возможно только в связи с общей реформой государственного строя, с предоставлением народу свободы слова, совести, личности, союзов, собраний и при участии в законодательстве и управлении свободно избранных им представителей.

10) Все вышеизложенные положения настоящего совещания родителей довести до сведения земских и городских управлений с просьбой предложить им внести на обсуждение в земском собрании и городской думе» [10].

Педагогическое общество, внимательно исследовав вопрос о причинах происходящих волнений и недоразумений между учащими и учащимися в средней школе, пришло к убеждению, что все они (причины) коренились в полицейско-бюрократическом строе школы, исключавшем участие общества и самостоятельность учащихся в школьной жизни и вводящим в систему сыск и шпионство, национально-религиозную нетерпимость, в недостатках преподавания и скудости образовательных средств и в крайне вредном вмешательстве во внешкольную жизнь учащихся. Вместе с тем педагогическое общество признавало, что все эти недостатки школьного режима находились в неразрывной связи с устаревшими условиями государственного строя России.

Г. Роков в научно-популярном журнале «Вестник России» писал, что необходимо немедленно исправить то, что в наших силах, приступить к выработке проекта коренного преобразования школы. А для этой цели надо немедленно сплотиться, образовав местные союзы, сильные не столько числом, сколько со-

лидарностью; из этих местных школьных союзов должен быть образован могучий союз союзов, который на своих делегатских съездах установит общую точку зрения и общий план действий. Главная перемена должна состоять в том, чтобы «из разрозненной, слабо объединенной и взаимно чуждой группы людей, связанных чисто механически, должна образоваться коллегия людей, сплоченных общим товарищеским духом, объединенных идеей служения великим культурным задачам времени, планомерно осуществляющих определенные педагогические воззрения» [10, с. 121].

Таким образом, общественно-политические волнения учащейся молодёжи России наглядно показали картину полного разложения и деморализации системы народного образования и послужили важной причиной скорейшей её реформы. Однако только после Октябрьской революции 1917 г. с установлением в России Советской власти началось полномасштабное становление и развитие новой законодательно-правовой основы в структуре государственных органов управления народным образованием [11, с. 249].

Выводы

1. Анализ исторических материалов, связанных с общественно-политическими выступлениями учащейся молодёжи царской России за реформы системы народного образования, позволил обнаружить следующие факты:

– в начале XX века в России разразился промышленный кризис, вызвавший рост безработицы и резкое ухудшение положения трудящихся. Общественно-политические волнения царское самодержавие подавляло силой. В январе 1905 г. куряне узнали о зверской расправе над мирной демонстрацией рабочих в Петербурге. «Кровавое воскресенье» вызвало волну возмущения, прокатившуюся по всей стране. Не являлись исключением и волнения в среде курской учащейся мо-

лодёжи, которая за свои протестные выступления подверглась жестокому избиению и заключению в тюрьму.

2. Унизительное положение и жёсткая система запретов, ограничивающая права учащейся молодёжи в царской России, накануне назревшей революции, стали основными причинами общественно-политических волнений, охвативших учащихся Курской губернии и других городов России:

– финансирование учебных заведений шло по остаточному принципу, поэтому постоянными спутниками учащейся молодёжи не только в реальных училищах и духовных средних учебных заведениях, но и в гимназиях были холод, голод. Кроме того, студенты подвергались жестоким наказаниям и постоянной муштре, на них налагались всевозможные запреты, унижающие человеческое достоинство. Санитарно-гигиенические нормы не соблюдались в большинстве учебных заведений: классы были переполнены, помещения для занятий тесные;

– регламент учебных заведений запрещал учащимся посещение общественных и частных библиотек, театров, концертов, клубов, маскарадов и т. п.; под строгим запретом были собрания в общественных местах, на улице, с какими бы целями это не было связано.

3. Требования, выдвигаемые учащейся молодёжью к властям, сводились к таким положениям, как:

- свобода слова и печати;
- свободное и бесплатное образование в духе международного братства;
- запрет на обыски и полицейский надзор;
- участие родителей в педагогических советах с правом голоса; возложение обязанности надзора за внешкольной жизнью ученика на родителей;
- свобода личности и неприкосновенность жилища учителя как свободного

гражданина, свобода учительских съездов, союзов, педагогических обществ;

– право участия педагогических советов в выработке законопроектов по реформированию системы народного образования;

– значительное увеличение средств на народное образование и другим.

4. Родительские собрания и совещания, возникшие в связи с общественно-политическими волнениями учащейся молодёжи, в принятых ими резолюциях показали полную солидарность родителей с учащимися.

5. Общественно-политические волнения учащейся молодёжи, которые переросли затем в массовое протестное движение, обнажили недостатки старой системы народного просвещения и пре-

подавания и ускорили коренные реформы школьного дела.

Рекомендации

Исторические материалы, изложенные в научной статье, содержат информацию, интересную, на наш взгляд, для представителей системы образования различного уровня: от учителя до преподавателя вуза, от директора школы до администрации высшего учебного заведения. Кроме того, исторические факты, демонстрирующие причины недовольства и волнений в среде учащейся молодёжи, могут быть полезны для дальнейшего поиска оптимальных путей улучшения образовательной системы. Содержание статьи включает важные аспекты для последующего научного изыскания в области педагогики, истории и психологии.

Список литературы

1. История России с древнейших времен до начала XXI в. / под ред. А. Н. Сахарова. М.: АСТ, 2008. 1263 с.
2. Курский край в XIX веке: в 20 т. Т. 8 / отв. ред. А. А. Терещенко Курск: ООО «Учитель», 2003. 236 с.
3. Самсонов В. И., Александров-Липкинг Ю. А., Иванов П. В. Курск: очерки истории города. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1968. 279 с.
4. ГАКО (Государственный архив Курской области) Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 242–243.
5. История физической культуры и спорта / под ред. В. В. Столбова. М.: Физкультура и спорт, 1975. 359 с.
6. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Развитие физкультурно-спортивного движения в Курской губернии в дореволюционный период // Известия Юго-Западного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №2(23). С. 147–157.
7. Революционные события 1905–1907 гг. в Курской губернии: сборник документов и материалов / [ред. коллегия: А. Н. Литвиненко (пред.), канд. ист. наук и др.]; Архивный отд. УМВД по Курской обл.; Курский гос. архив. Курск: Кн. изд-во, 1955. 268 с.
8. Салтык Г. А. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1923 гг. М.: Прометей, МПГУ, 2002. 575 с.
9. Вперёд. 1905. 10 марта.
10. Роков Г. Школьная реформа снизу // Вестник воспитания: научно-популярный журнал / под ред. Н. Ф. Михайлова. М.: Типо-литогр. Тов-ва И. М. Кушнерев и К°, 1905. №25. С. 16–129.
11. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Физкультурно-спортивное движение в Курском крае (1917–1941 гг.): монография. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2017. 320 с.

Поступила в редакцию 23.06.19

Подписана в печать 25.07.19

References

1. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do nachala XXI v.; ed. by A. N. Saharov. Moscow, AST Publ., 2008. 1263 p.
2. Kurskij kraj v XIX veke. Vol. 8; ed. by A. A. Tereshchenko. Kursk, OOO "Uchitel", 2003. 236 p.
3. Samsonov V. I., Aleksandrov-Lipking Yu. A., Ivanov P. V. Kursk: ocherki istorii goroda. 2th ed. Voronezh, Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1968. 279 p.
4. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti), f. 48, op. 1, d. 2, l. 242–243.
5. Istoriya fizicheskoj kul'tury i sporta; ed. by V. V. Stolbov. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1975. 359 p.
6. Cukanova O. M., Karpova G. G. Razvitie fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya v Kurskoj gubernii v dorevolucionnyj period. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*, 2017, vol. 7, no. 2(23), pp. 147–157.
7. Revolyucionnye sobytiya 1905–1907 gg. v Kurskoj gubernii: sbornik dokumentov i materialov; [red. kollegiya: A. N. Litvinenko (pred.), kand. ist. nauk i dr.]; Arhivnyj otd. UMVD po Kurskoj obl.; Kurskij gos. arhiv. Kursk, Kn. izd-vo, 1955. 268 p.
8. Saltyk G. A. Neonarodnicheskoe dvizhenie Chernozemnogo Centra Rossii: 1901–1923 gg. Moscow, Prometej Publ., MPGU, 2002. 575 p.
9. Vperyod. 1905. 10 March.
10. Rokov G. Shkol'naya reforma snizu. *Vestnik vospitaniya: nauchno-populyarnyj zhurnal*; ed. by N. F. Mihajlov. Moscow, Tipo-litogr. tov-va I. M. Kushnerev i K^o, 1905, no. 25, pp. 16–129.
11. Cukanova O. M., Karpova G. G. Fizkul'turno-sportivnoe dvizhenie v Kurskom krae (1917–1941 gg.). Kursk, Izd-vo ZAO "Universitetskaya kniga", 2017. 320 p.

Received 23.06.19

Accepted 25.07.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Цуканова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Карпова Галина Гельевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Olga M. Tsukanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Galina G. Karpova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

УДК 93/94.343.34

Формирование и развитие системы российско-украинской взаимопомощи по борьбе с преступностью в приграничных районах на рубеже XX–XXI веков

Е. А. Кабанов¹✉, А. К. Еськова²

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

²Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания, Российская Федерация, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67-Е

✉ e-mail: kabanovevgeniy@gmail.com

Резюме

Актуальность. В постсоветском пространстве происходило становление государственной границы с бывшими республиками Советского Союза, что привело к формированию новых приграничных территорий. В новых условиях одновременно со становлением государственности, происходило становление всех сфер межгосударственного, общественно-политического, экономического, правового взаимодействия по обе стороны от границы. Но в приграничных районах усугублялась криминогенная обстановка, обусловленная близостью к границе и возможностью злоупотреблений, связанных с этой близостью. Наиболее частыми преступлениями в данных районах являлись незаконная миграция, наркоторговля, контрабанда. Поэтому необходимо было объединить усилия российской и украинской сторон по совместному предупреждению преступлений и оказанию взаимной помощи в борьбе с нарушителями закона. Анализ исторического процесса формирования и развития системы российско-украинской взаимопомощи по предупреждению и борьбе с преступностью в приграничных районах на рубеже XX–XXI веков на примере Курской области приобретает особую актуальность в свете новых политических взаимоотношений, сложившихся между Россией и Украиной в настоящее время.

Цель: комплексный анализ процесса формирования и развития системы российско-украинской взаимопомощи по предупреждению и борьбе с преступностью в приграничных районах на рубеже XX – XXI веков на примере Курской области.

Задачи: исследование процесса становления правоохранительных отношений в приграничных районах; выявление динамики изменения миграционного и правового взаимодействия на приграничных территориях; определение основных направлений развития системы российско-украинской взаимопомощи.

Методология. В исследовании применялись: метод единства исторического и логического, историко-системный метод, историко-сравнительный метод, метод локальной истории, методы анализа и синтеза.

Вывод. Принципиально новые экономические и социальные связи между Россией и Украиной, сложившиеся на рубеже XX–XXI веков в постсоветском пространстве, поставили перед правоохранительными органами обоих государств одинаковые проблемы организации борьбы с преступностью в приграничных регионах. В данный период происходило формирование законодательной базы, норм межгосударственного сотрудничества и международного права.

Ключевые слова: приграничные районы; преступность; нелегальная миграция; контрабанда; преступность; правоохранительные органы.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кабанов Е. А., Еськова Л. К. Формирование и развитие системы российско-украинской взаимопомощи по борьбе с преступностью в приграничных районах на рубеже XX – XXI веков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 226–235.

The Formation and Development of Russian-Ukrainian Cooperation in the Fight Against Crime in Border Areas at the Turn of XX – XXI Centuries

Evgenij A. Kabanov¹✉, Lydia K. Eskova²

¹Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

²Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 67, Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russian Federation

✉ e-mail: kabanovevgeniy@gmail.com

Abstract

Relevance. In the post-Soviet space was the formation of the state border with the former republics of the Soviet Union. This led to the formation of new border areas. In the new conditions, simultaneously with the formation of statehood, there was the formation of all spheres of interstate, socio-political, economic, legal interaction on both sides of the border. But the criminal situation in the border areas was aggravated by the proximity to the border and the possibility of abuse associated with this proximity. The most frequent crimes in these areas were illegal migration, drug trafficking, smuggling. Therefore, it was necessary to unite the efforts of the Russian and Ukrainian sides to jointly prevent crimes and provide mutual assistance in the fight against violators of the law. Analysis of the historical process of formation and development of the system of Russian-Ukrainian mutual assistance to prevent and combat crime in the border areas at the turn of XX – XXI centuries. on the example of the Kursk region is particularly relevant in the light of the new political relations between Russia and Ukraine at the present time.

Purpose. comprehensive analysis of the process of formation and development of Russian-Ukrainian cooperation in preventing and combating crime in the border areas at the turn of XX – XXI centuries on the example of Kursk region.

Objectives: to study the process of formation of law enforcement relations in the border areas; to identify the dynamics of changes in migration and legal cooperation in the border areas; to determine the main directions of development of the system of Russian-Ukrainian mutual assistance/

Methodology. Historical-system method, method of unity of historical and logical, historical-comparative method, method of local history, methods of analysis and synthesis.

Conclusion. It is concluded that fundamentally new economic and social relations between Russia and Ukraine, which developed at the turn of the XX – XXI centuries in the post-Soviet space, put before the law enforcement agencies of both States the same problems of the organization of the fight against crime in the border regions. During this period, there was the formation of the legislative framework, the norms of interstate cooperation and international law.

Keywords: border areas; crime; illegal migration; smuggling; crime; law enforcement agencies.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kabanov E. A., Eskova L. K. The Formation and Development of Russian-Ukrainian Cooperation in the Fight Against Crime in Border Areas at the Turn of XX – XXI Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 226–235 (in Russ.).

Введение

Возникновение новой государственной границы в постсоветском пространстве в порубежных районах породило ряд

проблем, связанных с увеличением преступности и, в частности, в Курской области.

В период правового вакуума, примерно до 1999 г., большая часть проблем

решалась на местном уровне традиционно: исходя из здравого смысла и, так сказать, полюбовно. Но делалось это нередко при нарушении буквы закона, и если на бытовом уровне дело обычно кончалось крупным штрафом или конфискацией провозимого, то среди руководителей приграничных хозяйств, пытавшихся сохранить создававшуюся десятилетиями схему взаимодействия с коллегами по ту сторону границы, имелись случаи привлечения к уголовной ответственности за смену номеров автомобилей (российских на украинские или наоборот) или прямой (незаконный) бартер.

Это усугублялось негативным отношением к сотрудникам ведомств, обслуживающих границу – пограничникам и таможенникам, получающим высокую (по местным меркам) и регулярную зарплату, особенно на фоне остального населения этих преимущественно депрессивных, переживающих экономический упадок районов. К тому же таможенников часто обвиняли во взяточничестве: инспекторами с двух сторон могли работать близкие родственники, набранные из числа жителей близлежащих российских и украинских поселений. В адрес пограничников нередко раздавались упреки в нахлебничестве, поскольку при недостаточном финансировании из Москвы такие расходы, как строительство помещений КПП, подвод к ним тепло- и энергосетей, телефонных линий, зачастую осуществлялись за счет скудных местных бюджетов.

Соответственно, что среди местного населения и даже руководителей господствовало недоуменно-озлобленное отношение к границе и были широко распространены претензии в адрес Москвы и Киева, не принимающих во внимание специфических запросов жителей порубежья.

Несмотря на проводимую со стороны двух государств работу по предупреждению и борьбе с преступностью, ситуация с уровнем преступности в порубежье оставалась не идеальной, т. к. предупре-

ждение преступлений является трудоемкой и масштабной деятельностью, включающей, с одной стороны, широкий комплекс мер и средств, а с другой – в осуществлении ее участвуют самые различные субъекты. В первую очередь, предупреждение преступлений составляет прерогативу правоохранительных органов – суда, прокуратуры, МВД, ФСБ, следственного аппарата, адвокатуры, ибо составляет их функцию, проистекающую из публичных обязанностей, предусмотренных законом.

Следовательно, на рубеже XX–XXI вв. перед правоохранительными органами Курской области одной из первоочередных задач стала задача предупреждения преступлений, совершаемых иностранными гражданами.

Методология

Основным источником для написания статьи явились материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Были использованы документы следующих фондов: 10097 «Министерство Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств (Минсодружество России)», 10120 «Федеральная миграционная служба России (ФМС России)», 10200 «Правительство Российской Федерации».

Также нашли применение опубликованные труды исследователей, нормативно-правовые акты и данные о преступности, выложенные на специализированных интернет-ресурсах.

Объективность в исследовании процесса формирования и развития системы российско-украинской взаимопомощи по борьбе с преступностью в приграничных районах на рубеже XX–XXI вв. была достигнута путем применения научной методологии. Использование научного метода единства исторического и логического дало возможность осуществить сочетание описания хронологии событий проводимой государством правоохранительной политики с анализом внутренних

взаимосвязей. Применение данного метода также позволило выявить определенные тенденции в развитии системы российско-украинской взаимопомощи по борьбе с преступностью в приграничных районах.

Использование в исследовании историко-системного метода дало возможность раскрыть внутренние механизмы инициирования, разработки и реализации государственной правоохранительной политики. Применение данного метода позволило проанализировать теоретические основы, факторы, объективные и субъективные условия формирования государственных решений в данной сфере. Сочетание историко-системного метода с диалектическим методом на примере развития системы российско-украинской взаимопомощи по борьбе с преступностью в приграничных районах дало возможность показать доминирующую роль государства.

Применение историко-сравнительного метода позволило исследовать цели, задачи, специфику государственной правоохранительной политики, а также проанализировать эффективность внедрения в практическую деятельность комплексных мероприятий по профилактике и борьбе с преступностью.

Метод локальной истории дал возможность проанализировать проводимые совместные российско-украинские мероприятия по предупреждению и борьбе с преступностью в приграничных районах на примере конкретного региона.

Также были использованы методы анализа и синтеза информации.

Использование в научном исследовании рассмотренных методов позволило переосмыслить и обобщить опыт практических мероприятий по борьбе с преступностью в приграничных районах на рубеже XX–XXI вв.

Результаты и их обсуждение

Прозрачность границ и близость государственной границы с Украиной нанесли определенный отпечаток на со-

вершаемые преступления в Курской области.

Идея о том, что близость к границе может принести не только неудобства, но и существенные выгоды, в Курской области вела к разговорам о бюджетных дотациях для приграничной полосы и о некоей «свободной зоне» [1, д. 269, л. 134]. В то же время руководство Курской области, ссылаясь на участие в связях с соседями субъектов хозяйственной деятельности на всей территории региона, выступало категорически против каких-либо преимуществ непосредственно для примыкающих к границе городов и районов [2, д. 68, л. 165].

Необходимо отметить, что в исследуемый период не все пребывающие на территории Курской области граждане Украины прошли официальную регистрацию. Многие из них проживали без регистрации. Так, в 1995 г. официально зарегистрировано 8,3 тыс. иностранцев [2, д. 140, л. 119]; в 1996 г. – 8,72 тыс. иностранцев [2, д. 216, л. 99]; в 1997 г. – 8,87 тыс. иностранцев [2, д. 327, л. 145]; в 1998 г. – 9,11 тыс. иностранцев [2, д. 451, л. 95]; в 1999 г. – 9,23 тыс. иностранцев [2, д. 743, л. 134]; в 2000 г. – 10,9 тыс. иностранных граждан [2, д. 831, л. 156], а уже в 2003 г. было зарегистрировано 16,3 тыс. иностранных граждан [3].

Количество иностранных граждан, ежегодно выявляемых в Курской области в качестве нарушителей режима пребывания на территории Российской Федерации, с 2008 по 2013 г. выросло на 41% [4].

Рассмотрим статистику совершенных преступлений гражданами Украины на территории Курской области. Так, в 1995 г. иностранными гражданами было совершено 549 преступлений, в 1996 г. – 456, в 1997 г. – 418, в 1998 г. – 409; в 1999 г. – 391, в 2000 г. – 318 [2, д. 68, л. 170], а в 2003 г. – 219 [3]. Для сравнения в 2016 г. гражданами Украины совершено 196 преступлений. Их удельный вес от общего числа совершенных преступных деяний иностранцами составил 50,5%. В

приграничных районах иностранными гражданами совершено 121 преступление, из них жителями Украины – 87 [5].

Таким образом, выявлена положительная динамика снижения числа преступлений, совершенных иностранными гражданами.

Если проанализировать состав преступлений, то выявляется следующая характеристика. Две трети зарегистрированных преступлений, совершенных гражданами Украины, составляют кражи, при этом каждое третье преступление имело групповой признак, каждое шестое преступление было совершено ранее судимыми лицами [2, д. 68, л. 171].

Преступность в приграничных районах вызвала ответные действия со стороны правоохранительных органов. В целях усиления взаимодействия двух сторон: российской и украинской – ежегодно проводились встречи руководителей органов внутренних дел Курской и Сумской областей, оперативных служб, подразделений по борьбе с организованной преступностью. На этих встречах рассматривались вопросы взаимодействия в рамках проведения совместных оперативно-профилактических операций в приграничной зоне, в том числе и в отношении организованных преступных групп, располагающих международными связями.

В результате взаимного сотрудничества правоохранительных органов Курской и Сумской областей в 2004 г. было раскрыто 110 преступлений, совершенных иностранными гражданами, в том числе 65 гражданами Украины, на территории шести районов Курской области. Среди них имели место: 1 случай причинения тяжкого вреда здоровью, 3 изнасилования, 35 краж с объектов различных форм собственности [6].

Многие проблемы приграничной зоны связаны с несоответствием транспортной инфраструктуры ее новому геополитическому положению. Граница между Курской областью и соседней Сумской областью Украины на многих

участках режет сеть почти сливающихся сел и связывающих их дорог. Получается, что кратчайшая дорога между населенными пунктами несколько раз пересекает границу или на протяжении иногда многих километров проходит почти точно по ее линии, что, естественно, сильно осложняет жизнь пограничникам.

Комплексные пункты контроля с пограничной, таможенной и другими службами были обустроены на 22 дорогах с твердым покрытием и на железнодорожных магистралях российско-украинской границы, а для транзита автотранспорта широко используется трасса Сумы–Курск.

К тому же нужно учитывать, что речь идет о лесостепном районе: большую часть года здесь можно проехать не по обустроенной дороге, а в любом направлении, выбранном по желанию водителя. Здесь насчитывается порядка 300 объездных путей [1, д. 232, л. 14]. Это делает российско-украинскую границу действительно «прозрачной».

Таможенные рестрикции и более строгий контроль с украинской стороны (там втрое больше персонала) приводит к тому, что некоторые грузовики, следующие из России в Украину, предпочитали окольные проселочные дороги. Преобладание среди прямого и транзитного автотранспорта автомобилей из стран с неустойчивой экономической ситуацией, в сочетании со специфической конфигурацией дорожной сети, создает для российского пограничья дополнительные трудности – от повышенного загрязнения воздуха и риска контрабанды до опасности ДТП (особенно плохим техническим состоянием отличаются украинские автомобили) [1, д. 232, л. 16].

По подсчетам В. А. Щелкунова, «бесконтрольно пересекают границу до 75% транспортных средств, вывозящих материальные ценности. Как правило, в Россию с Украины перебрасываются спиртные напитки, уголь, сигареты, товары широкого потребления, оружие, бое-

припасы. В обратном направлении идут цветные металлы, горюче-смазочные материалы, древесина, автозапчасти. Рейды подвижных групп с обеих сторон лишь отчасти решают проблему контрабанды» [6].

Приведем следующие данные. Так, в 2003 г. при сбыте 1,5 г редкоземельного изотопа платиновой группы «осмия-187» была задержана организованная преступная группа в количестве 4-х человек. Стоимость реализуемого ими материала составила около 240 тыс. долларов США. Также в этом же году на территории Курской области было зарегистрировано 152 случая попытки сбыта поддельных денежных знаков.

В 2004 г. был зарегистрирован 21 случай контрабандного перемещения товаров через Государственную границу. Общий ущерб от контрабанды составил более 90 млн рублей. Все эти мероприятия были проведены в рамках российско-украинского взаимодействия оперативными подразделениями Курской и Сумской областей.

Ситуация с раскрываемостью фальшивомонетничества остается низкой, примерно 51,1% в 2003 г. [6]

Что касается ситуации с вывозом цветных и редкоземельных металлов, то с российской стороны участвуют организованные преступные группировки, которые посредством сети международного криминального автобизнеса по установленным контрабандным каналам нелегально переправляют их на Запад. Также по этим же каналам через Украину на Запад и Ближний Восток переправляется и российское оружие.

Известно, что в Россию через курскую границу поступало оружие, фальсифицированный алкоголь, фальшивая иностранная валюта, предметы старины и искусства из Австрии, Германии, Польши, Чехии и некоторых других стран.

Организованные преступные группировки широко использовали территорию соседнего государства для нелегальной переработки сырья и нелегального хранения товаров. В результате государственный бюджет не досчитывался значительных сумм как таможенных платежей, так и налогов от осуществления внешнеэкономических сделок. В результате подобных контрабандных операций (незаконного вывоза капитала за рубеж, несвоевременного перевода из-за границы денег) Россия несла колоссальные убытки [1, д. 326, л. 76].

Не случайно крылатой стала фраза «Радио Свобода»: «на российско-украинской границе почти нет работы, зато есть контрабанда» [7].

Большой проблемой приграничного региона является возможность проникновения и последующего распространения наркотических средств. Как известно, наркотики поступают в Россию преимущественно из республик Средней Азии, Азербайджана, Чечни и даже стран Латинской Америки. Из России они переправляются в Западную Европу и страны Балтии. Соответственно, Украина находится на пути перемещения наркотических средств, откуда в Россию поступало примерно 25% наркотиков [6]. Соответственно, в Курскую область большая часть наркотических средств (марихуана, маковая соломка) поступала с Украины.

Наркокурьеры использовали широкий спектр средств для перемещения наркотиков через границу. В автомобилях оборудовались тайники: полости запасных колес, медицинские аптечки, огнетушители и другое оборудование. При перевозке наркотиков железнодорожным транспортом для их сокрытия использовались полости вагонов в нерабочих тамбурах, туалетах, плафонах освещения, реже – в матрацах.

Для реализации незаконных схем наркодилеры активно использовали нелегальных мигрантов. Так, в сентябре 2004 г. в Глушковском районе была задержана жительница с. Рыжевка Сумской области, у которой обнаружено и изъято около 10 кг маковой соломки [6]. Всего на приграничных территориях было пресечено 136 наркопреступлений, в том числе 9, совершенных гражданами Украины. И все это осуществлено благодаря российско-украинской системе взаимопомощи совместными усилиями российских и украинских пограничников.

Поэтому приоритетной задачей для Курской области как приграничного региона была и остается задача перекрытия каналов транзитной поставки наркотического сырья. В строгом соответствии с совместными планами отрабатываются железнодорожные составы, прибывающие с территории Украины, станции, камеры хранения, таможенные переходы, а также объездные маршруты.

Еще одной проблемой для Курской области как приграничного района в исследуемый период являлось пресечение нелегальной миграции. Ситуация была осложнена тем, что территория границы между пунктами пропуска не охранялась, она не обозначалась на местности, в результате чего возникали трудности при документировании нарушителей границы и принятии решения по ним. Отсутствие охраняемых границ между Россией и Украиной позволяло иностранцу свободно передвигаться при наличии только одной въездной визы в страну первоначального въезда. Консульские учреждения за границей оформляли въездные визы в упрощенном порядке, а содействие в установлении личности оказывали неохотно. В результате сроки установления личности порой доходили до 4-5 месяцев. В связи с этим остро стояли финансовые вопросы, связанные с департацией незаконных мигрантов, поскольку все расхо-

ды ложились на фирмы, приглашавшие иностранных граждан на территорию России. А они, как правило, или самоликвидировались, или становились банкротами [2, д. 831, л. 202].

Все это требовало совершенствования межведомственного взаимодействия по пресечению каналов нелегальной миграции. В результате чего в Министерстве Российской Федерации по делам Стран Независимых Государств был поставлен вопрос о разработке эффективного механизма привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы с учетом баланса интересов работодателей, иностранных работников и социально-экономического развития региона, в том числе совершенствования системы противодействия незаконной миграции, реализации мер по административному выдворению, депортации, реадмиссии с территории Российской Федерации [7].

В 1994 г. была принята Федеральная миграционная программа, которая многократно уточнялась и дорабатывалась, реагируя на изменения, происходящие в обществе [8, с. 12].

Картину преступности в Курской области как приграничной зоне, соответственно, дополняют преступления, совершенные на таможене. В правоохранительной практике таможенных органов наиболее часто встречаются преступления, предусмотренные ст. 188, 193, 194 Уголовного кодекса РФ [9].

В период экономической и политической нестабильности, помимо большого количества совершенных правонарушений, в качестве характерной черты состояния преступности в Курской области следовало бы отметить низкую раскрываемость преступлений, как из-за несовершенства законодательства, так и по причине новизны сферы этой деятельности для областных таможенных органов. По мере совершенствования таможенного законодательства и накопления профес-

сионального опыта показатели преступности в сфере таможенной деятельности значительно снизились, и уже в 1999 г. было возбуждено 30 уголовных дел, из них 19 по ч. 1 ст. 188 Уголовного кодекса РФ, 8 по ч. 2 ст. 188, 3 по ч. 2 ст. 194 [1, д. 330, л. 56].

В 2000 г. было возбуждено 46 уголовных дел, из них 35 по ч. 1 ст. 188 Уголовного кодекса РФ, 8 уголовных дел по ч. 2 ст. 188, 2 уголовных дела по ч. 2 ст. 194 и 1 уголовное дело по ст. 193 [1, д. 560, л. 18].

В 2001 г. было принято распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации», на основании которого «под приграничным сотрудничеством в Российской Федерации понимаются согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, направленные на укрепление взаимодействия Российской Федерации и сопредельных государств в решении вопросов устойчивого развития приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, повышения благосостояния населения приграничных территорий Российской Федерации и сопредельных государств, укрепления дружбы и добрососедства с этими государствами» [10]. Эта Концепция стала основой для формирования системы взаимодействия правоохранительных и таможенных органов России и Украины по борьбе и предупреждению преступности в приграничных регионах двух стран. Концепция включала в себя проведение следующих мероприятий: оперативно-профилактических операций на сопредельных территориях, совместных оперативных разработок, совместных служб по борьбе с трансграничной преступностью.

Таким образом, принципиально новые экономические и социальные связи между Россией и Украиной, сложившиеся на рубеже XX–XXI вв., поставили перед правоохранительными органами обоих государств одинаковые проблемы организации борьбы с преступностью в приграничных регионах. В данный период происходило формирование законодательной базы, норм межгосударственного сотрудничества и международного права.

Анализ исторического опыта организации борьбы с преступностью в приграничном регионе на примере Курской области показал, что существовал упрощенный порядок пересечения границы населением приграничных субъектов Российской Федерации и Украины. А пограничные органы двух стран – России и Украины решали задачи по поддержанию установленного режима государственной границы совместными усилиями и на основании Соглашения о сотрудничестве приграничных областей от 27 января 1995 г., подписанного правительствами России и Украины [12, л. 12]. Соглашение обязывало «стороны содействовать развитию сотрудничества между приграничными областями и устранять препятствия для перемещения товаров и услуг, произведенных за счет местных ресурсов и предназначенных для потребления на этих территориях» [1, д. 137, л. 9].

Выводы

Система российско-украинской взаимопомощи в обеспечении правопорядка в приграничных регионах формировалась постепенно, благодаря принятию конкретных нормативно-правовых актов.

К сожалению, все усилия российской и украинской сторон по созданию системы взаимопомощи оказались напрасными, т. к. радикально изменилась ситуация

на границе. Украина взяла курс на свертывание пограничного сотрудничества с Россией и укрепляет восточный участок границы. Проводятся работы по демаркации государственной границы, обозначению ее пограничными знаками, в том числе на участках, не согласованных с российской стороной. Праворадикальные силы предпринимают попытки осуществления провокационных действий в отношении российских граждан, пересекающих в установленном порядке государственную границу.

Со стороны организованных преступных групп предпринимаются попытки контрабандного перемещения на российскую территорию оружия, боеприпа-

сов, товаров народного потребления и продовольствия (в 2016 г. пресечено более 500). При этом из незаконного оборота изъята 51 единица оружия, 10 тыс. 112 штук боеприпасов, 11,8 кг взрывчатых веществ. Задержано товаров и грузов на сумму, превышающую 133,5 млн рублей [13].

Конечно, в современных условиях, сложившихся вокруг русско-украинской границы, уже не стоит вопрос об активной совместной деятельности по пресечению преступности, но обе стороны должны продолжать оказывать противодействие проявлениям терроризма, национализма, сепаратизма, межэтнической напряженности на приграничной территории.

Список литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10097. Оп. 1.
2. ГАРФ. Ф. 10120. Оп. 1.
3. Информационное агентство Kursk-city [Электронный ресурс]. URL: <http://kurskcity.ru> (дата обращения: 21.04.2019).
4. Об утверждении Концепции миграционной политики Курской области на период до 2015 года [Электронный ресурс]: постановление администрации Курской области от 04.12.2013 № 908-па. URL: adm.rkursk.ru/index.php (дата обращения: 21.04.2019).
5. Управление МВД России по Курской области [Электронный ресурс]. URL: <https://46.mvd.rf> (дата обращения: 21.04.2019).
6. Щелкунов В. А. Проблемы иностранных граждан и лиц без гражданства в приграничном регионе // Бизнес в законе. 2007. №1. С. 35-37.
7. Радио Свобода [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org> (дата обращения: 21.04.2019).
8. Урда М. Н. История становления миграционного законодательства в России (дореволюционный и советский периоды) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. № 3. С. 4–15.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 21.04.2019).
10. Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30364/ (дата обращения: 28.04.2019).
11. ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 10090. Л. 12.
12. Информационное агентство «Оружие России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arms-expo.ru> (дата обращения: 28.04.2019).

Поступила в редакцию 15.07.19

Подписана в печать 10.08.19

References

1. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii), f. 10097, op. 1.
2. GARF, f. 10120, op. 1.
3. Informacionnoe agentstvo Kursk-city. URL: <http://kurskcity.ru> (accessed 21.04.19).
4. Ob utverzhdenii Konceptcii migracionnoj politiki Kurskoj oblasti na period do 2015 goda: postanovlenie administracii Kurskoj oblasti ot 04.12.2013 No 908-pa. URL: adm.rkursk.ru/index.php (accessed 21.04.19).
5. Upravlenie MVD Rossii po Kurskoj oblasti. URL: <https://46.mvd.rf> (accessed 21.04.19).
6. Shchelkunov V. A. Problemy inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v prigranichnom regione. *Biznes v zakone*, 2007, no. 1, pp. 35–37.
7. Radio Svoboda. URL: <https://www.svoboda.org> (accessed 21.04.2019).
8. Urda M. N. Istoriya stanovleniya migracionnogo zakonodatel'stva v Rossii (dorevolucionnyj i sovetskij periody). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2017, no. 3, pp. 4–15.
9. Ugolovnyj kodeks RF: feder. zakon ot 13.06.1996 No 63-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (accessed 21.04.19).
10. Ob utverzhdenii Konceptcii prigranichnogo sotrudnichestva v Rossijskoj Federacii: rasporyazheniya Pravitel'stva RF ot 09.02.2001 No 196-r. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30364/ (accessed 28.04.2019).
11. GARF, f. 10200, op. 5. D, 10090, l. 12.
12. Informacionnoe agentstvo "Oruzhie Rossii". URL: <http://www.arms-expo.ru> (accessed 28.04.2019).

Received 15.07.19

Accepted 10.08.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Кабанов Евгений Андреевич, аспирант, кафедра конституционного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Российская Федерация
e-mail: kabanovevgeniy@gmail.com

Evgenij A. Kabanov, Post-Graduate Student, Chair of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kabanovevgeniy@gmail.com

Еськова Лидия Константиновна, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, майор внутренней службы, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания, Владимир, Российская Федерация
e-mail: lidiy_1987@mail.ru

Lydia K. Eskova, Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, Major of Internal Service, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Vladimir, Russian Federation,
e-mail: lidiy_1987@mail.ru

УДК 94(47).084.5

Зарождение воздушных десантов, их применение в начале Второй мировой войны и деятельность Осоавиахима по подготовке населения к их отражению

Ю. А. Юдахин¹ ✉

¹ Научно-исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Российская Федерация, 124498, Москва, Зеленоград, Площадь Шокина, 1

✉ e-mail: yudahin@deyton.ru

Резюме

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время широкое развитие получил международный терроризм, который по способам и целям применения во многом схож с использованием диверсионных групп и воздушных десантов, применяемых фашистской Германией в период Второй мировой войны. Изучение тактики их применения, а также опыта организации борьбы с ними позволит в современных условиях более эффективно предотвращать деятельность возможных террористических групп на территории нашей страны, а также способствовать качественной подготовке подразделений ВДВ и войск специального назначения, что в конечном итоге будет способствовать укреплению обороноспособности и антитеррористической защищенности страны.

Целью исследования является изучение процесса зарождения воздушных десантов, их применения на территории ряда стран Западной Европы в 1939–1941 годы, а также деятельности Осоавиахима в нашей стране по подготовке населения к отражению десантов.

Задачи: проанализировать ход возникновения первых парашютных десантов, подчеркнуть приоритет Советского Союза в создании воздушно-десантных войск, показать успехи Германии в развитии и применении парашютно-десантных войск в условиях начавшейся Второй мировой войны, а также обобщить опыт деятельности оборонного общества СССР по противодесантной подготовке населения.

Методология. Методологической основой исследования послужили принцип историзма, методы объективности и научности, хронологический и историко-сравнительный подходы.

Результаты научного поиска свидетельствуют, что развитие авиации в начале XX века привело к появлению идеи выброски диверсантов в тылу противника с помощью самолетов. Внедрение в авиацию парашютов как средства спасения летчиков вскоре привело к идее превращения парашюта в боевое средство и возникновению воздушно-десантных войск. Родиной ВДВ является Советский Союз, опыт которого успешно применила Германия, создавшая накануне Второй мировой войны мощные парашютно-десантные войска. Неожиданное применение этих войск в массовом масштабе, неподготовленность населения ряда стран Западной Европы к борьбе с ними способствовали достижению быстрых побед Германии над этими странами.

Советский Союз учел десантный фактор фашистской Германии и смог успешно противостоять немецким воздушным десантам в условиях начавшейся Великой Отечественной войны.

Выводы. Изучение способов применения Германией воздушных десантов в Польше, Норвегии и ряде других стран Европы, а также своевременное внесение соответствующих коррективов в противодесантную подготовку населения позволило нашей стране успешно подготовиться к отражению фашистских десантов.

Ключевые слова: воздушные десанты; диверсанты; парашюты; авиация; Германия; Вторая мировая война; парашютно-десантные войска; Западная Европа; противодесантная подготовка.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Юдахин Ю. А. Зарождение воздушных десантов, их применение в начале Второй мировой войны и деятельность Осоавиахима по подготовке населения к их отражению // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 236–247.

© Юдахин Ю. А., 2019

The Origin of Airborne Assault Forces, their use at the Beginning of World War II and the Activities of Osoaviahim in Preparing the Population for their Reflection

Yuri A. Yudakhin¹ ✉

¹ Research University "Moscow Institute of Electronic Technology", 1, Shokin Square, Zelenograd, 124498, Russian Federation

✉ e-mail: yudahin@deyton.ru

Abstract

The relevance of the study is determined by the fact that international terrorism is now widely developed, which in terms of methods and purposes of use is largely similar to the use of sabotage groups and airborne assaults used by fascist Germany during the Second World War. Studying the tactics of their use, as well as the experience of organizing the fight against them, will allow us to more effectively prevent the activities of possible terrorist groups on the territory of our country, as well as contribute to the quality training of the Airborne Forces and Special Forces, which ultimately will strengthen the defense and anti-terrorism security of the country.

The aim of the study is to study the process of the origin of airborne assault forces, their use in the territory of several countries of Western Europe in 1939-1941, as well as the activities of Osoaviahim in our country in preparing the population to repel airborne assault forces.

Tasks: to analyze the course of the first parachute landing, to emphasize the priority of the Soviet Union in the creation of airborne troops, to show Germany's success in the development and use of paratrooper troops in the conditions of the outbreak of World War II, as well as to generalize the experience of the defense society of the USSR in anti-landing training of the population.

Methodology. The methodological basis of the study was the principle of historicism, methods of objectivity and scientific, chronological and historical-comparative approaches.

The results of a scientific search indicate that the development of aviation in the early twentieth century led to the idea of dropping saboteurs behind enemy lines using aircraft. The introduction of parachutes into aviation as a means of saving pilots soon led to the idea of turning the parachute into a military weapon and the emergence of airborne troops. The homeland of the Airborne Forces is the Soviet Union, the experience of which was successfully applied by Germany, which created powerful parachute troops on the eve of World War II. The unexpected use of these troops on a massive scale, the unpreparedness of the population of a number of Western European countries for the fight against them contributed to the achievement of Germany's quick victories over these countries.

The Soviet Union took into account the airborne factor of fascist Germany and was able to successfully resist the German airborne assault forces in the conditions of the outbreak of World War II.

Conclusion. The study of how Germany uses airborne assaults in Poland, Norway and a number of other European countries, as well as the timely introduction of appropriate adjustments to the anti-airborne training of the population, allowed our country to successfully prepare for the reflection of the fascist assaults.

Keywords: airborne assault forces saboteurs; parachutes; aviation; Germany; World War II; parachute troops; Western Europe; anti-landing training.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Yudakhin Yu. I. A. The Origin of Airborne Assault Forces, their use at the Beginning of World War II and the Activities of Osoaviahim in Preparing the Population for their Reflection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 236–247 (In Russ.).

Введение

В настоящее время главную ударную силу военной мощи России и наших вероятных противников составляет ракетно-ядерный потенциал. Он же является и

главным сдерживающим фактором, о чем не устает напоминать Президент России в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию страны. Но ракетно-ядерный потенциал – это, образно говоря,

последний довод королей, после применения которого вряд ли будет существовать планета Земля.

В то же время новейшая история нашей страны знает неоднократные случаи различных проявлений терроризма, включая проникновение в мирные города и села бандформирований и захват заложников. Таких случаев немало в новейшей истории Сирии, Украины, многих других стран мира. Конечно, современный терроризм и выброска диверсантов и более крупных десантов в 1939–1941 годах – это разные вещи, но между ними и много общего, что говорит об актуальности данной статьи, целью которой является рассмотрение опыта подготовки и способов применения воздушных десантов, а также изучение опыта подготовки населения по нейтрализации диверсантов, по борьбе с воздушными десантами, что имеет немаловажное значение для нынешнего времени.

Для достижения поставленной цели мы определили следующие задачи:

– проанализировать процесс зарождения и применения подразделений парашютно-десантных войск в различных странах мира;

– показать особенности развития парашютных десантных частей в Германии и разнообразные способы их применения против различных стран Европы в начале Второй мировой войны;

– рассмотреть основные направления деятельности Осоавиахима по подготовке населения к борьбе с воздушными десантами.

Методология

Для анализа процессов зарождения первых подразделений воздушно-десантных войск в мире, рассмотрения особенностей развития парашютно-десантных частей в Германии, способов их применения в войне против различных стран Европы, а также для исследования основных направлений деятельности оборонного общества нашей страны по противо-

десантной подготовке населения мы руководствовались принципом историзма, методами объективности и научности, с опорой на историко-сравнительный и хронологический подходы.

Результаты и их обсуждение

Так уж повелось, что редко какое техническое изобретение не находит себя в военном деле. Так было и с различными средствами воздухоплавания. Как только появились аэростаты во Франции в 1783 г., так с 1794 г. они стали применяться в военных целях [1, с. 27].

В то же время появление авиации привело к резкому подрыву военной ценности аэростатов из-за их уязвимости. Развитие авиации, ее небольшие скорости в начале XX века, а значит неприхотливость первых самолетов в выборе мест посадки привели вскоре к идее использования авиации для переброски в тыл противника шпионов и диверсантов. Впервые это было применено в ходе турецко-болгарской войны 1910–1912 гг., а значительное развитие получило в годы Первой мировой войны. К концу войны довольно частым явлением стала выброска диверсантов для подрыва мостов, железнодорожных путей, шлюзов, в том числе и на территории России.

Эти забросы диверсантов осуществлялись посадочным способом. Таким же образом диверсанты забирались с территории противника после выполнения задания. Такая система выброски десантов была несовершенной, т. к. забрасывать, а точнее высаживать диверсантов из самолетов в целях обеспечения их скрытности необходимо было, как правило, в темное время суток. Это могли делать только опытные летчики, которых на тот период времени было крайне мало. К тому же противник стал больше внимания уделять охране мест возможных посадок самолетов для высадки или возвращения диверсантов, а также устройства невидимых для летчиков препятствий в возможных местах высадки, что вело к катастрофам

самолетов при посадке, гибели летчиков и диверсантов. Все это чрезвычайно затрудняло этот новый и весьма перспективный вид военной деятельности.

Как утверждают М. Забелин и А. Жабров, в конце войны 1914–1918 гг. были сделаны попытки использовать для этой цели парашюты, но они не приводят ни одного конкретного факта, когда, кем, где и в какой стране впервые была осуществлена выброска десанта таким способом. М. Забелин, в частности, писал: «Пролетая над местом высадки на высоте в тысячу и более метров, люди сбрасывались с самолетов на парашютах. Малая грузоподъемность самолетов и несовершенство парашютов не позволили тогда широко развернуть выброски парашютных десантов» [1, с. 213]. А. Жабров подчеркивал, что «...это были лишь первые единичные опыты и никакого или почти никакого практического значения они не имели» [2, с. 42].

После окончания Первой мировой войны серьезное внимание применению парашютов уделили США, но в плане обеспечения безопасности полетов. Парашюты стали обязательным элементом снаряжения всех пилотов военной авиации с 1924 г., хотя для летчиков-испытателей парашюты были введены еще в 1922 г. В авиации США была создана парашютная служба, парашютная подготовка пилотов стала обязательной. Это способствовало тому, что по данным американской статистики за последние 10 лет (по состоянию на 1933 г. – Ю. Ю.) в США 329 летчиков спаслись благодаря парашютам, в Италии за 4 года – 112 и т. д. [3, с. 30] В Советском Союзе датой рождения парашютизма является 26 июля 1930 г., когда в Воронеже совершили первые учебные прыжки с парашютов 6 человек во главе с военным летчиком Л. Г. Миновым.

Дальнейшее развитие авиации в межвоенный период привело не только к улучшению летно-технических характеристик самолетов, но и к созданию новых

классов самолетов – для перевозки войск и воздушных десантов, пикирующих бомбардировщиков и т. д. Эти изменения способствовали тому, что впредь технически реально стало широкое применение воздушных десантов посадочным способом.

И такие десанты применялись неоднократно. Так, в 1925 г. Франция применила свою авиацию для подавления восстания в Марокко, когда самолеты на большие расстояния перевозили отдельные подразделения войск. В 1932 г. восстали племена в Ираке, и Англия на 9 самолетах в три перелета перевезла 600 солдат из Египта для их подавления. Во время войны в Испании фашисты Германии и Италии перевезли самолетами 14000 солдат и офицеров из Марокко в Испанию в 1936 г. для борьбы с республиканцами. Но для высадки таких десантов требовались аэродромы или посадочные площадки, которые, как правило, охраняются, что затрудняет выполнение поставленных задач.

Такой же десант был высажен и в Советском Союзе в сентябре 1930 г. на учениях Ленинградского военного округа, когда у станции Сиверская 17 самолетов в течение нескольких рейсов с 8 до 13 часов высадили 151 десантника. Для реализации концепции «рейдового десанта», который быстро перемещается по тылам противника, была доставлена различная техника и вооружение: 19 автомобилей, 12 мотоциклов, 41 велосипед, 10 пушек со снарядами, 59 ручных пулеметов и т. д. [4, с. 120–121]

И хотя задачу десант на учениях выполнил, но длительность высадки привела к его обнаружению условным противником и к нанесению удара по десанту в период высадки, а это значит, что в реальной боевой обстановке его применение ставило под сомнение успешное выполнение боевой задачи.

Развитие парашютизма во всех странах, оснащение авиации парашютами неизбежно должно было привести и при-

вело к выводу о том, что гораздо более перспективным выглядит применение парашютных десантов, т. к. для их выброски не нужны аэродромы, посадочные площадки. Они могут быть выброшены в любом недоступном месте, да и время десантирования диверсионных групп составляет секунды, подразделений – считанные минуты, что повышает скрытность их выброски, неожиданность применения, а значит и боевую эффективность их использования.

Как утверждает Крис Макнаб, специалист по выживанию, прошедший подготовку в элитной части британского спецназа, написавший ряд книг по истории III рейха, в том числе и о парашютистах III рейха, в 1927 г. в итальянской армии было создано экспериментальное подразделение десантников, но только в 1938 г. в Италии возникла «самая настоящая парашютно-стрелковая рота». По его утверждению, в 1928 г. по приказу бригадного генерала Уильяма Митчелла в США в штате Техас с бомбардировщика было выброшено шесть солдат с парашютами, которые после приземления установили и подготовили к бою пулемет. Этим экспериментом на учениях Митчелл хотел показать в действии новую тактику ведения боя – воздушно-десантную атаку. Но замыслы генерала Митчелла и после учений 1928 г. не находили полной поддержки в США вплоть до 1940 г. [5, с. 9–10] Поэтому эти опыты по применению воздушных десантов нельзя считать днем рождения воздушно-десантных войск, т. к. все и закончилось на стадии экспериментов. В данном случае вполне уместно повторить слова А. Жаброва с оценкой выброски десантов с помощью парашютов в годы Первой мировой войны, т. к. указанные опыты в Италии и США в 1920-е годы были лишь единичными опытами и никакого или почти никакого практического значения, и продолжения они не имели.

Приоритет в создании крылатой гвардии принадлежит Советскому Союзу,

т. к. именно выброска первого воздушно-десанта в СССР в количестве 12 человек под Воронежем 2 августа 1930 г. имела продолжение. На последовавших вскоре учениях Московского военного округа в сентябре 1930 г. был выброшен парашютный десант в количестве 11 человек с конкретной боевой задачей, которая была успешно выполнена. Учения показали, что ограниченное количество хорошо подготовленных десантников, уничтожив, например, штаб полка, может вывести из строя целую часть и обеспечить победу над противником малыми силами.

Такой итог применения воздушного десанта и сделанные выводы способствовали тому, что в целях дальнейшей разработки мероприятий по развитию воздушно-десантного дела в Красной армии в 1931 г. были сформированы нештатные опытные отряды – авиамотодесантный и парашютно-десантный, которые активно применялись на учениях ряда военных округов. Высокие потенциальные возможности нештатных воздушно-десантных подразделений способствовали созданию штатных подразделений. В СССР создаются авиабригада и несколько батальонов особого назначения. Эти факты убедительно говорят о первенстве СССР в создании воздушно-десантных войск.

Начиная с 1934 г. на учениях военных округов нашей страны регулярно применялись воздушные десанты численностью от нескольких сот до нескольких тысяч парашютистов. На учения Киевского военного округа в сентябре 1935 г. были приглашены иностранные военные специалисты, которые наблюдали выброску десанта в количестве 1200 человек. Демонстрация Советским Союзом своих успехов в развитии воздушно-десантного дела произвела большое впечатление, что видно из многочисленных высказываний иностранной прессы того времени. Так, известный английский военный писатель Эрнст Генри в 1936 г. писал: «Несомненно, что в важнейшей

новой области авиационной тактики – массовом парашютизме, массовом воздушном десанте целых полков пехоты позади неприятельских линий – Советский Союз до сих пор пользуется своего рода “монополией”» [1, с. 44].

Впечатляющие успехи Красной армии в осуществлении крупных воздушных десантов положили конец теоретическим спорам о том, нужны или не нужны воздушно-десантные войска. Европейские страны, а позже и США в спешном порядке приступили к созданию у себя парашютных десантных частей.

Насколько США были впереди планеты всей в области внедрения парашюта как средства спасения летчиков, настолько Советский Союз оказался мировым лидером в развитии воздушно-десантного дела. В этой области американцы вынуждены были догонять СССР, и то их побудили к созданию парашютных частей не столько успехи нашей страны в развитии ВДВ, сколько успешное применение воздушных десантов Германией в начавшейся Второй мировой войне.

Только с 1940 г. в США началось формирование первого парашютного батальона, ядром которого стал опытный парашютный взвод, созданный несколько ранее в том же 1940 г. Батальон был укомплектован добровольцами из солдат, прослуживших не менее 12 месяцев, холостяков, в возрасте от 21 до 32 лет, ростом не менее 1,67 м и не более 1,88 м, весом не менее 48,5 кг и не свыше 74 кг. Командный состав батальона набирался из офицеров с должности не ниже командира роты и по возрасту не старше 35 лет [6, с. 361].

Весь состав батальона при приеме подвергался испытаниям, цель которых – определить их физическую выносливость, силу, сообразительность, инициативность, решительность и мужество. Кроме того, парашютисты должны были уметь свободно читать карту, делать наброски местности, пользоваться радиоаппаратурой, применять взрывчатые ве-

щества, производить разрушения, владеть всеми видами вооружения и техники батальона.

Обучение парашютным прыжкам в США было давно организовано, но для военных парашютистов был выработан особый учебный курс по прыжкам, состоявший из 4-х непрерывно прогрессирующих стадий, выполнявшихся с парашютной вышки. Задача 1-й стадии обучения – устранить следы страха или неуверенности у обучаемого. Она сводилась к спуску, сидя на привязанном парашюте. На 2-й стадии спуск производился на привязанных к вышке парашютах, но в полном снаряжении, с устранением влияния ветра. 3-я стадия называлась «свободный спуск с открытым парашютом», когда учащийся, сносимый ветром, спускался с парашютной вышки в нормальных условиях. При таком обучении он тренировался в приемах, связанных со спуском, приземлением и обращением с парашютом на земле. 4-я стадия – «привязной спуск со сложенным парашютом»: курсант изучал на практике приемы по спуску и самостоятельному выдергиванию кольца из парашюта. Только после прохождения этих стадий обучения обучаемые допускались к прыжкам с самолета [6, с. 363].

Наибольших успехов в воздушно-десантном деле во второй половине 1930-х гг. добилась фашистская Германия, где под руководством Розенберга было создано 4 парашютных центра, в каждом из которых готовилось по тысяче человек в год [1, с. 217]. В этих центрах специальной боевой подготовке парашютистов уделялось исключительно большое внимание. Парашютисты были хорошо обучены тактике боевых действий в тылу противника при отрыве от своих главных сил, умению вести уличные бои, управлять различными видами транспортных средств, владению техникой беспроводной, проволочной, световой и оптической связи, пользованию автоматическим оружием [7, с. 172].

Спорными в области воздушно-десантного дела оставались только вопросы тактики воздушных десантов и защиты от них. Громадное воздействие на решение этих вопросов оказала начавшаяся 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война, в ходе которой были широко апробированы различные способы применения воздушных десантов.

Их успеху способствовало создание мощной транспортной авиации в Германии, которая могла перебросить воздушным путем сотни и тысячи парашютистов. Для переброски десантов использовались четыре основных типа самолетов: Юнкерс Ю-52 (вмещал 20 вооруженных бойцов), Фокке-Вульф «Кондор»-200 (до 35 бойцов), Юнкерс Ю-88 и пассажирский 40-местный самолет Юнкерс-90.

В Германии были созданы парашютно-десантные дивизии, насчитывавшие около 5000 человек. В батальоне было 500 парашютистов. Отдельные задания выполнялись ротами, взводами и отделениями. В роте было 3 взвода (по 15 человек в каждом), взвод состоял из 3 отделений (по 5 человек в каждом). Отделения были стрелковые, пулеметные, специальные.

Имелись и специальные части: подрывников – для захвата долговременных огневых точек, для разрушения крупных транспортных, промышленных и коммунальных сооружений в тылу противника; мотопарашютной пехоты – для совместных действий с прорвавшимися в тыл мотомеханизированными соединениями; собственно авиационной парашютной пехоты – для совместных действий с авиадесантами при захвате городов, аэродромов; были подразделения для совместных действий с силами морской пехоты и ВМФ на побережье. Выбрасывались парашютные десанты в целях точности и скученности приземления с высоты 100–200 метров [7, с. 172–173].

В целом Германия смогла к началу Второй мировой войны хорошо подготовить достаточно крупные парашютно-десантные войска, причем в целях введения в заблуждение вероятных противников она каждый раз их применяла по-разному. Так, при захвате Польши было выброшено большое количество мелких десантов для диверсионной и разведывательной деятельности, сеявших панику как среди населения, так и в армии Польши.

Совершенно по-другому Германия действовала при захвате Норвегии. После отклонения правительством этой страны ультиматума немцы открыто, днем высадили воздушный десант на аэродром Осло и захватили его почти без сопротивления. Так же были захвачены и другие аэродромы, т. к. они не охранялись, противовоздушной обороны не имели. В итоге немцы быстро заняли стратегические пункты Норвегии – города Осло, Тронхейм и Нарвик, что упредило высадку Англией своих войск для оказания помощи этой стране. Высадка морских десантов в других пунктах Норвегии способствовала оккупации страны в течение двух месяцев.

Такое применение десантов в Польше и Норвегии говорило о маловероятной выброске крупных парашютных десантов, и к борьбе с ними очередные жертвы фашистской Германии – Голландия и Бельгия – были не готовы. В то же время в Голландии в течение только 10 мая 1940 г. немцы выбросили около 12000 парашютистов, которые захватили мосты, плотины, шлюзы и тем самым обеспечили быстрое продвижение германских войск. Кроме того, было выброшено много мелких диверсионных групп, создававших впечатление, что враг везде. В итоге через 6 дней после начала вторжения Голландия капитулировала [8, с. 307].

Парашютные десанты широко применялись Германией и в войне с Бельги-

ей, где они захватили переправы, обеспечив продвижение войск. При захвате Льежского укрепрайона немцы впервые высадили десант с помощью планеров, которые приземлились на ограниченной посадочной площадке на территории форта Эйбен-Эмаель внутри его оборонных сооружений. Этот форт был ключом всего укрепрайона [2, с. 51–52]. Через 18 дней Бельгия капитулировала.

Таким образом, можно констатировать, что применение воздушных десантов сыграло большую роль в разгроме и захвате Норвегии, Голландии и Бельгии. Эти страны были гораздо слабее Германии в военном отношении, но свою роль сыграли фактор новизны применения нового рода войск и фактор неожиданности его появления на поле боя.

Франция в определенной степени была готова к отражению десантов, т. к. факторы новизны и неожиданности их применения отсутствовали, да и в военном отношении Франция была более сильной страной, чем предыдущие жертвы агрессии Германии. Выброшенный немцами в Шампани десант был окружен и уничтожен. И хотя фашисты и в дальнейшем выбрасывали десанты во Францию, но применялись они в меньших размерах и с меньшим успехом, чем это было в предыдущих странах.

Большие надежды Германия возлагала на свои парашютно-десантные войска при захвате Англии. С этой целью парашютистов обучали прыжкам в населенные пункты – на улицы и крыши домов. Но вторжение не состоялось, т. к. Англия выдержала воздушный натиск немцев и укрепила оборону своих островов.

После этого Германия решила захватить греческий остров Крит, на котором размещался английский гарнизон, для установления своего господства в Средиземном море. Остров был захвачен в результате крупной воздушно-десантной

операции, для которой было привлечено 2 парашютных и 4 посадочных авиадесантных дивизии общей численностью 37 тысяч человек. Для перевозки этих войск использовалось 700 боевых и 600 транспортных самолетов. Имея 26 тысяч человек, разбросанных по всему острову, и всего 2 эскадрильи самолетов, англичане оказали упорное сопротивление. Победа фашистами была достигнута, но ценой больших потерь – 12 тысяч парашютистов, 180 боевых и 250 транспортных самолетов.

Опыт применения воздушно-десантных войск в первые годы Второй мировой войны показал, что, кроме фактора неожиданности, внезапности их применения, для успеха десантных операций требуется еще ряд факторов. Действия десантов по задачам и по времени должны быть увязаны с действиями наземных войск. На десанты следует возлагать не столько самостоятельные, сколько вспомогательные задачи по содействию операциям наземных войск, т. к. в тот период воздушные десанты имели в своем распоряжении в основном только легкое стрелковое вооружение. Задачи перед десантами не могут превышать 5–7 дней, т. к. без поддержки наземных войск они будут уничтожены. Для успешной высадки или высадки десантов должны быть подавлены противодесантные средства противника. Именно поэтому перед высадкой десантов в Бельгии и Голландии немцы нанесли удар по 72 аэродромам на территории этих стран и Северной Франции. И конечно необходима постоянная разведка мест высадки десанта и прилегающей территории.

Обобщив опыт применения Германией воздушных десантов в 1939–1941 гг., один из специалистов в области воздушно-десантного дела в предвоенные годы А. Н. Кузьменко пришел к выводу,

что «исходя из условий и особенностей действий воздушных десантов, на них могут возлагаться следующие задачи:

1. Захват рубежей, переправ и пунктов, являющихся важными для всей операции, и удержание их до подхода наземных войск. Упреждение противника в захвате этих рубежей.

2. "Охват сверху" группировки противника с целью содействия своим войскам в уничтожении ее.

3. Содействие своим войскам в прорыве оборонной полосы противника ударом с тыла.

4. Усиление частей своих войск, попавших в окружение.

5. Партизанские действия в тылу войск противника.

6. Диверсионные задачи – разрушение железнодорожных мостов, станций, перегонов, промышленных объектов оборонного значения, электростанций, плотин, захват аэродромов и т. д.» [8, с. 309].

Сегодня боевая мощь Воздушно-десантных войск несравнима с периодом 1930-х гг., но тем не менее условия, обеспечивающие успех десантных операций, а также возлагаемые на них задачи сохраняют актуальность и по настоящее время.

Вполне естественно, что Советский Союз внимательно изучал опыт применения воздушных десантов Германией в странах Западной Европы. Результатом этого в том числе стала серия статей на данную тему в открытых источниках – журналах «Вестник воздушного флота» (на них имеются ссылки в настоящей публикации), «Самолет» (Минов Л. Подготовка парашютистов в Германии. 1941. № 6. С. 33–34; Смирнов М. Десанты в глубоком тылу. 1940. № 13-14. С. 42–44; Крымов С. Воздушная пехота. 1940. № 9-10. С. 13–15 и ряд других), а также в ряде центральных газет: «Правда» (Соколов С. Воздушные десанты в современной войне. 1940. 24 мая и др.), «Красная Звез-

да» (Лозовой-Шевченко В. Воздушные десанты. 1940. 21 мая и др.).

В публикациях остро поднимался вопрос о совершенствовании десантной подготовки советских парашютистов, об организации борьбы с воздушными десантами вероятного противника. Все эти идеи нашли отражение в курсах учебной спортивно-парашютной подготовки, а также в перестройке оборонно-массовой работы Осоавиахима накануне Великой Отечественной войны. Не все мероприятия по усилению противодесантной обороны тыла входили в компетенцию Осоавиахима, но в реализации каждого из них самое активное участие принимали организации этого массового оборонного общества.

В частности, для борьбы с воздушными десантами фашистов были созданы специальные истребительные батальоны из трудящихся, военной подготовкой которых без отрыва от производства занимался Осоавиахим. Таких батальонов численностью до 200 человек в каждом в июле 1941 г. было 1755 [9].

Для охраны предприятий военного значения, других важных объектов, мостов, дорог были созданы специальные группы. Важную роль сыграла организованная широкая сеть постов ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи). В работу этих структур было вовлечено достаточное количество населения, которое было обучено борьбе с воздушными десантами, и оно само уничтожало небольшие десанты врага без привлечения войск. Если выбрасывался крупный десант, то задача населения была парализовать действия десанта до подхода своих войск.

Обучение населения борьбе с воздушными десантами было возложено на Осоавиахим. Проанализировав состояние военного обучения с трудящимися в свете требований начавшейся Второй мировой войны, а также советско-

финляндской войны, Центральный Совет Осоавиахима в июле 1940 г. принял решение коренным образом перестроить систему военной подготовки трудящихся, максимально приблизив ее к требованиям войны с переносом центра тяжести боевой подготовки в полевые условия.

С этой целью была перестроена организационная форма обучения осоавиахимовцев: при первичных организациях Осоавиахима создавались группы в составе 10–15 человек и команды из 4-х групп (40–60 человек); при районных (городских) советах и крупных первичных организациях формировались отряды из 3-х команд и 2-3 спецгрупп (150–225 человек). Группы комплектовались по отдельным специальностям (стрелки, связисты и пр.), команды состояли из однородных групп, отряды – из однородных команд с включением групп пулеметных, авто-мото и др. Возглавляли эти структуры командиры запаса – члены Осоавиахима [10].

В марте 1941 г. ЦС Осоавиахима издал директиву об обучении осоавиахимовских групп, команд и отрядов способам борьбы с воздушными десантами. В ходе обучения изучались темы: наблюдение за воздухом; подразделение в разведке, в преследовании десанта противника, в наступлении на десант противника; окружение и уничтожение десанта; подразделение в охране объекта, в сторожевом охранении. Все занятия проводились на местности.

Осоавиахимовцев учили распознавать самолеты врага, вести наблюдение за их полетом, разведывать места выброски десантов, следить за их передвижением и быстро передавать в соответствующие структуры сведения о выброшенных парашютистах всеми доступными средствами. Все это требовало хорошего знания местности, умения читать карты и схемы [2, с. 55–56].

Противодесантная подготовка осоавиахимовцев была дополнена подобной подготовкой местного населения с организацией массовых учений в поле по решению вышеперечисленных тактических задач, в которых участвовало до 100 тыс. человек. К этим учениям привлекались не только подразделения Осоавиахима, которые были организующей силой учений, но и аэроклубы, клубы технической связи, группы самозащиты, пожарные команды, отряды самообороны из населения.

Учениям предшествовала большая подготовительная и организационная работа: разрабатывались планы учений, население знакомили с действиями авиации и способами борьбы с десантами, формировали и обучали отряды самозащиты, посты ВНОС. В учениях участвовали буквально все и каждому находили дело: одни вели разведку сброшенных десантов; другие патрулировали дороги, охраняли подступы к различным объектам (мостам, переправам, складам и т. д.); многие были заняты в санитарных дружинах, пожарных командах и пр.

Итогом этой громадной массовой оборонной работы, проведенной организациями Осоавиахима под руководством партийных и советских органов, стал полный провал планов вермахта расстроить наш тыл при помощи диверсий, совершенных выброшенными воздушными десантами. Десанты уничтожались до того, как они могли причинить вред. Попытки достичь своих целей выброской более крупных десантов (100–150 парашютистов) также провалились.

Выводы

1. Развитие авиации в начале XX в., а также изобретение ранцевого парашюта нашим соотечественником Г. Е. Котельниковым со временем способствовали зарождению и бурному развитию нового

рода войск – воздушно-десантных. Родиной ВДВ является Советский Союз.

2. Применение Германией воздушных десантов во Второй мировой войне в ряде западных стран Европы способствовало достижению быстрой победы над ними. Причиной этого была не только военная слабость данных стран, но и внезапность применения десантов, а также неготовность населения к борьбе с десантами.

3. В Советском Союзе воздушно-десантное дело в 1930-е гг. было развито достаточно высоко. В то же время своевременное изучение опыта применения Германией воздушных десантов на Западе, принципиальная оценка уровня подготовки своего населения к борьбе с воздушными десантами врага позволили вскрыть проблемы в противодесантной подготовке как членов Осоавиахима, так и населения страны, принять соответ-

ствующие меры для их ликвидации и качественной подготовки населения к борьбе с десантами. Результатом этой работы стал полный провал немецко-фашистского командования по достижению поставленных целей с помощью использования воздушных десантов.

Рекомендации

Практической рекомендацией по итогам исследования по заявленной автором теме может быть изучение опыта противодесантной подготовки населения нашей страны накануне Великой Отечественной войны, его активное использование и применение в настоящее время, особенно в тех регионах, которые потенциально являются или могут быть возможными для различных проявлений терроризма.

Список литературы

1. Забелин М. Парашют на службе империализма // Мужество: сб. / под ред. М. Забелина и В. Пронина. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Молодая гвардия, 1937. С. 210–217.
2. Жабров А. А. Парашютизм и планеризм на войне. М.: Редиздат ЦС Союза Осоавиахим СССР, 1945. 87 с.
3. Парашютизм // Самолет. 1933. № 11. С. 30.
4. Котельников В. Р. Красный десант: советские воздушно-десантные войска в предвоенный период 1930–1941. М.: Русские Витязи, 2014. 200 с.
5. Макнаб К. Fallschirmjäger. Парашютисты III рейха / пер. А. Калина. М.: Эксмо, 2005. 176 с.
6. Организация парашютно-десантных частей в армии США // Вестник Воздушного флота. 1941. № 4. С. 361–363.
7. Организация и снаряжение германских парашютно-десантных войск // Вестник Воздушного флота. 1941. № 2. С. 172–173.
8. Кузьменко А. Н. Воздушные десанты в современной войне // Вестник Воздушного флота. 1941. № 4. С. 307–310.
9. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне: Kirzag... [Электронный ресурс]. URL: <https://Kirzag.livejournal.com>> (дата обращения: 21.06.2019).
10. Кобелев П. О перестройке военного обучения членов Осоавиахима // На страже. 1940. 17 июля. С. 2.

Поступила в редакцию 26.07.19

Подписана в печать 20.08.19

References

1. Zabelin M. Parashyut na sluzhbe imperializma. *Muzhestvo*: sb.; ed. by M. Zabelin i V. Pronin. 2th ed. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1937, pp. 210–217.
2. Zhabrov A. A. Parashyutizm i planerizm na voine. Moscow, Redizdat TsS Soyuzo Osoaviakhim SSSR, 1945. 87 p.
3. Parashyutizm. *Samolet*, 1933, no. 11. pp. 30.
4. Kotel'nikov V. R. Krasnyi desant: sovetskie vozdushno-desantnye voiska v predvoennyi period 1930–1941. Moscow, Russkie Vityazi Publ., 2014. 200 p.
5. Maknab K. Fallschirmjäger. Parashyutisty III reikha; translitor A. Kalin. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 176 p.
6. Organizatsiya parashyutno-desantnykh chastei v armii SShA. *Vestnik Vozdushnogo flota*, 1941, no. 4, pp. 361–363.
7. Organizatsiya i snaryazhenie germanskikh parashyutno-desantnykh voisk. *Vestnik Vozdushnogo flota*, 1941, no. 2, pp. 172–173.
8. Kuz'menko A. N. Vozdushnye desanty v sovremennoi voine. *Vestnik Vozdushnogo flota*, 1941, no. 4, pp. 307–310.
9. Istrebitel'nye batal'ony v Velikoi Otechestvennoi voine: Kirzag... URL: <https://Kirzag.livejournal.com>> (accessed 21.06.2019).
10. Kobelev P. O perestroike voennogo obucheniya chlenov Osoaviakhima. *Na strazhe*, 1940, 17 July, pp. 2.

Received 26.07.19

Accepted 20.08.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Юдахин Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор базовой кафедры электронные технологии управления системой менеджмента качества, лауреат Государственной премии им. Г.К. Жукова, Научно-исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Зеленоград, Российская Федерация
e-mail: yudahin@deyton.ru

Yuri A. Yudakhin, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Basic Department of Electronic Technology for Management of the Quality Management System, Laureate of the State Prize named after G.K. Zhukov, Research University “Moscow Institute of Electronic Technology”, Moscow, Zelenograd, Russian Federation
e-mail: yudahin@deyton.ru

Анонсы на страницах южнороссийской прессы как реклама в деле становления и развития театрального искусства в Крыму (XIX – начало XX века)

С. П. Шендрикова¹ ✉

¹ Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялта ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Российская Федерация, 298635, Ялта, ул. Севастопольская, 2А

✉ e-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Театр всегда являлся одним из важнейших видов искусства. На всех этапах своей истории он был призван воспитывать и развивать общество в лучших гуманистических традициях. Процесс становления театральной жизни в Крыму, регионе с многовековыми культурными и многонациональными историческими традициями, требует целостного и глубокого исследования. Особый интерес вызывает период XIX – начала XX века, когда в Российской империи наблюдалось активное развитие профессионального театрального общественного движения. Театральные же анонсы на страницах местной и отечественной прессы имперского периода позволяют не только получить представление о репертуаре, актерском составе местных и гастролирующих трупп, качестве рекламируемых постановок, но, наряду с этим, позволяют выявить и этапы развития этого вида искусства на полуострове. Изучение истории театрального наследия решает не только научно-просветительские задачи, но и выполняет воспитательные функции для крымского общества; консолидирует ведущий научный, творческий и гражданский потенциал крымчан, стимулирует привлечение к теме театрального искусства в Крыму особого внимания со стороны историков, филологов, философов, этнологов, культурологов, искусствоведов.

Цель – определение роли театральных анонсов, которая квалифицируется нами как печатное свидетельство о деле развития и популяризации театрального искусства на полуострове в XIX – начале XX века.

Задачи: на основе содержания текстов анонсов выявить характерные черты каждого конкретного периода истории крымского театра; показать основные тенденции театральной жизни, которые отражались в театральных рекламных материалах.

Методология. В ходе работы были использованы логические методы исторического исследования, которые базируются на основных принципах теории познания, прежде всего анализ и синтез, а также обобщение. Вместе с тем характер исследуемой проблемы и состояние источников потребовали значительных отступлений от хронологического и проблемно-хронологического методов. В начальной части данного исследования использовались преимущественно общелогические методы исторического исследования. Применен был также метод исторической ретроспекции, использование которого стало необходимым в силу скудности материалов из периодики по ранним десятилетиям истории крымского театра. В основной части, помимо упомянутых, при определении временных рамок и характерных черт основных периодов истории театра в Крыму были применены хронологический и проблемно-хронологический методы.

Результатом анализа представленных анонсов из южнороссийской периодической печати XIX – начала XX века является определение их роли и значения на различных этапах театральной истории Крыма.

Выводы исследования заключаются в установление тесной связи информационного контента анонсов с популяризацией на полуострове театрального искусства среди достаточно широких слоев как местных жителей, так и гостей края, а также определение степени влияния рекламы в периодической печати на развитие театрального искусства Крыма.

Ключевые слова: театр; анонс; гастроли; пресса; газета; реклама; постановка; благотворительность; полуостров; Крым.

© Шендрикова С.П., 2019

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шендрикова С. П. Анонсы на страницах южнороссийской прессы как реклама в деле становления и развития театрального искусства в Крыму (XIX – начало XX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 248–258.

UDC 792 (470+292.471) «18/19»

Announcements on the Pages of the South Russian Press as Advertisement in the Case of Formation and Development of Theater Art in Crimea (XIX – the Beginning of the XX Century)

Snezhana P. Shendrikova¹ ✉

¹ Humanitarian Pedagogical Academy, branch of the Crimean Federal Vernadsky University in Yalta, 2A, Sevastopolckaya str., Yalta, 298635, Russian Federation

✉ e-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

Abstract

Relevance. The theater has always been one of the most important art forms. At all stages of his history, he was called to educate and develop society in the best humanistic traditions. The process of formation of theatrical life in Crimea, a region with centuries-old cultural and multinational historical traditions, requires a holistic and in-depth study. Of particular interest is the period of the 19th - early 20th centuries, when the active development of the professional theatrical social movement was observed in the Russian Empire. Theatrical announcements on the pages of the local and domestic press of the imperial period not only provide an idea of the repertoire, the cast of local and touring troupes, the quality of advertised performances, but also highlight the stages of the formation and development of this art form on the peninsula. Studying the history of theatrical heritage solves not only scientific and educational tasks, but also performs educational functions for the Crimean society; consolidates the leading scientific, creative and civic potential of Crimeans, requires special attention from historians, philologists, philosophers, ethnologists, cultural experts, art historians.

Goal and tasks. The purpose and objectives of this scientific work is to determine the role and place of theatrical announcements from publications of the Crimean and South Russian periodicals of the 19th - early 20th centuries. in the dissemination, popularization and qualitative development of theatrical art on the peninsula.

Methodology. During the work, logical methods of historical research are used, which formulate the basic principles of the theory of knowledge. When using these methods, specifics were introduced regarding the purpose of the study and the tasks to be solved. In this context, first of all, one should recall analysis and synthesis, analogy and comparison, logical modeling and generalization.

Results. The result of the analysis of historical experience in this scientific article is the determination of the place and role of theatrical announcements from publications in the South Russian periodical of the 19th - early 20th centuries. in the context of the formation and development of theatrical art in Crimea.

Conclusion. The conclusion of the study is the idea of close connection of the informative cluster of announcements with the popularization of theatrical art on the peninsula among the masses of both local residents and guests of the region, as well as the direct influence of advertising from periodicals on the development of theatrical art of Crimea.

Keywords: theater; announcement; tour; press; newspaper; advertising; staging; charity; peninsula; Crimea

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shendrikova S. P. Announcements on the Pages of the South Russian Press as Advertisement in the Case of Formation and Development of Theater Art in Crimea (XIX – the Beginning of the XX Century). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, 9(4): 248–258 (in Russ.).

Введение

Наступивший 2019 г. объявлен Годом театра, старт которому дал сам Президент страны Владимир Путин в Ярославле 13 декабря 2018 г., где в свое время зародился национальный театр России. Прежде, чем говорить о театральных анонсах на страницах периодической печати, следует заглянуть в историю становления русского профессионального театра, основателем которого в 1750 г. был ярославский купец Федор Григорьевич Волков. Безусловно, театральное искусство, как одно из прогрессивных, модных, ярких, наиболее активно развивалось в столице и крупных городах Российской империи. Однако исследователи отмечают, что массовое распространение театрального искусства в российской провинции приходится на первую половину XIX в. [1, с. 172–173] В этой связи следует выделить два момента: во-первых, на данный период приходится основание первого в Крыму театра в г. Симферополь; во-вторых, в силу своей новизны театр нуждался в рекламе, дабы стать популярным в широких слоях населения. В этом ключе необходимо сослаться на публикацию в журнале «Русское богатство» за 1883 г., который, говоря о значении театрального искусства в обществе, в одном из своих номеров привел слова классика русской литературы Н. В. Гоголя: *«Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти-шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собой, разбирая ее по единицам, может вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра»* [2, с. 172–173].

Следует отметить, что театральная реклама в периодике представляет собой

целый комплекс неоднозначных публикаций. Это и объявления о спектаклях, отзывы и рецензии на прошедшие представления, очерки об отдельных деятелях театральной сцены. Прибавьте к этому объявления о благотворительных представлениях, открытии новых театральных зданий, вопросы размещения рекламы в театре, борьбу со злоупотреблениями при продаже билетов и мы получаем далеко не полную палитру публикаций в прессе, которая, так или иначе, выполняет функции явной или скрытой рекламы. Процесс этот многопланов. Периодическая печать, помещая различные материалы рекламного характера (объявления, рецензии, отзывы (хвалебные и критические)), повышает как информированность публики, так и требовательность ее к уровню театрального представления, возросшие требования публики заставляют антрепренеров и дирекции театров более тщательно относиться к подбору репертуара и к отбору гастролирующих трупп и отдельных артистов. Таким образом, материалы рекламных анонсов дают толчок многоступенчатому процессу, ведущему к развитию театрального искусства (в данном случае, в Крыму).

Методология

Методология данного исследования основана на общелогических методах, в числе которых: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, идеализация, индукция, дедукция. Кроме того, применены такие методы, характерные для исторического исследования, как хронологический и проблемно-хронологический, а также метод исторической ретроспекции. В начальной части исследования преобладают общелогические методы и метод исторической ретроспекции, а в основной его части заметную роль играют также проблемно-хронологический и хронологический методы.

Результаты и их обсуждение

Результатом анализа исторического опыта в данной научной статье является определение места и роли театральных анонсов из публикаций в южнороссийской периодической печати в контексте популяризации и распространения театрального искусства в провинциальном Крыму в XIX – начале XX в. Исследование темы позволяет прийти к выводам о наличии тесной связи информативного контента театральных анонсов с популяризацией на полуострове театрального искусства среди жителей и гостей края.

Начиная разговор об истории становления первого крымского театра, целесообразно привести содержание заметки из «Театрального журнала», в которой отмечалось, что в Симферополе «...существует Храм Мельпомены. Снаружи никакого вида, но внутри он довольно опрятный и производит выгодное впечатление» [3]. В иных источниках подобной информации не сохранилось. Таким образом, благодаря театральной рекламе на страницах периодической печати XIX в. сегодня мы имеем крупицы ценнейших сведений о «первых шагах» театральной истории Крыма. Опять же о состоянии первого театра полуострова, но уже полвека спустя, можно прочитать в крымской периодике: «С текущего года наш обветшалый, сырой храм Мельпомены перешел к Новикову (один из известнейших крымских антрепренеров XIX в. – Авт.). Так или иначе, труппа у нас существует и труппа вполне приличная» [4]. Благодаря приведенным заметкам становится известно о первых шагах театральной истории на полуострове. Можно, конечно, подвергнуть сомнениям подобную информацию, ссылаясь на журналистскую необъективность, человеческий фактор и прочие подобные моменты, но

именно такая реклама дает нам первые наметки театральной истории Крыма.

Вместе с тем нужно сказать, что, как только театр стал общедоступным и довольно популярным местом препровождения вечернего досуга для симферопольцев, предприимчивые крымчане со временем поставили театр не только на службу искусству, но и использовали его в угоду своей коммерческой выгоде. Об этом свидетельствует заметка от 24 марта 1890 г. с обращением: ввиду «...предстоящего открытия театрального сезона, просим господ абонентов, помещающих свои объявления на театральном занавесе, внести за них деньги. Лица, желающие поместить на занавесе объявления, благоволят обращаться к инспектору городского театра...» [5]. Заметка относится к началу 1890-х гг., но сама практика помещения подобных объявлений, судя по тексту, существовала и ранее, поскольку объявление адресовано абонентам, уже помещавшим свою рекламу на театральном занавесе.

Справедливости ради, следует отметить, что в периодической печати того времени информация касалась прежде всего театральной деятельности. Например, заметка следующего содержания: «Около двух лет жители Симферополя оставались в ожидании театральных представлений, но с наступлением осени и наша сцена оживилась труппою господина Жураховского» красноречиво говорит о состоянии и уровне культурной жизни крымской столицы в 1842–1844 гг. [6] Благодаря все той же театральной рекламе на страницах местной прессы абсолютно точно обозначается отсутствие театральной жизни и каких-либо культурно-развлекательных мероприятий, например, в период Великого поста, согласно установившейся в православии традиции. В этом ключе можно привести

следующие примеры: 1) «...до Великого поста 1845 г. в Симферополе выступала труппа антрепренера Зелинского из Одессы» [6]; 2) «С последним днем масляной отошел, наконец, в вечность многострадальный театральный сезон 1887–1888 гг., оставивший в истории Симферопольского театра довольно печальную страницу» [7].

Дав краткую характеристику обстановки, в которой зародилось театральное дело на полуострове, определив наиболее характерные типы анонсов рекламного характера, размещенных в южнороссийской прессе и имеющих отношение к развитию театра в Крыму, можно выделить основные периоды театральной жизни на полуострове.

Театральные заметки дореволюционной крымской периодики красноречиво говорят о том, что на начальной стадии становления крымского театра, в первой половине XIX в. в Симферополе, и в целом в Крыму, не было стационарной труппы. Театральные сезоны обеспечивали или гастролирующие коллективы или отдельные артисты. Так, в первой половине 1846 г. на театральных подмостках Симферополя выступали «...какие-то странствующие Тирольцы, пародировавшие какие-то народные песни, да некогда известные знаменитости. Группой руководила госпожа Кастеллон-Кайни» [8]. Но самым значимым событием упомянутого театрального сезона для крымчан стал приезд в Симферополь законодателя русского реалистического театра М. С. Щепкина. Заметки крымской прессы об этом говорят следующее: «За несколько дней до того вечера, в котором мы увидели Щепкина на нашем скромном театре, только и речи было, что о Щепкине. Гостиница, в которой он остановился («Золотой якорь». – С.Ш.), постоянно была осаждаема любопыт-

ными...» [8]. Привлекает к себе внимание и заметка следующего содержания: «...некоторыми степенными мусульманами, мало понимавшими язык русский, но от души хохотавшими, смотря на необыкновенно естественный комизм его игры» [8]. Данная информация дает право нам сделать следующий вывод: крымские татары, пусть и не массово, все же посещали театр уже в 40-е годы XIX века, несмотря на незнание русского языка. Наряду с этим, опять же ссылаясь на периодику того времени, следует отметить, что «в Симферополе, во всех кругах и условиях, заметна любовь к театру, что много говорит в пользу образованности города» [9].

На фоне активной популяризации театрального искусства в культурной жизни крымчан имела место, как, собственно, и ныне, спекуляция театральными билетами. Причиной этому был начавшийся с середины XIX в. (в том числе благодаря активизации рекламы через местную периодику) Симферополь переживал так называемый «театральный бум». Иллюстрацией этого явления может быть заметка, правда несколько более позднего времени, но отражавшая и нравы недавнего прошлого. Газета «Салгир» за январь 1902 г. опубликовала злободневную заметку о перекупщиках билетов на спектакли в Дворянском театре: «Господину Симферопольскому полицеймейстеру на днях стало известно, что <...> в дворянском театре появляются некоторые лица, преимущественно малолетние, которые, закупаая билеты в кассе театра по установленной цене, потом за увеличенную цену перепродают их. Вследствие этого г. [господин] полицеймейстер поручил чинам полиции, дежурящим в театре, иметь строгое наблюдение за недопущением таких спекуляций» [10]. Резюмируя вышесказанное, можно предпо-

ложить, что гастроли известных (и не очень) столичных коллективов и артистов в первой половине XIX в. (с 1821 до середины 1840-х гг. (сезон 1845–1846 гг.) стали неким начальным, или первым этапом в деле становления и развития театральной истории Крыма. И определенную роль в этом сыграла реклама, различными способами популяризовавшая новое неизвестное тогда еще в крымской среде искусство.

Начиная характеристику второго этапа истории театра в Крыму и продолжая тему гастролей, представляется необходимым упомянуть имя одного из величайших отечественных актеров XIX в. Речь идет о М. Т. Иванове-Козельском. Благодаря беспристрастному служению сцене и природному таланту артист стал одним из активных сподвижников становления профессионального театра в российской провинции. В рамках творческих поездок по югу России знаменитый гастролер дважды побывал в Крыму со своими спектаклями: в начале и в конце 1888 г. Свои выступления М. Т. Иванов-Козельский начал в Симферополе 26 января в роли Сергея Артамонова в пьесе «От судьбы не уйдешь». Об этом сообщала местная пресса того времени [11]. Еще одним ярким примером гастролей знаменитых артистов является пребывание в июле 1896 г. артиста Санкт-Петербургского императорского Александринского театра М. В. Дальского, который играл в комедии Куликова «Которая из них?» [12]. В этом ключе значимым событием в театральной жизни Симферополя стал и приезд известной актрисы Санкт-Петербургских императорских театров В. Ф. Комиссаржевской, которая 8, 9 и 10 марта 1902 г. выступала в симферопольском городском клубе с тремя гастрольными спектаклями [13].

На фоне и под влиянием активных гастролей столичных артистов, с 40-х годов XIX века сформировалось любительское театральное движение в лице поклонников театра, представителями которого стали обычные горожане. Так, в конце декабря 1845 г. на сцене городского театра был поставлен любительский спектакль «Записки Демона», о чем стало известно благодаря местной прессе. Возвелись силами местных любителей – артистов вызвал бурю положительных эмоций: *«Представление было блистательно, произвело всеобщий, неподдельный восторг, все места были заняты...»* [14].

Для культурологов, искусствоведов и литераторов очень интересной, на наш взгляд, представляется информация театральных анонсов касательно репертуара театральных подмостков Крыма. Так, во второй половине XIX в. для симферопольцев был поставлен ряд драматических произведений, среди которых можно выделить: пьесу «Злоба дня» выдающегося русского драматурга, почетного академика Императорской Санкт-Петербургской академии наук по разряду изящной словесности А. А. Потехина (1829–1908 гг.) [15], пьесу «Нина» Д. А. Мансфельда, пьесу «Казнь» известного санкт-петербургского артиста и драматурга, автора популярных «репертуарных пьес» Григория Ге [16], а также пьесу А. Н. Островского «Сиротка-страдалица» [17]. Благодаря опять-таки крымской периодике доподлинно известно, что на полуострове, кроме драм и комедий, в XIX в. широко был представлен музыкальный жанр театра в лице оперы и оперетты. Так, 21 мая 1900 г. труппа Салтыкова дала оперетту «Певец из Палермо». Помимо этого крымчане смогли посмотреть оперы «Евгений Онегин», «Демон», «Руслан и Людмила», «Гамлет» [18].

Из театральных анонсов XIX в. известно, что театральная жизнь того времени неотъемлемо была связана с благотворительностью. Об этом свидетельствует то, что в одном из театральных объявлений того времени говорится: «*В день открытия обновленного театра (27 декабря 1845 г.) состоялся благотворительный спектакль «...в пользу театрального здания»*» [14]. Уже в XIX в., на заре своей истории, театр активно сотрудничал с местной властью в лице Городской Думы и различных общественных организаций, например с «Попечительским обществом по вопросам беспризорных детей», что позволило театру устроить специальное помещение для чайной, а бывший буфет переоборудовать «под читальню» [19].

Конец XIX в. в крымской столице в плане театральной ее истории, связан с открытием новых сценических площадок для удовлетворения культурных потребностей горожан. Здесь следует вспомнить, что в это время театральные вечера довольно часто устраивались в «Летнем театре Симферопольского Городского сада» (здание не сохранилось. – *Авт.*) [17] и в «Городском Клубе», что располагался в доме Шнейдера на Приютинской улице (ныне улица им. Пушкина, 16, здание Центрального ЗАГС Симферополя. – *Авт.*) [20]. Открытие дополнительных театральных площадок в конце XIX в. в крымской столице красноречиво говорит о необходимости в Симферополе достойного театрального здания. Именно этой проблемой на тот момент озаботилась Городская Дума и ее депутаты. По вопросу о выборе места предстоящей постройки театрального здания гласные рассматривали четыре варианта. Некоторыми симферопольскими краеведами высказывается предположение, что одной из самых популярных в этом обсуждении ста-

ла площадка, на которой ныне построен кинотеатр «Симферополь». Так, исследователь В. Н. Гуркович основывает свою гипотезу на проекте архитектора Зайончковского, опубликованном в газете «Крым» 19 февраля 1904 г. [21] Почему вариант, набравший наибольшее количество голосов, не был воплощен в жизнь, на сегодняшний день остается загадкой. Но, так или иначе, осенью 1911 г. новое здание Дворянского театра в Симферополе по проекту академика Н. А. Бекетова было открыто. Справедливости ради следует отметить, что оно и на сегодняшний день является одним из центральных зданий крымской столицы. И сегодня Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького радует симферопольцев и гостей города достойными театральными постановками. Анализ этой информации позволяет вычлениить второй этап в деле становления и развития театрального искусства на полуострове. Характерными его чертами были, во-первых, создание местных самодеятельных коллективов достаточно качественного уровня; во-вторых, популяризация отечественной и зарубежной классики (во второй половине XIX в. частыми на крымских подмостках стали трудные для понимания широких зрительских кругов драмы, опера и т. д.); в-третьих, привлечение театрального искусства к решению проблем благотворительности; и, наконец, в-четвертых, массовое открытие достойных современных театральных зданий в ведущих городах полуострова в начале XX в. Хронологию же второго этапа можно ориентировочно определить серединой сороковых годов XIX – началом XX в. (до 1917 г.).

Обращаясь к периодике XIX – начала XX в. и театральной истории Крыма, нельзя игнорировать военно-революционное лихолетье 1917–1920 гг., которое

всколыхнуло не только всю Россию и ее регионы, а кровавым «военным маршем» пришлось по отдельным судьбам. Противостояние и хаос в политической и социальной сферах, экономический кризис, отсутствие элементарных условий для существования и прочие тяготы военно-революционного времени серьезно изменили привычное течение жизни крымчан. В газетных театральных афишах того времени стало традиционным давать информацию следующего характера: «...вход в театр допускается в верхнем платье» [22], и наоборот – «...театр отапливается» [23], хотя последнее встречалось очень редко и уже ближе к исходу Гражданской войны. Игравшие на сцене симферопольского театра актеры вспоминали: «1918, 19, 20, 21 год – Крым – голод, тиф, холера, власти меняются, террор: играли в Симферополе, Евпатории, Севастополе, зимой театр не отапливался, по дороге в театр на улице опухшие, умирающие, умершие; посреди улицы лошадь убитая, зловоние» [24, с. 43]. В этих условиях интеллигенция России не только продолжала работать – ставить спектакли, организовывать выставки, писать научные труды, но и принимала активное участие в общественной деятельности, стараясь найти общий язык с любой политической властью, не теряя при этом своего «лица» и не позволяя манипулировать своими убеждениями. Так, например, в воззвании ко всем неравнодушным к интересам искусства обращался А. А. Кудряшов: «...прекрасные слова Платона о том, что мир не будет совершенным до тех пор, пока цари не станут философствовать или философы не станут царствовать, остаются девизом многих. Всегда разделяя эту точку зрения, я хотел бы предложить всем, для кого дороги интересы искусства, будет ли то поэзия или живопись и музыка, со-

единить свои силы в Союз Любителей Искусства» [25].

Свидетельствуя о героизме людей в те годы, местная крымская пресса то и дело печатала афиши о бесплатных благотворительных спектаклях, концертах, праздниках в пользу раненых, голодающих, детей-сирот и подобные им фонды. Так, на страницах газеты «Таврический голос» за 9 января 1920 г. сообщалось о том, что в Театре Актера в городе Симферополе во время спектакля «Темное пятно», прошедшего с большим успехом, бенефициант А. П. Волжин обратился к публике с просьбой сделать пожертвования на борьбу с эпидемией тифа, в результате чего артистами театра был произведен сбор пожертвований среди публики, который дал 6 тыс. 734 руб. 45 коп. [26] В этот непростой для всей страны исторический период на полуострове наблюдался духовный, культурный и интеллектуальный расцвет. Одной из причин тому стало сосредоточение в Таврической губернии всей мощи российской научной и творческой интеллигенции. Именно в 1918 г. на полуострове был открыт первый в Крыму университет. И в этом же году силами труппы Драматического театра (бывшего Дворянского. – *Авт.*) одно из представлений, а именно спектакль «Власть тьмы» по пьесе Л. Толстого, было дано «...в пользу университета» [27]. Таким образом, следует отметить, что история театрального искусства в Крыму имеет прямое отношение к становлению школы высшего образования на полуострове в лице Таврического университета. Овеянный практически 200-летней историей Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького и сегодня является одной из главных достопримечательностей крымской столицы, а его театральные анонсы на страницах местной (и не

только) периодической печати уже сейчас ложатся в основу новейших научных изысканий благодарных и любознательных потомков. Анализируя данную информацию, есть основания сделать вывод, что период 1917–1920 гг., на наш взгляд, можно выделить в отдельный важный этап театральной истории Крыма. Характеризует его активное участие отечественной интеллигенции в духовной, культурной и образовательной жизни полуострова.

Выводы

Подводя итоги, следует сказать, что о роли и месте театральных анонсов в публикациях крымской и южнороссийской периодической печати XIX – начала XX в. в деле распространения и популяризации театрального искусства на полуострове красноречиво говорит его эволюция начиная с 1821 г. Опираясь на данные театральной рекламы, представляется возможным не только получить информацию о гастрольях, именах актеров и режиссеров, качестве и количестве постановок, но и выделить конкретные этапы театральной истории Крыма в XIX – начале XX в.

Первый, или начальный этап (1821–сезоны 1845–1846 гг.) автор связывает с гастрольными турами по Крыму артистов и трупп из столиц и крупных городов России и Европы. Это можно объяснить отсутствием на полуострове в то время собственных коллективов.

Второй этап (вторая половина сороковых годов XIX – начало XX в., до 1917 г.) отличается активной популяризацией театра, как одного из важнейших видов искусства среди крымчан и приез-

жих. Характерными чертами этого периода являются: резкий рост качественного уровня гастролировавших в Крыму артистов и трупп, появление на полуострове самостоятельных любительских коллективов, участие театральных трупп в деле благотворительности, популяризация в зрительской среде таких ранее неизвестных жанров, как опера, а также массовое открытие в ведущих городах полуострова современных стационарных театральных зданий. Это явилось следствием выраженной в заметках, имевших характер театральных рекламных анонсов, возросшей требовательности к репертуару и исполнительскому уровню трупп и отдельных актеров.

Третий этап становления и развития театрального искусства в Крыму (1917–1920 гг.) связан с историческими событиями всероссийского масштаба (Революции и Гражданская война), которые привели к массовому притоку на полуостров представителей отечественной интеллигенции, активно включившейся в культурно-просветительскую жизнь полуострова и, тем самым, повлиявшей на театральную жизнь края, что явилось собой новым витком в театральной истории Крыма.

Определенный вклад в познание этого процесса вносит изучение материалов театральных анонсов со страниц периодики того времени, которая являлась носителем рекламы и (в пределах своих возможностей) двигателем прогресса в деле распространения и популяризации театра, повышения требовательности как к подбору репертуара, так и к исполнительскому уровню артистов, в той или иной степени способствовала развитию театрального искусства на полуострове.

Список литературы

1. Данилов С. С. Очерки по истории русского драматического театра. М.: Искусство, 1948. 587 с.

2. Кремлев А. Характер и результаты современной русской театральной критики // Русское богатство. 1883. № 9. С. 172–173.
3. Михайленко Г. Нить тянется из глубины (Краеведческий очерк) // Крымская правда. 1979. № 242 (16857).
4. Симферопольский дворянский театр: Краткий очерк. Симферополь // Крым. 1890. №129 (фотооттиск).
5. От городского театра // Крымский вестник. 1890. № 165.
6. Симферопольский театр // Одесский вестник. 1844. № 101.
7. Театр и музыка // Крымский вестник. 1888. № 20.
8. Смесь. Симферопольский театр // Одесский вестник. 1846. № 79.
9. Заметки из Симферополя // Одесский вестник. 1851. № 84.
10. Симферопольский летний театр // Крымский вестник. 1896. № 142.
11. Городской театр // Крымский вестник. 1888. № 20.
12. Симферопольский городской клуб // Крым. 1902. №47.
13. Театр и музыка // Салгир. 1902. № 8.
14. Смесь. Симферопольский театр // Одесский вестник. 1846. № 6.
15. Зимний Дворянский театр // Крым. 1899. № 245.
16. Зимний Дворянский театр // Крым. 1899. № 251.
17. Зимний Дворянский театр // Крым. 1899. № 254.
18. Хроника // Крымский вестник. 1900. № 109.
19. Хроника // Крымский вестник. 1900. № 63.
20. Городской клуб // Крым. 1899. № 276.
21. Нашим городским архитектором... // Крым. 1904. №39.
22. Вход в театр допускается... // Южные ведомости. 1917. – № 38.
23. Падение сборов началось... // Театр и искусство. 1917. № 44–46. С. 763.
24. Щеглов Д. Фаина Раневская: «Судьба-Шлюха. М.: АСТ Астрель, 2010. 223 с.
25. Кудряшов А. А. Театр и искусство // Волна. 1918. № 18.
26. Театр и музыка // Таврический голос. 1920. № 13.
27. В пользу Симферопольского народного университета // Южные ведомости. 1918. № 2.

Поступила в редакцию 06.07.19

Подписана в печать 07.08.19

References

1. Danilov S. S. Ocherki po istorii russkogo dramaticheskogo teatra. Moscow, Iskusstvo, 1948. 587 p.
2. Kremlev A. Kharakter i rezul'taty sovremennoi russkoi teatral'noi kritiki. *Russkoe bogatstvo*, 1883, no. 9, pp. 172–173.
3. Mikhaïlenko G. Nit' tyanetsya iz glubiny (Kraevedcheskii ocherk). *Krymskaya pravda*, 1979, no. 242 (16857).
4. Simferopol'skii dvoryanskii teatr: Kratkii ocherk. Simferopol'. *Krym*, 1890, no. 129 (fotoottisk).
5. Ot gorodskogo teatra. *Krymskii vestnik*, 1890, no. 165.
6. Simferopol'skii teatr. *Odesskii vestnik*, 1844, no. 101.

7. Teatr i muzyka. *Krymskii vestnik*, 1888, no. 20.
8. Smes'. Simferopol'skii teatr. *Odesskii vestnik*, 1846, no. 79.
9. Zametki iz Simferopolya. *Odesskii vestnik*, 1851, no. 84.
10. Simferopol'skii letnii teatr. *Krymskii vestnik*, 1896, no. 142.
11. Gorodskoi teatr. *Krymskii vestnik*, 1888, no. 20.
12. Simferopol'skii gorodskoi klub. *Krym*, 1902, no. 47.
13. Teatr i muzyka. *Salgir*, 1902, no. 8.
14. Smes'. Simferopol'skii teatr. *Odesskii vestnik*, 1846, no. 6.
15. Zimnii Dvoryanskii teatr. *Krym*, 899, no. 245.
16. Zimnii Dvoryanskii teatr. *Krym*, 1899, no. 251.
17. Zimnii Dvoryanskii teatr. *Krym*, 1899, no. 254.
18. Khronika. *Krymskii vestnik*, 1900, no. 109.
19. Khronika. *Krymskii vestnik*, 1900, no. 63.
20. Gorodskoi klub. *Krym*, 1899, no. 276.
21. Nashim gorodskim arkhitektorom... *Krym*, 1904, no. 39.
22. Vkhod v teatr dopuskaetsya... *Yuzhnye vedomosti*, 1917, no. 38.
23. Padenie sborov nachalos'... *Teatr i iskusstvo*, 1917, no. 44–46, pp. 763.
24. Shcheglov D. Faina Ranevskaya: "Sud'ba-Shlyukha". Moscow, AST Astrel' Publ., 2010. 223 p.
25. Kudryashov A. A. Teatr i iskusstvo. *Volna*, 1918, no. 18.
26. Teatr i muzyka. *Tavrisheskii golos*, 1920, no. 13.
27. V pol'zu Simferopol'skogo narodnogo universitet. *Yuzhnye vedomosti*, 1918, no. 2.

Received 06.07.19

Accepted 07.08.19

Информация об авторах / Information about the Authors

Шендрикова Снежанна Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялта ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет» им. В. И. Вернадского», Ялта, Российская Федерация
e-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

Snezhana P. Shendrikova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Local History and Methods of Teaching History Humanitarian Pedagogical Academy, branch of the Crimean Federal Vernadsky University in Yalta, Yalta, Russian Federation
e-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

Цыгане Российской империи (историографический обзор)

В. Н. Шайдуров¹ ✉, П. Н. Алешин²

¹ ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», Российская Федерация, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10

² Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Российская Федерация, 453103, Республика Башкортостан, Стерлитамак, ул. Заводская, 6

✉ e-mail: s-w-n@mail.ru

Резюме

Актуальность. Многонациональный состав населения России порождает научный интерес к истории отдельных этнических групп. В течение XIX – начала XXI века цыгане Российской империи крайне редко становились объектом исследования историков. Необходимо проанализировать содержание опубликованных работ для определения уровня научной разработки отдельных аспектов. Это определяет актуальность настоящей статьи.

Целью данной статьи является обзор истории изучения цыган Российской империи, отраженной в отечественных и зарубежных публикациях XIX – начала XXI века.

Задачей представленной статьи является выявление и характеристика проблем, рассмотренных отечественными и зарубежными специалистами по истории цыган Российской империи.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались как общенаучные, так и специальные методы исторической науки.

Результаты. С 1820-х годов началось изучение истории цыган Российской империи. В течение XIX – первой четверти XX века появились отдельные работы, в которых были представлены некоторые аспекты истории и современного положения цыган в отдельных регионах (Бессарабия, Сибирь). В 1960–1980 годы история цыганского населения России крайне скупо рассматривалась в контексте истории Бессарабии и Новороссии. В начале XXI века введение в оборот новых исторических источников (нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация и пр.) позволило вывести историю изучения цыган Российской империи на новый уровень.

Вывод. В отечественной и зарубежной исторической науке недостаточно внимания уделено изучению истории цыган как в отдельных регионах, так и в России в целом.

Ключевые слова: цыгане; Российская империя; Бессарабия; Сибирь; историография.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шайдуров В. Н., Алешин П. Н. Цыгане Российской империи (историографический обзор) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 259–268.

© Шайдуров В. Н., Алешин П. Н., 2019

Gypsies of the Russian Empire (Historiographical Review)

Vladimir N. Shaidurov¹ ✉, Pavel N. Alyoshin²

¹ Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoe str., Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russian Federation

² Sterlitamak branch of the Bashkir State University, 6, Zavodskaya str., Sterlitamak, 453103, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

✉ e-mail: s-w-n@mail.ru

Abstract

Relevance. The multinational composition of the Russian population generates scientific interest in the history of individual ethnic groups. During the 19th – early 21st century Gypsies of the Russian Empire rarely became the object of study of historians. It is necessary to analyze the content of published works to determine the level of scientific development of certain aspects. This determines the relevance of this article.

The purpose of this article is to review the history of the study of the Gypsies of the Russian Empire, reflected in domestic and foreign publications 19th - early 21st century.

Objectives - identification and characteristics of the problems considered by domestic and foreign experts on the history of the Gypsies of the Russian Empire.

Methodology. In the process of working on the study, both General scientific and special methods of historical science were used.

Results. Since the 1820s, the study of the history of the Gypsies of the Russian Empire began. During the 19th – the first quarter of the 20th century there were some works, which presented some aspects of the history and current situation of the Gypsies in certain regions (Bessarabia, Siberia). In the 1960s-1980s, the history of the Roma population of Russia was very sparingly considered in the context of the history of Bessarabia and Novorossiya. At the beginning of the 21st century. the introduction of new historical sources (legal acts, records, etc.) allowed to bring the history of the study of the Gypsies of the Russian Empire to a new level.

Conclusin. In russian and foreign historical science, insufficient attention is paid to the study of the history of the Gypsies both in individual regions and in Russia as a whole.

Keywords: Gypsies; Russian Empire; Bessarabia; Siberia; historiography.

Conflict of interest: The Authores declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shaidurov V. N., Alyoshin P. N. Gypsies of the Russian Empire (Historiographical Review). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: Hystory and Law*, 2019, 9(4): 259–268.

Введение

В отечественной и зарубежной исторической науке сформировалась традиция изучения некоторых этнических групп Российской империи. Наибольший интерес вызывают евреи, немцы, поляки, финны, эстонцы, китайцы, корейцы. В последнее время стали появляться исследования по истории украинцев и белорусов в Сибири, Центральной Азии и иных регионах. Изученность этнолокальных и этнодисперсных групп крайне неравно-

мерна. Если история российских немцев изучена достаточно подробно (об этом свидетельствуют многочисленные монографии, специализированные сборники статей, кандидатские и докторские диссертации), то это нельзя сказать, например, об истории цыган Российской империи. Тем не менее в течение XIX – начала XXI в. эта тема звучала как в немногочисленных специальных исследованиях, так и в работах общеисторического содержания. В настоящее время в рамках

исторической цыганологии назрела необходимость дать историографический обзор работам, посвященным цыганской истории в России в имперский период.

Методология

Данное историографическое исследование базируется на принципах историзма и системного подхода. Во время работы были использованы как общенаучные, так и специальные исследовательские методы.

Результаты и их обсуждение

В историографии история цыган Российской империи представлена крайне поверхностно и чрезвычайно фрагментарно. История изучения этой этнической группы прошла три этапа: 1) 1820–1920-е гг.; 2) 1960–1991 гг.; 3) с 1992 г. по настоящее время.

В русской дореволюционной историографии следует выделить статью известного юриста И. Н. Даниловича «Историческое и этнографическое известие о цыганах», опубликованную в нескольких выпусках журнала «Северный архив» за 1826 г. [1] Представив обзор истории цыган в Европе, Данилович один из разделов своей статьи посвятил краткому обзору русского законодательства в отношении цыган (с 1784 по 1811 г.). По мнению Даниловича, «законодательство российское будет навсегда знаменито тем, никогда не угнетало цыган преследованием, но с самого начала стремилось к соделанию их полезными государству гражданами» [1, с. 184].

По объективным причинам в центре внимания исследователей на долгое время оказались цыгане Бессарабии. Первые публикации, в которых встречаются упоминания о бессарабских цыганах, появились в середине XIX в. Они были посвящены истории и современному состоянию Бессарабской области. Их авторами были военные и чиновники. Очень многие из них основывались на документах и собственных наблюдениях. Так,

фрагментарные упоминания исторического характера о цыганах региона встречаются в некоторых работах А. Скальковского [2].

Наибольшей популярностью пользуется материал, собранный капитаном А. Защуком [3], который будет активно использоваться в последующее время. Так, автор альманаха «Бессарабия» П. А. Крушеван указал: «Заимствовано с небольшими изменениями из ставшего библиографической редкостью в высшей степени ценного труда А. Защука» [4, с. 193]. Защук не ограничился констатацией факта, что цыгане «кочуют и стоят на самой низкой степени развития, ничем не отличаясь от диких народов» [3, с. 177]. Он привел в динамике некоторые сведения о численности цыган в Бессарабии с момента ее присоединения к России до 1858 г. Большую историческую и этнографическую ценность имеют сведения о жизни цыган. Защук дал описание вотчины Миклешуаны, принадлежавшей Киприанскому монастырю [3, с. 176–177].

Попытка превратить цыган в казаков Дунайского (Новороссийского) казачьего войска представлена в публикации А. Егунова «О цыганах Бессарабии» [5]. Будучи членом Областного статистического комитета, он включил в свою работу достоверные статистические сведения о цыганах Бессарабии на 1857–1858 гг. (Х ревизия). Кроме того, он демонстрирует знание литературы о цыганах, приводя выдержки из только что опубликованной в России книги Рихарда Либиха «Цыганы. Природа и земледелие» (СПб., 1864) [5, с. 112]. Однако далее Егунов на нескольких страницах цитирует своего коллегу по статистическому комитету В. В. Губкина, приводя данные о цыганах Фараоновки и Каира за 1840–50 гг., и в завершение поддерживает тех государственных и общественных деятелей, которые считали, что успешная социализация цыган в России возможна только полицейскими методами.

Уже во второй половине XIX в. современники обратили внимание на цыган, проживавших в некоторых сибирских губерниях. Некоторые материалы были опубликованы в официальных изданиях. Так, небольшая статья историко-этнографического содержания была помещена в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 год». Вероятно, ее автором был сибирский этнограф и публицист К. М. Голодников [6]. Ценность опубликованного материала заключается, в первую очередь, в записях очевидца, который оставил ограниченные описания семейных отношений, быта, цыганской культуры. Известный русский этнограф С. В. Максимов отметил в своей книге «Сибирь и каторга» наличие цыган в Сибири среди сосланных за воровство (конокрадство) [7, с. 231].

Историко-этнографический очерк о цыганах Украины представлен в монографии М. М. Плохинского «Иноземцы в Старой Малороссии». Несомненной заслугой автора является активное использование материалов из Харьковского исторического архива Малороссийской коллегии. Сравнивая положение цыган в Западной Европе и России, Плохинский, как и его предшественники, обратил внимание на отсутствие в российском законодательстве дискриминационных норм и неудачи правительства в его стремлении «слить их с прочими обывателями и сделать из них земледельцев» [8, с. 202–203].

В первые советские годы большевики уделяли большое внимание положению этнических групп и национальных окраин. В 1918 г. Л. С. Берг опубликовал в серии «Родиноведение» свою работу «Бессарабия: страна – люди – хозяйство» [9], в которой уделил несколько страниц цыганам. Однако эта информация носит преимущественно описательный характер и включает в себя сведения о цыганах в 1830–50-е гг. [9, с. 146–147] В 1923 г. Берг издал новую работу под названием «Население Бессарабии. Этнографический состав и численность». В ней автор

использовал ранее опубликованный материал, существенно дополнив его данными о численности цыганского населения на основе Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [10, с. 37–38]

Таким образом, в дореволюционной России цыгане время от времени упоминались в научных и научно-популярных изданиях. Уже в это время некоторые исследователи при изложении истории цыган Российской империи обращались к архивным документам. Однако немногочисленные работы носили сугубо региональный характер. Специфической чертой историографии является неравномерное изучение цыганского населения в России. Анализ немногочисленных библиографических указателей [11] свидетельствует о том, что основное внимание в дореволюционном цыгановедении уделялось его этнографической, лингвистической, культурологической сторонам. Работ же исторического содержания практически не было.

Национальная тема в исторических исследованиях 1930–50-х гг. (за исключением истории титульных наций и народов) в значительной степени была табуирована. Только в 1960-е гг. начали публиковаться первые работы, в которых встречается упоминание о цыганах в разных регионах Российской империи. Существенным отличием второго периода (1960–1991 гг.) стала строгая научность в исследованиях. Авторы немногочисленных работ опирались в своих изысканиях на известные и доступные им опубликованные и архивные документы.

В публикациях общероссийского характера мы встречаем лишь упоминание о том, что «под Москвой и Санкт-Петербургом цыгане появились в XVIII в. <...> Через несколько лет после появления цыган в Центральной России таборы раскинули свои шатры в Архангельской губернии, Сибири и на других окраинах империи, вплоть до Охотского моря» [12, с. 206]. Разумеется, это чрезвычайно

упрощенная схема расселения цыган в Российской империи, и расселение осуществлялось более 100 лет.

В 1960–70-е гг. цыгане Бессарабии оказывались в поле внимания советских историков, что было связано с изучением формирования этнического состава, особенностей экономического и демографического развития Молдавии. Следует выделить исследование Я. С. Гросула и И. Г. Будака «Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861)» [13]. В нем авторы сосредоточили основное внимание на вопросах экономического развития Бессарабии. Опираясь на ранее опубликованные сведения (А. Зашук), они привели неполные данные о численности цыганского населения в Бессарабии [13, с. 62]. Анализируя государственную политику, они акцентировали внимание на том, что крепостное право в Бессарабии было распространено только на цыган, что было связано с особенностями положения Бессарабии как приграничной области [13, с. 38]. Большую ценность имеют сведения о размерах налогов, которые должны были платить цыгане.

Некоторые аспекты истории цыган Бессарабии нашли свое отражение в монографии В. С. Зеленчука «Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы)» [14]. Фрагментарные упоминания о цыганах Новороссии можно встретить в работах В. М. Кабузана [15; 16].

Не имея возможности опубликовать статьи по этнической истории, ученые вынуждены были вести междисциплинарные исследования (историко-этнографические и пр.). Следует отметить статьи В. И. Санарова, опубликованные в советских и зарубежных журналах и посвященные сибирским цыганам. В источниковедческом отношении наиболее ценной является его статья «Сибирские цыгане», в которой автором введены в научный оборот некоторые документы из То-

больского архива и записки иностранных путешественников. На их основании автор определил дату первого упоминания о сибирских цыганах – 1721 г. [17, р. 126]

Конец XX – начало XXI в. характеризуется в российской историографии появлением большого числа исследований по истории отдельных народов, проживавших в Российской империи (украинцев, евреев, немцев, поляков, финнов, эстонцев и др.), как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Казалось, новым словом в историографии должна была стать коллективная монография «История цыган: новый взгляд» [18], в которой одна из глав посвящена России XVII–XX вв. Однако собственно истории в ней практически нет, а содержание представлено преимущественно этнографическими зарисовками и историей цыганской культуры. Вызывает удивление негативная критика опубликованных источников XIX в., авторы которых, как указывается в исследовании, были крайне предвзяты и слабо знали реальное положение вещей и не могли отделить кажущееся от действительного [18]. В то же время источники, которые использовали авторы, – в подавляющей массе публицистические материалы из дореволюционной прессы.

Для этнографов, которые обращаются к истории, главным источником информации являются опубликованные и полевые материалы. В то же время ими игнорируются нарративные архивные исторические источники. Лишний раз это подтверждают некоторые статьи М. В. Смирновой-Сеславинской [19; 20; 21]. Манкирование архивными источниками не позволяет автору полноценно раскрыть тему. Так, обратившись к анализу российского законодательства по цыганскому вопросу, в поле зрения исследователя оказываются только тексты указов, извлеченные из Полного собрания законов Российской империи [22]. Но их изучение позволяет реконструировать лишь видение проблемы и пути ее решения на бумаге. Без

привлечения документов из центральных и региональных архивов невозможно понять процедуру реализации той или иной правовой нормы на практике.

Одной из немногих публикаций, посвященных экономической истории цыган, стала статья В. Н. Шкунова «Цыгане и торговля в Российской империи» [23]. Основываясь на опубликованных источниках (записки путешественников, публицистика), автор в наиболее общих чертах представил проблему расселения цыган по территории Российской империи, увязав ее с их хозяйственными занятиями, среди которых на первое место поставлены торговля и ремесло.

Ценной в научном плане является статья Д. Н. Денисова «Оренбургские цыгане в 60-е годы XVIII – начале XX в.» [24], в которой история цыганского социума представлена, в первую очередь, через анализ законодательных источников и местных архивных документов.

В статье О. В. Ларюшкина впервые поднят вопрос о происхождении и деятельности московских купцов из числа цыган. Автором используются, в первую очередь, опубликованные источники [25]. Привлечение широкого круга архивных документов конца XVIII–XIX в. позволит автору продолжить изучение этой темы.

Ряд статей В. Н. Шайдурова посвящен истории цыган России в XVIII – первой половине XIX в. [26] В центре внимания оказались вопросы, связанные с практикой законотворчества и правоприменения в отношении цыганского населения, с попытками властей заставить цыган отказаться от традиционного (кочевого) образа жизни и превратить их в оседлое население деревень и городов. Впервые приводятся статистические данные о распределении цыганского населения по губерниям Российской империи в конце XVIII – начале XX в.

Англоязычная историография также представлена работами преимущественно лингвистического и этнографического

содержания. Так, в журнале "Journal of the Gypsy Lore Society" была опубликована статья "The Gypsies of Central Russia" [27], в которой автор представил некоторые аспекты повседневной жизни цыган вблизи Смоленска в начале XX в. Очень скудная информация о цыганах представлена в монографии W. Jochelson "Peoples of Asiatic Russia" [28]. О цыганах автор упомянул только применительно к Центральной Азии и Кавказу, указав их приблизительную численность (600 и 2500 человек) [28, p. 114, 151].

Из исследований начала XXI в. нужно отметить монографию D. M. Crowe "A history of the Gypsies of Eastern Europe and Russia", которая была несколько раз переиздана. Для нас представляет интерес та часть работы, которая посвящена истории цыган в Российской империи [29, p. 151–161]. Как и подавляющее большинство исследователей, автор рассмотрел проблему сквозь призму законодательства, ограничившись поверхностным частичным обзором российских законов XVIII – XIX в. Используемые им опубликованные документы не дают полную и объективную картину о жизни цыган в императорской России.

Выводы

Рассмотренные в данной статье работы, как и некоторые другие публикации, можно рассматривать как попытку привлечь интерес научной общественности к цыганской истории в России. Следует согласиться с мнением В. И. Санарова, которое было высказано еще в 1971 г., что «изучение цыган представляет интерес не только в свете исследования этнической истории этого народа, но и с точки зрения общей проблемы взаимоотношений и взаимовлияний бродячих чужеродных групп и местного оседлого населения» [30, с. 67]. Представленные немногочисленные исследования позволяют определить круг источников, который уже введен в научный оборот, и те темы, на ко-

торые авторы обращали внимание. Имеющиеся пробелы в историографии позволяют определить перспективные исследовательские темы: эволюция законодательства в отношении цыганского населения Российской империи в течение XVIII – начала XX в.; динамика цыган-

ских миграций и отношение к ней центральных и местных органов власти, подтвержденная официальными статистическими данными; государственная политика по переводу цыган на оседлый образ жизни; место и роль цыган в экономической жизни регионов России.

Список литературы

1. Данилович И. Историческое и этнографическое исследование о цыганах // Северный архив. 1826. Т. 20, ч. 6. С. 184–208.
2. Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. I: География, этнография и народосчисление Новороссийского края. Одесса: Тип. Нитче, 1850. 366 с.
3. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Бессарабская область / сост. А. Защук. Ч. 1. СПб.: Тип. Генерального Штаба, 1862. 582 с.
4. Бессарабия. Графический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник / под ред. П. А. Крушеван. М.: Тип. А. В. Васильева, 1903. 520 с.
5. Егунов А. О цыганах в Бессарабии // Записки Бессарабского областного статистического Комитета. Т. 1. Кишинев: Тип. Областного правления, 1864. С. 109–123.
6. Голодников К. М. Цыгане // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1884. С. 52–58.
7. Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб.: В. И. Губинский, 1900. 488 с.
8. Плохинский М. М. Иноземцы в Старой Малороссии. Ч. 1: Греки, цыгане, грузины. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1905. 235 с.
9. Берг Л. С. Бессарабия: страна – люди – хозяйство. Пг.: Огни, 1918. 242 с.
10. Берг Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1923. 59 с.
11. Герман А. В. Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 г. до 1930 г. М.: Центроиздат, 1930. 140 с.
12. Владыкин В. Е. Цыгане // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 204–210.
13. Гросул Я., Будак И. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812 – 1861). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. 401 с.
14. Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. 282 с.
15. Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья. (Конец XVIII – первая половина XIX века). Кишинев: Штиинца, 1974. 158 с.
16. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX в. (1719–1858 гг.). М.: Наука, 1976. 306 с.
17. Sanarov V. The Siberian Gypsies // Journal of the Gypsy Lore Society. 3-th Series. 1970. Vol. XLIX. P. 126–136.

18. Бессонов Н., Деметер Н., Кутенков В. История цыган. Новый взгляд. Воронеж: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. 334 с.
19. Смирнова-Сеславинская М. В. Цыгане Западной Сибири и Урала в историко-этнографических источниках и исследованиях XVIII – начала XXI в. // Цыгане в оренбургском социуме. Оренбург: Университет, 2013. С. 22–43.
20. Смирнова-Сеславинская М. В. Формирование цыганского населения России: ранние миграции // Обсерватория культуры. 2015. №1. С. 134–141.
21. Смирнова-Сеславинская М. В. Миграции цыган в южные регионы Российской империи и Крым, формирование общности крымских цыган // Таврический научный обозреватель. 2016. Т. 11, № 16. С. 5–41.
22. Смирнова-Сеславинская М. В. Законодательство и государственная политика Российской империи в отношении цыганского населения // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.8.22213. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22213.
23. Шкунов В. Н. Цыгане и торговля в Российской империи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 10, № 6-1. С. 11–18.
24. Денисов Д. Н. Оренбургские цыгане в 60-е годы XVIII – начале XX века // Цыгане в оренбургском социуме. Оренбург: Университет, 2013. С. 44–49.
25. Ларюшкин О. В. Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII – начале XIX в. // Российская история. 2018. № 4. С. 121–127. DOI: <http://10.31857/S086956870000137-1>.
26. Shaidurov V. N. On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century) // Bylye gody. 2017. Vol. 46, no. 4. P. 1207–1218. DOI: <http://10.13187/bg.2017.4.1207>.
27. de l'Hoste Rankig D. F. The Gypsies of Central Russia // Journal of the Gypsy Lore Society. New Series. 1911. Vol. 4, is. 3. P. 195-216; Is. 4. P. 244–258.
28. Jochelson W. I. Peoples of Asiatic Russia. S. I. : The American museum of natural history, 1928. 277 p.
29. Crowe D. M. A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia. New York: St. Martin's Press 1994. 317 p.
30. Санаров В. И. Проблемы историко-этнографического изучения цыган // Советская этнография. 1971. №3. С. 59–67.

Поступила в редакцию 08.07.19

Подписана в печать 10.08.19

References

1. Danilovich I. Istoricheskoe i etnograficheskoe issledovanie o tsyganakh. *Severnyi arkhiv*, 1826, vol. 20, pt. 6, pp. 184–208.
2. Skal'kovskii A. Opyt statisticheskogo opisaniya Novorossiiskogo kraia. Pt. 1: Geografiya, etnografiya i narodoschislenie Novorossiiskogo kraia. Odessa, Tip. Nitche, 1850. 366 p.
3. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo Shtaba. Bessarabskaya oblast'; ed. by A. Zashchuk. Pt. 1. St. Petersburg, Tip. General'nogo Shtaba, 1862. 582 p.

4. Bessarabiya. Graficheskii, istoricheskii, statisticheskii, ekonomicheskii, etnograficheskii, literaturnyi i spravochnyi sbornik; ed. by P. A. Krushevan. Moscow, Tip. A. V. Vasil'eva, 1903. 520 p.
5. Egunov A. O tsyganakh v Bessarabii. *Zapiski Bessarabskogo oblastnogo statisticheskogo Komiteta*. Vol. 1. Kishinev, Tip. Oblastnogo pravleniya, 1864, pp. 109–123.
6. Golodnikov K. M. Tsygane. *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoi gubernii na 1884 god*. Tobol'sk, Tip. Tobol'skogo gubernskogo pravleniya, 1884, pp. 52–58.
7. Maksimov S. V. Sibir' i katorga. St. Petersburg, V. I. Gubinskii Publ., 1900. 488 p.
8. Plokhinskii M. M. Inozemtsy v Staroi Malorossii. Pt. 1: Greki, tsygame, gruziny. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1905. 235 p.
9. Berg L. S. Bessarabiya: strana – lyudi – khozyaistvo. Petrograd, Ogni Publ., 1918. 242 p.
10. Berg L. S. Naselenie Bessarabii. Etnograficheskii sostav i chislennost'. Petrograd, Ros. gos. akad. tip., 1923. 59 p.
11. German A. V. Bibliografiya o tsyganakh. *Ukazatel' knig i statei s 1780 g. do 1930 g.* Moscow, Tsentroizdat Publ., 1930. 140 p.
12. Vladykin V. E. Tsygane. *Voprosy istorii*, 1969, no. 1, pp.204–210.
13. Grosul Ya., Budak I. Ocherki istorii narodnogo khozyaistva Bessarabii (1812 – 1861). Kishinev, Kartya Moldovenyaske Publ., 1967. 401 p.
14. Zelenchuk V. S. Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ya v XIX v. (Etnicheskie i sotsial'no-demograficheskie protsessy). Kishinev, Shtiintsa Publ., 1979. 282 p.
15. Kabuzan V. M. Narodonaselenie Bessarabskoi oblasti i levoberezhnykh raionov Pridnestrov'ya. (Konets XVIII – pervaya polovina XIX veka). Kishinev, Shtiintsa Publ., 1974. 158 p.
16. Kabuzan V. M. Zaselenie Novorossii (Ekaterinoslavskoi i Khersonskoi gubernii) v XVIII – pervoi polovine XIX v. (1719–1858 gg.). Moscow, Nauka Publ., 1976. 306 p.
17. Sanarov V. The Siberian Gypsies. *Journal of the Gypsy Lore Society*. 3-th Series, 1970, vol. XLIX, pp.126–136.
18. Bessonov N., Demeter N., Kutenkov V. Istoriya tsygan. Novyi vzglyad. Voronezh, Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 2000. 334 p.
19. Smirnova-Seslavinskaya M. V. Tsygane Zapadnoi Sibiri i Urala v istoriko-etnograficheskikh istochnikakh i issledovaniyakh XVIII – nachala XXI v. *Tsygane v orenburgskom sotsiуме*. Orenburg, Universitet Publ., 2013, pp. 22–43.
20. Smirnova-Seslavinskaya M. V. Formirovanie tsyganskogo naseleniya Rossii: rannie migratsii. *Observatoriya kul'tury*, 2015, no. 1, pp. 134–141.
21. Smirnova-Seslavinskaya M. V. Migratsii tsygan v yuzhnye regiony Rossiiskoi imperii i Krym, formirovanie obshchnosti krymskikh tsygan. *Tavricheskii nauchnyi obozrevatel'*, 2016, vol. 11, no. 16, pp. 5–41.
22. Smirnova-Seslavinskaya M. V. Zakonodatel'stvo i gosudarstvennaya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii tsyganskogo naseleniya. *Genesis: Istoricheskie issledovaniya*, 2017, no. 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.8.22213. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22213.
23. Shkunov V. N. Tsygane i trgovlya v Rossiiskoi imperii. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2010, vol. 10, no. 6-1, pp. 11–18.
24. Denisov D. N. Orenburgskie tsygame v 60-e gody XVIII – nachale XX veka. *Tsygane v orenburgskom sotsiуме*. Orenburg, Universitet Publ., 2013, pp. 44–49.

25. Laryushkin O. V. Moskovskie kupty tsyganskogo proiskhozhdeniya v kontse XVIII – nachale XIX v. *Rossiiskaya istoriya*, 2018, no. 4, pp. 121–127. DOI: <http://10.31857/S086956870000137-1>.
26. Shaidurov V. N. On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Bylye gody*, 2017, vol. 46, no. 4, pp. 121–128. DOI: <http://10.13187/bg.2017.4.1207>.
27. de l'Hoste Rankikg D. F. The Gypsies of Central Russia. *Journal of the Gypsy Lore Society*. New Series, 1911, vol. 4, is. 3, pp. 195–216; is. 4, pp. 244–258.
28. Jochelson W. I. Peoples of Asiatic Russia. New York, The American museum of natural history, 1928. 277 p.
29. Crowe D. M. A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia. New York, St. Martin's Press 1994. 317 p.
30. Sanarov V. I. Problemy istoriko-etnograficheskogo izucheniya tsygan. *Sovetskaya etnografiya*, 1971, no. 3, pp. 59–67.

Received 08.07.19

Accepted 10.08.19

Информация об авторах / Information about the authors

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация
e-mail: s-w-n@mail.ru
ORCID 0000-0002-1431-1163

Vladimir N. Shaidurov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation
e-mail: ivanov@mail.ru
ORCID 0000-0002-1431-1163

Алешин Павел Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Стерлитамак, Российская Федерация
e-mail: p.n.aleshin@gmail.com
ORCID 0000-0002-0211-6088

Pavel N. Alyoshin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Sterlitamak branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russian Federation
e-mail: p.n.aleshin@gmail.com
ORCID 0000-0002-0211-6088

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны-2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>